

ТЕЛЕСКОПЪ

ЖУРНАЛЪ

СОВРЕМЕННОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ НАДЕЖДИНЫМЪ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Che chi ha i duo occhi, il veda!

ALFIERI.

МОСКВА

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЛАЗАРЕВЫХЪ
ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ

1831

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ пѣмъ, чшобы по оппечашаніи представлены были
въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, 2
Августа 1831 года.

Цензоръ Сергій Аксаковъ.

ТЕЛЕСКОПЪ.

I.

ХРИСТИАНСКОЕ КРАСНОРЪЧІЕ ВЪ IV ВѢКѢ.

изъ

ВІЛЬМЕНЯ.

Четвертое столѣтіе естъ великая эпоха Первобытной Церкви и золотой вѣкъ Христианской Императюры. Въ сіе время Церковь получила рѣшишельное образованіе въ гражданскомъ сосавѣ и сдѣлалась сама общеспвенною властію. Тогда, въ наукахъ и краснорѣчіи возникли, посреди ея, высокіе и блистательные геніи, нашедшіе себѣ соревнователей только въ XVIII столѣтіи, между духовными ораторами Франци. И дѣйствительно сколько краснорѣчивыхъ випій наполняютъ промежутокъ отъ Св. Анасія до Св. Августина! Какое чудесное движеніе ума во всей Римской Имперіи! Какіе великіе таланты, испощившіеся въ миспическихъ преніяхъ! Какая власть надъ мнѣніемъ людей! Какое непостижимое измѣненіе цѣлаго общесства при гласѣ религіи, которая отъ капакомъ

внезапно переходить на пресполь Кесарей, овладѣваетъ мечемъ, припупленнымъ надъ главами мучениковъ, и если не пересшаетъ обагряться кровію, то уже по причинѣ собспвенныхъ своихъ раздоровъ!

Въ наши новѣйшія времена, и особенно въ XVII спольшіи, Хриспїанспво, въ нѣкопоромъ опношеніи, было вспомоцеспвуемо гражданскою образованноспію. Оно очицалось вмѣспѣ съ сею послѣднею и блиспало одинаковою славою съ искусстввами. Духовные орапоры XVII вѣка были поддерживаемы и одушевляемы всѣми окружающими ихъ геніями. Въ языкѣ ихъ опражался шощъ же самый блескъ великолѣпнн и ушонченности, коимъ упрекали они дворъ Лудовика XIV. Симъ блескомъ сами они были поражаемы и имъ укращались. Хошя Боссюэщъ и превосходилъ всѣхъ величіемъ своимъ и энпузіазмомъ, мы видимъ однако, что онъ напипанъ былъ шѣми же мыслями, какъ его современники, и самъ принадлежалъ къ счаспливому обилию своего времени.

Напротивъ шого, въ IV вѣкѣ, высокое превосходспво Хриспїанскаго Краснорѣчнн, кажелся, возраспаешъ и возвыщается по мѣрѣ общаго паденнн. Среди самаго постыднаго уничиженнн умовъ и силы, въ Импернн, управляемой евнухами и едва не поглощенной

набѣгами варваровъ, Аванасіи, Злапоусты, Амвросіи, Августины, проповѣдуящъ чиспѣйшую нравспвенность и вмѣспѣ съ шѣмъ поражающъ самымъ высокимъ краснорѣчіемъ. Одинъ ихъ геній возвышаеітся непоколебимо въ клонящейся къ паденію Имперіи. Они кажутся основашелями посреди сихъ развалинъ: и дѣйспвительно были они зодчими сего великаго религіознаго зданія, копорое долженспвовало заспуиить мѣсто Римской Имперіи.

Кажется, весьма занимашельно былобъ собрать вмѣспѣ нѣкопорыя черпы генія сихъ мужей, подвергнувъ философическому и нравспвенному изслѣдованію то, что доселѣ было только предметомъ обожанія или ироніи. Въ особенності, любопышно бѣ было повѣришь сихъ мужей съ духомъ времени, поставивъ ихъ посреди идей и спраспей IV спольпія; между шѣмъ какъ въ лѣтописяхъ церковныхъ представляюща они намъ не иначе, какъ беспспраспными памятниками преданія, поспоянно однообразнаго.

Чипая сіи повѣспвованія, иной подумаетъ, что, въ IV вѣкѣ, порядокъ духовный и граждаскій былъ шакже правильно образованъ, какъ во времена Лудовика XIV, что люди жили всегда одинаково, что мученикъ первыхъ вѣковъ имѣлъ сходспво съ новѣйшимъ придвор-

нымъ Епископомъ. Но, въ самомъ дѣлѣ, какое различіе между сими эпохами! Сколько каршинъ новыхъ и необыкновенныхъ могутъ предсавишься при безприсраспномъ взглядѣ на сіи времена древности! Я сполько же разумью здѣсь безприсраспіе воображенія, какъ и сужденія, соспоащее въ спомъ, чшобы при изслѣдованіи истины въ событіяхъ, повѣспвоаніе оныхъ не опшѣнялось красками, принадлежащими другой эпохъ.

Часпо, посвящая продолжипельныя бдѣнія разбору сихъ огромныхъ сочиненій, заключающихъ въ себѣ ученіе и краснорѣчіе первыхъ вѣковъ Хриспіанства, я думалъ, чшо пробѣгаю испорическія записки о величайшемъ переворотѣ когда либо бывшемъ въ мірѣ. Какъ читатель свѣпскій, спарался и опыскивашъ въ сихъ богословскихъ бібліопекахъ нравы и духъ народовъ. Живое воображеніе хриспіанскихъ орапоровъ, ихъ борьба между собою, ихъ энпузіазмъ—возбуждали въ умѣ моемъ мірѣ, уже не сущеспвующій, изображение котораго передали они намъ слогомъ всегда спраспнымъ и дѣйсспвующимъ едва ли не вѣрнѣе, чѣмъ сама испорія. Предметы, самые опвлеченные, олицеспворялись жаромъ преній и испиною слога. Все казалось занимательнымъ пошому, чшо о всемъ разсуждали съ искренностію. Великія

добродѣтели, пламенное убѣжденіе, характеры испинно оригинальные, одушевляли каршину сего чрезвычайнаго вѣка, споль спрасшнаго къ Метифизикѣ и Богословію, въ которомъ чудесное и непоспижимое нашло мѣсто въ порядкѣ спспешвенномъ и въ дѣйспвительности.

По законамъ постоянной и всегда занимающейся пропивоположности, къ сей жизни мечпательной и совершенно идеальной примѣшались обспояшельсва жизни обыкновенной: спраспи и пороки, свойспвенные нашей природѣ. Различіе просвѣщенія и самыхъ народовъ, прежде сближаемыхъ между собою всемірною религіею, еще болѣе умпожало не-обыкновенное разнообразіе сей эпохи. Хрисианство дѣйспвовало не одинакимъ образомъ оно было принято въ различныхъ спепеняхъ у народовъ, равно согбенныхъ подъ игомъ Римлянъ, но разспшующихъ между собою и происхожденіемъ и нравами и климатомъ. Первобытныи характеръ сихъ народовъ снова проявлялся, увлекаемый религіознымъ энпузіазмомъ, коториимъ освобождалъ ихъ отъ узъ свѣща. Сиріянинъ, Грекъ, Африканецъ, Римлянинъ, Галль, Испанецъ, каждый, въ Хрисианствѣ своемъ, обнаруживалъ оппѣнки своего народнаго характера; и часто ереси,

погда споль многочисленныя, были болѣе національными, нежели богословскими.

Писанія Церковныхъ Опцевъ представляющъ намъ вѣрное изображеніе всѣхъ сихъ измѣненій. Между богословскими преніями и паинспвенными опвлеченноспями, какъ бы нечаянно, вспрѣчаемъ мы въ нихъ всѣ подробности исторіи народовъ, весь ходъ продолжительнаго нравспвеннаго переворопа, паденіе и упорспво прежнихъ обычаевъ, вліяніе изящныхъ искусствъ, способспвующее продолженію вліянія язычеспа, новую вѣру, возникающую сначала въ проспомъ народѣ, и также равно поддерживаемую просвѣщеніемъ и випійспвомъ; видимъ орашоровъ, заспулающихъ мѣспа Апосполовъ, и наконецъ хрисианспво, основывающее среди древняго міра вѣкъ образованности, копорый хопя и кажется опдѣльнымъ опъ Римской Имперіи, но исчезаетъ вмѣспѣ съ ея паденіемъ.

Тамъ являея геній Греціи, споль долгое время угнепаемый игомъ Римлянъ; но, оживленный ревностію вѣры, онъ спремился къ обращенію міра, вмѣспо того чпобы суепнымъ краснорѣчіемъ забавлять своихъ повелищелей. Геній сей, въ одно и поже время, пробуждается во всѣхъ концахъ Восточной Имперіи, озаряетъ свѣспомъ спрану своего рожденія, Египеть, Кириною и въ особен-

носпи Азіійскую Грецію, уже болѣе несущесівующую, но нѣкогда споль знаменипую своими богапспвами и великолѣпїемъ.

Въ ІV вѣкѣ Аѳины были еще городомъ наукъ и художеспвъ. Все любознашельное юношеспво Европы и Азіи спекалось въ сей городъ, наполненный памяшниками и школами. Аѳины были населены энпузіаспами первыхъ временъ, копорые, съ равною жадноспїю къ наукамъ и чудесному, желали все проникнуть, все посшигнушь: искали испины съ какимъ по безпокойнымъ проспосердечїемъ, защищали съ фанатизмомъ. Юношеспво Аѳинское слѣдовало за ~~каждымъ~~ движенїемъ своихъ учипелей а) и принимало учаспїе въ ихъ поржеспвахъ, съ шюю же горячноспїю, съ шѣмъ же пылкимъ волненїемъ спраспей, копорыя нѣкогда пошрясали внимашельную шолпу, окружавшую поприще респанїй.

Сїе юношеспво, равно спраспное къ забавамъ и ученїю, оглашало городъ своими играми, праздноя оными вступленїе новыхъ соучениковъ, и посвящало многїе часы дня урокамъ академическимъ. Въ одно время, Аѳины вмѣщали въ себѣ и храмы хриеспїанъ и кумиры язичниковъ. Многобожіе сохранялось въ нихъ подѣ покровишельспвомъ художеспвъ.

а) Gregorii Nazianzeni opera, T. I. advers. Julian.

Защипники обѣихъ религій, не вѣдая еще будущаго своего назначенія, посѣщали однѣ и тѣ же школы. Кто сіи два, неразлучные между собою, юноши, споль кропкіе и вмѣстѣ споль важные, заслужившіе удивленіе своихъ поварищей, коихъ забавъ они удалялись? Среди всѣхъ обольщеній Аѳинъ, они не знаютъ другаго пупи, кромѣ ведущаго въ школу или въ храмъ христіанскій. Кто они? Григорій Назіанзинъ и другъ его. Объ нихъ говоришь вся Греція. Они опличаются успѣхами въ наукахъ и свѣтскомъ краснорѣчіи.

Часто въ молчаніи проходятъ мимо ихъ другой юноша. Походка его быстра и неpravильна, фізіономія выразишельна, улыбка изображаетъ презрѣніе, взоръ бѣглый, огненный, волосы кудрями падаютъ на шею, нѣсколько склоненную. Онъ носитъ мантію философовъ; но полна, слѣдующая за нимъ, заспавляетъ угадывать знаменіи споль его рода и въ ней причину испытываемаго имъ гоненія. То Юліанъ, братъ одного изъ Кесарей. Въ намѣреніи уничтожитъ опасенія и обезоружитъ ненависть къ себѣ Императора Констанція, онъ прибылъ въ Аѳины, чтобы получить образованіе въ семъ свѣтилищѣ просвѣщенія. Юліана почитаютъ христіаниномъ. Констанцій принудилъ даже его принять званіе члена церковнаго. Но Греки, преданные еще

древней религіи, полагающъ надежды свои на любовь его къ Омиру. Всѣ прославляющъ его разумъ, его спраспъ къ наукамъ и ожидающъ великихъ подвиговъ опъ его дарованій, сана и юноспи, чудеснымъ случаемъ спасенной опъ жестокоспи Конспанція.

Въ Азіи являешся намъ Аншіохія, съ ея христіанскими храмами и языческими пещрами. Въ семъ городѣ смѣшеніе предметовъ, пишущихъ воображеніе, и изнѣженноспъ равно благопріятствувешъ и спрогоспямъ опщельнической жизни и удовольспвіямъ. Здѣсь послѣдовашили новой вѣры въ первый разъ получили имя христіанъ а), спущя два спольція послѣ того распроспранившееся по всѣмъ концамъ вселенной. Здѣсь Ливаній язычникъ, изъ любви къ Омиру, опкрылъ школу, кошорую посѣщаль Злапоспъ. Здѣсь Юліанъ, сдѣлавшись повелителемъ Имперіи, и непресшавая быспъ софиспомъ, писалъ саширическія сочиненія на христіанъ, своихъ подданныхъ.

Аншіохія лежищъ на берегу рѣки Оронша, въ восхищительной долинь, окруженной дикими горами, на коихъ разсѣяно множество пущынножищелей. Городъ сей, всѣмъ пожертвовавъ Христіанспву, сохранилъ полько свой циркъ и пещпръ; но игры кровопролищ-

а) Sancti Augustini opera, T. I.

ныя изгнаны изъ Антиохіи. Мирные обитатели ея проводятъ время въ празднествахъ и ночныхъ пиршествахъ, въ ученыхъ собраніяхъ и веселыхъ обществвахъ. Несогласіе сектъ никогда не бывало тамъ причиною междуусобныхъ распрей. Сектаторы преслѣдовали другъ друга одними насмѣшками.

Ливаній спокойно пишетъ похвальное слово Юліану; послѣ его смерти, и на развалинахъ многобожія; но полпа спремился по стопамъ юнаго и краснорѣчиваго Златоуста. Храмъ оглашается рукоплесканіями а), невольно возбужденными его проповѣдію. За нимъ слѣдуютъ въ села и къ преддверіямъ града; обширные шапры разспавляются на открытыхъ мѣстахъ, дабы защититъ отъ солнечнаго зноя многочисленныхъ слушателей; восхищенныхъ очаровательными красками его вѣщанья.

Такова жизнь Азійскихъ Грековъ, сдѣлавшихся подданными Рима и христіанами, но почти не измѣнившихъ въ нравахъ своихъ и обычаяхъ, и сохранившихъ еще духъ народный.

Тамъ, въ сочиненіяхъ Св. Аѳанасія, является Александрія столько шумною и бурною, сколько Антиохія представляется намъ мир-

а) Sancti Chrysostomi opera, T. II.

ною. Александрія есть средоточіе всемірной торговли а) и колыбель всѣхъ сектъ. Въ одно время, городъ сей населенъ обитателями, спрасными и къ созерцательной жизни и къ дѣятельной промышленности. Близъ обсерваторіи, основанной Птоломеями, подлѣ безпреспанно увеличивающейся библіотеки, находилась безчисленное множество спановъ ремесленныхъ. Никто не казался празднымъ, исключая философовъ. Ежедневно покупъ льняныя полотна, выдѣлывающъ бумагу, покупъ стекло, покупаюъ малахиты. Даже слѣпыя заняты работою. Въ сей полѣ жителей, чужестранцевъ, путешественниковъ, безнаказанно скрываются всѣ различныя мнѣнія и секты, всѣ спранные обычаи и ученія. Никогда Христіанство не подвергалось гоненіямъ въ Александріи. Смѣлое многочисленное ея народонаселеніе заспавляло пренебрегать Римскихъ правилей.

Нѣтъ города, въ коемъ бы больше было волненія и въ коемъ бы, въ то же время, болѣе занимались науками. Нравы жителей имѣютъ нехорошую свирѣпость. Руки ихъ часто обгряются кровію. Они оружіемъ оспариваютъ владѣніе храма и сражаются за Архіепископское достоинство. Вліяніе сего сана на народъ весьма значительно. Торговля

а) S. Athanasii opera, T. I.

Александріи снабжала хлѣбомъ Римъ и Италію; и когда враги Св. Аѳанасія искали его погибели у Императора; но съ нѣкопорымъ правдоподобіемъ донесли на него, что онъ имѣлъ намѣреніе произвешъ голодъ въ Римъ, удержавъ вліяніемъ своимъ отправленіе кораблей изъ Египша.

Еще разипельнѣе изображены знаменипыми випіями IV сполѣпія Конспанпинополь съ его нравами и великолѣпіемъ и дворъ Императорскій со всѣми его пороками. Въ сей споллицѣ міра и религіи сіяли на пресполь Свяпишельскомъ Григорій Назіанзинъ и Іоаннь Злапоустъ; но памъ же и средопочіе расколовъ, избръпченныхъ упонченными умами Александріи и философіею Грековъ. Туда спекающа послѣдовашели различныхъ секщъ, въ намѣреніи воспользовашься оными при Дворѣ, преклонивъ на свою спорону какого либо царедворца или евнуха. Тамъ по, во всей нагопѣ своей, опкрываеппя унизишельная слабость Воспочной Имперіи, своенравный деспопизмъ Греческихъ Императоровъ, пронырспва царедворцевъ, испорченность великаго, съ излишнею поспѣшностью основанаго города, не Греческаго и не Римскаго, копорый могъ скорѣ назвашься колоніею, нежели споллицею. Но ничпо, въ памяшникахъ, празднеспвахъ и обычаяхъ Конспан-

нинополя, не напоминаешъ намъ о древней религіи. Существованіе сего города принадлежишъ одной эпохѣ съ Христіанствомъ.

Въ Римѣ, напрошивъ, Христіанство одержало побѣду несовершенную. Обѣ религіи, оба общества, прошешес и будущее, представляющія вмѣстѣ и во враждебныхъ между собою отношеніяхъ. Храмы, цирки, театры, самыя даже улицы Рима, наполнены языческими памятниками, поддерживающъ религиозную ревность нѣкоторой части жителей. Въ особенності многія семейства паприціевъ привержены были къ язычеству: сколько же, сколько и къ славу своихъ предковъ. Народъ полнился въ христіанскихъ церквахъ и у гробовъ мучениковъ. Рабы, бѣдные принимали новый законъ, въ копоромъ находили себѣ и помощь и утѣшеніе; но священнослужители уже обвиняемы были въ порокахъ, а Епископы въ пышности и великолѣтіи. Въ половинѣ IV столѣтія, обладаніе святишельскимъ престоломъ въ Римѣ было причиною кровопролитной бисшвы. Язычники съ радостію взирали на сіи постыдныя распри а), и, въ посмѣяніе, сравнивали оныя съ проспоною и кропостію нѣкоторыхъ обласпныхъ Испаліанскихъ Епископовъ, коимъ они съ удоволь-

а) Ammiani Marcellini, Lib XXVII.

спивіемъ опдавали справедливоспъ въ сихъ добродѣпеляхъ. Замѣпипъ должно, что, во все продолженіе IV вѣка, Римская Церковь не произвела ни одного знаменипато писапеля, ни одного випип, подобнаго шѣмъ, кои возникли въ Африкѣ, Греціи и Азіи; но, вмѣспопого, упопробляда веѣ усилія къ распроспраненію вліянія своего и господспва надъ Церквами: Африканскою, Галлійскою и Иверійскою.

Римская Церковь спремьясь болѣе къ пріобрѣпенію власпи надъ людьми, чѣмъ къ слаѣ випійспва и ученоспи, спаралась сдѣлапья посредницею и судіею въ непреспаннхъ раздорахъ, возбуждаемхъ софиспическимъ умомъ Грековъ. Она проспирала обяпипя свои учипелямъ Воспока, гонимымъ за богословскія ихъ мнѣнія, и привязывала ихъ къ себѣ, давая имъ убѣжище. Ни одна почпи секта не возникала въ Римской Церкви. Духъ ея, въ семъ опношеніи, совершенно былъ различенъ опъ духа Церкви Греческой. Первая поспоянно сохраняла древнія формы, болѣе пропивилась нововведеніямъ, спрашилась сполько же всякаго измѣненія, какъ и ереси, и, не равняясь въ слаѣ съ Церковью Воспочною, необходимо долженспвовала, со временемъ, пріобрѣспъ надъ нею верхъ своею свѣпскою мудроспю и поспоянспвомъ.

Геній Греціи, болѣе свободный и, опъ времени завоеваній Александра Великаго, болѣе Воспочный, нежели Европейскій; и въ Христианствѣ своемъ, ознаменованъ былъ печальною опвлеченностью и аллегоріи. Египеть и Малая Азія были для него поприщемъ. Тысячи сектъ и спранныхъ ученій порождены были шамъ суевѣрнымъ воображеніемъ жипелей. Римляне, или, лучше сказаць, народы, говорившіе Латинскимъ языкомъ, не имѣли сполько учености и воображенія. Предъ Греками Александрии были они невѣжеспивенными Бого-словами; но были умѣренны и скромны въ своихъ мнѣніяхъ. Они не ввррались шой упоп-ченной Метамфизикъ, копорую обипапели Востока примѣшивали къ догматамъ вѣры; и сіе взаимное другъ къ другу опвращеніе, бывшее причиною послѣдовавшаго за шѣмъ, чрезъ нѣсколько спольшій, раздѣленія Церквей возникло еще въ первыя времена Христианства. Казалось бы, должно было находить слѣды сего несогласія въ памяшникахъ вишійства обѣихъ липшературъ; но совершенно шочная параллель оныхъ не можетъ быць предспавлена. Не шолько Воспочная Церковь имѣла неоспоримое превосходство въ красно-рѣчи и воббраженіи; но, между писателями Латинской Церкви, всѣ шѣ, кои блиспали чрезвычайнымъ свѣшомъ, кажутся, принад-

лежатъ Воспоку. И дѣйствительно ; одни изъ нихъ жили въ Сиріи, Египтѣ, вдыхали энтузіазмъ на берегахъ Иордана ; другіе, рожденные подъ знойнымъ небомъ Африки, уже по мѣсту рожденія своего, были болѣе Воспачными, нежели Римскими писателями. Языкъ Латинскій, въ сочиненіяхъ ихъ, совершенно измѣнялся и принималъ нѣкопоруую пѣнь высокой, но варварской неправильности.

Въ эпоху опношенія, нововведенія ихъ были несравненно важнѣе, чѣмъ нововведенія Грековъ. Опцы Римской церкви образовали, на западѣ, эпоху совершенно новую, и менѣе сходную съ прошедшимъ. Означить сіи различныя характеры, съ помощію исторіи и сочиненій великихъ мужей, копорые, на Воспокъ и Западѣ, содѣлали IV спольпне эпохою, споль dospoпримѣчательною въ лѣпописяхъ Религіи и Просвѣщенія—былобъ весьма любопытно и поучительно а).

-
- а) Спашья сія еспь отрывокъ изъ цѣлаго сочиненія *Вильмена*, находящагося въ его *Nouveaux Mélanges historiques et littéraires* (1827), копорое все вполне переведено и будетъ напечатано, вмѣсно предисловія, къ новому переводу *избранныхъ млытъ изъ Св. Иоанна Златоуста*, издаваемому переводчикомъ, извѣстнымъ *В. И. Оболенскимъ*, въ пользу вдовъ и сиротъ духовнаго званія. *Изд.*

II.

СЦЕНЫ ИЗЪ ТРАГЕДІИ В. ГУГО :

ГЕРНАНИ.

ДѢЙСТВІЕ II. ЯВЛЕНІЕ III.

ДОНА СОЛЬ, ДОНЪ КАРЛОСЪ, ГЕРНАНИ.

ГЕРНАНИ.

И вы осмѣлились къ ней прикоснуться?
 О! Господинъ Король Каспильскій! это
 Васъ недоспойно, низко . . .

донъ карлосъ, (улыбаясь съ презрѣніемъ).

Не тебѣ

Упреки дѣлашь, господинъ разбойникъ!

ГЕРНАНИ.

Смѣешься онъ!... я не Король, но если
 Меня Король обидишь—если онъ
 Смѣешься надо мной,—осперегись!
 Обидчикамъ мой спрашенъ гнѣвъ; ужаснѣй
 Для нихъ мой мечъ, чѣмъ скипетръ Королевскій!

(схватываетъ его за руку).

Ты знаешь ли, пвою кто держишь руку?
 Внимай: опецъ пвой—моего убійца. . .
 Ты ненависпенъ мнѣ! Ты завладѣлъ
 Моими пиплами, имѣніемъ, всѣмъ благомъ —
 Ты ненависпенъ мнѣ. Мы любимъ —
 Одну мы оба любимъ—ненависпенъ,
 Ты ненависпенъ мнѣ! въ душѣ
 Тебя я ненавижу!

донъ карлосъ

Господинъ. . . .

ГЕРНАНИ.

Сегодня же—вся ненависть оспыла!
 Ее искалъ я зполько и нашель! . . .
 Кого?.. Карлось, шы мнѣ разставиль съши—
 Самъ въ нихъ попалъ, и помощи не жди!
 Изъ рукъ моихъ ни бѣгство, ни друзья
 Ужь не спасушь; и окруженный
 Толпой враговъ, шы что теперь предпримешь?
 донъ карлось (гордо).

Гернани предлагаепъ мнѣ вопросы!

ГЕРНАНИ.

Но не хочу я, чпобъ рука убійцы
 Безвѣснаго шебя сразила; нѣпъ!
 Я меспью самъ алкаю насладиться,
 Такъ защищайся жь! (вынимаетъ шпагу)

донъ карлось.

Я Король швой!

Рази!—но нѣпъ межъ нами поединка!

ГЕРНАНИ.

Ты вспомни, чпо еще вчера съ моимъ
 Твой мечъ сходился.

донъ карлось.

Да—вчера не зналъ я

Тебя, шы моего не въдалъ сана;
 Теперь, кпо я—тебѣ знаешь; другъ любезный,
 И мнѣ швое равно извѣстно званье!

ГЕРНАНИ.

Быпъ можетъ.

КАРЛОСЬ.

Чпюжь? рази! но между нами
 Единоборства быпъ не можетъ!

ГЕРНАНИ.

Развѣ

Ты думаешь, что есть для насъ святое?
Напрасно, защищайся!

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Убивай!

(Гернани опступаетъ. Донъ Карлосъ успрямляетъ на него орлиныя взоры).

Презрѣнные! Вы смѣете мечпашь,
Что во владѣніяхъ моихъ безъ казни
Вамъ можно жечь и кровью обагряться,
И послѣ славиться своимъ великодушьемъ!
Вы думашь смѣли, что кинжалы ваши,
Мы шпагою своею облагородимъ!
Намъ съ-вами бились! прочь! иль умерщвляйте!

(Гернани, мрачный и задумчивый, попрыскаетъ нѣсколько минушь своей шпагой, потомъ вдругъ обращается къ Королю и бросаетъ ее оупь себя. Король глядитъ на него съ презрѣніемъ).

ГЕРНАНИ.

Съ побой сойшись найду удобнѣй случай,
Теперь идиши ты можешь.

дона соль, (съ радостію бросаясь къ нему).

Мой Гернани!

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Я въ Королевскіе черпоги возвращаюсь
И первымъ долгомъ, вѣрь мнѣ, будешь
Узнать, оцѣнена ль глава твоя!

ГЕРНАНИ.

Давно!

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Съ сего часа я объявляю
Тебя мяпежникомъ, злодѣемъ—и повѣрь,
Ничто тебя опъ мспипеля не скроешь,
И для тебя нѣтъ мѣста въ Королевствѣ!

ГЕРМАНИ.

Но не въ Испаніи одной укрыться можно!

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Я скоро буду Цезаремъ Германскимъ,
И изгонию тебя изъ областей Имперскихъ.

ГЕРМАНИ.

Въ швоей по волю; но—если въ мѣрѣ шраны,
Гдѣ власть швоя ничпожна, шамъ я буду
Со мщеніемъ швоимъ бороться.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Если жъ мѣрѣ

Весь будешь мой!

ГЕРМАНИ.

Оспанется могила!

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Я замыслы швои, повѣрь, разрушу.

ГЕРМАНИ.

Месць медленно приходишь, но поспигнешь...

ДОНЪ КАРЛОСЪ (смѣясь съ презрѣніемъ).

Красавицу, въ копорую влюбленъ
Разбойникъ сей!

ГЕРНАНИ, (съ сверкающими глазами)

Не раздражай меня!
 Не вспоминай, грядущій Цезарь Римскій,
 Чшо ны въ моихъ рукахъ, ничпожный, слабый,
 Чшо опъ меня зависипъ задавилъ
 Въ зародышъ Имперскаго орла!

донъ карлосъ.

Рази!

ГЕРНАНИ.

Скорый оставь насъ;
 (снимаетъ плащъ и бросаетъ его на плеча Королю).

Вопъ мой плащъ,
 Въ полпъ моихъ онъ зацщипъ тебя.

(Король завертывается въ плащъ).

Теперь ны безопасенъ. Для себя,
 Для меспи я храшу свою главу.

донъ карлосъ.

Такъ говорипъ со мной дерзнувшій, знай—
 Опшныи пѣпъ тебѣ опъ насъ пощады.

(уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ДОНА СОЛЬ, ГЕРНАНИ.

ДОНА СОЛЬ, (взявъ за руку Гернани).

Теперь бѣжимъ скорѣе!

ГЕРНАНИ, (пыхо отпалкиваетъ).

Милый другъ,
 Ты бѣдспвія мои вполнѣ узнала,
 И не колеблешся, и до конца

Сопуиспивоуать мнѣ хочешь. Подвигъ ,
 Достойный сердца вѣрнаго! Но, Боже ,
 Ты зришь, могу ль увлечь ее съ собой
 Я хладнокровно! Нѣтъ, прошло то время ,
 И слишкомъ близко эшафонъ !

ДОНА СОЛЬ.

Гернани !

Что ты сказалъ ?

ГЕРНАНИ.

Король мной оскорбленъ!

И скоро мечь его меня постигнетъ ,
 За то, что смѣлъ помиловать его !
 Быть можеть, онъ въ своемъ дворцѣ сзываетъ
 Теперь рабовъ своихъ, вельможей, спражу ,
 Придворныхъ, палачей. . . .

ДОНА СОЛЬ.

Я прспецу ;

Скорѣ удалимся, мой Гернани !

ГЕРНАНИ.

Съ тобою вмѣстѣ? нѣтъ—прошло то время !
 Когда тебя благое Провидѣнье ,
 Какъ Ангела цѣлителя, послало
 Уврачевать души моей недуги ,
 Я, нѣжною любовью ободренный,
 Могъ предложить тебѣ мои лѣса ,
 И горы, и попокъ; могъ раздѣлить
 Съ тобой мой хлѣбъ, мой одръ зеленый; но
 Мнѣ раздѣлить съ тобою эшафонъ !
 Нѣтъ, Дона Соль! онъ мой, онъ весь мой !

ДОНА СОЛЬ.

Но ты самъ

Со мною раздѣлишь его далѣ слово !

ГЕРНАНИ.

Другъ!

Изгнанникъ я; волнуемый поскою,
 Опъ колыбели радости не зналъ;
 Моя минуша наступила; скоро
 Наспанешъ горесянной судьбы развязка
 Грозная; но ты меня любила,
 Ты мнѣ призналась въ томъ, и скорбное чело—
 Чело изгнанника благословила. . . .
 Я счастливъ былъ, я зависши доспоннъ !

до́на соль.

Позволь мнѣ за побой !

ГЕРНАНЦ.

Нѣтъ! гнуснобъ было
 Мнѣ, въ бездну падая, срывать цѣшокъ; довольно!
 Я запахомъ его ужъ наслаждался! Другъ мой,
 Отправленную мной судьбу соедини
 Съ судьбою Герцога; женою будь его,
 Я самъ того хочу; будь счастлива, а я. . .
 Въ мое ничпожество я возвращусь опять !

до́на соль.

Я за побой! пвой гробовой покровъ
 Хочу я раздѣлшъ; съ побою всюду.

ГЕРНАНИ.

Нѣтъ!

Бѣгу одинъ.

до́на соль, (въ отчаяніи, видя удаляющагося Гернани).

Меня ты оставляешь !
 Вошь, безразсудная, пвола награда:
 Жизнь въ жертву принеси, и, испытавъ

Всю грусть любви несчастной, не имьшь
Опряды мнѣ съ нимъ вмѣстѣ умереть!

гернани, (колеблясь).

Я изгнанъ, осужденъ, я гибну!

дона соль.

Ты

Неблагодаренъ!

гернани, (возвращаясь съ любовію)

Нѣтъ! о нѣтъ! я оспаюсь.

Ты хочешь эпаго—я здѣсь съ побой!

(садишься у ногъ ея).

Забудемъ ихъ; приди въ мои объятія!

Ахъ, говори со мной! утѣшь меня! не правдаль,

Какъ сладоспно любилъ и былъ любимымъ,

Былъ двумъ, единственню былъ двумъ въ семь
мѣрь,

И ночи въ пишинѣ, когда кругомъ все спишь,

Лишь о любви другъ съ другомъ говоришь!

Какъ бы желалъ, къ груди швоей приинкнущъ,

Я вѣчностъ провести!... мой другъ!... мое бла-
женство! . . .

(отдаленный звонъ колоколовъ).

дона соль, (испугавшись вспаешь).

Набашъ! ты слышишь ли? набашъ!

гернани, (продолжая сидѣть у ногъ ея),

Чпожъ! эпо

Для брака нашего звоняшь.

(Звонъ колоколовъ умножается. Смѣшанные крики: въ окнахъ, улицахъ, на крышахъ появляются факелы и свѣчи).

дона соль.

Ахъ, вспань!

Бѣги скорѣй! мой Боже, Сарагосса
Въ огнь!

гернани, (приподымаясь).

Свѣтло на нашей будещь свапльбъ!

дона соль.

Со смершью бракъ по будещь, бракъ съ могиллой!

(крики, спукъ оружія).

гернани, (снова садясь).

Ахъ, обними меня!

горець; (вбѣгая со шпагой въ рукѣ).

Насъ окружили

Алкады, сбирь; бьютъ превогу апамань!

(Гернани встаетъ.)

дона соль.

Слова швои сбьлись.

горець.

Намъ помоги!

гернани.

Иду.

многіе голоса, (за кулисами).

Разбойнику погибель!

гернани, (горцу)

Твой книжалъ. . . .

(Донъ Соль)

Прощай!

дона соль.

Ты гинещь опъ меня! Куда ны?

Бѣжимъ сюда!

ГЕРНАНИ.

Какъ мнѣ друзей оставишь!

дона соль, (шумъ, крики).

Шумъ эшопъ!... препену....

(удерживая Гернани).

Гернани, помни,

Коль ты умрешь, и я умру съ тобою.

гернани, (обнявъ ее).

Дозволь напечатлѣть мнѣ поцѣлуй прощальный.

дона соль.

Гернани, другъ мой! мой супругъ!

гернани, (цѣлуешь ее въ лобъ).

Увы!

То первый поцѣлуй!

дона соль.

И, можетъ быть, послѣдній!

(Гернани уходитъ: Дона Соль падаетъ на скамью).

—др— —то—

III.

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ БЕЗЪ МУЖА,

ИЛИ

РОНДО, КОНЦЕРТЪ И УВЕРТЮРА.

ПОВѢСТЬ.

—»И такъ ты не согласишься на просьбы
нѣжной, привязанной къ тебѣ жены?»

—Милая Юлія, ей Богу! нельзя. Дѣла....

—»Можно ли, какія бы по ни было, дѣла въ свѣтѣ спавишь на равнѣ съ живѣйшею любовію, съ моимъ счастьемъ?«

—Я непременно долженъ оправишься въ Вильну дней на десять, много на двѣ недѣли.

—»Но я безъ тебя умру въ слезахъ. Вопь уже почти годъ нашей свапъбѣ, и мы ни на однѣ супки не разлучались съ побою. Пощади мѣня!«

—Бездѣнная Юлія, сокровище мое, ангель мой! вообрази, если я теперь не поѣду въ городъ, то на будущій годъ намъ придется иппи по міру. Сеймы начнуцца послѣ завтра. Маршалъ ворочаетъ всѣмъ, и ежели Земскій Судъ пришлетъ своихъ слѣдовапелей, то я не въ соспояніи прошивишься кредитпорамъ; они выхлопочутъ себѣ право на взысканіе долговъ съ нашего имѣнія. И пакъ я долженъ упошребить всѣ усилія, чптовѣ, по крайней мѣрѣ, Е. Президентна удержашъ на своемъ мѣстѣ.

—»Жестокій! Ты предпочитаешь богатство чиспѣйшему и высочайшему благополучію. Пусть кредитпоры возмушь все наше имѣніе. Можешъ ли бѣдность бышь ужасною для двухъ сердець, соединенныхъ сладоспными узами любви? Мы поселимся въ хижинѣ, будемъ веспи пашпущескую жизнь, будемъ пипапъся молокомъ и плодами и наслаж-

дашься нашею любовію. Умоляю тебя, не оставляй меня, милый Вильгельмъ, супругъ мой, божество мое!»

—Юлія, ты убиваешь меня. Я не могу отказать тебѣ; но обязанности мужа, и скоро, можешь быть, обязанности отца, повелѣвающихъ мнѣ заботиться о сохраненіи послѣдняго нашего имущества.

—»Вильгельмъ, ты неумолимъ! Слезы мои тебя не прогаютъ. Поѣзжай, но пререци!— ты возвратишься домой на мои похороны. Я не въ состояніи пережить десяти дней безъ тебя.»

—Я увѣренъ, что раздираю свое чувствительное, доброе сердце, но дѣла. . . . Милая Юлія, ты любишь музыку, играй на фортепіано; ношъ у тебя довольно. Услаждай себя въ это время гармоніею, и думай о своемъ мужѣ: время пройдетъ для тебя непримѣтно. Я прилечу на крыльяхъ любви.

—»И паче поѣзжай, ежели ты непременно желаешь моей смерти; но помни, что каждый день я буду обливаться по тебѣ слезами. Клянусь тебѣ нашею любовію, клянусь этимъ обручальнымъ кольцомъ, что тотчасъ послѣ своего отъѣзда надѣну прауръ и, до тѣхъ поръ, пока тебя не увижу, дверь дома нашего будетъ заперта для цѣлаго свѣта. Музыка, которую я обожала для

того, что ты ее любишь, и романы будущъ единственнѣйшимъ моимъ утѣшеніемъ; но они не могутъ вознаграждать своего присутствія! — Ты плачешь?»

— Твои слезы, Юлія, падаютъ на мое сердце. Я шепчу: прощай!.. ибо... я совсѣмъ не поѣду, ежели ты долѣе спанешь меня тревожишь.

— «Прости, дражайшій Вильг...» Здѣсь наступило продолжительное объяніе въ горестномъ, краснорѣчивомъ безмолвіи — тысяча пламенныхъ поцѣлуевъ — наконецъ жестокая разлука. Вильгельмъ уѣхалъ; Юлія упала въ обморокъ.

Прошелъ день — Юлія плачетъ.

Прошелъ другой — Юлія плачетъ.

На третій день — Юлія печальна.

На четвертой — ей ужасно скучно.

— «Что мнѣ дѣлать? Аннушка! Аннушка!»

— «Чего изволише, сударыня?»

— «Аннушка, мнѣ скучно.»

— «Опъ чего вы не играете на фортепiano?»

— «У меня ничего нѣтъ; я два раза сыграла всѣ мои ноты, съ начала до конца.»

— «Такъ извольше чипашь, сударыня.»

— «У меня нѣтъ ничего хорошаго. Всѣ эти романы я знаю наизусть. Ахъ! какая скука! Который день, какъ выѣхалъ баринъ?»

— «Четвертый, сударыня.»

—»Боже мой! мнѣ казалось, что уже десятый. Ахъ! какъ ужасно оставался наединѣ!»

—Но что же заставляешь васъ, сударыня, быть наединѣ? Множество молодыхъ людей хотѣли было прѣхать къ вамъ въ госпи....

—»Говори всѣмъ имъ, что, въ отсутствіе моего мужа, я никого не принимаю. Понимаешь ли ты?»

—Понимаю, сударыня.

—»Двери дома запереть на замокъ.»

—Слушаю, сударыня.

—»Не пускаешь ко мнѣ ни одной живой души. Я хочу быть наединѣ. Ахъ, какъ мнѣ скучно«—(зѣваешь).

—Но какъ къ лицу вамъ прѣзуръ, сударыня?

—»Неужели? Я погляжусь въ зеркало. Въ самомъ дѣлѣ...« (улыбаеся).

—Сударыня, сударыня! какой-то полкъ проходишь мимо нашего дома.

—»Я не хочу глядѣть ни на кого, пока не возвратишься мой Вильгельмъ.»

—А я такъ очень люблю глядѣть на офицеровъ. Знаете ли вы, сударыня, что въ нашемъ домѣ назначена квартира для Капитана, Ротмистра и для нѣсколькихъ офицеровъ, а въ городѣ будутъ сноситься Маіоръ, Полковникъ и множество Поручиковъ. Мнѣ болѣе всего нравились Поручики.

—»Ты мнѣ надѣдаешь своимъ болпаньемъ

Сспрожайше приказываю шебѣ, никого изъ нихъ не впускай въ мои комнапы.»

Четыре дня провела Юлія въ слезахъ, музыкѣ и скукѣ. Но для молодой жены одинокіе дни еще не такъ скучны, какъ одинокія ночи. Пятая ночь была для ней самою ужасною: мошки и комары не дали ей уснуть—Вильгельмъ, гдѣ ты?

Юлія вспала нѣсколько раньше обыкновеннаго: безпокойство мучило ея сердце. Она одѣлась лучше вчерашняго; но безъ малѣйшаго худаго намѣренія. Она одѣлась лучше потому, что Аннушка говорила, будто черный цвѣтъ ей къ лицу.

—»Какъ вы хороши нынче, сударыня! Я никогда не видала, чтобъ вы дома одѣвались съ такимъ вкусомъ.«

—Неужь ли? Въ самомъ дѣлѣ я нынче не дурна. Что жь ты улыбаешься?

—»Такъ ничего-съ, сударыня.«

—Но спрожайше приказываю шебѣ, не пускай въ мои комнапы никого изъ этихъ офицеровъ.

—»Слушаю-съ, сударыня.«

—А по я скажу барину, кошорый шебя потчасъ выгонитъ изъ дому.

—»Слушаю, сударыня.«

—Теперь оставь меня.

Юлія прошла нѣсколько разъ по комнапѣ въ задумчивости и безпокойствѣ. Съла по-

шомъ за фортепіано, но не могла ничего играть на нихъ. Всѣ ноты были на чепыре руки.—Вильгельмъ, гдѣ ты? Какая скука! Я даже играть не могу безъ тебя!

Неперпѣливоспъ въ первый разъ возмушила лилейную грудь оспавленной Юліи: она начала гнѣваться на Вильгельма за то, что онъ выѣхалъ, не смотря на ея слезы и просьбы.

—А... а... а... ай! Господинъ Капиша...а...ань!
—Какой вы, сударь шалунъ! это вовсе невѣжливо — у насъ шакъ не водился!..

—»Аннушка! Аннушка!« закричала Юлія: »какая негодная дѣвчонка! Ни одной минуты не можешь поперпѣшь, чтообы не лѣзть къ мужчинамъ.«

Въ это время отворилась дверь.

—»Что это значишь? Г. Офицеръ? Незнакомый? Извините меня, сударь—въ отсуспіе моего мужа, я никого не принимаю.«

—Проспите моей дерзоспи, сударыня. По какому-то чуду я узналъ нынече, что счастье привело меня въ домъ лучшаго изъ друзей моихъ. За два года передъ симъ я имѣлъ честь служить съ Г. Вильгельмомъ въ одномъ полку. Мы жили между собою, какъ родные братья.

—»Съ кѣмъ же я имѣю удовольствіе говорить?«

—Я называюсь Поручикъ С***

—»Возможно ли? Г. Поручикъ С***? пошть самый, о которомъ мужъ мой такъ часпо и съ такоу хорощей стороны говорилъ мнѣ? Онъ будешъ въ воспоргѣ, когда послѣ прїѣзда найдешъ у себя своего друга!»

—Объ насъ, сударыня, во всемъ полку говорили, какъ о двухъ нѣжныхъ голубкахъ—мы были не разлучны. Клянусь чеспію, ни когда любовники не имѣли споль нѣжной привязанности другъ къ другу.—Вы не повѣрите, какія чудеса мы съ нимъ пворили!

—»Очень вѣрю—однакожь мужъ мой былъ всегда скромень и пихъ.»

О! что касается до его скромности, объ этомъ ни слова. Но я хочу сказать, что Вильгельмъ былъ отличнѣй музыкантъ; игралъ превосходно на различныхъ инструментахъ. Я также спрасный охотникъ до музыки. По четверо сутокъ непрерывно мы проводили съ нимъ за фортепiano.

—»Мужъ мой сказывалъ объ этомъ.»

—И нынче, какъ скоро звуки инструмента долетѣли до моего слуха—я весь запрепалъ отъ радости; не могъ долѣе вытерпѣть—однимъ словомъ, такъ какъ вы меня видите, я прибѣжалъ засвидѣтельствовать вамъ мое глубочайшее почтеніе. Быть можетъ... дерзость моя... будешъ наказана...

гнѣвомъ вашимъ ; сударыня . . . копорого я боюсь . . . болѣе смерти.

—»Я не могу . . . сердиться . . . на друзей моего мужа.«

Юлія покраснѣла и смѣшалась.

—»Для меня весьма пріятно познакомиться съ вами, Г. Перучикъ , но до пріѣзда моего мужа, мнѣ не лзя.« . . .

—Ахъ ! сударыня ! я умру . . .

—»Какъ эшо? вы хопите умереть ?«

—Нѣтъ, я хочу сказать, что буду переносить лютейшія муки, слыша чудесную игру вашу, сударыня, и не имѣя возможности вамъ аккомпанировать. Каждый ударъ клавиша будетъ новымъ кинжаломъ поражать мое сердце.

»Съ какимъ воспоргомъ онъ говоритъ объ музыкѣ!« подумала Юлія.

—Кспаши, я вамъ принесъ новѣйшее, прелеснѣйшее рондо, копорое было въ большой модѣ въ сполицѣ въ шо время, когда мы изъ ней выходили.

—»Какъ онъ вѣжливъ!« подумала Юлія.

—Могу ли просить васъ, сударыня, сыграть эшо рондо ?

Юлія приняла свершокъ нотъ изъ рукъ Г. С***; съ робостию и застѣнчивостию.

—»Ежели вамъ будетъ угодно освавить эши ноты у меня, шо я постараюсь ихъ разобрать.«—

—О! вы, сударыня, слишкомъ скромны! Не имѣя счастья знать васъ лично, я уже слыхалъ, что вы сударыня, съ перваго разу играете пруднѣйшія шпуки, съ необыкновенною бѣглостію и несравненнымъ искусствомъ.

—»Что я вижу! это извѣстное рондо, о которомъ я сколько разъ читала въ Журналѣ Модъ?«

—Такъ точно, сударыня. Музыка истинно восхищительная, эфирная, небесная! Есть мѣста сколькоже прекрасныя—нѣтъ—гораздо прекраснѣе гармоніи Ангеловъ и восхищительнѣе нѣмого безмолвія лунной ночи. Вся Поэзія меланхоліи заключается въ этомъ попокъ мелодическихъ звуковъ.

— »Ахъ, онъ романпикъ« — подумала Юлія. »Какъ жаль, что Вильгельмъ никогда съ такимъ чувствомъ не говоритъ со мною объ музыкѣ: это такой скучный классикъ!«

—»Очень вамъ благодарна за это рондо, но къ несчастью я не могу воспользоваться вашими услугами.«

—Почему же, сударыня?

—»Потому, что это рондо на четыре руки.«

—Смѣю ли предложить вамъ, сударыня, двѣ мои руки, хотя и не ловкія, однако я льщу себя. . . .

—»Вы, сударь, очень вѣжливы! Къ чему вамъ принимать на себя такой прудъ?«

—Напрошивъ, я почишаю величайшимъ счастьемъ служить вамъ чѣмъ нибудь.

Г. Поручикъ С*** проворно придвинулъ другой спуль и съ ловкостію оподвинулъ споявишій при фортепіано: они оба съѣли.

Сердце Юліи препепало необыкновеннымъ образомъ: блестящіе пассажи рондо, подъ ея прелестными пальцами, получали новый блескъ, новую прелесть и выразишельность; гармонія наполняла ея душу какою-то сладостію, неизвѣсною ей со времени замужства.

—Не желая оскорбить вашей скромности моею опкровенностію—сказалъ Г. С***, вспавая опъ фортепіано — клянусь честію, что никогда въ жизни моей, даже въ столицѣ, я не слыхалъ, чтобы кто нибудь лучше васъ игралъ на фортепіано.

—»Вы льстите мнѣ, весьма некстати, Г. Поручикъ; мнѣ бы надлежало вамъ сдѣлать подобный комплиментъ.«

—Позвольте мнѣ, сударыня, служить вамъ всѣми музыкальными бумагами, какія только у меня есть. Я бѣгу перерыть всѣ мои шкашубли.

С*** поклонился очень ловко и, получивъ въ отвѣтъ одобришельную улыбку, вышелъ. Юлія оспалась у фортепіано въ глубокой задумчивости.

— »Аннушка! Аннушка! гдѣ ты сидишь, скажи ради Бога?«

— Нигдѣ, сударыня.

— »Такъ-шо ты слушаешься моихъ приказаній? Не я ли приказывала тебѣ не впускашь ко мнѣ никого?«

— Я и хопѣла не впускашь ни кого; но какъ-шо случайно вышла въ сѣни; Г. Роммиспръ — эпопъ шалунъ схватилъ меня за руку, и впащилъ въ свою комнапу.

— »Что эпо за кольцо у тебя на пальцѣ?«

— Эшо... шакъ кольцо, сударыня, обыкновенное кольцо.

— »Какое обыкновенное? У тебя его прежде не было: конечно эпопъ Роммиспръ подарилъ тебѣ его?«

— Что жь мнѣ было съ нимъ дѣлать, когда онъ шаккой ласковый!

— »Погоди жь ты, негодная дѣвчонка! Какъ скоро прѣдешь баринъ... но за чѣмъ ты впустила ко мнѣ эшаго офицера?«

— Простите мнѣ на эпопъ разъ, сударыня; въ другой я его не пуцу къ вамъ ни за что въ свѣшъ.

— »Кшо же говоришь тебѣ не пускашь въ другой разъ? Но какъ ты осмѣлилась впустишь его въ первый?«

Юлія начала брэнчать на форшеліано, что-

бы не слыхашь отвѣща Аннушки ; Аннушка ничего не отвѣчала.

— »Что ты тамъ выпягиваешься передъ зеркаломъ?«

— Ничего—шакъ-съ.

— »Подай мнѣ книгу : вопшь... копорая на спомѣ.«

— Извольте, сударыня.

— »Нѣшъ—я не хочу книги. Дай мнѣ работу.«

Юлія взяла работу и уронила на полъ. Аннушка подняла ее и подала Госпожѣ.

— Г. Роммиспръ сказываль мнѣ , чшо эшошъ Г. Поручикъ, играешъ какъ Ангель.

— »Эшо правда : онъ отличнѣйшій игрокъ на фортепiano. У него много чувствва, воспорга, прелеспи.

— Да и самъ онъ не дурешъ собою.

— »Конечно!«

— Довольно ловокъ.

— »И очень!«

— И лицомъ очень милъ.

— »А тебѣ какое дѣло? Знай себя !

— Слушаю, сударыня.

Юлія опяшъ уронила работу: Аннушка хопшла ее подняшъ.

— »Поди прочь! ты мнѣ надобдаешъ своимъ болтаньемъ.«

— Сей часъ иду, сударыня.

— »Поспой, оепанься.«

— Слушаю, сударыня.

— »Ничего ненадобно говорить, когда«...

— Понимаю, сударыня.

— »Поди прочь, ты ничего не понимаешь.«

Аннушка усмѣхнулась и вышла.

Гармонія, сладоспный, божеспвенный даръ небесъ, опголосокъ превышеземнаго блаженства! Ты слепъла на землю, чпобы упъшашп смерпныхъ. Безъ тебѣ, чпо бы дѣлали жены, коихъ мужья далеко опъ нихъ уѣзжаютъ на Сеймы?

Юлія играла безпреспанно на чепыре руки, и перпѣливо переносила опсупспвіе дражайшаго изъ мужей. Иначе Юлія умерла бы опъ скуки.

Грозное племя Марса, бичъ рода человѣческаго! Небо въ гнѣвъ произвело тебѣ на свѣшп, для наказанія смерпныхъ. Ты пошоками крови наводнило сію юдоль плача; ты...

Но нѣшъ худа безъ добра. Чпо бы дѣлала Аннушка, когдабы не пришелъ полкъ? Огорченая опсупспвіемъ мужа, госпожа была въ пакомъ худомъ расположеніи, чпо Аннушка, много на препій день, сошла бы съ ума.

Когда бы не полкъ и не гармонія, по два чувспвишельныя, невинныя сущспства проводили бы скучные часы въ опсупспвіе госпо-

дина и его слуги. Теперь Юлія счастлива и Аннушка счастлива.

— »Аннушка, копорой день, какъ выѣхаль баринъ?«

— Девяшый, сударыня.

— »Возможно ли? Мнѣ все казалось, чпо еще чешвершый.«

— О! баринъ не скоро воропипся.

— »Ты пакъ думаешь.«

— Такъ думаю, сударыня. Наши господа, какъ поѣдутъ на Сеймы, забываютъ обо всемъ: имъ жены и въ голову не приходять.

— »И я шже думаю. А!..эпо Г. Порупчикъ! Такъ рано?«

— Приношу вамъ, сударыня, концертъ Моцарша, копорый, по какому-то чуду, я опыскаль въ моихъ бумагахъ. Конечно онъ вамъ знакомъ: эпо извѣспный концертъ на *ut*.

— »Я играла его когда-по.«

— Какъ же вы его находите?

— »Божеспвеннымъ! Нѣтъ ничего равнаго!«

— Я былъ увѣренъ, чпо онъ вамъ понравипся. Жаль полько, чпо мы не можемъ разыграпъ его въ двоемъ.

— Почему же?«

— Пошому, чпо онъ написанъ на чешыре руки съ *violino obbligato*, или съ аккомпаниментомъ на скрыпкѣ.

— »Въ самомъ дѣлѣ, очень жаль. Я обожаю эпошъ концершъ.«

— Однакожь, можно найпи для эпого сред-ства. Ропмиспръ, мой пріятель, играетъ оплично на скрипкѣ. Онъ могъ бы намъ впо-ришь. Если я не оскорблю васъ, сударыня, прося вашего позволенія предспавишь вамъ моего друга....

— »Я не смѣю предлагать ему такой шрудъ«...

— О! эпо бездѣлица! Онъ почпешъ эпо за величайшую для себя милоспъ. Въ два часа, если вамъ будешъ угодно, мы къ вамъ явимся.

Поручикъ С*** раскланяся и вышелъ. Ан-нушка улыбноулась значительнo.

— »Чему ты смѣешься!«

— Такъ, сударыня.

— »Не надобно объ эпомъ сказывашъ: по-нимаешь?«—

— Понимаю, сударыня.

— »Теперь я пойду прохаживашъ по ал-лею вздоховъ.«

— Понимаю, сударыня.

И Аннушка полешъла спрѣлою съ эпимъ извѣспіемъ къ Г. Поручику.

— »Проворная дѣвушка!«—сказала про себя Юлія; »надобно подарить ей одно изъ моихъ плашьевъ.«

Сцена перенеслась въ аллею вздоховъ; а чшо

въ ней происходило, каждый очень легко можеть опгадать.

— Ахъ!

— Охъ!

— Ахъ!

— Охъ!

И въ два часа насшупилъ концертъ съ *violino obbligato*.

И никогда концертъ на *ut* не былъ выполненъ съ большею пріятностію для играющихъ, слушающихъ и опсущспвующихъ. Порущчикъ улыбался Юліи; Аннушка улыбалась Роммисспру; дорогой Вильгельмъ былъ на Сеймахъ.

И всѣмъ было весело.

— «Повѣрите ли, сударыня? Въ моей шкапулкѣ новое опкрыпіе?»

— Чшо жъ щакое?

— «Уверщюра Россини для Форщепіано, съ аккомпанименщомъ.»

— Возможно ли? Вы пощспинѣ владѣщсп безщщпными сокровищами.

— «Все къ услугамъ вашимъ, сударыня: ноты мои, я и моя жизнь. Но къ выполненію этой прелесщной уверщюры надобно мнощесщиво инщпруменщовъ!»

— Ахъ! какое несщасщіе!

— «Напрощивъ: ежели вы согласитесь, щщпобы я принялъ на себя обязанность сщщлать

пріятнѣе для васъ минушы нашего здѣсь пребыванія, по все можешь бышь сдѣлано.»

— Г. Поручикъ, пакъ вѣжливъ!

— »Я почипаю эпо величайшимъ для себя счасіемъ. Намъ нужны двѣ скрипки, два флейсправерса, віолончель, воліпорна, фаготъ и пруба. Нашъ полкъ можно назвашь музыкальнымъ: почи всѣ офицеры опличные музыканшы. Позвольте мнѣ, сударыня, соспавить изъ нихъ для васъ оркеспръ. Мнѣ будешъ очень леспно предспавить вамъ моихъ споварищей: всѣ они люди чеспные, прекрасные собою и очень хорошо воспшпаны.»

— Опложимъ эпо до пріѣзда моего мужа.

— »Ахъ, сударыня! къ чему эпо? Г. Вильгельмъ еще не скоро пріѣдешъ; мы же въ эпо время высшупимъ изъ города.»

Юлія гореспно вздохнула.

— Вы выйдепте!

Аннушка пакже вздохнула.

— Оспаньшесь, Г. С***

— »Можешь бышь и оспанемся; но на всякой случай, не нужно опкладывать до завшраптого, что можешь сего дня принеспи удовольспвіе. Прекрасная Юлія!.. Умоляю васъ!»

— Какъ ты думаешъ объ эпомъ, Аннушка?

— »Мнѣ кажешся, что Г. Поручикъ говоритъ совершенную правду. За чѣмъ опкла.

дываешь такъ далеко? Я никогда ничего не опкладаваю.»

— Но я поржеспвенно общала моему мужу...

— »О! сударыня! пакія ли вещи общающся мужьямъ!«

Юлія горестно вздохнула.

— »Умоляемъ васъ, сударыня!

— Къ несчастію, я ни въ чемъ не могу опказать Г. Поручику. Когда жъ это будешь?

— »Сего дня уже довольно поздно; и такъ завтра ввечеру, передъ чаемъ, ежели вамъ будешь угодно«...

— Съ ббльшимъ удовольспвіемъ; но не позже, какъ завтра; ибо мой мужъ можетъ пріѣхашъ.

Поручикъ С*** поцѣдовалъ бьленькую ручку Юліи и вышелъ. Юлія съ Аннушкою долго еще разговаривали о Поручикахъ, Ромиспрахъ, о скрипкахъ, віолончеляхъ, фагопахъ и волшорнахъ.—

Наконецъ наступилъ ожиданный вечеръ. Въ залъ вершлось множеспво вызолоченныхъ молодыхъ людей, съ звонкими саблями, съ блестящими эполепами. Леспныя словца лепали на перерывъ; воздухъ искрился опъ оспроумныхъ шушокъ. Юлія царспвова-

ла въ эпюмъ милюмъ обществѣ, и Юліи было весело.

— »Вильгельмъ на Сеймахъ!« подумала Юлія и улыбулась.—»Гдѣ же Г. С***?»

— Здѣсь, сударыня, всегда гошовый къ вашимъ услугамъ.

— »И пакъ, время начинашь.«

Жирный Маіоръ Б*** сѣлъ верхомъ на віолончели и началъ рѣзатьъ смычкомъ по басу. Двое Рюшмиспровъ наспроивали скрипки. Поручикъ Д*** началъ дудить на фагопъ. Двое Подпоручиковъ принялись за флейсправерсы. Подпоручику Ц*** доспалась волпорня. Труба была въ рукахъ Г. Хорунжаго Т.***

Юлія и С*** сѣли за форшепіано; жирный Маіоръ Б*** ударилъ смычкомъ по ближайшему креслу при раза и—музыка загремѣла.

— Сударыня! сударыня! Баринъ пріѣхаль.

— »Ахъ, Боже мой! какое насчаспіе. Я погибла! Аннушка, что мнѣ дѣлать?»

— Что дѣлать? спряпашъ эпихъ господъ по угламъ и попушишь свѣчи. Когда баринъ пройдетъ пипъ чай, я въ шо время ихъ выведу.

— »Дѣлай, что шолько можешь, любезная Аннушка; я бѣгу на встрѣчу моему мужу.«

— »Пряпайшесь, господа! закричала Аннушка; нашъ баринъ пріѣхаль, вамъ будешъ бѣда!«

— Господа! вскричалъ Поручикъ С***, вы люди чеспные и припомъ мои друзья, здѣсь дѣло идетъ о чеспи дамы. Прячесь, прошу васъ, куда кпо можешъ.

— »Да, въ самомъ дѣлѣ онъ говоритъ правду: не должно подвергать опасносшей прелеспную женщину«—опозвадись различныя голоса. »И пакъ прятаться, прятаться!«

Юлія выбѣжала на крыльцо: Вильгельмъ выскочилъ изъ экипажа, и оба бросились въ нѣжныя объашія другъ къ другу.

— »Дражайшая Юлія!«

— Дражайшій Вильгельмъ! супругъ мой!

— »Милая жена моя!«

— Накѣнецъ, я опятъ тебя вижу!

— »Я лепълъ къ тебѣ, Юлія, на крыльяхъ любви.«

— А я безъ тебя безпреспанно обливалась слезами и жила здѣсь, какъ монахиня, въ молиивѣ и слезахъ!

— »Мой Ангель! безцѣнная Юлія!«

Между пѣмъ Аннушка спряпала жирнаго Маіора подъ канапе; двухъ скрыпачей подъ брачное ложе; игравшихъ на віолончели и фаготѣ за печь, шрубача въ шкафъ; а Г. С*** спряпался въ каминъ: Аннушка заспавила его экраномъ. Шляпы съ перьями и инспрументы, брошенныя въ уголь, умная дѣвушка накрыла

наскоро скакнерьшью, когда уже баринъ входилъ въ комнапу.

— »Что эшо, Юлія? пы сидишь въ попьмахъ?«

— Съ швоего опъзда, милый Вильгельмъ, огонь не являлся въ моихъ комнапахъ. Я не хотъла глядъшь на свѣтъ безъ шебя: сидъла въ попьмахъ и плакала.

—»Безцънная Юлія! къ чему пы сполько мучила себя? Нъжная супруга! Въ силахъ ли л вознаградишь шебя за шакое пожертвованіе?«

—Вильгельмъ! пы съ дороги: шебъ конечно хочешся чаю. Пойдѣмъ въ нашу комнапу.

—»Сей часъ; но подайше памъ огня. Эй, Семень, Машвѣй!«

Аннушка сама побъжала въ переднюю и принесла свѣчу. Бѣдная Аннушка! она забыла убранъ шрубу, копорая какъ-то случайно оспалась на столъ при форшепiano. Вильгельмъ увидѣлъ шрубу.

—»Что эшо, душенька; военная шруба? Ошкуда она къ шебъ зашла?«

—А... въ самомъ дѣлѣ шруба!.. Аннушка! что эшо за шруба?

—А!... эшо, сударыня... шакъ шруба. Я позабыла сказать вамъ—что эшопь... какъ его?... Машвѣй—вы знаете... шель изъ корчмы и на самой серединѣ дороги нашель

эпу трубу. Вотъ, онъ ее поднялъ, принесъ домой и опдалъ мнѣ. Проспшите меня, сударыня, чпо я не показала вамъ эпой трубы; вы были пакъ печальны, послѣ разлуки съ бариномъ. Конечно солдапы ее поперяли: надобно ее опдать Г. Роямиспру.

—»Покажи-ка мнѣ ее. Ты знаешь, Юлинька, чпо я когда-шо игралъ на трубѣ яревосходно! Служа въ полку, я починпался первымъ трубачемъ. Подожди немвожко, я сыграю чпо нибудъ. Посмѣпримъ, забылъ ли я или нѣтъ?»

—Послѣ будешь играть, душа моя; шеперь пойдемъ пить чай.

—»Сей часъ, сей часъ: эпо не опшмимешъ много времени. Слушай, душенька, я шолько зашрублю тебѣ шревогу. Тра, шра! . . шра, шра, шра! . . шра, ша, ра, ра! . . « . .

—Къ оружію! бунтъ! неприяшель!—закричалъ жирный Маіоръ подъ канале.

—Къ оружію! шревога! опозвались голоса за печкой.

—Господа! къ оружію! закричали прочіе офицеры изъ подъ кровати, изъ шкафа, и изъ трубы.

И всѣ, съ обнаженными саблями, выскочили изъ своихъ убѣжищъ на середину комнашы.

Вильгельмъ оробѣлъ, поблѣднѣлъ, какъ бѣлый плапокъ и уронилъ трубу; Юлія упала въ обморокъ; Аннушка убѣжала...

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, я видѣлъ Юлію въ Гроднѣ. Она уже развелась съ дражайшимъ Вильгельмомъ и называлась Г-жею С***. Теперь поистинѣ не знаю, какъ она называется; но мнѣ сказывали, что она равно прекрасна, любезна, и по прежнему любитъ музыку.

(изъ Валамута) И. Савиничъ.

IV.

ЖАЛОБЫ САЛЬВАТОРА РОЗЫ а)

Что за жизнь? Ни на мигъ я не знаю покою,
 И не вѣдаю, гдѣ преклонить мнѣ главу.
 Знашь забыла судьба, что я въ мѣрѣ живу,
 И что плотью, какъ всѣ, облеченъ я земною.
 Я родился на свѣтъ, чтобъ перзаться, спрадашь
 И трудиться весь вѣкъ и награды не ждашь
 За труды и за скорьбу опъ людей и опъ неба,
 И по днямъ проводишь безъ насущнаго хлѣба.

Я къ небу воззову—оно
 Меня не слышитъ, къ зову глухо;
 Взоръ къ солнцу—солнце мнѣ темно;
 Къ землѣ—земля грозитъ засухой. . .

а) Сальвадоръ Роза, Испанскій Живописецъ и Поэтъ, жившій въ XVII вѣкѣ по Р. Х.

Я жить хочу съ людьми въ ладу,
 Смогрю—они мнѣ ковы спавлятъ :
 Трудясь, я честно жизнь веду —
 Они меня чернятъ, безславятъ.

Вездѣ наперекоръ мнѣ рокъ,
 Вездѣ меня встрѣчаютъ горе :
 Спускаю ли я свой челнокъ
 На море—и бушуетъ море ;
 Спѣшу ли въ Индію—и шамъ ,
 Въ странѣ, мѣталами богатой ,
 Трудясь, блуждая по горамъ,
 Я нахожу . . . свинець—не злато.

Являюсь ли я иногда ,
 Сжавъ сердце, къ гордому вельможѣ,—
 И—объ руку со мной бѣда :
 Я за порогъ лишь — и въ прихожей
 Швейцаръ, молчаніе краня
 И всѣхъ встрѣчая по одеждѣ ,
 Укажетъ пальцемъ на меня—
 И смерть зачавшейся надеждѣ.

Вхожу къ вельможѣ я, пупой ,
 Съ колодною душою и чувствва ,
 Въ кругу друзей невеждъ — со мной
 Заговоритъ онъ про искусствва —
 Уйду: онъ судитъ обо мнѣ
 Не по уму, а по одеждѣ,
 Съ своимъ швейцаромъ наравнѣ . . .
 Цѣнитъ искусствва не невеждѣ ! . .

Одной мечпою я живу ,
 И ею занятый одною ,

Я и во снѣ и на яву
 Воздушные чертоги спрою.
 Я, замечнавшись, шворю
 Великолѣпные чертоги;
 Мечшы пройдушь, и я смопрю
 Сквозь слезъ на мой приюшь убогій.

Другимъ не счестъ богатствъ своихъ,
 Къ нимъ нужда заглянушь не смѣшь;
 Весь вѣкъ слѣпое счастье ихъ
 На лонѣ роскоши лелѣешь;
 Другимъ богатствъ своихъ не счестъ —
 А мнѣ—отверженцу судьбины—
 Назначено брань съ нуждой вестъ
 И... въ богадѣльнѣ ждашь кончины...

И я... я—живописецъ!... да!
 На все смѣющіяся краски
 Я навожу и никогда —
 Опъ счастья не вижу ласки...
 Будь живописецъ, будь поэтъ, —
 Что пользы? Въ вѣкъ нашъ развращенный
 Счастливы лишь поэтъ, въ комъ смысла нѣтъ,
 Въ комъ огонь не ищется свидѣній.

Что за жизнь? ни на мигъ я не знаю покою,
 И не вѣдаю, гдѣ преклонить мнѣ главу.
 Знаешь забыла судьба, что я въ мѣръ живу,
 И что плотью, какъ всѣ, облеченъ я земною.
 Я родился на свѣпъ, чпобъ перзаться, спрадашь
 И трудиться весь вѣкъ, и награды не ждашь
 За труды и за скорьбь опъ людей и опъ неба,
 И по дилмъ проводишь... безъ насущнаго хлѣба!

РАЧЬ.

V.

ПОЛЬСКІЕ ЖИДЫ.

Осѣдлость Евреевъ въ Польшѣ, ихъ, въ неимовѣрной степени, возрастающее народонаселеніе, ихъ зависимость отъ власней неизвѣстныхъ, въ свою очередь управляемыхъ рукою незримою; народъ сей только поверхностно намъ извѣстный, не признающій иного отечества, кромѣ Палестины, и чуждающійся государствъ, гдѣ родился; народъ, который, единственно предавался торговлѣ и презирая земледѣльство, обладаетъ несметными богатствами и уничтожаетъ всѣ мѣры правительствъ, клонящіяся къ подведенію его подъ законы общественные; это странное совокупленіе отверженія и сокровеннаго могущества, общаго рабства и частнаго самовластія—должны обратитъ на себя особенное вниманіе въ странѣ, для которой Жиды стали господствующею, неизлечимою язвою.

Польша, въ десятомъ столѣтіи а), принявъ Христіанскую вѣру, начала быстро созрѣ-

а) Извѣстія о постепенномъ укорененіи Жидовъ въ Польшѣ заимствованы изъ сочиненія, подъ заглавіемъ: *Взглядъ на Польскихъ Евреевъ, 1818 года, Винчен-та Корвина, Графа Красинскаго, Дивизионнаго Ге-*

ванъ для просвѣщенія тогдашняго времени и вошла немедленно въ составъ Европы, разпространивъ свои торговыя сношенія и сделавшись центромъ торговли Азіи и Южной Европы. Она богата была естественными произведеніями и обладала множествомъ золотыхъ, серебряныхъ рудъ и соловарень, бывшихъ для ней неизчерпаемымъ источникомъ торговли. Въ это время духъ непереносимости и любосеняжанія принудилъ многія Еврейскія семейства покинуть Германію и переселились въ Польшу. Первые Евреи появились тамъ въ 1096 году, по свидѣтельству Вѣнцеслава Грабовскаго. Въ томъ же году, шолпа бѣжавшихъ изъ Богеміи Жидовъ, нахлынувъ на Польшу, нашла въ ней кровь и заступу. Не взирая на то, количество Германскихъ Евреевъ должноствовало превосходить число выходцевъ изъ Богеміи, если судить по Нѣмецкому нарѣчію, до сихъ поръ сохранившемуся въ ихъ молитвахъ и разговорномъ языкѣ. Еще гораздо прежде того извѣстны они были въ южныхъ губерніяхъ Польши и Россіи. Равнины въ книгахъ своихъ говорятъ о Іудей-

перала и Сейловаго Маршала. Сочинитель онаго опирается въ книгѣ своей на розысканія своихъ предшественниковъ, и въ особенности на одно изъ произведеній знаменитаго *Оудел Шацкаго.*

скихъ Царстввахъ, будто бы находившихся не подалеку отъ береговъ Каспійскаго моря. Знаменитый Аравійскій Географъ, Ебн-Гаакуль, писавшій въ началъ десятаго вѣка, упоминаетъ о Иудейскомъ Царствѣ, орошаемомъ рѣкой Апелемъ, и. е. Волгой, присовокупляя къ тому, что Царь, правящій онымъ, имѣетъ пребываніе свое въ столицѣ, именуемой Бапомъ, и тысячу двѣсти пѣлохранищелей. Массуди, другой, современный ему Географъ, говоритъ, что въ Россіи есть Царство Хазарское, населенное по бѣльшей части Евреями, гдѣ какъ Царь, такъ и главные его Салновники, исповѣдуютъ законъ Моисеевъ, и коего сподичный городъ называется Амоль. Извѣстно сказаніе Неспора, что Евреи Хазарскіе послали пословъ къ Владиміру Великому, съ богатыми дарами и предложеніемъ отречься отъ идолопоклонства и принявъ вѣру Иудейскую; и что Владиміръ отвѣчалъ имъ, что самъ Богъ конечно отвергаетъ ихъ законъ, ибо они изгнаны изъ Іерусалима, и поему онъ не можетъ принять вѣры, кою возлюбилъ Господь защищать не хочетъ. Если бъ Евреи не владѣли въ то время обширнымъ пространствомъ земли, и не имѣли силы и вѣса, то не рѣшились бы сдѣлать подобнаго предложенія столь сильному Государю. Между шѣмъ Веніаминъ Тудельскій ничего не упоминаетъ

спѣ о Польскихъ Синагогахъ, хопя говоришь, и можешь бышь, слишкомъ увеличенно, о богаиспвѣ Евреевъ въ Россіи.

Первая грамота, сохранившаяся въ Польскихъ лѣтописяхъ, пожалована была Евреямъ въ 1264 году Польскимъ Герцогомъ Болеславомъ. Казимиръ Великій, котораго Испорія упрекаетъ сильною привязанностью къ Есиеркъ, молодой Опочновской Жидовкѣ, утвердилъ грамоту сію, и даже разпроспранилъ ее своимъ Королевскимъ словомъ. Въ то время Краковъ былъ Ганзейскимъ городомъ и находился въ связи съ сорока Европейскими городами. Торговля сношенія его, вѣроятно, были весьма обширны; ибо, когда попъ же Казимиръ Великій выдалъ за Римскаго Императора Карла внуку свою Елисавету, рожденную отъ дочери его Елисаветы и Богуслава, Герцога Сполскаго, Краковскій гражданинъ Вирцынекъ испросилъ у Государя своего дозволеніе подарить молодымъ на свадьбу 100,000 золотыхъ гульденовъ, ужасную по тогдашнему времени сумму, равную той, которую самъ Король далъ внукѣ своей въ приданое.

Тогда Христіанская вѣра не шерпѣла еще лихвы и непозволипельныхъ изворотовъ; одни Евреи пользовались правомъ, на то и другое, и мало по малу положили основу ненависти, которая съ тѣхъ поръ подвигла прошивъ

нихъ всѣ сословія. Всегда умѣренные, живущіе малымъ, привыкшіе къ уничиженію, и стремящіеся прямо къ цѣли, собрали они, при наступившемъ попомъ правленіи, не смѣшныя богапшва; и когда число ихъ въ прикрапшы превысило число Христіанъ, правительство изъявило опасеніе и безпокойство. Между тѣмъ Випольдъ, Великій Герцогъ Липовскій, двоюродный братъ Владислава Ягеллона, даровалъ тѣже привилегіи Липовскимъ Евреямъ, какія далъ Польскимъ Казимиръ Великій.

Людовикъ Венгерскій, зять и преемникъ Казимира, возшедшій на Польскій Пресполь въ 1371 году, не наследовалъ отъ него любви къ Евреямъ, и положилъ изгнать ихъ. Великій Герцогъ Липовскій, Владиславъ Ягеллонъ, сочепавшійся бракомъ съ Эдвигой Анжуйской, дочерью Людовика, и опдѣлившій Польшу отъ Венгріи, на пресполь коей вошла дочь ея, Марія, приказалъ Евреямъ, еще носившимъ Польское платье, нашивать на него кусокъ краснаго сукна; Христіанамъ же запрещалъ, подъ опасеніемъ оплученія отъ церкви, покупать у нихъ мясо, ѣсть съ ними вмѣстѣ и входить въ какія-либо сношенія. Стефанъ Башорій и Сигизмундъ III утвердили сіе постановленіе. Король Іоаннъ Албрехтъ, ушрашенный безирешапно возрастающимъ

ихъ многолюдствомъ , надъ копорымъ не было уже средства имѣть надзора, приказалъ, чпобъ Евреи по городамъ жили въ отдѣльныхъ кварсалахъ и сосполяли въ вѣденіи градоначальниковъ. Когда же, въ 1496 году, замѣшилъ, чпо Евреи даюпъ заимообразно деньги, за большіе проценпы молодымъ людямъ знапныхъ фамилій, ничего не жалѣющимъ, для шого чпобы приспойнымъ образомъ ополчипсь на рапъ за опечеспво, и чпо нѣпъ значипельнаго семейспва, имѣніе копораго не было бы заложено имъ ; когда увидѣлъ всеобщее разореніе, производящее опъ непомѣрной лихвы, и вмѣстѣ съ шѣмъ понялъ, чпо Евреи, подобно монахамъ Франціи и Германіи, во время опбывіи дворянсшва въ Палестину, копяшъ завладѣшь его имѣніями: шо уничпожилъ всѣ иски ихъ по закладнымъ, и, запрепивъ пользовапсь правами дворянсшва и покупашъ земли, приказалъ однакожъ ушлпипъ имъ заняпшыя у нихъ суммы съ умѣренными проценпами.

Еще въ 1540мъ году писали Евреи, чпо въ цѣлой Польшѣ находишся шолько пяпшьсоцъ опшовыхъ купцовъ. - Хрисііанъ, между шѣмъ какъ они имѣюпъ шаковыхъ 3200, занимаюпшихъ работою 9600 человекъ. Польскіе законы спрого запрещали Евреямъ продавашъ водку, держашъ шинки и весши шоргъ съ посез

лянами, у которыхъ они обыкновенно высасывали послѣднее, поя ихъ. Евреи, соразмѣрно многолюдству своему, давали рекрутъ двойное прошивъ Хрисціанъ количество. Они обязаны были выбирать одного изъ придворныхъ вельможъ, чшобы онъ велъ запись ихъ народонаселенности, судилъ ихъ въ спорахъ и распряхъ и проч. Сигизмундъ Августъ, изумленный ихъ непомернымъ многолюдствомъ, ежедневно увеличивающимся, и видя, что они находясь средства уклоняясь отъ всякаго рода налоговъ, и стараются въ каждой книгѣ выправлять превосходство свое предъ Хрисціанами, наложилъ на нихъ подушный окладъ. Тщательно доказывали Евреи, что мѣры сіи противны ихъ закону; послѣ многихъ переговоровъ и споровъ постановлено, чшобъ каждый Еврей, мужскаго и женскаго пола, платилъ по одному Польскому злоту. Полагали, что число ихъ простирается до 200,000 человекъ. Деньги внесены, и Дворъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что въ подушной описи означено только 46,599 Евреевъ обоихъ половъ. Сигизмундъ Августъ, при семъ случаѣ, сказалъ, обратился къ другу своему, Епископу Краковскому, который извѣстенъ по старанию сохранивъ въ Польшѣ миръ между противными одна другой вѣрами, и даже въ это самое время возставалъ противу инквизиціи и го-

ненія на вѣдѣмъ: » скажи же, другъ мой—ты, который не вѣришь, чшобы дьяволъ мѣшался въ наши дѣла—скажи мнѣ, какимъ образомъ Евреи, копорыхъ вчера еще было 200,000, провалились вдругъ сквозь землю, такъ чшо сегодня, когда пришлось имъ вносить подушныя деньги, оспалось ихъ не больше 16,599 ши?»—»Вашему Величеству извѣстно«—опивѣчалъ Епископъ—»чшо и безъ помощи дьявола Евреи умѣютъ бышь колдунами.«

На первомъ Сеймѣ послѣдовало запрещеніе Евреямъ, подъ смершною казню, торговашь лошадыми, входить въ опкупа и держашь го-спинницы. А какъ богатые изъ нихъ не успупали въ роскоши придворнымъ и вельможамъ, то и запрешили имъ носить золотыя цѣпи на шеѣ, опличительное преимущество дворянства, а въ слѣдъ за шѣмъ сабли и шпаги, осыпанныя драгоцѣнными камнями. Польскіе Паны, держась еще древняго обычая Римскихъ Рыцарей, носили золотыя кольца съ изображеніемъ девиза или герба. Когда Евреи присвоили себѣ и это право, то вышло спрочайшее на то запрещеніе, въ силу коего дозволялось имъ только имѣшь на кольцахъ означеніе рода своей торговли и имя Св. Иерусалима или рѣки Сабашіона. Коммендони, Кардиналь и Апостольскій Нунцій при дворѣ Сигизмунда Августа, много говорить о Евреяхъ и

между прочимъ замѣчаетъ, что они одѣваются, какъ дворяне и граждане; даже превосходятъ первыхъ въ пышности. Въ это самое время выгнали ихъ изъ Пруссіи.

При Сигизмундѣ III, Евреи, по многочисленности и богатству, составили въ Польшѣ свое, почти отдѣльное государство. Они издавали множество книгъ, въ коихъ осмѣивали обряды Христіанской вѣры и старались доказать, что Польша могла бы быть впрочемъ Идумеею, если бы жители оной рѣшились отречься отъ своей вѣры и принять законъ Моисеевъ; почему и вынужденъ былъ Сеймъ издать Указъ, которымъ каждый Еврей, дерзавшій издѣваться надъ Христіанскою вѣрой, осуждался на изгнаніе. Множество таковыхъ сочиненій произвело распрю между Христіанскими и Еврейскими писателями. Польша, изобиловавшая въ то время типографіями, наводнилась сочиненіями пропывуборствующихъ парцій. Но скоро эта война на перьяхъ кончилась, къ ущербу содержателей типографій.

Если съ одной стороны, кощунство Іезуитовъ и угнетенія отъ Спароспъ при Іоаннѣ Казимирѣ много содѣйствовали къ опложенію козаковъ отъ Польши, то, съ другой, возстаніе оныхъ въ Украинѣ и Запорожьѣ должно приписать Евреямъ, которые, вопреки зако-

намъ входили въ подряды и держали госпитальничцы. Сеймъ не прежде, какъ послѣ сраженія при Береспечкѣ, издалъ Указъ для прекращенія ихъ грабительствъ. Вскорѣ попомъ настало для Евреевъ новое льпосчисленіе, и новый Мессія, осуществивъ надежды ихъ, возмутилъ спокойствіе Польши: у Сабатайко-вича собирались толпы, которыя только сила оружія могла разсѣять. Принужденный оставить Польшу, удалился онъ въ Конспаншинополь, гдѣ и былъ схваченъ. Евреи, со всѣхъ краевъ свѣта, спекались къ нему съ изъявленіями покорности и подобострастія. Но Мегани, Польскій Еврей, писалъ прошиву него и даже лично отправился въ Конспаншинополь, чпобъ доказать предъ Диваномъ обману и лживость этого мнимаго посланника Небесъ.

Въ правленіе Михаила Вишневецкаго вновь открыты сношенія Евреевъ съ Турками. Іоаннъ Собьскій, которому они предсказали восшествіе его на пресполь, и котораго въ писаніяхъ своихъ именовали Сыномъ Солнца и Царемъ Царей, писалъ къ нимъ слѣпую довѣренность и имѣлъ любимца изъ Евреевъ. Польскій Сенатъ, въ 1682 году, просилъ Государя сего обратишь вниманіе на благо народа и не раздавать ему руками Евреевъ всѣ милости и награды, онгъ преспола происпекующія. При Августѣ II снова возобновленъ

Указъ, запрещавшій Евреямъ держать гостиницы по деревнямъ. Въ царствованіе Августа III, когда все дремало, Евреи, по гнепущіе, по гнепомые, наконецъ пали, бывъ нѣскольکو времени законодателями Польши.

Въ 1750 году новообращенець изъ Валахій, именемъ Франкъ, основалъ новую секпу. Онъ выдавалъ себя за человека, коего Провидѣніе уполномочило соединить всѣ вѣры; успрамивъ опъ ученія своего многіе догматы Іудейской вѣры, онъ сохранилъ сущность оной и придержался Римскаго богослуженія. Прибывъ въ Польшу, началъ онъ явно проповѣдывать, вооружилъ противъ себя власпи и былъ заключенъ въ пемницу въ Ченсхеховѣ. Освобожденный Россійскими войсками, отправился онъ въ Вѣну, а опполь въ Мерень. Іосифъ II выслалъ его изъ своихъ владѣній. Послѣ того удалился онъ въ Оффенбахъ (?), гдѣ скончавшись, похороненъ съ Царскими почестьями. Между тѣмъ какъ Франкъ собиралъ вокругъ себя толпы неопитовъ, Мендзекборжскій Раввинъ, Михайль Гиршовичъ, положилъ основаніе новой секпѣ, опираясь на ученіе Египто - Александрійскаго Еврея Моисея Маймонида. Франкъ, спрашась вліянія сей новой секпы, основалъ родъ общесства, наследственною главою коего объявилъ самаго себя. Основнымъ правиломъ его было, что Еврей долженъ всегда бытъ

Еврестъ, и хопя можешь для виду слѣдовашь обрядамъ господспвующей вѣры, но въ душѣ обязанъ сохранять свою собспвенную. Вспупаць въ бракъ, какъ съ дочерьми Евреевъ, пакъ и не Евреевъ, было запрещено изъ опасенія, чпобы пайна не вышла наружу. Онъ вмѣнялъ въ обязанность неофицамъ, чпобы они давали дѣшамъ своимъ воспитаніе, сообразное съ спраной, ими обипаемой, всѣми силами спарались бы о своемъ возвышеніи, оппправляли бь всякаго рода гражданскія обязанности, и пакимъ образомъ разпрспраняли бы повсюду свои каспы; между коими одно полько богашспво полагало нѣкопорое различіе. Во всякомъ значительномъ городѣ имѣли они декана, копорый для каждаго изъ сыновей неофина назначалъ званіе, коему юноша долженспвовалъ посвятить себя. Секпа сія считала было многихъ членовъ между чиновниками правительспва и агенпами полиціи, между нищими и купцами. При насполщемъ правленіи Франковой а) дочери, они не посылаюць уже сыновей и дочерей ко двору своей повелипельницы, какъ по дѣлывалось во время ея

а) Франкъ имѣлъ свою гвардію, своихъ сановниковъ, своихъ пажей. Похороны его были чрезвычайно великольпны; гробъ украшался Герцогской короной, и весь дворъ его сопровождалъ печальное шеспвіе.

опца а). Старѣйшины довольствуются собира-
ніемъ церковныхъ доходовъ, которые вруча-
ютъ при подробномъ опчешѣ своимъ началь-
никамъ, а сіи отправляютъ ихъ въ Опш-
геймъ (?), столицу сихъ новыхъ Христіанъ.
Французская полиція упопребляла всевозмож-
ныя спаранія проникнуть пайну сей поли-
пическо-миспической секты: она разослала
было агеншовъ во все мѣспа, даже и въ Вар-
шаву; но они возврапильсь съ одними поль-
ко предположеніями и догадками.

Въ царствование Станислава Августа По-
няповскаго упразднено въ Польшѣ званіе
Главнаго Еврейскаго Раввина б). На извъсп-
номъ конспиуціонномъ Сеймѣ (1788 —
1792), предлагаемы были различныя сред-
ства сдѣлать Евреевъ полезными членами
общества. Хотѣли сблизить ихъ съ сред-
нимъ классомъ, дать имъ преимущества,
коиими пользуются мѣщане; даже назна-
чали награжденія пѣмъ изъ нихъ, кои

а) Изъ каждаго города дѣши, получившія лучшее
воспипаніе, посылались пуда и оспавались памъ до
девяпнадцати или двадцатипѣпняго возраста.

б) Главный Раввинъ, первосвященникъ Евреевъ,
жилъ въ Азін. Онъ обязанъ былъ безпрестанно
скипаться, и на Еврейскомъ языкѣ имповался
Княземъ Рабства.

ножелають посвящити себя землепашеству. Но послѣдовавшая за Сеймомъ война и впрочное раздѣленіе Польши (1793) уничтожили сіи благоразумныя мѣры. Каждая изъ раздѣлившихъ Польшу Державъ поступала съ ними по прежнимъ своимъ обычаямъ, не полагая никакого различія между Евреями, дополь ей подвластными, и новыми подданными своими, Евреями Польскими. Пользу, происпекшую для нихъ отъ такой системы, можно видѣть изъ того, что съ тѣхъ поръ, поспешенно возрастающая, народонаселеніе Еврейское сдѣлалось въ прикрапы сильнѣе народонаселенія Христіанскаго, такъ что нынѣ должно дѣйствительно опасаться образованія изъ сихъ пришельцевъ впрочой Идумей.

Всегда согласные между собою, всегда управляемые старѣйшинами и главами, не признающими никакихъ законовъ, Евреи, въ наспоющемъ ихъ положеніи почишають малѣйшую ссору, произшедшую между Евреемъ и Христіаниномъ, дѣломъ общенароднымъ и всѣ безъ изьянія принимаютъ въ ней участіе. Правленіе ихъ основано на пвердыхъ правилахъ. Каждый городокъ имѣетъ своего Судью, каждый округъ Раввина, каждая Губернія Моренума (ученаго Раввина), каждая частъ Польши, подвластная особенному Монарху, своего Рабби-Моренума (главу ученыхъ). Всѣ Евреи бывшей Польши по-

винующіяся одному Спарѣйшинѣ, который подчиненъ всеобщему, главному Повелителю, Князю Рабства, который имѣетъ пребываніе въ Азіи, и который, какъ уже выше сказано, законъ или полишика предписываютъ непрерывно скипашься изъ мѣспа въ мѣспо а). Судьи сіи и Спарѣйшины, при малѣйшемъ недоспапкѣ въ деньгахъ, налагаютъ всеобщій поспъ; и тогда каждое семейство, если не хочеть подвергнуться проклятію, обязано дневные издержки свои вносить въ общественную кассу. Такими - по средствами помогали они всегда другъ другу въ пѣсныхъ обспояпшельствахъ; на примѣръ, Евреи Липовскіе Евреямъ Польскимъ, Варшавскимъ и Лембергскимъ (Львовскимъ), и обратно. У нихъ есть при ужасныя формулы проклятія: Ниддони, Геремъ и Шамапа. Самая клятва ихъ есть родъ проклятія кляпвонарушителю. Въ отношеніи къ Хриспіанину, клятва недѣйствительна; да по законамъ ихъ, и каждая клятва, данная при Хриспіанинѣ, пропивъ ли него, за него ли, или по его приказанію, считасяся ничпжною. Почпи дѣтми еще вспупаютъ

(а) Предположеніе, что это весьма близко къ преданіямъ о *Вѣчноль Жидѣ* (der ewige Jude), такъ вѣроподобно, что заставляеть насъ сомнѣваться, первые ли мы замѣчаемъ это сближеніе.

они въ бракъ; въ юныхъ лѣпахъ спановятся ошцами семейспва; и такимъ образомъ въ короткое время распложаются на многія поколѣнія. Приспроивъ дѣпей, они почти всегда объявляютъ себя несоспояпельными, дабы пайно передать имъ деньги, кои присвоили себѣ непозвопительнымъ образомъ. Такимъ образомъ, не признавая надъ собой иныхъ законовъ, кромѣ собственнхъ, обманываютъ они правительство.

Хотя принимались различныя мѣры къ изчисленію ихъ народонаселенія, но ни одна изъ нихъ не дала вѣрнаго результата. И вѣра ихъ и выгоды слишкомъ тому прошивяшся. Евреи, по большей части не имѣя недвижимой собственности, легко могли укрываться отъ поисковъ правительства и полиціи; и вѣроятно, едва ли половина часть народонаселенности ихъ внесена въ наспоящую, то есть, послѣднюю (1829) перепись.

Одежда Польскихъ Жидовъ состоитъ изъ кафшана, чернаго или подходящаго къ тому цвѣта, заспегнушаго отъ шеи до пояса, и изъ широкой епанчи, похожей на монашескую рясу. Волосы подспригаютъ они коротко, а на макушкѣ, короткую прикрываютъ шапочкой, советмъ брѣютъ; только на вискахъ опрациваютъ длинные волосы, которые называются *пейсиками*. Они носятъ длинныя бороды и шма-

ны съ широкими полями, или шерстяныя шапки, даже и льпомъ; ходящъ всегда въ шуфляхъ. Во всемъ проспранствѣ Польши Жиды одинаково одѣваются; однакожь нѣкоторые изъ нихъ начинаютъ носить Нѣмецкое платье. Бѣдность, въ коей по большей части живутъ они, сообщаетъ лицамъ ихъ бѣдность и желпизну, копорыя, соединяясь съ неимовѣрною неопрятностью, дѣлають ихъ испинно отвратительными.

Всеобщее презрѣніе жителей Польши къ Евреямъ не успрашаетъ ихъ; напропивъ того помѣщики съ радостію позволяють имъ селиться на своихъ земляхъ. Безъ нихъ жизненные припасы не имѣли бы никакой цѣнности: въ ихъ полько рукахъ получаютъ они нужныя для попребительности пригоповленія, ихъ полько спараніемъ разпродаются съ выгодой для помѣщика, причемъ факпоръ получаетъ въ награду нѣсколько копѣекъ на рубль. Изгоповленіе и продажа водки и пива, мѣльницы и шинки суть золотыя рудники помѣщиковъ, но имѣющіе цѣнность свою единспвенно посредствомъ Евреевъ. Вездѣ есть главный шинокъ, родъ рынка, куда спекаются попребители и шинкари, чшобы запасаться рожью, солью, медомъ, пивомъ, водкой, сѣномъ и овсомъ. Шинкаръ - Жидъ плашитъ почти всегда по-

мѣщичку чиспыми деньгами; почему помѣщички предпочипаюпъ ихъ шинкарямъ-Христіанамъ, часпю до того, что разоряюпъ поселянъ, доспавая изъ-за границы все нужное, посредспвомъ Евреевъ, съ коихъ могупъ взыскивать по желанію. Посему-по вездѣ, въ Польшѣ, Жиды пользуются правами гражданспва, занимаюпся выгоднѣйшими ремеслами, живупъ въ срединѣ городовъ, а Христіанамъ оспаюпся однѣ работы безвыгодныя и пріюпъ только въ предмѣспіяхъ. Преимущеспва, коими пользуются Евреи, проспирраюпся даже до того, что обширнѣйшее селеніе, обипаемое одними Христіанами и земледѣльцами, будеспъ вѣчно слыпъ деревней, *весью*; а прібудъ въ него дюжина Еврейскихъ семей — шаже деревня спанеспъ мѣспечкомъ, городомъ. Тогда, какъ Поляки съ прудомъ даюпъ право дворянспва лучшимъ фамиліямъ, Еврей, принимающій Каполическую вѣру, *ipso facto* получаеспъ дипломъ на дворянспво; если же пріпомъ онъ имѣеспъ средспва купипъ недвижимое имѣніе и землю, по можеспъ смѣло надѣяпся быпъ выбраннымъ въ каждую изъ государспвенныхъ должноспей. Однако; не взирая на споль лакомую приманку, немногіе изъ Евреевъ опречаюпся опъ вѣры опцовъ своихъ.

Почпи всѣ чиспыя деньги находяпся въ

рукахъ Жидовъ : дворяне закладывають имъ лучшія части имѣній своихъ. Словомъ, Еврейская нація, послѣ дворянства, есть первенствующее сословіе въ бывшей Польшѣ. Вездѣ, гдѣ ихъ много, имѣютъ они свои синагоги ; прежде же раздѣлялись во всей республикѣ на провинціи, въ коихъ имѣли поспоянно опредѣленные дни сборищъ ; и опшуда посылали довѣренныхъ своихъ въ Варшаву, гдѣ держался главный ихъ совѣтъ. Чрезъ каждыя шестилѣтъ избирали они Маршала, котораго правительствовало утверждало.

Общее мнѣніе признаетъ Польскихъ Жидовъ хитрейшими въ Европѣ плутами ; но не пошуму ли, что имѣютъ они самыя удобныя средства упражнять свою корыслолюбивую изворопливостъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности? Не они ли въ Польшѣ единственныя производители дѣлъ и не рѣдко единственныя ремесленники? Хотя Еврей могутъ свободно заниматься каждымъ ремесломъ, не подчиняясь цеховымъ уставамъ и издержкамъ, съ нимъ сопряженнымъ ; но по большей части избираютъ они для себя то, что требуетъ меньшаго труда и размышленія ; на примѣръ, спановящся мѣльниками, вепошниками, шорниками, галунщиками, оловяничниками. Однакожь нынѣ, возрастающая ихъ многочисленностъ и вмѣстѣ съ ней бѣдностъ, принуждаютъ ихъ принимашь-

ся за ремесла, пребующія большаго пруда и соображеній, а именно: плошника, шкача, апшкаря, поршнаго, сапожника, переплетчика, книгопродавца и проч. Въ особенноти любятъ они бытъ золошыхъ и часовыхъ дѣль масперами, по удобству къ обману, которое занятія сіи предсавляютъ. Можно бытъ увѣрену, что изъ десяти паяббъ въ девяти вспрѣпишь Еврея испщомъ или опвѣпчикомъ. Рѣдко случается, чшобы полиція, при значительной покражѣ, не опкрыла въ Евреѣ зачинщика или помощника воровства. Имъ извѣсны всѣ уголки въ частныхъ домахъ; они же по цѣлой Польшѣ и скрываютъ у себя краденныя вещи. Къ сожалѣнію по сю пору ни одно изъ многочисленныхъ, прежнихъ и нынѣшнихъ, покушеній—преобразить Жидовъ Польскихъ и подчинить ихъ гражданскому устройству—не было успѣшно; и они оспаютъ донынѣ глубоко нанесенною спрафъ сей язвою.

Не можемъ не сказать еще нѣсколько словъ о находящихся въ Польшѣ Евреяхъ-Караимахъ. Слово *кара* значить писаніе. Караимы послѣдуютъ въ шочности Святому Писанію и опвергаютъ Талмудъ. Баршолоччи уподобляютъ ихъ Самаритянамъ. Евреи, управляемые Раввинами, называютъ ихъ ерепиками и говорятъ, что они держатся мнѣній Саддукеевъ.

Караимы же напрошивъ того упвѣрждаютъ, что нѣтъ ничего общаго между ими и Саддукеями, кромѣ лѣтосчисленія; и дѣйствительно, вопреки вѣрованію послѣднихъ, они принимаютъ безсмертіе души и безплѣтностъ Ангеловъ.

Главное опличіе Караимовъ отъ прочихъ Евреевъ заключаеся въ томъ, что они опвѣргаютъ всѣ преданія, Талмудъ и мечбы Раввиновъ. Вопреки имъ, признаютъ они Бен-Моисея своимъ законодапелемъ. Праздничные дни счидаютъ не такъ, какъ Евреи. По ихъ правиламъ, всякое мясо, дозволяемое Св. Писаніемъ, число, лишь бы живошное не имѣло наружной болѣзни или не было изуродовано. Въ двѣнадцатомъ столѣтіи, Караимы имѣли постоянную осѣдлостъ въ Испаніи; но, по прѣбванію Раввининовъ, были опшуда изгнаны. Въ Ассиріи не было иныхъ Евреевъ, кромѣ ихъ; и, если вѣрись словамъ Мардохел, находились они тамъ весьма въ большомъ количествѣ. Польскія лѣтописи не говорятъ о времени прибытія ихъ въ сію страну. Первыя привилегіи выданы были: отъ Сигизмунда I—Караимамъ Луцкимъ и Волынскимъ; отъ Стефана Бапорія—Караимамъ Галича и Галиціи; и наконецъ отъ Казимира Ягеллона, въ 1444 году—Караимамъ, жившимъ въ Трокапѣ; что въ Липовѣ. Випольдъ, Великій Герцогъ Липовскій, вывелъ, въ шринадцатомъ вѣкѣ, изъ Крыма въ

Троки, 324 семейства; между собой говорятъ они обыкновенно пошарски. Нѣтъ сомнѣнiя, что всѣ они вообще переселились въ Польшу изъ Крыма; но невозможно рѣшительно опредѣлить времени первобытнаго ихъ переселенiя.

Караимы употребляютъ Еврейскую, для Христіанъ напечатанную Библию. Изъ актовъ Польскаго Правительсва видно, что въ продолженiи чепырехъ спольснй ни одинъ Караимъ не былъ осужденъ по суду за уголовное дѣло: что подаешъ весьма выгодное мнѣнiе о вѣрѣ ихъ и нравственности. Число ихъ не слишкомъ велико. Живутъ они большею частію въ южныхъ Губернiяхъ бывшей Польши. Одежду носятъ бѣлую.

Въ заключеніе этого краткаго очерка обитающихъ въ Польшѣ Евреевъ, можешъ быть, слишкомъ рѣзкаго для глазъ чипашелей, никогда не бывавшихъ въ этомъ краѣ, не излишнимъ считаемъ упомянуть о поступкахъ Евреевъ во время народной войны 1794 года. Всѣ они тогда вооружились; и даже соспавился полкъ изъ однихъ Евреевъ. Во многихъ случаяхъ рапники сіи опличались величайшею неуспрашимостью, подъ предводительствомъ Полковника Берека-Яселовича, также Еврея. Всѣ они, до послѣдняго почти челоуѣка, пали съ оружіемъ въ рукахъ. Полковникъ Берекъ,

пережившій ихъ , находился попомъ въ войскахъ Великаго Герцогства Варшавскаго, и въ достопамятную кампанію 1809 года изрубленъ незначай напавшимъ на него опрядомъ Австрійскихъ гусаръ въ селеніи Кокъ, неподалеку опъ Любаркова.

Съ Нѣмец. А. Ш.

VI.

НАДЕЖДА.

Нездѣшняя гостѣя, красавица міра,
 Надежда, надежда — жилица ээира!
 Лепишь она пчелкой, поешъ соловьемъ —
 И сладко и грустно быль съ нею вдвоемъ!
 То въ вѣничкѣ розы сіяешъ росюю,
 То взоры прелесныхъ шумаишь слезюю!
 Но съ нею любимцамъ модвы весельи—
 И всѣмъ она спелепъ въ міръ лучшій завѣшный,
 По свѣтлой лазуріи небесныхъ полей,
 Изъ радугъ сліянный, помосишь семицвѣшный!
 И. Петровъ.

16 Юля, 1831.

КРАСНОДРСКЪ.

VII.

РОСЛАВЛЕВЪ ,
или
РУССКІЕ ВЪ 1812 ГОДУ.

(М. Н. ЗАГОСКИНА)

КРИТИКА.

(Спастья I)

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что *романъ* составляетъ не прихоть, а потребность современнаго возраста творческой дѣятельности. Это внезапное наводненіе всѣхъ образованныхъ литераторъ свѣта *романами* не можетъ быть приписано одному увлеченію въ слѣдъ великаго Шотландца. *Вальтер-Скоттъ* самъ былъ не болѣе, какъ первенецъ современнаго духа: и ежели примѣръ его имѣлъ дѣйствительно могущественное вліяніе, то не по чему иному, какъ по тому, что имъ выразилась всеобщая потребность вѣка, коей спойло быть однажды угаданной, чтобы всюду развилась. Такъ, во множествѣ созвучныхъ струнъ, одна, получившая ударъ, производитъ всеобщее сотрясеніе!

Съ перваго взгляда, это обращеніе *романа* во всеобщую потребность для *нашего вѣка* можетъ показаться противорѣчьемъ. Какъ! Ему ли — *нашему ли вѣку*, споль надменному своею основательностію, положительностію и дѣльностію — находить удовольствіе въ вымыслахъ, кои, по естественному порядку, должны бы составлять исключительную забаву простодушнаго дѣштва? Это расчешливое благоразуміе, выкладывающее ариеметически всѣ біенія жизни,

и—любовь къ *романамъ*! Совмѣщеніе спрашное! Но оно окажется не такъ спрашнымъ, при болѣе внимательномъ и глубокомъ изслѣдованіи!

Общее мнѣніе дасть понинѣ *роману* значеніе фантастическаго сцѣпленія необыкновенныхъ происшествій и не отличаетъ его отъ *сказки* ничѣмъ, кромѣ болшей сложности въ составѣ, искусственности въ обработкѣ и занимательности въ содержаніи. »Эпо *романъ*« — говорятъ обыкновенно о произшествіяхъ, сколько-нибудь пробивающихся за тѣсныя рамки ежедневности. Иногда значеніе сие нѣсколько сдѣсяется; и *роману* поставляется въ необходимую принадлежность извѣстный дозисъ сентиментальности. Эпо отъ новый опшѣнокъ преимущественно имѣетъ мѣсто при выраженіяхъ: *романический, романтическое*. Такимъ образомъ въ дѣйствіяхъ признается *романическое*, когда онѣ основываются не на холодныхъ расчетахъ благоразумія, а повинуются безошчетно внушеніямъ сердца; и потому каждое произшествіе, совершающееся подъ вліяніемъ любви, сей верховной царицы чувствъ, считается въ высшей степени *романическимъ*.

Сіи понятія одолжены своимъ происхожденіемъ не случаю и прихотливости. Таковъ дѣйствительно былъ характеръ сочиненій, называвшихся, до нашихъ временъ, *романами*! Имя сие принадлежитъ въкамъ среднимъ — эпому фантастическому періоду мечтательности и чувствительности. Оно было первоначально *родовымъ* для поэтическихъ произведеній новыхъ *Романскихъ* нарвчій, образовавшихся, изъ обломковъ древняго языка *Римскаго* (Латинскаго), въ устахъ народовъ, обновившихъ Европу, и отсюда его этимологическое происхожденіе. Сіи произведенія, какъ и всѣ произведенія молодости народовъ, имѣли

однѣя характеръ, однѣя тонъ, одно содержаніе. Онѣ были вѣрнымъ эхомъ современной жизни; и потому темою ихъ было по самое рыцарство, съ своими видѣніями и мечтами, съ своими чудесами и причудами, которое одно тогда жило и дѣйствовало на позорищѣ Европы. Въ послѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи творческой фантазіи, произведенія ея, по естественному порядку, должны были сдѣлаться разнообразнѣе: и тогда имя *романа* оспалось *собственными* для нихъ, кои пребыли вѣрными своему первоначальному характеру; точно такъ какъ, во времена классической древности, имя *поэмы*, бывшее *родовымъ* для всѣхъ поэтическихъ произведеній первоначально, когда онѣ всѣ имѣли характеръ эпическій, сдѣлалось наконецъ *собственными* для *эпоса*. Такимъ образомъ *романъ* искони былъ не что иное, какъ народное сказаніе среднихъ вѣковъ; *романтическая* поэма, рыцарскій эпосъ! Его содержаніе составляли подвиги рыцарскаго героизма и рыцарской любви, сотканные вольною фантазіею въ широкую ткань вольнаго разсказа. Сія ткань завязывалась обыкновенно черпою мужества или великодушія, подававшая поводъ къ любовной связи между храбрымъ Рыцаремъ и прекрасною Принцессою, которая, бывъ внезапно прервана недоразумѣніемъ, несчастіемъ или другимъ особеннымъ происшествіемъ, разбрасывала любящихся въ разные стороны и заставляла кружиться по свѣту, пока странное сѣпленіе обстоятельствъ, не безъ содѣйствія сверхъестественныхъ силъ, возводило ихъ, въ награду спаданій, на престолъ Императорскій или, по крайней мѣрѣ, Королевскій. Чѣмъ запущаннѣе и узористѣе была эта ткань, тѣмъ богаче казалась ея занимательность.

Никто и не думалъ требовать отъ ней строгой сообразности съ вещественными условіями бытія. Правдоподобіе и сбывчюность происшествій считались не только бесполезными, но даже положительно вредными для занимательности *романа*: ибо самая дѣйствительность, въ сіи испинно *романическія* времена, не осаженная еще, такъ сказать, опытносію, колебалась, въ волшебномъ мерцаніи чудесъ, подобно зыбкому вымыслу. Таковъ былъ *романъ*, въ цвѣтущую эпоху своего существованія, когда Европейскія либературы перебивали другъ у друга *Короля Артура* съ его *Круглыми Столами* и когда благородные рыцари и благородныя дамы всѣхъ странъ Европы получали образованіе свое изъ *Амадиса Галлійскаго*, подобно какъ древніе Греки и Римляне изъ *Иліады*. Сохраняя сей характеръ, онъ пережилъ дѣйствительность, коей былъ выраженіемъ; и, какъ пріятное воспоминаніе, продолжалъ бытіе предметомъ всеобщей любви даже тогда, когда уже миновалась пора чудесъ и мечтаній, составлявшихъ стихію временъ среднихъ. Въ первой половинѣ XVI столѣтія, когда рыцарская Европа среднихъ вѣковъ, уже давно достигшая зрѣлости, находилась въ кризисѣ преобразовательнаго разрушенія: *романъ*, какъ рыцарскій эпосъ, цвѣлъ еще во всей своей фантастической роскоши и, не смотря на запоздалость, оспаривалъ владычество надъ вниманіемъ у насильственныхъ подражаній классической древности, кои, въ сіе время естественнаго изнуренія, прицѣплялись, подобно чуждымъ расптвіямъ, къ уплому пию ветхаго дерева. Въ Италіи, подъ искусными перстами Пульчи и Баярдо, онъ развился въ число поэтическое изданіе, возведенное наконецъ Аріоспомъ на степень совершеннѣйшей романтической эпохи:

во Франціи, прозанческая наружность мѣшала ему быть поржественно принятымъ въ область поэзіи; но ипѣмъ не менѣе онъ владычествовалъ въ современной словесности, подкрѣпляемый благорасположеніемъ романческаго духа Франциска I. И—какъ шамъ, пакъ и здѣсь—онъ оставался вольною игрою вольной фанпазіи — занимательнымъ сцѣпленіемъ чистыхъ вымысловъ! . .

Но могло ли это продолжаться? Фанпаспическое образованіе среднихъ вѣковъ, коего рыцарскій *романъ* былъ выраженіемъ, погреблось наконецъ подъ собственными развалинами. Жизнь переспала быть свободною игрою свободного духа, какъ въ разгульные времена рыцарства: вѣра въ мечпы ушрапилась, любовь къ приключеніямъ миновалась. Эпа важная пере-мѣна не могла долго оставаться незамѣченною; и въ слѣдъ за шѣмъ *романъ*, какъ чистый рыцарскій эпосъ, еспеспвенно долженъ былъ оказаться анахронизмомъ. Но расположеніе къ эпош формъ поэзіи, въ продолженіе сполькихъ вѣковъ доставлявшей неиспощимыя наслажденія, не могло вмѣстѣ съ шѣмъ изгладиться. По разрушеніи фанпаспическаго зданія среднихъ вѣковъ, любимая рама поэпического разсказа осталась безъ содержанія: надлежало наполнять ее современною дѣйспвишельностію. Но дѣйспвишельность сія, представлявшая изнуреніе ветхой жизни, не собравшейся еще съ новыми силами для того чшобы пересоздать себя, не могла быть предметомъ свѣтлаго, чистаго, невозмущаемаго эстетпического созерцанія и радванія. Въ минуны одушевленія можно было полько почуваться надъ ея развалинами, или надлежало осіявать ихъ искусственнымъ блескомъ. Отсюда еспеспвенное уклоненіе *романа*, опъ первобышней чистоты ры-

царскаго эпоса , въ правоучительную копировку или въ фанпастическое иллюминированіе разочарованной дѣйствительности. Отсюда происхожденіе *романовъ нравственныхъ и сентиментальныхъ* , въ коихъ вольная игра фантазіи обуздана условіями вещественности, въ коихъ вымыселъ покорился опредѣленному намеренію, опредѣленной идеѣ.

Нравственное направленіе, просперіное сначала слишкомъ далеко , изсушило было *романъ* до безжизненной аллегоріи. Но вскорѣ смѣшная спорона дѣйствительности представила фантазіи матеріалы, которые она могла обрабатывать эстетически , не измѣняя принятой обязанности наставницы и обличительницы правды. Отсюда *сатирическій* тонъ *романа* , проявившійся вдругъ, во всѣхъ странахъ Европы, у Боккачіо и Рабле, у Сервантеса и Чаусера. Это перерожденіе *романа* въ сатирическую карикатуру окончилось на послѣдокъ совершенно нѣкою *пародіею* современныхъ нравовъ, кою блистательнѣйшее явленіе представляетъ знаменитый *Жилблязъ Сатилланскій*. Между тѣмъ, съ другой стороны, души болѣе мирныя и крошкя , для которыхъ тяжело было только что издѣваться надъ жизнью, спарались найти другой источникъ занимательности для *романа*, низведеннаго на степень назидательной повѣсти. Они обратили психологически наблюдательный взоръ на нравственную природу человѣческую и въ поэтическомъ разсказѣ пытались обнажить ее до сокровеннѣйшихъ изгибовъ, въ коихъ зачинаются любопытнѣйшія явленія дѣйствительной жизни. Такое направленіе сообщено было *роману* знаменитымъ Брипанскимъ пріумвирапомъ прошедшаго столѣтія, кою намятниками остались: *Памела, Юлианъ Вильдъ* и *Тристанъ Шанди*. Нѣмцы

просперлись еще далье , опредѣливъ пуже раму для анализа умспвенной природы человѣческой и создавъ пакимъ образомъ собспвенно философическій *романъ*, проявившійся сподъ блиспательсно въ *Эдуардъ Альвилъ*, *Вильгельмъ Мейстеръ* и *Титаниъ*.

Явно, что сіе направленіе опклонило *романъ* слишкомъ далеко опъ первоначальнаго своего назначенія: оно преврапнило его въ нѣкоторый родъ дидактической поэмы въ прозѣ. Владычеспво цѣли обнаруживалось въ немъ слишкомъ оцупипельно : и фанпазія, скованная имъ, дѣисповала несвободно, рабски. Эпо еспешспвенно должно было возбуждашь въ ней сожалѣніе о спаринной шпрокой рамѣ рыцарскаго *романа*, гдѣ она находила себѣ проспоръ и волю , гдѣ могла играшь вымыслами, какъ угодно, пикашь и узорипшь ихъ единспвенно для того, чпобъ доспѣвляпшь себѣ удовольствіе. Конечно, рыцарскія преданія , дозволявшія вслчески помыкать собой , уже признаны были вешощью , недостпойною поэпической обработки : но не ужели не лзя было перешкать по ихъ волшебному рисунку и оцвѣпипшь розовымъ ихъ сіяніемъ прозаическую суровую дѣиспвипельность? Такъ думали пшь , въ душахъ коихъ сохранились остаткп дѣдовской мечпательности; и въ угожденіе имъ , фанпаспическое зданіе древняго *романа*, измѣнивъ содержаніе, оспалось при своей прежней формѣ , подобно спариянымъ рыцарскимъ замкамъ , кон , преврапившись въ мирныя жилища , сохранили свои зубчатыя стѣны и гопическія башни. Сначала, изъ міра дѣиспвипельнаго , одпѣ сполько воспоминапія древней испоріи были признаны доспойными рыцарски-романической опдѣлки: и онѣ эпо послужили машеріалами для романовъ *Кальпренда* и *Скюдери*, въ коихъ не-

обузданное своеволие гопического вымысла впервые смирилось предъ вышшими условіями дѣйствительности и покорилось правдоподобию. Это были спранныя созданія, въ конхъ приключенія, взятыя изъ Греческой, Римской и Персидской Исторіи, оцвѣплялись фантастическимъ колоритомъ среднихъ вѣковъ и вмѣщались въ узорчатую ткань рыцарскаго эпоса. Здѣсь, въ испинно гопическихъ характерахъ и сипуаціяхъ, представлялись тѣже самыя подвиги безкорыстнаго богатырсива, тѣже мечтательныя восторги любви, тѣже сраженія долга съ сипрастію, тѣже побѣды великодушія, искренности и кропости надъ силою, обманомъ и варварсивомъ, кои составляли сипихю рыцарскихъ временъ и рыцарскаго *романа*. Но не однимъ только именами сии новыя пикани прицѣплялись къ дѣйствительности: въ сообразность съ современными понятіями, онѣ должны были порабощаться естественному порядку, коего владычество надъ дѣйствительностію утверждалось болѣе и болѣе въ общей увѣренности; и посему чудесное, соспавлявшее душу собственно рыцарскаго *романа*, уступило въ нихъ свое мѣсто необычайному. Эпосъ первый шагъ повлекъ далье. Древнія воспоминанія замѣнились новѣйшими событіями, и свобода вымысла естествененно должна была сипѣсниться болѣе при ихъ обрабошкѣ. По какой-шо спранный судьбѣ, примѣръ дѣвицы Скудери былъ слишкомъ соблазнителенъ для ея пола во Франціи; и *романъ* — въ томъ новомъ видѣ, въ которомъ соспавилъ ея славу — какъ будто съ счастливой ея руки, сдѣмался записною собспвенностію дамъ, ихъ домашнимъ рукодѣлемъ. Это должно было сглаживать съ него болѣе и болѣе спаринную гопическую пышность и дружить его тѣснѣе съ

обыкновеннаго жизнию. Опъ узориспаго раскрашиванья испорическихъ событій онъ перешель мало по малу въ пріятный разсказъ придворныхъ анекдотовъ и сплешней, кои больше были и по сердцу и по силамъ любезныхъ писашельницъ, между коими Графиня де ла Файеншпъ принадлежишь неоспоримо почешное мѣсто. Наконецъ, низведенный пакимъ образомъ въ кругъ обыкновенной дѣйствительности, онъ свергнуль съ себя совершенно оковы испорическихъ именъ и сдѣлался проспю украшеною картинною обыкновенной жизни. Здѣсь единственнѣмъ предметомъ романической апошеозы могла бышь пошько любовь, единственная чаровница, кося волшебные призраки не развѣялись вихремъ времени; и *романы* сдѣлался льпописью ея мечпаній и прихостей, ея спраданій и наслажденій. Такииъ былъ онъ у всѣхъ Французскихъ писашельницъ прошедшаго поколѣнія, опъ суетвяпки Жанлисъ до мечпанельницы Спаль: таковы были *Герцогиня де ла Вальеръ* и *Коринна*. Матерія сия, сколь ни богата сама въ себѣ, моглабъ наконецъ упоминъ своимъ однообразіемъ: прошивъ эпого придуманы были мѣры. Ели пересыпали ужасами, подобно Радклиффу, или приправляли тайнами, подобно Дюкре-Дюменилю, или наконецъ просвѣпляли идеальною мечпанельностию, подобно Августу Лафонпеню. Наконецъ, когда и эппи мѣры опъ употребленія поперяли свое дѣйствіе, Нѣмецкія спешепницы вздумали перевернуть медаль на другую сторону и вмѣсто прежнихъ изображеній шоржесства любви извлекашь новые эффекцы изъ добровольнаго ея принесенія въ жертву холоднымъ расчетамъ благоразумія. Эпо подало поводъ къ происхожденію шакъ называемыхъ *романовъ самоотверженія* (*Entsagungskomane*); коими наводнена совре-

менная Нѣмецкая липература. Въ нихъ суровыя Веспалки Парнасса, заклѣвшись ненавистью къ романтической любви, засманприваютъ зеленымъ взглядомъ василиска въ пайны сердца и безжалосивно закаляютъ его, какъ убранную цвѣтами жерпву, на алпаръ эгоизма. Это самое последнее и самое грустное слдствіе *сентиментальнаго* направленія *романовъ*!

Явно, что и по и другое направленіе искажило первобытный характеръ *романа*, подчинивъ его вольное развитіе опредѣленнымъ понятіямъ и цѣлямъ. И чтожь было слдствіемъ того! Измѣнивъ своему значенію, могъ ли онъ сохранить свое достоинство? Что выигралъ онъ, поперявъ свою, такъ сказать, первобытную поэтическую невинность, чрезъ это несчастное смѣшеніе вымысла съ дѣйствительностью? Онъ не превратился въ испорцію, а пересталъ быть *романомъ*: онъ сдѣлался выродкомъ. Но будучи таковымъ, могъ ли онъ имѣть прочную занимательность? Рѣшительно нѣтъ! И опытъ это доказываетъ. При направленіи *нравственною*, вымыселъ долженъ былъ покориться дѣйствительности, служить для ней покровомъ, оболочкой. При *сентиментальною* направленіи дѣйствительность должна была поработиться вымыслу и привяты его колоритъ. Кроме того, что подобное смѣшеніе двухъ важнѣйшихъ интересовъ не можетъ быть выгодно ни для одного изъ нихъ — въ обоихъ случаяхъ, не пробуждается ли въ возмужалой душѣ пайное негодованіе, что съ ней поступаютъ слишкомъ дѣпски, когда она видитъ, что ее хотятъ "учить забавляя или пѣшить обманывая? И дѣйствительно, только для дѣпей умомъ и сердцемъ могутъ имѣть прелестъ эти созданія, кои предшествовавшее поколѣніе передало намъ подъ име-

немъ *романовъ*. Мы сами, въ счастливые дни нашей юности, не могли опть нихъ опорваться: наши шепущки, для копорыхъ сн счастливые дни еще длянся, не опрываются опть нихъ и понышъ. Но для возмужавшихъ онъ перяюпъ всю свою цѣпу. Только развѣ любознательное вниманіе, доходя до нихъ въ порядкѣ изслѣдованія, съ удивленіемъ измѣряетъ разспояніе, опдѣляющее ихъ опъ древняго корня, съ коего слѣпающъ онъ запоздалыми лнспьями.

Само собою разумѣется, что не эти запоздалыя лнспья соспавляютъ всеобщую поппребность *нашего вѣка*. По какому-шо снранному злоупотребленію, имя *романа* перенеслось шеперь совершенно на особый родъ поэпическихъ созданій, коимъ подобныхъ не представляли ни классическая древность, ни романическія времена средня. Это родъ, угаданный и прославленный Вальпером-Скопшомъ.

Созданія Вальпера-Скопша имѣюпъ общаго съ *романомъ* то, что ихъ ткань соспавляетъ разсказъ поэпическій. Но это вмѣ обще и съ *поэмою*. Слѣдовательно, сполькожъ основаній названъ ихъ *поэмами*, какъ и *романами*. И дѣйствительно, превосходное швореніе: *Old Mortality* (*Шотландскіе Пуритане*) — имѣетъ все величіе поэмы: это современная Иліада. Съ другой спороны, нельзя не сознаться, что гошическое зданіе *Ивангоэ* приближается опущительно своимъ спилемъ и колорншомъ къ роману: это современный Амаднсъ! Слѣдствіе очевидно! Произведенія Вальпера-Скопша не *поэмы* и не *романы*: но онъ имѣюпъ пошже смыслъ и поже назначеніе въ современномъ возрастѣ шворческой дѣятельности, какое имѣла *поэма* въ древнія Греко-Римскія времена и *романъ* въ среднне рыцарскіе вѣки.

Характеръ современнаго возраста творческой дѣятельности опредѣляется общимъ характеромъ современной жизни. Сей послѣдній состоить въ стремленіи къ гармоническому уравненію противоположностей, на которыя распадается бытіе въ своемъ развитіи. Сообразно съ нимъ, таковое же должно быть и современное направленіе творческой дѣятельности. И классическая древность и романтическія среднія времена имѣли совершенно другое направленіе. Выражая собой преобладаніе того или другаго полюса бытія, онѣ и не думали опыскивать для нихъ почву равновѣсія, а помогали только очередному порожеству ихъ. Но сіе порожество не могло быть ознаменовано характеромъ истины: ибо идеаль, въ приближеніи къ коему состоить сія истина, есть вѣчная гармонія бытія. Посему, въ оба эти періода, поэзія не могла быть иначе, какъ вымысломъ. Ей надобно было возвышать всячески сторону, коей она была органомъ, для того чтобы обеспечить насильственное порожество ея. Классическая поэзія хотѣла предспавить челоуѣка рабомъ природы: и, дабы оправдать сію несправедливость, украсила природу всеми прелестями и совершенствами, даже до лучезарнаго величія божественности, въ свѣплыхъ ликахъ боговъ и богинь Олимпійскихъ. Поэзія романтическая усилилась показать природу рабынею челоуѣка: и, для безпеченія рѣшипельнаго преимущества сему послѣднему, надлила его избыткомъ силъ, проспирающихся до сверхестественнаго могущества, въ фантастическихъ призракахъ фей и чародѣевъ. Не таково современное положеніе творческаго духа. Его идеаль есть гармоническое равновѣсіе элементовъ жизни и слѣдовательно сама дѣйствительность: опсиода, опличительный ха-

рактерьъ его поэзіи должна составлять высочайшая истина. Эпо не значить того, что современная поэзія должна быть рабскою копіею дѣйствительности: напропивъ она должна быть вольнымъ ея воспроизведеніемъ, изъ пѣдръ фантазіи, сдружившейся съ жизнью до симпатическаго единства. Сообразность съ сею послѣднею или истина должна посему для ней быть не обязанностію, а естественною принадлежностію.

Только три формы поэзіи возможны: *эпическая*, *лирическая*, *драматическая*. Классическая поэзія, проповѣдывавшая владычество природы надъ человекомъ, оказывала рѣшительное предпочтеніе къ спокойной формѣ *эпической*; и богатая сокровища ея блистательной мифологіи вложены преимущественно въ широкія рамы *эпохи*. Поэзія романтическая, праздновавшая торжество человека надъ природою, любила предпочтительно воспорженный тонъ *лирической*; и ея фантастическіе призраки развились преимущественно въ стройныхъ аккордахъ романсовъ и балладъ, коихъ *романъ* былъ только распространіемъ. Для современной поэзіи—долженствующей представлять человека и природу въ пѣхъ отношеніяхъ политическаго равновѣсія, въ коихъ они состоятъ дѣйствительно — *драматическая* форма должна быть самою удобною. Но ея подчиненіе сценическимъ условіямъ не представляетъ фантазіи довольно простора, въ коемъ она могла бы свободно разбрасывать свои вольныя картины безбрежнаго океана жизни. Попребны были рамы гораздо обширнѣшя: и Вальпер-Скоттъ угадалъ ихъ. Въ нихъ оправлены все его поворенія, извѣсныя подъ именемъ *романовъ*.

Романъ Вальтера-Скотта не принадлежитъ соб-

снвенно ни къ *эпической*, ни къ *лирической*, ни къ *драматической* поэзи; но естъ общая ихъ цѣлоспъ. Сообразно своему назначенію — представляя жизнь въ ся совершенномъ равенствѣ съ собою или въ высочайшей ея испни—онъ распинается широкою панорамною, соединяющею всѣ поэпическія почки зрѣнія и представляющею совокупноспъ всѣхъ поэпическихъ очарованій. Въ немъ соединяюпся посему: *эпосъ, пльсп* и *драма*. И именно —

Оспъ поэзи *эпической* заимспвуесть онъ *историческую изобразительность*. *Романъ Вальтера-Скотта* естъ *эпопея* — поэпическое сказаніе, въ коемъ излагается хронологически послѣдовательный рядъ собыпій, представляющихъ характеристическую испорію челоѳчеспва въ извѣстный моментъ быпія его. Онъ имѣетъ и обширноспъ и разнообразіе и многосложноспъ *эпопей*; даже прѣвосходишь ее въ эпомъ отношеніи; ибо можетъ дозволять себѣ болѣе вниманія къ мѣлочнымъ подробноспямъ, если находишь ихъ нужными для полноны и ясности. Точно также какъ въ эпопей, сіе многоразличіе маперіаловъ, входящихъ въ составъ романа, имѣетъ средопочіе свое въ героѣ, судьба коего составляетъ посему главную основу всей его пкани. Но эпопей герой можетъ и не бышь, какъ намъ, избраннымъ любимцемъ; въ жерпву коему приносились бы всѣ прочія лица. Наровнѣ съ ними носится онъ по морю жизни: и только рѣзкія черпы характеристической фзіономіи заслуживаютъ ему предпочпительное вниманіе. Прочія лица, не теряя своей самобыпности, состоятъ съ нимъ въ болѣе или менѣ пѣсныхъ сношеніяхъ, съ собственнаго вѣдома и произвола, или даже безъ вѣдома и произвола, но никогда безъ доспапочныхъ причинъ, на-

ходящихъ естественное изъясненіе въ характерѣ лицъ или въ ходѣ обстановка. Коротко сказавъ, *романы* разспилася огромною историческою картиною, коей всѣ частн подчинены пропорціямъ общаго размѣра и расположены въ одной общей перспективѣ.

Опъ поэзіи *лирической* заимствуешь оны *романтическое одушевленіе*. Въ *романѣ Вальтера-Скотта* происшествія и лица представляются не съ пѣмъ спокойнымъ хладнокровіемъ, какъ въ мраморныхъ изваяніяхъ эпоса. Оны согрѣваются теплотою жизни, возбуждающей къ нимъ сердечное участіе. Чрезъ романическое сполкновеніе спраспей и прихоспей представляемыя лица приводятся въ совершенно *лирическія* ситуаціи; имъ предспавляется тогда полная свобода изливашъ свою душу и обнажашъ сокровеннѣйшія тайны своихъ завѣрныхъ думъ и чувствованій. Въ эпосѣ опношеніи, *романѣ Вальтера-Скотта* оспается опчасти вѣрнымъ своему имени: ибо, подобно наспоощему *роману*, представляеть исторію сердца. Только въ немъ гораздо болѣе положительности, болѣе вниманія къ вещественнымъ условіямъ жизни. Сердце представляеться въ немъ, не во всей эирной свободѣ идеальнаго самозабвенія, а подѣ игомъ вѣншихъ жипейскихъ ограниченій. Оны не забываешь, что предметъ его не вольная поэзія уединенной души, а мѣрная проза общественной жизни.

Наконецъ опъ *драматической* поэзіи заимствуешь оны *живую дѣятельность*. *Романѣ Вальтера-Скотта* не есть группа спашуй, приводимая въ движеніе всемогущею силою рока: оны напрошивъ еспъ позорище, на копоромъ живыя лица дѣйствуютъ сами изъ себя, своими внутрениими силами. Начало свободы господствуетъ въ немъ, какъ въ драмѣ. Судьба смиряеться

предъ самостоятельностью дѣйствующихъ лицъ : и давленія, производимаго внутреннею тяжестью ихъ характеровъ, доспапочно для того, чпобы приводить въ движеніе весь механизмъ *романа*. Случай является иногда къ нимъ на помощь, но допускается къ участию не иначе, какъ по ихъ явному или пайному согласію. Словомъ сказать, *романъ Вальтера-Скотта* ни съ чѣмъ болѣе не имѣетъ сходства, какъ съ драмою. Онъ опличается отъ ней только болшею обширностью и болшею медленностью въ развитіи; ибо, не ограничиваясь никакими предѣлами пространства и времени, дозволяетъ себѣ двигатъся не въ однихъ только характерахъ и дѣянійхъ, но сполькожь или еще болѣе въ помыслахъ и происшествіяхъ, кои развиваются пише и медленнѣе.

Въ силу споль пѣснаго внутреннего общенія со всѣми према родами поэзіи, *романъ Вальтера-Скотта* присвоаетъ себѣ полную свободу приниматъ и наружныя формы всѣхъ ихъ безъ различія. Ему равно дозволяется и *эпическая* форма разсказа и *лирическая* форма переписки и *драматическая* форма разговора.

И пакъ собственнымъ опличительнымъ характеромъ рода созданій, прославленнаго великимъ Шопландцемъ, состоитъ въ томъ, что онъ представляетъ полную картину жизни, въ ея дѣятельномъ развитіи, строго подчиняясь всѣмъ вещественнымъ условіямъ, но между тѣмъ предоставляя себѣ свободный выборъ и успроеніе занимательныхъ почекъ зрѣнія. Сія послѣдняя, собственно *романическая* черта, опдѣляетъ его существенно отъ *исторіи*, которая не власна никакъ распорядатъся изображаемыми явленіями жизни, а обязана представлять ихъ подъ однимъ непреложнымъ угломъ естественной перспективы. Онъ

есль также *исторія*—но отраженная не въ прямомъ, а искусственно усвоенномъ зеркаль, гдѣ явленія сохраняютъ свою физіономію и цвѣтъ, но перемѣняютъ относительное положеніе свое другъ къ другу, для образованія цѣльной картины, сообразной съ предположенною идею.

Въ этомъ смыслѣ понимаемый *романъ* соспавляетъ общую потребность *нашего вѣка*, коей онъ еще можетъ спыдаться; и съ этой почки зрѣнія мы рассмотримъ теперь новое произведеніе *Загоскина*, который одинъ еще пока вводитъ нашу словесность въ соревнованіе съ прочими Европейскими липературами для удовлетворенія сей общей потребности.

(окончаніе слѣдуетъ)

VIII.

БИБЛИОГРАФІЯ.

— УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, *находящихся на первой Московской Выставкѣ, 1831 года. Москва, въ тип. С. Селивановскаго, 1831.*—дополненіе. *Москва, въ тип. С. Селивановскаго, 1831.*—Кто изъ бывшихъ въ Москвѣ прошлаго весною не былъ на Выставкѣ? Кто не любовался эгимъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ народнаго трудолюбія и смышленности, догоняющей такъ быстро Европу на пути усовершенствованія? Кто при видѣ столь многочисленныхъ и столь блистательныхъ памятниковъ настоящаго и залоговъ будущаго шоржества просвѣще-

нія, пакъ недавно еще разсвѣнувшаго надъ нашимъ опечесивомъ, не преклопился предъ могуществомъ Русскаго духа, не гордился Русскимъ именемъ?

Мы ругаемся за чувсхва Русскихъ, за наши чувсхва. Московская Выспавка была для насъ неиспощимымъ испочникомъ наслажденія. Во все время ея опкрышія огромныя залы Благороднаго Собранія были наполнены посѣпшителями, кон, если приходили шуда съ однимъ холоднымъ любопытствомъ, то, переступая первый порогъ, разогрѣвались навѣрно теплымъ учаспіемъ. Эпо путешествіе, какъ будно по излучистому лабиринпу, между сполами, вѣшалками и горками, расположенными въ симметрической спройности и убранными, со всею прелестью изящной драпировки, блестящимъ разнообразіемъ несмѣпныхъ издѣлій промышленности, производило непреодолимое очарованіе. Взоры перялись, не зная, на чѣмъ остановіться; и полько слышались опвсюду восклицанія: «*c' est charmant, délicieux, superbe!*» прекрасно, превосходно! « Свобода покупать выставленные издѣлія произвела какую-то всеобщую жадность; ихъ брали на расхвашъ; желаніе имѣть у себя что-нибудь съ Выспавки сдѣмалось временною необходимостію, модною бользнію. Ахъ! еслибы эпа эпидемія, излѣчиваемая домашними средствами, обрапилась совсѣмъ въ хроническій недугъ; тогда самыя скупыя мапсри и самыя брюзгливые мужья долгобъ не подумали о каравшинныхъ мбрахъ для кошельговъ своихъ!

Но не всѣ приходили на Выспавку за однимъ полько удовольствіемъ. Иные, налюбовавшись въ сладость уствхами опечесивенной промышленности, пересмапривали выставленные издѣлія вновь, съ болѣе спокойнымъ вниманіемъ, дабы на основаніи ихъ, опредѣливъ на-

стоящую степень развитія народной дѣлательности, обратъ вѣрнѣйшія надежды для будущности. Облегченіе средствъ для подобныхъ соображеній составляетъ одну изъ главныхъ цѣлей, предполагаемыхъ при Выставкахъ. Не лзя однако сказать, чшобы расположеніе нашей Московской Выставки показывало особенное вниманіе къ этой цѣли. Вещественный порядокъ, по кошорому произведенія промышленности, слѣдуя другъ за другомъ, представляютъ одну непрерывную лѣспвицу, удобообъемлемую однимъ умственнымъ взглядомъ, можетъ бытъ, съ намѣреніемъ, былъ пожертвованъ въ ней эффектѹ. Она представляла зрѣлище прекрасное, но не усовершенное, по началамъ Технологіи, въ одну правильную систему. Наблюдатель возвращался съ ней, обогащенный многими любопытными подробностями, но не съ цѣльнымъ взглядомъ на состояніе опечесвленной промышленности.

При появленіи книжки, названной *указателемъ произведеній отечественной промышленности*, мы надѣялись найти въ ней эпо важное опущеніе восполненнымъ и предполагали, что она доставитъ наблюдателю вѣрный компасъ, при руководствѣ коего онъ не заперяется въ эпомъ несмыслимомъ разнообразіи. Но къ сожалѣнію, надежды наши не сбылись, предположенія не оправдались. Эпо простой реесиръ, безъ всякаго порядка и единства. Сначала онъ какъ будио слѣдуетъ порядку размѣщенія издѣлій на Выставкѣ; но потомъ перепасовываетъ ихъ между собою, ни по съ намѣреніемъ, ни по безъ намѣренія—Богъ въспъ! Установленные въ немъ *отдѣленія* для произведеній промышленности удивительно какъ странны. Такъ н. п. одно *отдѣленіе* (XVIое) назначено для *машинъ и разныхъ инструментовъ*; другое (XVIIое)—для *физическихъ и математи-*

тескихъ инструментовъ(!); преспѣе(XVIIПос)—для *хирургическихъ инструментовъ*(!!); и п. п. Особенножь изумило насъ послѣднее *отдѣленіе* (XXXое), назначенное для *разныхъ предметовъ* (!?), къ коимъ отнесены подъ рядъ: *картины, образа, духи, помада и горчица* (!!!). Коротко сказаць, для любопытнаго наблюдателя, Московская Высавка и при эпомъ *указатель* оспаешя лъсь лъсомъ.

Съ неперпнѣемъ ожидаемъ полнаго описанія ея, порученнаго, какъ увѣряють, Князю П. А. Вяземскому. Мы надѣмся, что это описаніе представитъ въ полной и спройной картинѣ разнообразнаго произведенія опечеспвешной промышленности, бывшія для насъ предметомъ папріопической гордоспи и наслажденія, такъ что вниманію легко будетъ, окинувъ ихъ однимъ могущеспвешнымъ взглядомъ, опредѣлить наспоящее соспюдіе, угадать будущія потребности и, сообразивъ со средспвами и способами, постпигнушь идеаль полнаго развитія Русской народной дѣятельности.

— одесскій альманахъ на 1831 годъ, *изданный П. Морозовымъ и М. Розбергомъ. Одесса, въ Городс. Типографіи, 1831.*—Привѣтспвуемъ радоспно эту первую гирлянду цвѣшовъ съ береговъ Евксинскаго Пошпа. Они и свѣжи и благовонны и, что наконецъ всего пріятнѣе, по большей часпи, дышаць югомъ родины. Эша послѣдняя черта въ нашихъ глазахъ даешъ ей рѣшителное преимущеспво предъ всѣми прочими сборниками, являющимися подъ именемъ альманаховъ: ибо мы видимъ въ ней не проспую визанку всякаго злака и былія, а началки литературной жатвы цѣлаго края, должеспвующаго имѣть свою собспвенную, особенную, характериспическую фзисіономію. Посему мы сочли бы

даже излишними наши чисто сѣверные цвѣты, къ нимъ прилепленные, еслибы не уважали въ нихъ залоговъ брагскаго союза — коимъ да освящаются все явленія жизни, развивающейся въ безмѣрномъ пространствѣ нашего отечества!..

Прозаическая часть альманаха ознаменована преимущественно эпимъ характеромъ мѣстности. Стихотв., составляющія ее, почти все имѣютъ отношеніе къ Одессѣ, или вообще къ южному краю Россіи, коего она теперь средопочіемъ и предсѣвательницею. Одна изъ нихъ слишкомъ уже важна и учена для альманаха: это розысканіе *о предполагаемомъ мѣстоположеніи Діанна Храма въ Тавриду* (298—307), знаменитаго нашего археолога *И. П. Блараиберга*. Другія довольно сухи и мало оживлены, какъ стихотв. объ *Одессѣ* (1—39, 45—73) одного изъ Издателей альманаха. Но *отрывокъ изъ походныхъ записокъ* (331—359) *Пацковскаго*, содержащій воспоминанія о Бухарестѣ, и *письмо изъ Крыма* (110—131) *Теплякова* — написаны живо и заманчиво. *Радаисъ и Индаръ, Скиоскій Расказъ* (194—219), *отрывокъ изъ древней Греческой рукописи, И. А. Стелмковскаго*, воскрешаетъ преданія отдаленнѣйшей древности, почивающей уже цѣлыя тысячелѣтія сномъ непробуднымъ, на берегахъ Ворисена и Ипаниса. Не дурно рассказана *жизнь Говарда* (132—152); незабвеннаго въ львописяхъ Новороссійскаго края, *Левшиньльмъ*. Но первое мѣсто между всеми прозаическими стихотв. неоспоримо принадлежитъ *письму изъ Одессы* (386—405), подъ фирмою Р.*** Оно содержитъ въ себѣ краткій отчетъ о путешествіи изъ Москвы въ Одессу и первый свѣжій взглядъ на эпоху, говоря его же словами, *илипровизированный городъ*. Все это передано въ немъ съ одушевленіемъ поэтическимъ и языкомъ воль-

нымъ, смѣлымъ, рѣзкимъ. *Картины Сѣвера* (220—229), *Ө. Н. Глинки*, получающъ особенную занимательность отъ того, что находящся вмѣстѣ съ картинами юга.

Изъ произведеній собственно *поэтическихъ*, въ стихотвореніяхъ *Теплякова* преимущественно слышатся эхо южнаго вдохновенія. Между ними особенно замѣчательна *вторая Оракійская Элегія: Толисъ* (157—160). Это — поэтическое видѣніе пѣвни Овидія. Стихъ ея легко и звученъ: по шкань нѣсколько распянута и однообразна. Прочія стихотворенія собраны съ нашего сѣвера. Между ними съ удовольствіемъ прочитали мы *первый прологъ Гетева Фауста* (310—319), переведенный *А. Шишковымъ* 2-мъ, *Ощипанную Ворону* (240—242), басню, сочиненія того же *Шихова*, замѣчательную особенно своимъ правоученіемъ, и *Прометейя* (106—107); подражаніе Байрону, *М. Юз*. Но въ *Сельской Вечерѣ* (259), *Ө. Н. Глинки*, намъ бы не хопѣлось бытъ свидѣтелями слишкомъ прозанческаго, такъ сказать, *оземленія* фантазій, знакомой съ высшими источниками вдохновенія, а въ стихотвореніяхъ *Языкова*—(*Весенняя ночь, Элегія и Перстень*)—даже болшо было видѣшь эпошъ благовошній оиміамъ свѣпаго одушевленія, сожигаемый на жертвенникъ недошпойномъ. Переводъ изъ *Валленрода* (74—104), *Вронгенко*, поразилъ насъ также не малымъ изумленіемъ. Мы не узнали переводчика *Дзлдова* и *Гамлета*. Языкъ Русскій оказываецъ ему удивительную непокорность. Иногда встрѣчается такая разспаповка словъ, что изумила бы Тредіаковскаго и Рубана: такъ и. п. въ слѣдующихъ стихахъ:

Кого правосуднымъ рѣшеніемъ

Святыхъ твоихъ знаками *мужъ* облечемъ;

Кто рати досшойно *Петровымъ* управитъ *летели*

И въ бой *предь* невѣрныхъ *пожгли*
 Съ *свлицетили* спанешъ небесь *знаменали*;³
 Сымы же земли да смпрятъ и сердца и успа
 Предь мужемъ, котораго перси *звздой* осѣнялся
креста! (23)

Попадаюшя пакже новья слова, весьма неудачной
 спройки; какъ и. п.

Днесъ Хрисіанство, *подложникъ* земной
 Превѣчнаго Трона; (82).

или :

Завернушь въ плащъ, покуда не *задильтея*; (92)

или еще :

Надзорникъ лишь недвижимъ, впереди. (82)

Не менѣе спранности въ иныхъ сочепаніяхъ выраже-
 ній, назначающихся для сосравненія цѣльнаго образа :
 такъ и. п. въ одномъ мѣспѣ *змію* даешя *скользяка персь*
 (95); въ другомъ *лѣслиу* оставляешя одно только *око*
 (84), такъ чпо эпотъ бѣдный почный пупшикъ, пожало-
 ванный однажды на нашемъ Парнассѣ въ *плышисыге*, пе-
 перь объявляешя *одноглазымъ*. Но за всѣ эпн небольшія
 непріятности *Одесскій Альманахъ* вознаграждаешъ
 спорницею, обогативъ насъ испинно безцѣпнымъ пер-
 ломъ, одою *Державина*, которая доселъ была неиз-
 вѣстна. Ея предмешъ — *человѣкъ*. Вотъ она:

Изъ пѣдръ глубокихъ водъ сребрисныхъ
 Лапоны гордый сынъ грядешъ;
 Съ власовъ румяныхъ и волнисныхъ
 Сафиръ, лазуръ и пурпуръ лешъ.
 Лучи съ спруями водъ смѣшались,
 По грозной влагѣ разливались;
 Блеспятъ, какъ молніи, во мглѣ,
 Какъ огонь блистаетъ въ кристалѣ.

Сидя въ молчаніи глубоко, —
 Чело на длань я преклонилъ —
 И мыслію, разсудкомъ, окомъ
 Къ непоспижимости парилъ;
 Опъ ада къ небесамъ взвивался,
 Какъ искра въ облакахъ перялся,
 Какъ капля въ океанѣ водъ,
 Какъ въ вѣчности пропекшіи годъ.

Природа вся еще дремала,
 На лоно сна облокошясь,
 Нева едва въ брегахъ мелькала,
 Съ журчаньемъ пихимъ въ Бельшъ ліясь;
 Спруи, какъ вѣтерки, клубились,
 Въ пучину, не-хотя, спремилсь,
 И въ чистый превращясь хрусталь —
 Горятъ, какъ въ яркомъ горнѣ спаль.

Пушемъ, лазурью покровеннымъ,
 Фебъ гордый выше восходилъ;
 Перспомъ румянымъ, позлащеннымъ
 Небесны своды золошилъ;
 Лучи въ окно ко мнѣ мелькали,
 Огни на люспрѣ рисовали —
 Тамъ яхонтъ, пурпуръ, тамъ кораль,
 И блескъ мгновенно исчезалъ.

Песчинка малая въ пучинѣ,
 Гигантъ и карликъ — чловѣкъ —
 Воззри — и въ сей найдешь карпинѣ
 Свой крапкій, преходящій вѣкъ:
 Какъ солнце ушромъ ты сіяешь,
 Какъ пѣнь съ зарею исчезаешь;
 Ты живъ; коль огонь свой свѣшь ліеть,
 Ты мершвъ, когда перестаетъ!

Ты спроишь, рушишь, созидаешь,
 Какъ Богъ всемошною рукой;
 Міры десницею попрясаешь,
 Громами правишь, пининой;

Ты мыслью бездны проникаешь ,
 Ты персть — и съ перстью исплѣваешь;
 Паришь подъ землю, къ солнцу, въ адъ —
 Ты прахъ, пы мощный Энкеладъ?

Ты силою воображенья
 Постигъ печеніе планетъ,
 Исчислилъ мѣру ихъ движенья,
 Обнялъ ихъ свойспѣва, мракъ и свѣтъ.

.....

Ода сія оспалась недокончанною. Подъ ней не пужно подписывашь имени, чпобы узнатьъ, кому она принадлежишь. *Державинъ* въ ней выражается,

Какъ солнце въ малой каплѣ водъ !

Изданіе *Одесскаго Альманаха* дѣлаеть честь типографіи импровизированнаго города. Къ нему приложены: поршреть *Герцога Ришелье*, видъ *Одесскаго приморскаго бульвара*, видъ *пристани Кугукъ-Лалѣбата*, *Партеитты и горы Аюдагъ*, карта, изображающая *часть береговъ Тавриды* и двое нопъ: однѣ на *Татарскую пльню* (слова *Теплякова*, музыка *Бороздиной*), другія на *романсъ* (слова и музыка *Вронченко*).

—МЕРТВЫЙ ОСЕЛЪ И ОБЕЗГЛАВЛЕННАЯ ЖЕНЩИНА. 2 Части. Переводъ съ Французскаго. Москва, въ Универс. Типографіи 1831.—Ужасное липературное чудовище, порожденное въ припадкахъ люпѣйшаго ожеспоченія на жизнь и на все живущее ! Въ нашъ вѣкъ всеобщаго разочарованія, презрѣніе и ненависть къ жизни, явленія не слишкомъ рѣдкія ! Особенно въ минупы поэпическаго одушевленія, когда шрупъ быпія, освѣщенный яркимъ факеломъ фантазіи, предспаеть во всей ужасающей нагопѣ своей, черная желчь разливаепся въ душѣ, не укрѣпленной свѣплюю вѣрою и

живымъ упованіемъ. Отсюда эпидемическое расположеніе современной поэзіи къ убійственному сплну, коего причину должно полагать не въ одномъ заразительномъ примѣрѣ Байрона. Во Франціи, по сю пору, это расположеніе не имѣло многихъ жертвъ. Но примѣръ Виктора Гюго, корифея современной Французской поэзіи, былъ слишкомъ соблазнительнъ; и разсмаприваемое шеперь нами созданіе представляеть почти нес plus ultra мизантропическаго ожесточенія.

Произведеніе сіе сначала было принято за пародію на *Послѣдній День Приговореннаго къ смерти*. Но это не пародія, а продолженіе — впорыи акшь ужасной пышки, начатой Викторомъ Гюго надъ бѣдною природою человѣческою. Въ твореніи Виктора Гюго представлена только льпопись медленной физической смерти: она богата раздрающими подробностями, но не совсѣмъ безопрадна; ибо представляеть сокрушеніе природы человѣческой подъ неоторимымъ могущеспвомъ внѣшняго насилія, послѣ долговременной борьбы съ нимъ—изображаеть ея, такъ сказатъ, паденіе на полъ биввы. Но разсмаприваемое нами произведеніе еспъ ужасная карпина смраднато гнѣенія нашего внутрсенятаго организма—того, что человѣческая наша природа имѣеть драгоцѣннѣйшаго и священнѣйшаго. Съ безжалоспнымъ жестокосердіемъ выспавляеться въ немъ на позоръ правспвенная жизнь наша въ своихъ благодннѣйшихъ явленіяхъ. Налучшій цвѣтъ ея, прелеспная дѣвушка, хладнокровно провожаеться изъ свѣтлаго рая ангельской невинности, чрезъ всъ пропасни разврщенія и злодѣспва, на заслужеспную гильопину. Это варварское зрѣлище обспавлено декораціями, равно ужасными, задушатоющими постепешо всякую вѣру въ доспоиненіево человѣческое. Хошпне ли пройспсь вече-

ромъ по бульвару съ злосчастнымъ непамятливкомъ? Какая отвращительная перспектива предъ вами раз-
вертывается! »Я начиналъ въ Басмиль«—говорить
онъ, съ убійственнымъ хладнокровіемъ. »Тамъ раз-
вратъ еще скромнѣе, еще не такъ явентъ . . . начи-
нается съ какого нибудь ребенка, поющего срамную
пѣсню, для удовольствія матросовъ и приказныхъ.
Идите далѣе . . . развратъ другого рода: черненькой
передникъ, бѣлые бумажные чулочки, простенькой
чепчикъ, скромный и бѣглый взглядъ, медленная и бояз-
ливая поступь . . . крадется по сѣнѣмъ, какъ будто
опасаясь встрѣчи съ чумнымъ. Далѣе развратъ наряд-
ный . . . потомъ развратъ юноши: шаль, приди-
цать шесть лѣтъ, наемная карета, спектакль и
спудентъ, промотавшій все претное жалованье . . .
наконецъ, развратъ большаго барина: молодая и вид-
ная женщина, очаровательная и нарядная, однимъ
словомъ — шанцовица . . . Теперь развратъ являет-
ся во всей силѣ . . . У перекрестковъ спарухи пред-
лагаютъ вамъ соблвенныхъ своихъ дочерей; шупъ
доперейные дома . . . Взгляните вверхъ—какое освѣ-
щеніе! . . . откуда оно? изъ игрецкихъ и публичныхъ
домовъ. На самой высотѣ этой башни дѣлаютъ фаль-
шивую монету: а тамъ на углу, жена рѣжетъ своего
мужа, сытъ обкрадываетъ опца . . . слышите ли!
Какой ужасной звукъ! . . . Нѣчто тяжелое упало въ
Сену: то можете быть молодой человекъ . . . его
несетъ по теченію . . . послѣ зазира его найдутъ
въ сѣняхъ у Сен-Клу!» (I. 52-55). Нѣтъ! Это уже
слишкомъ . . . Но для испуганной фантазіи оп-
верженнаго, падшаго духа—и этого еще мало! Она по-
прысаетъ своимъ пламенникомъ надъ прелестнѣйши-
ми, умилительнѣйшими явленіями нашей жизни: и — на

нихъ освѣтѣняется адское зарево!... Не смотрите на эту веселую игру любви, дышущую невинностью (II. 106-110): по проба гильотины! Отвернишесь опъ эпой прекрасной картины мирнаго семейственаго счастья (II. 147-155): это комчапа палача!... о! horrible! horrible! horrible!... Это медленное перзаніе, разъяніе, такъ сказать, по суставамъ внушрняго нашего организма, безжалостное попребленіе всего, чъмъ красуется наша жизнь, чъмъ гордился духъ нашъ — что значипъ предъ нимъ » операція каменной болъзни » или « препанировка черепа » (I. 83)?

Во Франціи, крипика изъявила справедливое негодование на это пресступное *lèse-majesté* челоувъческой природы. Но у насъ на Руси, *Съвернал Пчела*, вздумавъ, при увѣдомленіи, о переводѣ подашь свой мушпный голосъ, насмѣшила весь народъ православный. Нацъпавъ другъ на друга множество длинныхъ ципашъ изъ различныхъ Нѣмецкихъ писапелей, она не сказала ни слова о дѣль; такъ что многіе, прочипавъ, усумнились — *мертвого ли осла* это рецензія?...

Что касается до перевода, то языкъ Французскаго подлинника опличается какою-то энергическою дикостью, копорой на Русскомъ непримѣнно и шѣни. Грѣшно бѣ однако было слишкомъ на него съшпывать. При всѣхъ типографическихъ ошибкахъ, его можно чипашъ — хопя кой-гдѣ съ распановкой, но за шо — вездѣ почпи съ смысломъ.

— КРЕСТНАЯ МАМЕПКА, комедія - водевилъ въ однолю дпйствіи, Скриба, Локруа и Шабо. Съ Французскаго перевелъ Д. Ленскій. Москва, въ типографіи А. Селена, 1831. — Усердіе Г. Ленскаго, обогащающаго

неупомимо репернуаръ нашъ удачными переводами Французскихъ театральныхъ новостей , особенно водевилей , заслуживаетъ справедливую благодарность. Между многочисленными его пиродами , *Крестная Мамелъна* принадлежитъ къ лучшимъ. Публика давно уже любитъ ея въ предспавленіи , которе повпоряется весьма нерѣдко. Что же послѣ того сказать о крикунѣ , не постыдившемся , при появленіи ея въ печати , обругать *Г. Ленскаго* дюжиннымъ переводчикомъ , ни за что , ни про что? Конечно, это не сповитъ того , чтобы сердиться! Мало ли что бываетъ на свѣтѣ? И на театрѣ. Эдуардъ поетъ *Крестной Мамелънкѣ* :

Я чувствую все бѣшенство мое!
 Чего хочу — и самъ не понимаю...
 Такъ я бѣшусь ужасно на нее...
 А почему? и самъ того не знаю (54).

Къ книжкѣ приложенъ порпретъ *Гжи Львовоѣ-Силецкоѣ* , украсившей , по выраженію переводчика и по нашему мнѣнію , сію піэсу своею *отличною* игрою.

—Schillers Leben, verfaßt aus Erinnerungen der Familie, seinen eignen Briefen und den Nachrichten seines Freundes Körner. Erster Theil. Stuttgart und Tübingen, in der F. G. Cottae'schen Buchhandlung, 1830. (жизнь шиллера, составленная изъ семейственныхъ воспоминаній, собственныхъ его писемъ и извѣстій друга его Кернера. Часть Первая. Штутгартъ и Тюбингенъ, у Коттъа, 1830.)—Эта біографія Шиллера опличается опъ другихъ преимущественно письменными докуменстами. Просто, опкровенно и вѣрно изображены въ ней важнѣйшіе моменты жизни , и именно юность великаго поэта ,

безъ всякой риторической и сентиментальной прикрасы. Если въ чемъ можно упрекнутьъ эту біографію, то развѣ въ излишество нѣкоторыхъ слишкомъ мѣлочныхъ подробностей, которыя могли бытъ занимательны въ кругѣ семейственомъ, но не для публики и потомства. Однако и между письмами, въ коихъ говорится объ однихъ только семейственныхъ происшествіяхъ, о женщинахъ, дружбѣ и визитахъ, попадаются такія, въ коихъ рѣчь идетъ о знаніи и искусствѣ, въ коихъ говорится не обыкновенный только семьянинъ и человекъ, а гений. Онъ еще имѣющъ по преимуществу, что въ нихъ поэтическій характеръ *Шиллера* выражается искреннѣе и открытѣе. Такъ и. п. весьма имперечно его слѣдующее признаніе, свидѣтельствующее ясно, какого личнаго участія опъ поэта преобладалъ онъ для поэзіи. » Эпо неоспоримая истина «— говоритъ онъ — » что мы должны бытъ друзьями своихъ героевъ, когда намъ слѣдуетъ въ нихъ *трепетать, килтъ, плакать, отгадываться*; что намъ должно предсавлять ихъ, какъ людей, существующихъ внѣ насъ; повѣряющихъ намъ свои сокровеннѣйшія чувствованія и изливающихъ въ нашу грудь свои спраднія и радости. Такимъ образомъ наше *чувствованіе* есть только отраженіе, не первобынное, а симпатическое ощущеніе. Мы поэты *тогда* преимущественно и прогаемъ и попрясемъ и воспламеняемъ, когда сами чувствуемъ подобный *ужасъ* или подобное *состраданіе* къ нашимъ героямъ. Одинъ великій философъ, котораго я не могу теперь припомнить, сказалъ, что симпатія возбуждается вѣрнѣе и сильнѣе симпатією. Нынѣ я понимаю это изреченіе во всей его ясности. Поэтъ долженъ бытъ *не только живописцемъ* своего героя—онъ долженъ бытъ

его *любовницей*, *задушевнымъ другомъ*. Нѣжностію любящаго схватывается тысячи спончайшихъ опшнѣнковъ, ускользящихъ опъ пронцапельнѣйшаго наблюдателя. Кого мы любимъ, въ томъ добрую и худую сторону, счастье и несчастье, чувствуемъ гораздо обширнѣе и полнѣе, чѣмъ въ томъ, кого не сполько любимъ, сколько *знаемъ*. По этому Юлій Тарентскій прогальменя гораздо больше, чѣмъ Эмилія Лессингова, хотя Лессингъ безъ всякаго сравненія лучшій наблюдатель, чѣмъ Лейзевицъ. Но онъ былъ сполько зритель своихъ героевъ, а Лейзевицъ былъ ихъ другомъ. Поэтъ долженъ бытъ, если можно такъ сказать, своимъ собственнымъ чинапелемъ, и, если онъ работаетъ для сцены, своимъ собственнымъ парперомъ и публикой.

Если здѣсь *Шиллеръ* показываетъ намъ одно изъ прекраснѣйшихъ свойствъ своего сердца, то съ другой стороны обнаруживаетъ формальный недоспапокъ, подвергавшійся часто осужденію въ его драматическихъ твореніяхъ. Для избѣжанія сего недоспапка, онъ бы долженъ былъ присовокупить къ изложенному правилу сполько слѣдующее. Хотя поэтъ долженъ писать величайшую нѣжностію къ своимъ героямъ, но онъ не долженъ ее показывать явно; ему должно предспавлять сполько доспалюбезностію героя, а не собственной своей любви къ нему; онъ долженъ всеми средствами дѣйствовать на чувство чинапеля, но никогда не предварять его въ чувствованіи.

Не лзя не сказать, что *Шиллеръ*, въ избыткѣ своего сердца, не всегда наблюдалъ это правило; но то, что у него было прекрасною слабостію, сдѣлалось въ его подражателяхъ опшрапительнымъ порокомъ, какъ всегда случается съ великими мастерами, коихъ малѣйшее уклоненіе опъ правилъ обращается въ

ложную манеру для школы. Съ тѣхъ поръ въ трагедіяхъ и романахъ появилось безчисленное множество героев и героинь, кои, вмѣсто того чтобы возбуждать удивленіе, дивятся сами себя, вмѣсто того чтобы прогнать другихъ, сами собою распротгиваются, и не только заспаваютъ публику собою любовашься, но сами еще болѣе любуются.

Нѣжная дамская ручка, занимавшаяся составленіемъ эпои новой біографіи *Шиллера*, смыла съ юношеской его жизни все, что могло показаться слишкомъ дико и буйно. Не лзя обвинять ее за то; но не лзя вмѣстѣ не сознаваться, что здѣсь именно по этому приличію бѣ была рука мужская, чѣмъ женская. Творца *Разбойниковъ* мы не можемъ представлять себя слишкомъ кропкимъ, пихимъ, смиреннымъ: въ то время, какъ онъ писалъ *Разбойниковъ*, мы необходимо представляемъ его дерзкимъ, буйнымъ, своевольнымъ. И дѣйствительно таковъ былъ тогда Шиллеръ: это можно доказать многими анекдотами, которые теперь еще ходятъ въ устнахъ его академическихъ поварищей. Будучи слишкомъ далеки отъ того, чтобы полагать какую-нибудь важность въ біографическихъ мѣлочахъ, когда онъ не касается мужей, дѣйствовавшихъ на позорищѣ общественной жизни, мы желаемъ сколько возможно менѣе знать о маловажныхъ подробностяхъ частной жизни поэтовъ; ибо ими почти всегда оправдывается *Шиллерово* изреченіе:

Es liebt die Welt, das Strahlende zu schwärzen

Und das Erhabne in den Staub zu ziehn.

Но, принявшись однажды за біографію поэта, должно бытьъ сколько возможно искреніе и вѣрше. (Р. В.).

IX

кто вы? что вы?

Lequel préférez-vous? Aucun d'eux, je le jure!

VOLTAIRE.

Кто вы, мой чинапель? Какого пола и званія? Гдѣ родились и какъ воспитывались? Много ли вамъ лѣтъ? Какія привычки у васъ? Сверкаете ли въ вашихъ глазахъ лучъ того небснаго огня, который въ просторѣчи слыветъ умомъ? Сильнѣ ли обыкновеннаго бьется сердце ваше, когда видите вы спраданія слабаго, несправедливости сильнаго; когда слышите высокую мысль, вдохновенной стихъ? Мнѣ бы очень хотѣлось познакомиться съ вами: а за чѣмъ — вы вѣроятно угадаете, если только одарены какою нибудь смѣливостію. Я желалъ бы выступить съ перомъ на поприще жизни правспвенной, желалъ бы найти въ ней лѣкарство отъ неупѣшной шоски, отъ цевыразимой скуки, которая такъ неупомимо преслѣдовала меня по всѣмъ безполковымъ увеселеніямъ шумнаго свѣта. Но какъ писать, не зная васъ? Эта мысль мучительна. Ни днемъ, ни ночью не даетъ она мнѣ покоя. Очень спрашно запереться въ уединенной комнатѣ и, забывая людей, не думая о чинапель, писать—писать, что взбрететъ на умъ и что называется вдохновеніемъ. Первое дѣло—вы, а не вдохновеніе; ваши слезы, ваша улыбка—вошь, по моему, единственная цѣль писателя.

Горе тому, кто не познакомился съ вами, не изучилъ васъ; кто не смопритъ вамъ въ глаза, не ухаживаетъ за вами, какъ некогда я, влюбленный въ ше-

спинадцатипильпнюю красавицу, ухаживаль за всѣмъ причепомъ ея безчисленной родни. Когда вы держите книгу, по бывасите подь часть своеправны, какъ женщина, мспительны, какъ Ипмаліанецъ, и щедры на смерпные приговоры, какъ Египетской Паша. Инымъ кажепся непоняпно, что вы оспавляете съ холодно-стію, или бросаете съ презрѣніемъ произведенія високаго дара и глубокихъ размышлений — а загадка не мудрена: поэтъ или прозаикъ не зналъ васъ, не умѣлъ угодишь вамъ, или въ самодовольной гордостп, мечпая о безсмерпн, не хопѣлъ поддѣлываться къ вашему вкусу. Вы, на примѣръ, плохо знаете порусски — а передъ вами щеголяютъ богатствомъ роднаго языка; вы росли на чужой земль, привыкли восхищаться именами Генриха IV, Тюрениа, Конде, привыкли думать, что историческія воспоминанія занимательны и безсмерпны подько на берегахъ Сены, Рейна — а для васъ пишуть романы изъ испоріи опечеспвенной; вы Предводитель, а вамъ подають комедію: Дворянскіе Выборы; вы помещикъ — а иной, пускаясь въ сочиненія о благосостояніи крестьянъ, ушверждаетъ, что нельзя признашь ихъ богатыми, если у прехъ сопъ пядпидесяти душъ находится сорокъ пядь коровъ, девять лошадей, двѣспи семдеспь куръ и три гуся; вы начальникъ — а поэтъ поражаетъ негодованіемъ деспь, которая вамъ шакъ пришла съ по сердцу; вы человекъ зрѣмый — передъ вами повѣспвуютъ о приключеніяхъ Еруслана Лазаревича и Миллприсы Кирбиньевны; вы робенокъ — вамъ доказываютъ, что на войнѣ бьютъ другъ друга не люди, а идеи. Нѣтъ, я не таковь! Прильжный ученикъ въ школь свѣпа, я не люблю говорить жесткія испины, не имѣю привычки пускаясь въ обидные споры

и, можетъ быть, по добротѣ сердца, спараюсь всегда въ разговорахъ примыяться къ мнѣніямъ собесѣдника. Эту пѣжность, эту уклончивость права я хочу перенести изъ гостиной на бумагу и, сознаюсь, для меня не послѣдима охота писать за тѣмъ только, чѣмъ пѣшить себя подобно знамениному Лорду. Мнѣ хочется писать, но хочется и правиться. Этому кокетству научился я опѣ нихъ—опѣ нихъ, чьи черные и голубые глаза такъ долго мыкали меня опѣ одного конца Москвы до другаго! . . . И какъ легко правиться, какъ легко угодить вамъ! . . . Человѣкъ вездѣ одинаковъ, а потому правила свѣтской жизни должны быть нашими путеводителями и въ ученомъ мѣрѣ. Эти правила не хитры; онѣ, какъ истина, отличаются простотою и доступны для каждаго. Благодаря имъ, люди, не выступавшіе ни разу изъ рядовъ черни, находили покровителей, пріятелей и пѣвствъ. Смотря на этихъ людей, многіе убѣдились, что лучше пѣнуться за ними по большой дорогѣ, чѣмъ пробивать новую тропу; и почто—спремьясь къ какой-либо цѣли—должно такъ поступать, какъ поступаетъ полпа, должно вѣровать въ большинство голосовъ. Люди, взявшые вмѣстѣ, всегда бывають умны; вѣрны бывають ихъ сужденія о выгодахъ жизни; а пупь, избитый безчисленными искапелами счастья, всегда ведетъ къ устѣху. Легко правиться, но должно знать человѣка. Бывало, вступая въ новой домъ, я собиралъ заранѣе полезныя свѣденія о хозяйкѣ и хозяинѣ. Если они, зараженные предразсудками старины, смотрѣли на черные галспуки, какъ на испорченность нравовъ; то я, вопреки модѣ, являлся въ бѣломъ; и опѣ благо галспука слымъ часто самымъ умнымъ, самымъ любезнымъ и самымъ добрымъ

молодымъ чловѣкомъ. Заслуга не велика ; по дѣло не въ заслугахъ и не въ достоинствахъ. . . О слабая спруна чловѣческаго сердца ! счастливъ тотъ , кто умѣетъ попрысать себя ! . . Вы , почтенный чинапель , можете замѣнить изъ моихъ словъ , что я обладаю эпой способностью. Вооруженный ею , подѣ щипомъ благоразумныхъ правилъ свѣтской жизни , хочу я предстать на буйное поприще нашей словесности ; но для моей дѣли необходимо ваше знакомство. Вы видите , что я за чловѣкъ : подружитесь со мною , я право достоинъ вашей дружбы : желаніе нравиться вамъ , кто бы вы ни были , не показывается ли уже во мнѣ истинно добрыхъ наклоностей ? Скажите же , кто вы и что вы ? Мужчина или женщина , старикъ или юноша , вельможа или разпочинецъ , богатый или бѣдный , невѣста или женихъ ? Несвоенравное перо мое поддается къ вашимъ мнѣніямъ , будетъ лезть въ ваши склонности.

Если вы помѣщикъ ; въ тѣсномъ значеніи этого слова ; если въ домъ вашъ , кромѣ Московскихъ Вѣдомостей и Объявленій о занемогшихъ Холею , не заглядывалъ никогда печальный листъ ; если вы такой чловѣкъ , какихъ встрѣчаемъ мы ежедневно на дежурствѣ за зеленымъ сукномъ , гдѣ , по выраженію Поэты , вы съ паршєю виспа доигрываете паршєю жизни ; по услужливый геній мой не занесется далеко , не отделился отъ земнаго праха и очерпнулъ около себя небольшой кругъ вашихъ привычекъ и попятій. Я создамъ для васъ новый родъ словесности , въ которомъ не блеснетъ мысль , не вспыхнетъ чувство. Покоясь на лаврахъ какого нибудь Обер-Офицерскаго чина , въ счастливой праздности и лѣни , вы спраспно любите полковать о путешествіи людей по дорогѣ чесно-

любия. Удовлениворя эту спрасить, я соспавлю для васъ выписки изъ Инвалида; подъ часъ скажу вамъ: *посмотрате, сослуживецъ-то вашъ — вы его знаете, онъ у васъ въ ротъ былъ Поругиоколь — произведенъ въ Полковники, въ Генералы* — и спану дивитсья эпому, какъ осьмому чуду. Начну описывашь инаго, повшоря съ сердечнымъ удовольспвиемъ: *онъ иезуитъ, плуть, разбойникъ, да за то умнъ, изо ста душъ пржилъ три тысячи* — и предспавлю неоспоримыя доказанельспва, что спакой человекъ долженъ пользоваться всеобщимъ уваженемъ. Я возспану на людсй, проповѣдующихъ, что расчепливоспъ, хипроспъ, плуповспво не должно называшь умомъ; что умъ, неугасаемый свѣпильникъ испины, указывая на какую-шо другую цѣль, ведешь иными пушями; что шамъ, гдѣ коснешя до жипейскихъ выгодъ, до живопныхъ поспребноспей нашихъ, шамъ мы всѣ Вольперы! —

Ныптъ, соглашаяся съ вами, я докажу, что плуповспво и умъ — хипрый, расчепливый, умный — одно и тоже; наконецъ, выведу заключеніе: что умный человекъ не можепъ быпъ не плупомъ; хопя правда, когда случалось мнѣ видѣпъ, какъ продающъ, покупающъ, закладывающъ, дающъ въ займы, женяпся, выходяптъ за мужъ, обыгрывающъ, берутъ взяпки-шо, дивлясь неисповѣдимой улпонченности, съ какою каждой достигалъ цѣли своей, я думалъ: не ужели всѣ они умны? Я воззопію пропивъ взяпокъ, и если въ эпо время случипся у васъ пляжба, шо оспрымн куплевами эпозорю судью, когда онъ, послушный только влиянію совѣспи, осмѣлился рѣшптъ дѣло не въ вашу пользу. Болѣе же всего спану я упражняптъ перо мое разсужденіями о деньгахъ: знаю, какъ сладокъ ихъ звукъ для вашего музыкальнаго уха, и какъ рѣчь объ

нихъ мила вашему чувствительному сердцу ; знаю, что и *десять рублей много денегъ !* . . . Какъ коротко это любимое выраженіе ваше , и какъ ясно ! — Да впрочемъ , вы совершенно правы : извѣстный полководецъ говорилъ , что и для войны даже нужны только три вещи : деньги , деньги и деньги ! — Для васъ чего я не сдѣлаю ? Я пуцусь и въ полиптику , хоня право ничего въ ней не разумѣю : буду сообщать вамъ свѣжія новости , которыя провѣдаю *отъ вприкрыхъ людей , или отъ того , кому сказывалъ тоиъ , кто читалъ письмо* ; вы не замѣните моего невѣжества — вѣрные люди и письма выручатъ меня , потому что въ нихъ хранился тайна политическихъ происшествій и они единственное основаніе здравымъ сужденіямъ о судьбѣ царствъ и народовъ .

Я переберу всѣхъ отъ мала до велика , стану судить и ридить , приведу , можетъ быть , въ систему разбросанныя и полновѣсныя замѣчанія ваши о законахъ , о политической экономіи , замѣчанія , почерпнутыя не изъ книгъ , не изъ многолѣпныхъ размышленій , а такъ — вдохновенныя , данныя вамъ свыше ; наконецъ , въ этой фантасмагоріи лицъ и предметовъ , я посапваю на первомъ планѣ сподвижниковъ вашихъ , играющихъ *въ вистъ въ большую* .

Если вы , напрасно запоздавъ въ дорогъ бытія , остались намъ образчикомъ прошлаго вѣка ; если вы хотѣли бы обернуть свѣтъ на изнанку и воекрестить веселые дни , когда все было не то , что теперь — все , по вашему , было лучше . . . о ! тогда я начну псѣвать про золотую старину : съ умиленіемъ повторю изнѣженныя анекдоты про тѣхъ недостижимыхъ членовъ общества , о которыхъ , въ упрекъ нашему времени , твердите вы : *« это былъ настоящий баринъ , это*

блль вельможа! « Я понимаю, какъ они драгоценны вамъ и не съпую на вашу длинную сказку объ ихъ короткомъ существованіи. Но я не заговорю о доблестяхъ какого-нибудь вельможи, чье имя не сопрепется на страницахъ исторіи нашей; умолчу о подвигахъ, которымъ не нужны были золоченные чертоги, раболѣнные льстецы, весь эпопей заемной блескъ — которымъ также не испльни бы въ могилъ съ героемъ своимъ, если бь онъ прослывалъ цѣлую жизнь и въ послѣднихъ рядахъ человѣчества. Нѣтъ, не эпимъ подвигамъ я обреку послушное перо мое. Несмынное богатство; прихотливая воля, не знавшая мѣры, не слыхавшая возраженій — вопль доспоинства, которыми нѣкогда очаровали сердце и ослѣпили взоры ваши! Объ эпихъ доспоинствахъ я заведу рѣчь. Припомню вамъ, какъ великолѣпные баловни счастья бывали сержантами гвардіи за нѣсколько мѣсяцевъ до рожденія; нарисую въ живой картинѣ ихъ недоступнаго камердинера, ихъ карлу, ихъ открытый домъ, куда спекались, какъ въ храмъ языческаго божества, гдѣ пировать и званый и незваный, и честный и подлець; съ пріянной горестью олицу могущество ихъ управителя, передъ которымъ дрожали деревенскіе сосѣди; и не смѣли пикнуть исполнители законовъ! . . . Бывало, управитель вжалъ въдесять лошадей! . . . съкалъ воеводъ! . . . Я поведу васъ по Москвѣ, укажу опускмыя палаты невозвратной роскоши и заплачу, какъ плакалъ Марій на развалинахъ Карбагена. Потомъ нападу я на молодыхъ людей, засыпающихъ при вашихъ разсказахъ и не^{ту}гадавшихъ пайны, какъ наслаждашься жизнью. Осмѣю эпихъ Сенекъ, которые въ двадцать лѣтъ не умѣютъ сказать: люблю себя; не бѣгаютъ, опъ лѣни, за приключеніями любви.

и опъ льшн покоятея въ объятіяхъ супружеской вѣрности. Я поспавляю имъ въ примѣръ васъ: ваша молодость кипѣла забавами; ея мимолетной не губили вы надъ книгами; носились съ цвѣпка на цвѣпокъ и достигали пешинную цѣль жизни — быль рыцаремъ прекраснаго пола. Сердце ваше, какъ монета, удобно переходило изъ рукъ въ руки! Вы жили, весело жили! У васъ не бывало выспреннихъ разговоровъ! . . Я въ жару повѣствованія прокляну это умничанье, осыпало кровавыми укоризнами мудрецовъ-юношей, для которыхъ балъ все поже, что кабинетъ, которыхъ мраморное сердце не нагрѣвается опъ улыбокъ взоровъ каждой красавицы, когда вы—вы, на закапъ дней—такъ еще близъ нихъ любезны, такъ услужливы, такъ чувствительны! — Наконецъ, я признаю паука совершенѣйшимъ твореніемъ природы, попому, что онъ и въ наше время плепеть паушину шочно такъ же, какъ плель ее до потопа.

Если вы записались въ общество любителей женшбы; если принадлежите къ многочисленному словію безпріютныхъ вздыхателей о приданомъ, которые, какъ голуби, собираются въ нашу добрую Москву — эту ярмарку, эту кладовую невѣсть, гдѣ иногда такъ бережно сохраняютъ ихъ въ наследство другому поколѣнію; словомъ, если вы женихъ приѣзжій или домашній, то, я цадысь, вы будите меня чинать, и перецнывать. Безъ сомнѣнія — я уже видалъ васъ, и цовѣрите, что всегда смопрѣлъ съ испиннымъ учасіемъ, какъ скипаешесъ вы докучливой шьнью изъ гостиной въ гостиную, какъ суетилесъ, когда укажутъ вамъ *двушку съ состояниемъ*, шепнутъ про семь, сомъ душъ, и какъ мечешесъ изъ угла въ уголъ, если услышите: *у ней два тыщи и*

есть деньги, одна дочь! Я вчужь думалъ: помогите вамъ Богъ! и не могъ не думать: вы постигли науку жизни, вы не вѣруете въ мечпы воображенія и, слѣдуя законамъ практической философіи, просните у людей одного, ницнне въ мѣрѣ только душевнаго блаженства, которое подъ сѣнію брачнаго союза такъ легко покупается прощеніями съ капитала, или оброками съ деревень. Испрошна жизни моеѣ посвятила меня въ разныя шайны свѣта, я ихъ опкрою вамъ—и не бойтесь обмана, положитесь на мою искренность! Съ христіанскимъ самоопроверженіемъ уступаю вамъ поле битвы и награду шрудовъ; буду помощникомъ—никогда соперникомъ! Логическими доводами я докажу истинну вашей системы. Вы влюблены въ приданое—да какъ же иначе? Если бы можно было влюбляться въ умъ, то почему никто еще не влюбился въ какогонибудь Шеллнга?—А красота послѣднее дѣло—

Она какъ слабой цвѣтъ, кошорый украшаетъ

Видъ упренній пущынь и къ полдню увядаетъ. —

Она мгновенная госпожня. Такъ явно, что на ней женишься нельзя: ея уже и слѣдъ проспымъ, а жена все еще господитъ, да господитъ. Что жъ оспашенся послѣ ума и красоты?—Именно то, что вы кончили оспашенны за собою — приданое!

Я соснаваю послужныя списки невѣстамъ и снапу выдаванъ въ видѣ Журнала. Въ пѣкоторыхъ графахъ, для формы, означу имя, лѣпа и званіе; въ другихъ — важнѣйшихъ—пчислю: а) достоинства, ш. е. сколько душъ, въ какой губерніи, есть ли малчнцыя; б) подъ судомъ или пѣтъ, ш. е. можетъ ли сама располагать имѣніемъ или зависить отъ кого; в) надежды, ш. е. имѣетъ ли въ виду наследство; г) испол-

неніе желаній, п. е. какой докпоръ, но какой сиеиенмъ лъчинпъ пепушекъ и бабушекъ, онгъ конорыхъ доспаемса движимое и недвижимое. Въ особой праурной графъ опмвчу пороки : «имѣніе заложено, еспъ брапя и сеспры».

Я пройду въ молчаніи всесильныхъ цокровипелей, копорыхъ можепъ невѣспа доспавипъ вамъ: покровипели спаринная цвъ, изнощенная хипроспъ! Я увѣрентъ, что васъ нечего осперегапъ онгъ ихъ мишурныхъ оболщепій. Спану увѣдомляпъ васъ пощчасть о бѣдспвенныхъ случаяхъ: о неожиданномъ рожденіи брапца, о передачъ наслѣдства безыменному лицу, о продажъ имѣнія съ публичнаго порга — словомъ, о всѣхъ несчастіяхъ непредвидѣнныхъ и неопвращимыхъ. Буду издавать объявленія о приѣзжающихъ: не повѣрите, какаа эпо важная стапья!—Вы хлопочепе окодо блестящаго круга, на большихъ улицахъ, на лощеномъ паркешъ; а не знаепе, что шамъ — въ забвенной части города, въ неслыханномъ переулкѣ—какой нибудь укромной домикѣ принялъ въ нѣдра свои приѣзжую изъ хлѣбныхъ деревень. Мнѣ часпо жалко видѣпъ васъ, когда вы кружитесь на Тверской, не помышляя, что въ углу Москвы, гдѣ нибудь у Спаса въ Чигасахъ, цвъпепъ уединенная дилія —

Въ пустынномъ воздухѣ терпя запахъ свой!—

Ея родипели не промощаюпса на балы, обѣды и ужины; копили, копипъ и, я думаю, будупъ копипъ до вшораго приществія. Разумѣепса, починая васъ человекомъ возвыщеннымъ, я не спану въ объявленіяхъ помѣщачпъ всѣхъ приѣзжающихъ безъ исключенія; нѣпъ, по примѣру Московскихъ Газетъ, раздѣлю ихъ на чины и, умалчивая о Прапорщикахъ, Поручикахъ, о другихъ непримѣтныхъ лицахъ, начну съ чепырехъ

жить душъ, шакъ сказанъ, съ Шнаб - Офицерскаго чина. Наконецъ, перейду къ среднимъ выгодно женишься; онъ многоразличны, мѣняюща по людямъ, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Опъ шого мы видимъ, что одинъ плывешь за Москвою рѣкою, а другой — по сю спорону; одинъ слывешь умницей въ Басманной, а другой—въ Хамовникахъ; опъ шого-шо, окинувъ наблюдательнымъ взоромъ обширную столицу нашу, не перечтешь героевъ: почти въ каждомъ домѣ, какъ въ каждой комедіи, свой собсвенный.

Когда я узнаю предметъ вашихъ исканій, то начерчу вамъ ближайшую къ нему дорогу; бышь можеть, посовѣшную заслужить названіе *добраго чловѣка*, хотя эшаго пипула самъ боюсь, какъ огня; посовѣшную не надѣяшься на чувствительность, не нападать на сердце: оно въ нашъ вѣкъ шакъ спешенно, что часно никакая власъ не ускоритъ его однообразнаго бѣшенія. Мои печашными наспавленіями я легко проложу вамъ путь къ успѣху, когда вы Полковникъ, на линіи бышь Генераломъ; еще легче, когда у васъ душъ тысяча: шуйтъ удача несомнѣная во всѣхъ концахъ Москвы, исключая, какъ мнѣ поминтся, двухъ, прехъ улицъ. Когда же чинъ у васъ малъ и душъ пятьдесятъ, не болѣе... надъ эшимъ задумаешься... однако, шуйтъ, не опчаявайшесь — я призову на помощь всю глубокомысленность разума, всю силу воображенія, и заспавлю молчать вашъ разсудокъ, которій конечно говорилъ уже вамъ: »не берите насильно роли въ романшическомъ предспавленіи, гдѣ и не взглянушь на вашу игру; сойднше со сцены — судьба освиснала васъ!«

Если вы цвѣтете молодостью, если вы невѣспа.... Для чего благоразумное воспитаніе шлагаешъ шакъ

рано оковы ледянаго расчета на лучшее произведеніе Творца, на юное сердце, созданное для чиспыхъ, для свободныхъ волненій? — И вы, какъ подсолнечникъ, всегда обращенный въ одну спорону, и вы смоприпешуда же, куда всъ: и вамъ пакже хочешся за женихомъ приданаго! — Чпо я спану писашь для васъ? Справки о женихахъ не нужны: ваши родные въпвердили ихъ нанзуспъ съ убійспвенными подробностями. Но все, душевно желая вамъ добра, я соберу поучительныя замъчанія, чпобы вьрнѣ очаровать какого нибудь счастливица: его не надобио баловать — онъ въ глаза одно, а за глаза другое; не надобио его слъдипь непергъливными взорами, когда идепъ онъ приглашать даму на Французскую кадрили — не должно пвердипь о немъ съ примъпнымъ удовольспвіемъ. За чъмъ пакъ мало хипроспи—за чъмъ, на примърь, когда въ мазуркѣ выбираю васъ я, по вы по окончаніи круга говорите мнѣ проспо: *merci*; а когда выбираетъ другой, блестящій свъпскими выгодами, по вы, садясь на мѣсто, произносите: *grand merci* ? . . .

Если вы человекъ спраншой, если поэтъ говоритъ про васъ въ незабвенныхъ спихахъ :

Не пребуя ни мѣсть, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперишь умъ, алчущій познаній! . . .

о, тогда перо мое, упипанное желчью правды, положитъ клеймо презрѣнія на блистательную ничпожность, на разврапъ прошедшаго, на лицемѣріе наспопцаго, на всъ награды, присужденныя судьбою золотой посредспвенности и припорной лести. Я предамъ позору невъжеспво, подъ копорымъ пакъ онврапительпо грубесптъ безспертный духъ человека и въ чиспосердечныхъ порывахъ благословлю одно просвъ-

щеніе , порадуясь , что есць въ міръ недоступная
собственность , что ея не развеетъ буря несчастія ,
не опниметъ рука сильнаго .

Если вы ша , чье имя не могу я повѣрить въролом-
ной бумагѣ . . . Опъ чего при энихъ словахъ пе-
чально склоняется голова моя на листъ , по которо-
му бродитъ своевольное перо ? . . Опъ чего не-
довольный умъ ищетъ выраженій , когда полное сердце
кипитъ чувствомъ ? Для васъ у меня другой
языкъ : онъ непороченъ , онъ не говоритъ съ пол-
пою ! . . . Но бытъ можетъ , въ это мгновеніе ,
какъ раждаются передо мной несвязныя спроки , вы
забыли уже о моемъ сущесствованіи ; бытъ можетъ ,
случайно взглянувъ на нихъ , не вспомните вы пайной
мечты моей и не скажете : *«тѣтъ , не цѣлому свѣту
хочетъ правиться его угодникъ!»*

Пускай же не оживляются эти мерпвыя буквы ,
пускай моя привычная дума слепитъ съ этой спра-
ницы . . . Какъ знать , не посмотрите ли вы на нее ,
какъ на могильной камень безъ надписи !

Если вы дюжинный вельможа , по я . . . Кака
мысль ! Мнѣ пришло въ голову , что вы меня
прочтете : вы ничего не чипаете . . . Скажите
же , почтенный чипатель или несравненная чипатель-
ница , кпо вы и что вы ? . . .

. . . Л . . .

X.

НОВОСТИ

НАУКЪ И ИСКУССТВЪ.

— понятія китайцевъ о холерѣ. — Холера (Хо-Лу-ань) была описана въ Китаѣ знаменитымъ *Ванг-Шу-Ко* и нѣкопорыми изъ его современниковъ, гораздо ранѣе Гиппократъ, и наблюдаена въ самыхъ жесточайшихъ своихъ припадкахъ, прежде нежели раскрылся эпидемическій ея характеръ въ Англійской Индіи. Немедленно, послѣ первыхъ опускошеній, произведенныхъ въ Бенгалѣ эпидеміею, докторъ Лейвингстонъ предложилъ нѣсколько вопросовъ одному спарому Китайскому врачу въ Кантонѣ, человѣку съ большою опытностію, который увѣрилъ его, что онъ никогда еще не встрѣчалъ холеры съ такимъ ужаснымъ характеромъ, но что онъ совершенно знакомъ съ этою болѣзнію и ежегодно имѣлъ у себя на рукахъ многихъ больныхъ, не теряя однако никогда изъ нихъ больше трехъ на сто. Это было подтверждено и другими Китайскими лѣкарями, изъ чего Англійскій докторъ увѣрился, что эпидемическая холера показалась въ этой частіи Китая уже послѣ появленія своего въ Бенгалѣ.

Медицинская книга *Чинг-Че-Чинг-Шингъ*, напечатанная въ 1790 году, описываетъ болѣзнь сію слѣдующимъ образомъ. » *Хо-Луань* есть живая и внезапная боль, чувствуемая въ сердцѣ и брюхѣ, сопровождаемая рвою и поносомъ, ужаснымъ холодомъ и потребностію шеплоты. Ея слѣдствиемъ бываетъ еще жестокая головная боль и головокруженіе. Когда болѣзнь поражаетъ прежде сердце, первымъ симптомомъ бываетъ рвою; когда она начинается въ

брюхъ, то обнаруживается первоначально поносомъ, когда же дѣйсствуетъ вдругъ и на сердце и на брюхо, рвота и поносъ являющаея вмѣстѣ. Какъ скоро пораженіе усиливается, больной подвергается корчамъ и, когда корчи сіи достигаютъ до брюшныхъ частей, больной умираетъ».

При появленіи эпидемической холеры въ Канпоиъ, Кишайцы прибѣгли къ своему старинному обычаю: разспавили по улицамъ идоловъ и производили ужасный шумъ прещопками и ракетами, чинобы *прогнать злое вліяніе*. Лѣкаря употребляли *пухлякъ* (*costus Arabicus*), обращенный въ порошокъ и смѣшанный съ духами. По улицамъ раздавалось множество рецептовъ, въ коихъ главнымъ образомъ предписывались кино-варь, мускусъ и камфора. Эти лѣкарства, смѣшанныя (по обыкновенію Кишайцевъ) съ семью другими веществами, обыкновенно приготавливались въ формѣ маленькихъ пилюль, кои надобно было принимать опъ шестипи до девяти на день. Вся жидкосты, особенно питье изъ крупъ и сарачинскаго пшена, были строго запрещены, пока видѣлась еще опасность. Употреблялось также кровопусканіе въ плечъ и подъ ногтями. (R. V.).

—успѣхи просвѣщенія въ сѣверной африкѣ.— Сѣмена образованія разсѣиваются быспро на южныхъ берегахъ Средиземнаго Моря, кои доселѣ были жилищемъ грубѣйшаго невѣжества и варварства; такъ чино враждебныя всякому нововведенію Мусульмане должны будупъ напоследокъ увлечься непримѣнно духомъ времени. Особенно удивительно, даже невѣроятно, сколько теперь Египецъ получаетъ психомолкомъ опъ Франціи для на-

спорящаго и будущаго своего образованія. Около пятидесяти молодыхъ способныхъ людей и взрослыхъ Египтянъ образовали себя совершенно во Франціи. Нѣкоторые изъ нихъ предпринимали другія дальнія путешествія, иные переложили множество учебныхъ книгъ на Арабскій языкъ. Почти около сотни таковыхъ переводовъ вышло уже изъ Вице-Королевской типографіи въ Каирѣ; и тогда какъ многія обласпи Германіи, страны просвѣщеннѣйшей въ Европѣ, довольствуются понынѣ однимъ бѣднымъ періодическимъ листкомъ, какъ было за сорокъ лѣтъ, форматъ Каирской Газеты уже два раза былъ увеличиваемъ. Такъ усиливается потребность распространенія познанія Арабовъ и Египтянъ. Замѣчательно еще, что сія Газета занимается не только сообщеніемъ извѣстій о мѣстныхъ происшествіяхъ, но и позволяетъ себѣ на нихъ крипическія замѣчанія. Такъ и. п. Французскій Губернаторъ Алжира сначала, когда Французовъ вездѣ душили, издалъ прокламацію, что за cadaго солдата будетъ казнено двое Арабовъ или Мавровъ, за офицера четверо, и п. д. Газета Египетскаго Паши сдѣлала замѣчаніе, что ежели эта плаха убійствомъ за убійство будетъ возвышаться въ постоянной прогрессіи, то за смерть Губернатора придется казнить цѣлый уездъ! Кипобъ могъ думать, чтобы такой урокъ данъ былъ Туркомъ Христіанину? Альманахи, газеты, учебныя книги распространяются изъ Каирской типографіи во глубину пустынь и разбрасываютъ тамъ сѣмена просвѣщенія; учебныя заведенія, по образцу Европейскихъ, возникаютъ въ Египтѣ и нѣкоторые уже въ ходу—разумѣется; теперѣ занимающія преимущественно военнымъ образованіемъ, но не пренебрегающія также

и мирными науками. Въ Парижѣ случается не рѣдко встрѣчать въ спектакль или въ ученыхъ собраніяхъ людей, съ коими можно вести пріятный и основательный разговоръ: ихъ смуглыя лица показываютъ, что они родились не подъ небомъ Франціи, и между тѣмъ они говорятъ бѣгло по Французски и очень знакомы съ императрицею. Проведши съ ними пріятно время, изумишься невольно, узнавши, что это даже не Европейцы, а дѣти зпойной Африки, подданные бородашаго Паши, который и теперь еще не рѣдко забываетъ свою роль преобразователя, увлекаемый прежними варварскими привычками. (М. В.)

—выставка изящныхъ художествъ въ римѣ.—Римъ, колыбель современной шворческой жизни, остается понынѣ ея средоточіемъ. Туда стекаются со всѣхъ сторонъ художники довершать свое эстетическое воспитаніе въ дружескомъ общеніи съ бессмертными памятниками гения, коихъ память родна и хранилище. Не быть въ Римѣ считаеися невознаградимымъ пропускомъ въ жизни артиста. Можнобы подумать, что это стѣсненіе талантовъ подъ однимъ небомъ, въ одной атмосферѣ образовъ и идей, при однихъ, такъ сказать, источникахъ вдохновенія, должно имѣть невыгодное вліяніе на ихъ развитіе, сглаживая въ нихъ печать національной оригинальности и порабощая одному общему педагогическому выраженію. Но опытъ доказываетъ проптивное. Зрѣлище высокихъ памятниковъ искусства не приневоливаетъ воспринятой ими души къ рабскому подражанію, а пробуждаетъ въ нихъ свободное, благородное соревнованіе. Воспитывающіеся въ нихъ училища художники не измѣняютъ своей физиономіи: она въ нихъ только что

просвѣпляется. Посему выставки изящныхъ художествъ въ Римѣ представляютъ всегда роскошнѣйшее празднество силъ творческихъ: и Капитолій является тогда снова всемірнымъ святилищемъ, куда приносятся драгоценнѣйшія корысти со всехъ странъ вселенной.

Нынѣшняя выставка происходила въ печеніе Марта и Апрѣля. Представители художественнаго образованія всехъ просвѣщенныхъ Европейскихъ націй явились на ней своими твореніями. Вообще, Англичане на этотъ разъ оказались слабѣе всехъ прочихъ. Кромѣ одного прекраснаго ландшафта *Дескулави*, который казался совершенно одинокимъ, было выставлено множество портретовъ весьма посредственной, по большей части выложенной работы, но за то ни одной характерной картины (*tableau du genre*). Изъ Испалійцевъ, только Римляне и Флорентинцы представили свои произведенія; кое-что, присланное какими Венеціанами, было слишкомъ одиноко и незначительно, такъ что не лзя составить общаго сужденія объ этой школѣ. Если взять вмѣстѣ то, что доставлено сюда Римлянами и Флорентинцами и что еще выставлено было ими во Флоренціи, то открываются ощутительно два различныя направленія, на вершинѣ коихъ могутъ быть поставлены *Беллутти* и *Калугини*. Римская школа гораздо всепороднѣе Флорентинской: сія послѣдняя производитъ большею частью только собственно историческія творенія, та напримѣръ, кромѣ сихъ, и религіозно-историческія и портреты и ландшафты, даже характерныя картины. Но, съ другой стороны, въ выраженіи и въ опдѣлкѣ красокъ преимущество должно быть уснувлено Флорентинцамъ. Они спаряются

но крайней мѣрѣ въ лицахъ приближаться къ натурѣ; и если это имъ не вездѣ удается, — и именно, если искренность, живая любовь, кротость, благодушіе переходятъ часто въ испальвающее желаніе, или даже въ самую крайнюю противоположность — то это все еще должно предпочесть замаскированно-пустому, напряженному до чрезмѣрности и при всемъ помѣ мертвому выраженію Римской школы. Картины Флорентинцевъ опличаются еще большею гармоніей въ колоритѣ; даже, можетъ быть, они слишкомъ уже боялись, чтобы одинъ цвѣтъ не выливался изъ прочихъ; и поэтому онинимаютъ иногда свѣжесія у своихъ картинъ, задерживая ихъ какимъ-то особеннымъ дымчатымъ туманомъ. За то тамъ, гдѣ требуется наполнить большое пространство какою-нибудь механическою смѣлостію, Римляне очень мало зашрудняются: кажется, однако, что хорошіе образцы и больше глубокой смѣлы; дорожацій необходимостію сочиненія, избавляетъ совершенно Флорентинцевъ оплнужды прибѣгать къ этой манерѣ. Объ исправности рисунка общіекомы заботятся съ равно достохвальною ревностію: даже Римляне вообще могутъ похвалиться большею предъ Флорентинцами вѣрностію и твердостью. Къ числу Нѣмцевъ должно сказать, что ихъ предметомъ было преимущественно то, чего пытъ глубже и возвышеннѣе—религія; и припомъ не лзя не согласиться, что высказанныя ими религіозныя творенія были единственныя, въ коихъ видна была глубина духа. При такомъ направленіи никакой справедливый судья не будетъ слишкомъ строга нападать на ихъ частныя недостатки. Собственно испорическіе предметы даже и въ Римѣ—въ этомъ свящлнцѣ испоріи—очевидно не даются Нѣмцамъ; напро-

пивъ пристрастіе къ характернымъ картинамъ перенесено многими за Альпы и породило многія хороція произведенія. Ихъ ландшафты принадлежатъ къ лучшимъ, также какъ и произведенія ваяпельныя. Такъ какъ Нѣмецкое трудолюбіе и Нѣмецкая всесторонность не исключаютъ и поршпретовъ, для испытанія себя во всѣхъ отрасляхъ искусства, то опсюда очень естественна, что пруды Нѣмцевъ подвергались и громкой похвалѣ и спрогому осужденію. Какъ будто въ противоположность имъ, Французы, кажется, нарочно сосредоточили всѣ свои силы и ограничили себя тѣснѣйшими предѣлами. Они вообще представили не много, но за то самыя лучшія произведенія во всѣхъ отношеніяхъ. За религіозныя творенія ни одинъ изъ нихъ и не принимался; за то тѣмъ удачѣе оказали они себя въ поршпретахъ, характерныхъ картинахъ и ландшафтахъ. Особенно поршпреты и характерныя картины ихъ были признаны единогласно лучшимъ украшеніемъ всей выставки (Р. В.)

—СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА ДОХОДОВЪ ДУХОВЕНСТВА ВО ВСѢХЪ СТРАНАХЪ ХРИСТИАНСКИХЪ.—Досель Испанія, могущая назваться по справедливости классическою землею пажобности, считалась золотымъ дномъ для духовенства. Но, при возникшихъ нынѣ преніяхъ въ Англіи, оказывается, что духовенство Англиканской Церкви пользуется доходами, превышающими сумму доходовъ всего Христианскаго духовенства въ свѣтъ. Вотъ сравнительная таблица, напечатанная въ одномъ Англійскомъ Журналь:

ИМЕНА СТРАНЪ.	ЧИСЛО жипелей.	издержки на духо- венство съ каждаго 1,000,000 ж.	С У М М А	
			издержекъ на духовенство	
		Ф. с.	Ф. с.	рубл.
Франція . . .	31,000,000	35,000	1,050,000—	26,250,000
С. Штаты . .	9,600,000	60,000	570,000—	14,400,000
Испанія . . .	11,000,000	100,000	1,100,000—	27,500,000
Португалія .	3,000,000	100,000	300,000—	7,500,000
Венг. Кап. .	4,000,000	80,000	320,000—	8,000,000
Реформ.	1,050,000	60,000	63,000—	1,575,000
Люшер.	650,000	40,000	26,000—	650,000
Италія	19,391,000	40,000	776,000—	19,400,000
Австрія . . .	18,918,000	50,000	950,000—	23,750,000
Швейцарія .	1,720,000	50,000	87,000—	1,175,000
Пруссія . . .	10,536,000	50,000	527,000—	13,175,000
Остал. Герм.	12,763,000	60,000	765,000—	19,125,000
Голландія . .	2,000,000	80,000	160,000—	4,000,000
Нидерланды .	3,000,000	42,000	252,000—	6,510,000
Данія	1,700,000	70,000	119,000—	2,975,000
Швеція . . .	3,400,000	70,000	238,000—	5,950,000
Рос. Греч .	34,000,000	15,000	510,000—	12,750,000
Кп. и Лп.	8,000,000	50,000	400,000—	10,000,000
Хр. въ Турци.	6,000,000	30,000	180,000—	4,500,000
Юж. Амер. .	15,000,000	30,000	450,000—	11,250,000
Хр. проч. стр.	3,000,000	50,000	150,000—	3,750,000
и того во всѣхъ стра- нахъ свѣша.	199,728,000		8,999,000—	224,975,000
Англія и Княжество Валлійское.	6,500,000	1,455,316	9,459,565—	236,489,185

Такое непомерное количество доходовъ Англиканской Церкви удивительно: но оно подтверждается фактами. По официальном донесенію Доктора Люшингтона и Епископа Лондонскаго, Архіепископъ Канторберійскій получаетъ ежегодно 32,000 ф. с. (800,000 руб.), а Лондонскій Епископъ 14,000 ф. с. (350,000 руб.) Канторберійскій Архидіаконъ получаетъ до 2,000 ф. с. (50,000 руб.). Нѣкоторые Деканы, какъ н. п. Веспинсперскій, Виндзорскій, Сент-Паульскій, Сализбурійскій; Линкольнскій, Эксперскій и Велльскій пользуются ежегодными доходами отъ 1,500 до 12,000 ф. с. (отъ 57,500 до 300,000 руб.). Есть мѣста Главныхъ Пѣвцевъ, приносящія не менѣе 900 ф. с. (22,500 руб.) Многие Приходскіе Священники получаютъ отъ 8,000 до 10,000 ф. с. (отъ 200,000 до 250,000 руб.). Правда, есть за то и Епископы, получающіе менѣе иныхъ Приходскихъ Священниковъ, каковы н. п. Ландафскій, Сент-Асафскій и Бангорскій; равно какъ и Священники, едва могущіе содержать себя своими доходами. Но никто изъ послѣднихъ не получаетъ, но крайшей мѣрѣ, менѣе 20 ф. с. (500 руб.).

Въ Испаніи господствуетъ еще большее неравенство. Тамъ вся сокровища, коими набожность надѣлила церкви, сосредоточены въ рукахъ высшаго духовенства: и пошому доходы первыхъ властей церковныхъ изумляютъ своею огромностію еще болѣе, чѣмъ въ Англіи. Вотъ перечень нѣкоторыхъ изъ нихъ, почерпнутая изъ достоверныхъ извѣстій:

АРХІЕПИСКОПСТВА:

ТОЛЕДСКОЕ . . .	11,000,000	реал.	2,750,000	р.
СЕВИЛЬСКОЕ . . .	4,000,000	. . .	1,000,000	
КОМПОСТЕЛЬСКОЕ.	3,200,000	. . .	800,000	

ВАЛЕНЦКОЕ	2,600,000	650,000
САРАГОССКОЕ	1,300,000	325,000
ГРЕНАДСКОЕ	1,150,000	287,500
БУРГОССКОЕ	720,000	180,000
ТАРРАГОНСКОЕ	620,000	155,000

ГЛАВНЫЯ ЕПИСКОПСТВА:

ХАЗНСКОЕ	1,600,000	400,000
КОРДУЙСКОЕ	1,354,000	338,000
КУЭНСКОЕ	1,400,000	350,000
КАРТАДЖЕНСКОЕ	1,300,000	325,000
МАЛАГСКОЕ	1,226,000	306,500
ОЗМСКОЕ	1,150,000	287,500
БАРСЕЛОНСКОЕ	1,630,000	257,500

За по среднее число доходовъ прочихъ членовъ духовенства проспирася не выше 1,400 руб.

Вспрѣчаются и въ другихъ Каполическихъ земляхъ подобныя злоупотребленія. Такъ въ Венгрии, гдѣ среднее число доходовъ духовенства полагается въ 1,482 руб., Архіепископъ Гранскій получаетъ ежегодно 1,500,000 флориновъ. Доходы Лиссабонскаго Паптріарха, не считая временныхъ случаевъ, проспирася до 70,000,000 реиссовъ (355,000 руб.). Въ Сициліи и въ Ипаліи (въ Королевствѣ Ломбардо-Венеціанскомъ) среднее число доходовъ духовенства едва проспирася до 1,000 руб.; между тѣмъ получаютъ

Архіепископы :

МОНТЕРВАЛЬСКІЙ	80,000 піасп. (400,000 руб.)
МИЛАНСКІЙ	100,000 руб.
ПИЗАНСКІЙ	40,000 Тоск. экю.

Епископы :

АВЕРСКІЙ	80,000 руб.
ПАДУАНСКІЙ	54,558 руб.
Паптріархъ Венеціанскій	50,000 руб.

Всѣхъ благоразуміе и соразмѣріе распределены были оклады духовенства во Франціи. Тамъ, по бюджету 1829 года, полагалось:

5 Кардиналамъ	150,000 фр.
14 Архіепископамъ	325,000.
66 Епископамъ	990,000
1 Генерал-Викарію Парижскому . .	4,000
15 Генерал-Викаріямъ въ мѣстн. . .	45,000
16 Каноникамъ Парижскимъ	38,400
8 Канон. Еписк. въ Сен-Дени. . . .	80,000
14 Каноникамъ 2 класса	42,000
41 Декан. Санови. Клирикамъ и пр.	58,000
680 Каноникамъ (по 1,500)	1,020,000
5,181 Приход. Свящ. 1 и 2 кл.	3,717,300
23,623 Исп. сл. въ прич. цер. (succursales)	16,789,133
4,790 Викаріямъ	1,335,700

Сверхъ того различныя случайныя доходы (casuel) представлялись лицамъ, исправляющимъ церковную службу, такъ что среднее число доходовъ Французскаго духовенства простиралось до 1,800 фр. (руб.) (R. B.)

ХІ.

ПРОЕКТЪ ИЗДАНІЯ

КУПЕЧЕСКАГО АДРЕСС-КАЛЕНДАРЯ.

Къ полезнымъ слѣдствіямъ Пепербургской и Московской Выставокъ можно причислить и убѣжденіе многихъ покупателей, что вещи, продаваемыя намъ за иностранныя, суть болышею частію произведенія нашихъ собственныя фабрикъ. Правда, еще не скоро опкажемся мы отъ предубѣжденія, что въ однихъ только Французскихъ и Англійскихъ магазинахъ хопя

дорого да мило; еще не скоро переймутъ и Русскіе купцы ловкость, умѣнье и торговую тактику иностранныхъ магазинистовъ, тѣ качества, кои, по справедливому замѣчанію одного Журнала, въ особенности привлекають покупателей. Но первый шагъ сдѣланъ со стороны публики; теперь остается купечеству воспользоваться ея патристическою склонностію и идти на встрѣчу ея желаніямъ и требованіямъ.

Однимъ изъ средствъ къ сей цѣли было бы, конечно, ежегодное изданіе Адресс-Календаря а) всѣхъ магазиновъ, лавокъ, какъ оптовыхъ, такъ и розничныхъ, фабрикъ и заводовъ, находящихся въ Россіи, или—на первый разъ—въ обѣихъ столицахъ, каждой отдѣльно, съ вѣрнымъ означеніемъ адрессовъ и предметовъ продажи. Градская Дума могла бы доставить матеріалы къ составленію такого указателя. Пусть купечество наше подумаетъ объ этомъ средствѣ *ознакомить* Русскую публику съ Русскими издѣліями: многіе охотно бы обращались къ нашимъ купцамъ и въ ихъ лав-

а) Издатель получил сію статью при слѣдующемъ письмѣ: „Давно собирался я предложить вамъ, М. Г., включить въ составъ вашего Журнала особенное отдѣленіе для *проектовъ* и *гипотезъ* всякаго рода, по всѣмъ отраслямъ знаній, искусствъ, промышленности, общественнаго быта. Въ матеріалахъ, думаю, недостатка не будетъ; о пользѣ же оцѣ сего отдѣленія почитаю излишнимъ распространяться. Каждая новая мысль, прежде нежели перейдетъ въ исполненіе, должна быть подвергнута общему суду, повѣряема изслѣдованіями. Все новое являющаеся сначала иначе, какъ въ видѣ проекта, гипотезы, и уже потомъ бываетъ или отвергнуто или принято. На первый разъ я сообщаю вамъ проектъ, о пользѣ коего предоспаваю судить публикѣ и въ особенности купеческому сословію“. (М.)

ки; но не зная ихъ именъ и адресовъ, часпо по неволѣ покупають въ иностранныхъ магазинахъ и покупають въ при дорога а).

Приохотить же публику покупать въ Русскихъ лавкахъ естъ опять другое дѣло; но наше купечество вѣрно и на это обратитъ вниманіе. Пусть оно учинся у иностранцевъ поддерживать кредитъ и приобретать довѣренность; а вѣрный къ тому путь — строгая честность, которую предписываютъ и совѣсь и торговля выгоды. Это естъ надежнѣйшій способъ заслужить довѣренность, и купецъ долженъ столько же дорожить добрымъ именемъ, какъ и красная дѣвушка. Можно бы еще многое замѣнить особливо Московскимъ купцамъ, и между прочимъ спросить у нихъ: уже ли они до сихъ поръ не видятъ, что усмѣлая манера зазывать проходящихъ въ свои лавки чрезъ крикуновъ-мальчишекъ скорѣе отвращаетъ покупателей, чѣмъ привлекаетъ ихъ, и что весьма многіе за пѣтъ только не ѣздятъ въ ряды, что нѣтъ прохода отъ ихъ сидѣльцевъ? Не худо бы также обратитъ вниманіе и на погребную сырость здѣшнихъ рядовъ: неужь-по нѣтъ средствъ очищать и осушивать воздухъ въ этомъ подвалѣ, который называется у насъ гостиннымъ дворомъ, и куда многіе, изъ справедливаго опасенія преслѣдись или получить ревматизмъ, не смѣютъ носа показывать? Побольше отверстій, въ кои былъ бы впускаемъ чистый воздухъ, освѣщало бы ряды, теперь до такой степени темные, что покупая какую либо матерію, не лзя поручиться, какого она цвѣта, не

а) Въ подтвержденіе сказаннаго привожу на удачу два-три примѣра: многіе ли знаютъ въ Москвѣ лавку Гг. Аршиновыхъ, торгующихъ бумажными оболми? Многимъ ли извѣстны газовые шарфы Г. Щеглова?

льзя бытъ увѣрену въ своемъ выборѣ. А все это падаетъ на самое купечество и лишаетъ оное той довѣренности, которая, какъ я уже замѣнилъ, составляетъ, главное его богатство, безъ коего и вещественные капиталы не приносятъ ни какой пользы. Такъ пусть же оно позаботится о собственныхъ своихъ выгодахъ и переспанетъ косы въ предразсудкахъ дѣдовъ своихъ, которые ни о чемъ и знать не хотѣли! Я говорю о массѣ нашего купечества: ибо въ семь сословіи болѣе и болѣе умножается классъ людей образованныхъ, которые поймутъ мои замѣчанія, и если онѣ болѣе не нужны имъ самимъ, то по крайней мѣрѣ внушатъ оныя своимъ собратіямъ, менѣе ихъ просвѣщеннымъ. (М.)

ХІІ.

ТОРЖЕСТВО ДРУЖБЫ,
или оправданный

АЛЕКСАНДРЪ АНОИМОВИЧЪ ОРЛОВЪ.

In aequalitate cum aequalibus descendit.

Cic.

Посреди полемики, раздражающей бѣдную нашу словесность, *Н. И. Гречъ* и *Ө. В. Булгаринъ*, болѣе десяти лѣтъ подають удивительный примѣръ согласія, основаннаго на взаимномъ уваженіи, сходствѣ душъ и занятій гражданскихъ и литературныхъ. Сей незаключенный союзъ ознаменованъ почтенными памятниками. *Өаддей Венедиктовичъ* скромно призналъ себя ученикомъ *Николая Ивановича*; *Н. И.* посвѣщнно провозгласилъ *Өаддея Венедиктовича ловкимъ своимъ товарищемъ*. *Ө. В.* посвятилъ *Николаю Ивановичу* своего *Дмитрія Самозванца*; *Н. И.* посвятилъ *Өаддею Венедиктовичу*

свою *Попздку въ Германію*. *О. В.* написалъ для *Грамматики Николая Ивановича* хвалебное предисловіе а); *Н. И.* въ *Съверной Пчелѣ* (издаваемой *Гг. Гречемъ и Булгаринимъ*) напечаталъ хвалебное объявленіе объ *Иванѣ Выжигинѣ*. Единодушіе испинно прогашельное! — Ныгь *Николай Ивановичъ* почипая *Оаддеа Венедиктовича* оскорбленнымъ въ спашьѣ, напечатанной въ *№ 9 Телескопа*, заспунился за своего поварища со свойспвеннымъ ему прямодушіемъ и горячностію. Онъ напечаталъ въ *Сынѣ Отечества* (*№ 27*) спашью, копорал конечно заспавитъ молчашь дерзкихъ пропивниковъ *Оаддеа Венедиктовича*; ибо *Николай Ивановичъ* доказалъ неоспоримо:

- 1) Чпо *М. И. Голенищевъ-Кущузовъ* возведсь въ Княжеское достпоиспиво въ Іюнѣ 1812 г. (с. 65).
- 2) Чпо не сражспіе, а планъ сраженія, соспавляешъ спайну главнокомандующаго: (с. 65).
- 3) Чпо свлщспнникъ выхосидпть на вспръчу подспупающему непрілшелю съ креспомъ и свлспю водою: (с. 65).
- 4) Чпо секреспаръ выхосидпть изъ дому въ спашскомъ изношенномъ мундирѣ, въ спреугольной шляпѣ со шпагою, въ бѣломъ изношенномъ исподнемъ плашъѣ: (с. 65).
- 5) Чпо пословница: *vox populi—vox Dei*, еспть пословица Лапнцкая, и чпо оная еспть испинная причпна Французской революціи: (с. 65).
- 6) Чпо *Иванъ Выжигинъ* не еспть произведеніе образцовое, по, *отпосптельно*, явлешіе прілшное и полезное: (с. 62).
- 7) Чпо *Оаддеа Венедиктовичъ* живешъ въ своей дерев-

а) Смопри *Грамматпку Греча*, напечатанную въ шппографіи *Греча*.

нѣ близь Дерпша, и просилъ его (*Николая Ивановича*) не посылать къ нему вздоровъ: (с. 68).

И чпо слѣдственно: *О. В. Булгаринъ* своими талантами и трудами, приноситъ честь своимъ согражданамъ: чпо и доказать подлежало!

Пропивъ эпого нечего и говорить; мы первые громко одобряемъ *Николая Ивановича* за его опкровенное и побѣдоносное возраженіе, приносящее столько же чести его логикѣ, какъ и горячности чувствованій.

Но дружба—(сіе священное чувство)—слишкомъ далеко увлекла пламенную душу *Николая Ивановича*, и съ его пера сорвались нижеслѣдующія спроки:

—»*Тамъ*—(въ N 9 *Телескопа*)—взяли двѣ глупѣйшія вышедшія въ *Москву*—(да, въ *Москву*)—книжонки, сочиненныя какими-то *А. Орловымъ*.«

О Николай Ивановичъ, Николай Ивановичъ! Какой примѣръ подаете вы молодымъ липераторамъ? Какія выраженія употребляете вы въ спашь, начинающейся сими спрогими словами: »у насъ издавна, и по справедливости, жалуются на цинизмъ, невѣжество и недобросовѣстность рецензентовъ!« Куда двалась ваша умѣренность, знаніе приличія, ваша извѣстная добросовѣстность? Перечтите, *Николай Ивановичъ*, перечтите сіи немногія спроки—и вы сами, съ прискорбіемъ, сознаетесь въ своей необдуманности!

—»*Двѣ глупѣйшія книжонки!.. какой-то А. Орловъ!..*«

Шлось на всю почтенную публику: какой кришикъ какой журналистъ рѣшился бы упобребить сіи неприятныя выраженія, говоря о произведеніяхъ живаго автора? Ибо, слава Богу: почтенный мой другъ *Александръ Аноимовичъ Орловъ*—живъ! Онъ живъ, несмотря на зависть и злобу журналистовъ; онъ

живъ , къ радости книгопродавцевъ , къ успѣшнѣю многочисленныхъ его чипашелей !

— *Два глупѣйшія книжонки!* . . . Произведенія *Александра Анюмовича*, раздѣляющаго съ *Фаддеемъ Венедиктовичемъ* любовь Россійской публики, названы : *глупѣйшими книжонками!*—Дерзость неслыханная, удивительная, оскорбительная не для моего друга—(ибо и онъ живетъ въ своей деревнѣ, близъ Сокольниковъ ; и онъ просилъ меня неосылаять къ нему всякаго вздору); но оскорбительная для всей чипающей публики! а).

— *Глупѣйшія книжонки!* . . . Но чѣмъ докажете вы сію глупость? Знаете-ли вы, *Николай Ивановичъ*, что болѣе 5000 экземпляровъ сихъ *глупѣйшихъ книжонокъ* разошлись и находясь въ рукахъ чипающей публики; что *Выжигинъ Г. Орлова* пользуется благоклонностію публики наравнѣ съ *Выжигиными Г. Булгарика*; а чтѣ образованный классъ чипашелей, которые гнушаются пѣмъ и другими, не можетъ, и не долженъ судить о книгахъ, которыхъ не чипаетъ?

Скрывъ сердце, продолжаю свой разборъ.

— *Два глупѣйшія — (глупѣйшія!) — вышедшія въ Москву, — (да, въ Москву) — книжонки.* . . .

Въ Москву, да, въ Москву! . . . Чтѣ же пущь предосудительнаго? Къ чему такая выходка прошиву первопрестольнаго града?.. Не въ первый разъ замѣтили мы сію спранныю ненависть къ Москвѣ въ *Издашеляхъ Съиза Отечества и Сѣверной Пчелы*. Больно для Русскаго сердца слушать таковыя оклизы о мапушкѣ Москвѣ, о Москвѣ бѣлокаменной, о Москвѣ, поспрадавшей въ 1612 году отъ Поляковъ, а въ 1812 году, отъ всякаго сброду.

Москва до нынѣ ценшръ нашего просвѣщенія : въ

а) См. Разборъ *Денницы* въ С. О.

Москвѣ родились и воспитывались, по большой часини, писашели коренные Русскіе, не выходцы, не перемешчички, для коихъ: *ubi bene, ibi patria*, для коихъ все равно: бѣгать ли имъ подъ орломъ Французскимъ, или Русскимъ языкомъ позорить все Русское—были бы полько сыпы.

Чѣмъ возгордилась Пепербургская липература? . . *Г. Булгаринъ* ли? . . Согласенъ, что сей великій писатель, равно почтенный и дарованіями и характеромъ, заслужилъ безсмертную себѣ славу; по произведенія *Г. Орлова* спавяпъ Московскаго романиста если не выше, по, по крайней мѣрѣ, на ровнѣ съ Пепербургскимъ его соперникомъ. Не смотря на несогласіе, царствующее между *Фаддеемъ Венедиктовичемъ* и *Александромъ Аноимовичемъ*, не смотря на справедливое негодованіе, возбужденное во мнѣ неоспорожными спроками *Сыма Отчества*, поспараемся сравнить между собою сіи два блистательныя солнца нашей словесности.

Фаддей Венед. превышаетъ *Александра Аноимовича* плѣнительною цеголеваностію выражений; *Александръ Ано.* беретъ преимущество надъ *Фад. Венедиктовичемъ* живостію и оспрошою расказа.

Романы *Фаддея Венед.* болѣе обдуманы, доказываютъ большее перпѣніе б) въ авпорѣ, (и пребууютъ еще большаго перпѣнія въ читашель); повѣсти *Александра Ано.* болѣе крапки, но болѣе замысловаты и заманчавы.

Фаддей Венед. болѣе философъ; *Александръ Ано.* болѣе поэтъ.

а) „Геній есть *терпѣніе* въ высочайшей степени“ еказалъ извѣстный Бюффонъ.

Өад. Вендиктовигъ гений; ибо изобрѣлъ имя *Выжигина*, и симъ смѣлымъ нововведеніемъ, оживилъ пошлыя подражанія *Совѣстдралу и Англійскому Милорду*; *Александръ Ано*. искусно воспользовался изобрѣпеніемъ *Г. Булгарина*, и извлекъ изъ онаго безконечно разнообразныя эффекты!

Өаддей Венд., кажется намъ, немного однообразенъ; ибо всѣ его произведенія не что иное, какъ *Выжигинъ* въ различныхъ измѣненіяхъ: *Иванъ Выжигинъ*, *Петръ Выжигинъ*, *Дмитрій Самозванецъ или Выжигинъ XVII столѣтія*, *собственныя записки и нравственныя статейки* — все сбивается на пошль же самый предметъ. *Александръ Ано*. удивительно разнообразенъ! Сверхъ несмѣннаго числа *Выжигинскихъ*, сколько цвѣтвъ разсыпалъ онъ на полѣ словесности! *Встрѣга Чулки съ Холерою*; *Соколы были бы Соколы*, да *Курица его съгла*, или *Бѣжавшая Жена*; *Живые Обмороки*, *Погребеніе Купца*, и проч. и проч.

Однакоже безпристрастіе пребуеетъ, чтобы мы указали спорону, съ коей *Өаддей Венд.* беретъ неоспоримое преимущество надъ своимъ счастливымъ соперникомъ: разумью нравственную цѣль его сочиненій. Въ самомъ дѣлѣ, любезныя слушатели, что можетъ быть нравственнѣе сочиненій *Г. Булгарина*? Изъ нихъ мы ясно узнаемъ: сколь не похвально лгать, красить, предаваться пьянству, карпезной игрѣ и пому под. *Г. Булгаринъ* наказуетъ лица разными зашѣйливymi именами: убійца названъ у него—*Ножевиль*, взяточникъ — *Взяткинъ*, дуракъ — *Глаздуриль*, и проч. Историческая пошность одна недозволила ему названъ Борнеса Годунова — *Хлопоухинъ*, *Димитрія Самозванца*—*Каторжниковъ*, а *Марину*

Мнишекъ — *Кляжною Шлохиной* за то и лица сіи предсавлены нѣсколько блѣдно.

Въ семь отношеніи, *Г. Орловъ* рѣшительно уступаетъ *Г. Булгарину*. Впрочемъ, самые пламенные почищатели *Фаддея Венед.* признають въ немъ нѣкоторую скуку, искупленную назидательностію; а самые ревностные поклонники *Александра Ано.* осуждаютъ въ немъ иногда необдуманность, извиняемую однакожъ порывами генія.

Совсѣмъ пѣмъ *Александръ Ано.* пользуется гораздо меньшею славою, нежели *Фаддей Венед.* Чшо же причиною сему видимому неравенству?

Оборопливость, любезные чищатели, оборопливость *Фаддея Венедиктовича*, ловкаго товарища *Николая Ивановича!* *Иванъ Выжигинъ* существовалъ еще только въ воображеніи почтеннаго автора, а уже въ *Сверномъ Архивѣ*, *Сверной Пчелѣ* и *Сынѣ Отечества* отзывались объ немъ съ величайшею похвалою. *Г. Ансело* въ своемъ путешествіи, возбуждившемъ въ Парижѣ общее вниманіе, провозгласилъ сего, еще не существовавшего, *Ивана Выжигина*, лучшимъ изъ Русскихъ романовъ. Наконецъ *Иванъ Выжигинъ* явился; и *Сынъ Отечества*, *Сверный Архивъ* и *Сверная Пчела* превознесли его до небесъ. Всѣ кинулись его чищать; многіе прочли до конца; а между пѣмъ похвалы ему неумолкали въ каждомъ номерѣ *Св. Архива*, *Сына Отеч.* и *Св. Пчелы*. Сіи усердные Журналы ласково приглашали почитателей; ободряли, подстрекали лѣнливыхъ чищателей; угрожали местию недоброжелателямъ, недочитавшимъ *Ивана Выжигина*, изъ единой низкой зависти.

Между пѣмъ какія вспомогательныя средства употреблялъ *Александръ Аноимовичъ Орловъ?*

Никакихъ, любезные чищатели!

Онъ не задавалъ обѣдовъ иноспраннымъ липератпорамъ, незнающимъ Русскаго языка, дабы за свою хлѣбъ-соль получили мѣспечко въ ихъ дорожныхъ запискахъ.

Онъ не хвалилъ самаго себя въ Журналахъ, имъ самимъ издаваемыхъ.

Онъ не заманивалъ унизипельными ласкапельспвами и пышными обѣщаніями подписчиковъ и покупашелей.

Онъ не шарлапанилъ газетными обѣявленіями, писанными слогомъ афишъ собачей комедіи.

Онъ не опвѣчалъ ни на одну крипику; онъ не называлъ своихъ пропивниковъ дураками; подлецами, пьяницами, усиприцами, и шому под.

Но—обезоружилъ-ли шѣмъ онъ многочисленныхъ враговъ? Ни мало. Вошъ какъ опзывались о немъ его собратія.

»Авторъ вышнейчисленныхъ швореній сильно штурмуешъ нашу бѣдную Русскую Липературу, и хочешъ разрушишъ Русскій Парнасъ, не бомбами, но каркасами, при помощи услужливыхъ Издашелей, которые щедро плашяшъ за каждый манускрипшъ знаменишаго сего шворца, по двадцати рублей ходячею монешою, какъ увѣряли насъ знающіе дѣло книгопродавцы. Авторъ ешъ мужъ—изъ ученыхъ; какъ видно по Лапшинскимъ фразамъ, которыми изпещрены его шворенія, а сущность ихъ доказываешъ, что онъ, какъ сказано въ *Недоросль*: »убоаясь бездны премудрости, вспашъ обрапился.«—Знаменишое лубочное шпроизведение: *мышш котта хороняшъ или небьлицы въ шлицахъ*, ешъ Илиада въ сравненіи съ швореніями Г. Орлова, а *Бова Королевиль*, герой, до котораго не возвысилъ еше почтенный Авторъ. . . Державинъ ешъ у насъ *Альфа*, а Г. Орловъ *Омса* въ Липе-

»ратуръ, по есть, послѣднее звено въ цѣпи лигера-
 »ратурныхъ существъ, и попому *заслуживаетъ вни-*
маніе, какъ все необыкновенное. а) Языкъ его, изложе-
 »ніе и завязка, могутъ сравняться только съ опвра-
 »пительными картинами, которыми наполнены сіи
 »чада безвкусія, и съ смѣлостью автора. Никогда въ
 »Петербургѣ подобныя творенія не увидѣли бы свѣта,
 »и ни одинъ изъ Петербургскихъ уличныхъ разносчи-
 »ковъ, (не говоримъ о книгопродавцахъ), не взялся бы
 »ихъ издавать. По какому праву Г. Орловъ вздумалъ
 »наречь своихъ холопей, Хлыновскихъ степняковъ,
 »Игнаша и Сидора, дѣтьми Ивана Выжигина, и еще
 »въ то самое время, когда авторъ Выжигина издаетъ
 »другой романъ подъ тѣмъ же названіемъ?.. Ни-
 »когда такія омерзительныя картины не появлялись
 »на Русскомъ языкѣ. Да здравствуетъ Московское
 »книгопечатаніе!« (*Слв. Пт. 1831. N. 46*).

Какая злонамѣренная и несправедливая кришка!
 Мы замѣтили уже неприличіе нападеній на Москву;
 но въ чемъ упрекаютъ здѣсь почтеннаго *Александра*
Аноимовича?... Въ томъ, что за каждое его сочиненіе
 книгопродавцы платятъ ему по 20 рублей? Что же?
 Безкорыстному сердцу моего друга пріятно думать,
 что получивъ 20 рублей, доставилъ онъ другому 2000
 выгоды б); между тѣмъ, какъ нѣкоторый Петер-
 бургскій лигерапоръ, взявъ за свою рукопись 30,000,
 заставилъ охашъ погорячившагося книгопродавца!!!

Спавялъ ему въ грѣхъ, что онъ знаетъ Лапшинскій
 языкъ. Конечно: доказано, что *Таддей Венедиктовичъ*
 (издавшій *Горація* съ чужими примѣчаніями), не зна-

а) Важное сознаніе! прошу прислушаться!

б) Историческая истина!

еть по Лапшину; но ужели ему незнаюю обязанъ онь свою безмерною славою?

Увѣряюшь, что *Г. Орловъ изъ ученыхъ*. Конечно: доказано, что *Г. Булгаринъ* вовсе не ученъ, но опяшь повпорюю: развѣ невѣжество естъ достоинство споль завидное?

Этого недовольно: грозно пребуююшь спѣша онь моего друга: какъ дерзнулъ онь присвоить своимъ лицамъ имя освященное самимъ *Таддеемъ Венедиктовичемъ*?—Но развѣ *А. С. Пушкинъ* не дерзнулъ вывесити въ своемъ *Борисъ Годуновъ* всѣ лица романа *Г. Булгарина*, и даже воспользовашся многими мѣстами въ своей прагедѣи, (писанной, говоряшь, пяль лѣтъ прежде, и извѣспной публикѣ еще въ рукописи)?

Смѣло ссылаюсь на совѣспь самихъ Издапелей *Спв. Пчелы*: справедливы-ли сѣи крипики? виноватъ ли *Александръ Аноимовичъ Орловъ*?

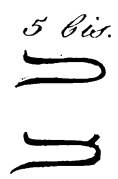
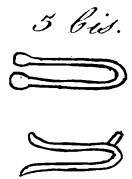
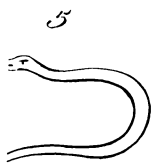
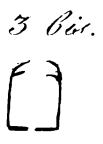
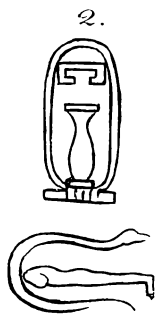
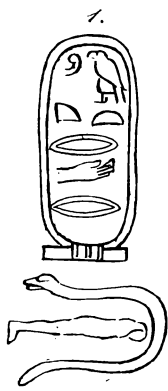
Но еще смѣле ссылаюсь на почпеннаго *Николая Ивановича*: не чувспвуешь-ли онь глубокаго разкаянѣя, оскорбивъ напрасно челоуѣка съ споль опличнымъ дарованѣемъ, *не состоящаго съ нимъ ни въ какихъ спощенѣяхъ, вовсе его не знающаго, и не писавшаго о немъ ничего дурнаго?* а).

Оеофилактъ Косичкинъ.

(сообщено)

а) *С. О. Н.* 27. стр. 60.

9.

Κ Κ Κ Κ Ε Ψ Ψ Ψ Ψ Ψ Ψ Ψ Ψ

Гр. В. Д. Мавроу. 1831 г.

9 bis.

εϋϋβια β

Αουδα

εϋϋβια β

Αουδα

Αουδα

Αουδα

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

ЗАМѢЧАНІЯ

О ДЕНДЕРСКОМЪ ЗОДІАКѢ.

ПИСЬМО

КЪ ИЗДАТЕЛЮ ТЕЛЕСКОПА.

Посылаю вамъ нѣсколько Замѣчаній, довольно любопытныхъ для тѣхъ изъ чипапелей, кои—любя древность—прочли со вниманіемъ статью о *Египетскихъ Зодіакахъ*, помѣщенную въ N 6 вашего Телескопа.

Викарій Грерпо, изъ Оныпа коего (1) почерпнули вы статью сію, повѣствуя о различныхъ полкахъ, возникшихъ по случаю прибытія въ Парижъ *Дендерскаго Зодіака*, заключаетъ краткое извѣстіе свое объ оныхъ замѣчаніемъ, что: «новый Александръ разсѣкъ

(a) *Essai sur le Système Hiéroglyphique de Mr. Champollion le jeune, et sur les avantages qu'il offre. à la Critique Sacrée, par J. G. H. Greppo, Vicaire général de Belley. Paris, 1829.*

»Гордіевъ узелъ , надъ которымъ испощено
 »было столько прудовъ и усилій.« И подлин-
 по , Г. Шамполіонъ младшій , прочитавъ на
 семь Зодіакъ сокращенный пипсулъ АТТКРГР
 (*Салодержецъ*) ; гіероглифическими знаками
 изображенный , положилъ , симъ опкрышіемъ ,
 конецъ всѣмъ предположеніямъ и догадкамъ ,
 и призналъ , что Зодіакъ сей изваянъ былъ во
 времена владычества Римскихъ Императоровъ
 надъ Эгиптомъ.

Но Викарій Грессо пропустилъ главное об-
 стоятельство , данное на замѣчаніе Г. Шам-
 поліономъ касательно помянушаго пипсула ;
 почему и должны мы обратиться къ сочи-
 ненію (а) сего Эгиптолога , изъ коего В. Грессо
 выписалъ свое сказаніе объ ономъ Зодіакъ.

По поводу помянушаго пипсула Г. Шампо-
 ліонъ изъясняется слѣдующимъ образомъ. —
 —»*Рамочки* , заключающія сей пипсулъ ,« го-
 воритъ онъ—»находятся почти всегда въ со-
 »пряженіи , либо въ соединеніи съ другою ра-
 »мочкою , заключающею собственныя имена
 »Императоровъ. Но иногда пипсулъ сей на-
 »ходится также въ рамочкѣ совершенно оди-
 »нокой;« и Г. Шамполіонъ увѣряетъ , что Ден-
 дерскій сферическій Зодіакъ есть *достопримѣ-*

(а) Précis du Système hiéroglyphique des Anciens Egyptiens, Seconde Edit. page 64.

затѣмъ слѣдующій примѣръ (а) одинокости сего титула. «Судя по прекрасной гравировкѣ, изданной въ *Описаніи Египта*» — (продолжаетъ Г. Шамполіонъ) — «видно съ правой стороны большое изображеніе женщины, изваянное въ выпукломъ видѣ, между двумя длинными столбцами иероглифовъ. Внизу лѣваго столбца находится рамочка, содержащая одинъ только иероглифъ АОТКРТР (б).» Послѣ нѣскопрыхъ замѣчаній, Французскій Египтологъ изъясняетъ сожалѣніе о несуществованіи второй рамочки, которой надлежало бы въ сопряженіи съ первой, и заключаешь, по примѣру множества другихъ Египетскихъ барельефовъ, самое имя Императора. «Но» (говоритъ Г. Шамполіонъ) «если бы въ подоб-

(а) «Les cartouches renfermant ce titre sont presque toujours accolés ou mis en rapport avec un second cartouche, contenant le nom propre des Empereurs. Mais quelquefois aussi on trouve ce mot dans des cartouches ABSOLUMENT ISOLÉS. L'exemple le plus remarquable sans doute que je puisse citer de cette particularité, est le bas-relief sculpté sur la seconde pierre du Zodiaque circulaire de Dendera.» *Ibidem.*

(б) «D'après la belle gravure, publiée dans la *Description d'Egypte*, on voit à droite une grande figure de femme sculptée de ronde bosse, entre deux longues colonnes d'hieroglyphes. Au bas de la colonne de gauche, est un cartouche qui contient seulement le titre АОТКРТР.» *Ibidem.*»

»ныхъ предметахъ наблюдений , догадки могли бытъ совмѣстны , но многія общія свойства побудили бы меня думать , что ипсуль сей; *одиноко изображенный* ; могъ принадлежать Императору Клавдію , а еще болѣе Императору *Нерону* , когото множеству медалей, выбишыхъ въ Эгиптъ, заключають одинъ токмо ипсуль АТТОКРАТОР.» (а).

Прочитавъ съ должнымъ вниманіемъ всѣ вышеприведенныя утвержденія Г. Шамполиона, вы увѣрены , что Дендерскій Зодіакъ заключаетъ подлинно *одну только рамку* , и что на ономъ Зодіакѣ нѣтъ иной *второй рамки* , которая на Эгипетскихъ памятникахъ находится обыкновенно въ *сопряженіи* или въ *сношеніи* съ первою. Г. Шамполионъ указалъ вамъ однакожь на предсавленіи Зодіака изображенную съ правой стороны вы-

(а) Il eut été à désirer qu'un second cartouche, accolé au premier, nous donnât, comme sur beaucoup d'autres bas-reliefs Egyptiens, *le nom même de l'Empereur*. Mais si, en pareille matière, les conjectures étaient admissibles, plusieurs circonstances me porteraient à croire que ce titre *ainsi isolé*, pourrait appartenir ou à l'Empereur *Claude*, ou plutôt à l'Empereur *Néron*, dont plusieurs médailles frappées en Egypte, ne portent en effet aussi pour toute légende que le titre seul АТТОКРАТОР. *Précis du Système Hiéroglyph. des Anciens Egypt.* Seconde Edit. page 65.

еокорослуго женщину между двумя длинными столбцами ієроглифовъ ; внизу же *льваго* столбца : рамочку , заключающую шипуль АОТКРТР. Взгляните же на нижнюю часть *праваго* столбца , и вы увидите насупротивъ первой рамочки , *вторую* (а), въ непосредственномъ *сношеніи* съ первою находящуюся , и содержащую два ієроглифическіе знака. Ужели Г. Шамполіонъ не усмопрѣль сей *второй рамочки* ? Если же сего предположишь невозможно , то какъ объяснишь *желаніе* Эгиптолога , копорый во впоромъ изданіи своего Письма къ Г. Дасье, помѣщеннаго въ его *Précis*, спустя чепыре года, повпоряещь , какъ и въ первомъ : »Il eut été à désirer qu'un second cartouche, accolé au premier, nous donnât le nom même de l'Empereur.« Всякой , зная Французскую Грамматику , и не имѣя предъ глазами начертанія Дендерскаго Зодіака , заключаешь изъ сихъ словъ , что на ономъ находишся *одна* иполько рамочка , а не *два*. Почему Г. Шамполіонъ не сказалъ чиспосердечнѣе : Il eut été à désirer que le second cartouche qui se trouve en rapport avec le premier, au bas de la colonne à droite, nous donnât le nom même de l'Empereur ; то есшь : желашельно.

(а) Я могу показашь вамъ изображеніе онаго Зодіака.

Взгляните между ієрѣмъ на нашу Табл. N 1, 2.

бы было, чтобы вторая рамочка, *находящаяся въ сношеніи съ первою*, и изображенная внизу праваго столбца, предложила намъ самое имя Императора.

Предославляю вопросы сіи чинаписьямъ вашимъ. Чтожь до меня касается, то я уже привыкъ къ *Системѣ* Г. Шампиоліона, и давно уже не дивлюсь ни произвольности его утверждений и оприцаній, ни непоколебимости полкованій его и переполковъ (а), ни высокопарной пустопорожности его общаній (б), ниже догматическимъ прошиворѣчи-

(а) Разборъ сихъ утверждений и оприцаній, полкованій и переполковъ, находится въ рукописномъ Опытѣ моемъ о *Языкѣ и Намертаніяхъ Гіероглифическихкихъ*, подъ заглавіемъ: *LES PYRAMIDES ou Essai sur la Langue et l'Écriture Hiéroglyphiques.*

(б) Вошь какъ Г. Шампиоліонъ начинаеть первое письмо свое къ Герцогу Блакасу. *Lettres à Mr. le duc de Blacas d'Aulps relatives au Musée royal Égyptien de Turin. Première Lettre. Paris, 1826.*
 «La protection éclairée dont le Roi a honoré les études Égyptiennes, et mes constants efforts à les rendre *fructueuses pour l'histoire*, a imposé de nouveaux devoirs à mon zèle, et l'a soutenu aussi dans la perquisition persévérante des *notions positives* que l'examen des monumens peut encore permettre de recueillir
 «AFIN DE RECOMPOSER *s'il est possible, le tableau des hommes, des opinions et des événemens contemporains de la primitive civilisation.* Vous avez partagé, Mr. le Duc, et ces

ямъ (а), которыми преисполнены пресловутыя его сочиненія.

Г. Шамполионъ, не видя въ *двухъ* *гieroглифическихъ* *знакахъ*, *заклоченныхъ* *во* *второй* *рамочкѣ*, возможности прочитати имени какого-нибудь Римскаго Императора; разсудилъ за благо объявить оную вѣпорую рамочку *несуществующею*, по невозбранно и неопъемлемо присвоенному имъ праву говорить и утверждать все, что ему угодно.

»vues élevées (Г. Шамполионъ говоритъ про себя) *et* *»l'intérêt tout particulier qui s'attache à de telles* *»recherches.* « Можно ли провозвѣщать такъ *съ* *высока* о своихъ *шлндреніяхъ* и *успѣхахъ* на поприщѣ, покрьпномъ пьмой и исполненомъ препкиновеній! Г. Шамполионъ, издавшій такъ много книгъ и полкованій объ Египетскихъ гieroглифахъ, не разобралъ еще *ни одной строчки*, историческое преданіе заключающей. Успѣлъ же онъ прочесть *нѣсколько именъ* и разобрать *нѣсколько чиселъ*; но, какъ замъчаешь Г. Кювье, по поводу Азидосской скрижалы, заключающей однѣ рамочки *именъ и погестей Фараоновъ*, Г. Шамполиономъ будшо разобранныхъ, собраніе именъ не соснавляется еще Исторію: *-mais il n'est pas moins sensible qu'une liste, une série de noms ou de portraits, comme il y en a partout, est loîn d'être une histoire.* DISCOURS SUR LES RÉVOLUTIONS DU GLOBE, pag. 205;

(а) Снн прошиворѣчія выказалъ я въ Опытнѣ моемъ *Opuscles archéographiques*, и Г. Шамполионъ переправилъ ихъ *кое-какъ* во 2 изданіи *тихоложковъ*.

Приспугаю къ разбору *двухъ* помянутыхъ *героглифовъ*.

Согласно съ выговоромъ, признаннымъ въ таблицахъ Г. Шамполіона (а), оныя два героглифа могушь бышь изображены слѣдующими Коптскими опмѣнами: **EM**, **M**, **IM**. Но гласныя **E**, **I**, **M**, соизмѣняюпся непрерывно съ **Є**, копорую букву Г. Шамполісу угодно было здѣсь пропустить. Помянутые два героглифа соопвѣпспвуютъ слѣдоваптельно равнымъ образомъ и буквамъ **EM**, коихъ сложность образуепъ Эгипетское слово, имѣющее два знаменованія: **EM** значипъ *приношение* (б) и *обезьяна*. Французскій Эгиптологъ опвергнетъ съ негодованіемъ сіе бранное слово, несомѣспное съ его ученіемъ о почеспяхъ, свойспвахъ и dospoинспвахъ Эгипетскихъ властелиновъ, въ паниспвенныхъ рамкахъ (в) заключающихся.

(а) Précis du Syst. hiér. Tableau Général N. 43, 75.

(б) **EM** въ Коптскихъ Словаряхъ значипъ между прочимъ *offerre, προσφέρειν*. По свойству же языка Эгипетскаго и по преимущеспвамъ героглифическаго словописанія, **EM** можетъ значипъ и *приношение*. Смори на слѣд. стран. выноску (а).

(в) Сн рамки заключаюпъ обыкновенно *двусмысленныя* почеспы. *Двусмысленность* же была главнымъ основаніемъ героглифическаго словописанія жрецовъ и паниспвеннаго ихъ говора, что дознал

Я предпочитаю первое значеніе слова **ЕИ**, попому что оно согласно съ изображеніемъ женщины, находящейся между гіероглифическими сполбцами, и о которой мы упоминали въ предыдущихъ спраницахъ. И я не сомнѣваюсь въ томъ, что протянушія руки сей женщины изображаютъ приношеніе. Г. Шамполіонъ называетъ *два протянутыя отъ локтя къ верху руки* символическимъ знакомъ *приношенія* (а); ибо у Французскаго Эгиптолога символическими и мыслеизобразительными начерпаніями называются всѣ шъ, которыхъ онъ азбучно читаетъ не умѣетъ, или не хочетъ (б). Мы просимъ Г. Шамполіона взглянуть на 217 спраницу Коппо-Арабскаго Словаря, изданнаго Кирхеромъ, подъ заглавіемъ: *Lingua Aegyptiaca restituta*. Онъ найдетъ на концѣ оной спраницы слово **КорѢн** (в), объясненное Арабскимъ реченіемъ

я, между прочимъ; разборомъ нелѣпыхъ почесней, выпверженныхъ и споль важно повпорядкомъ Французскимъ Эгиптологомъ.

(а) *Précis*, Tabl. génér. pag. 38, N 308 a, OFFRANDE, OFFRIR, caractère symbolique. Смолри Табл. N 5.

(б) Примѣры сихъ мнимыхъ символизмовъ, мною разобранныхъ, могутъ сосланишь особенную книжку.

(в) Если бы Г. Шамполіонъ вздумалъ опринушь сіе реченіе и назвать оно исключителльно Арабскимъ, то мы указали бы ему Словарь Иг. Росси, заклю-

القربان *oblatio, sacrificium*. Первая же буква слова **Корвек**, будучи К, объясняетъ, почему *два поднятыя руки изображаютъ священно приношеніе; ибо тѣ же два руки, въ таблицахъ Г. Шамполіона, изображаютъ букву К (а)*. Слѣдовательно, мнимый *символизмъ*, при семъ случаѣ, какъ и при всѣхъ прочихъ, состоитъ въ хитромъ начертаніи, если не цѣлаго слова (посредствомъ лжеобразнаго и почти всегда уродливаго *монограмма*), то по крайней мѣрѣ первой буквы каждаго реченія,

чающій 336 спиральцъ Египетскихъ реченій, общихъ Сямскимъ наречіямъ (*Ignatii Rossi Etymologiae Aegyptiacae*).

(а) N. 56. и наша Табл. N 4. Симвъ же знакомъ жрецы изображали и самую мѣру длины, *локтемъ* называемую. *Локоть* же по Египетски называется **Кωι, Кеζ, К&ζ** и **Κ&λλ&κ&ζ**. Всѣ сіи слова начинающія съ буквы К. Иногда вмѣсто сихъ рукъ жрецы изображали цѣлаго человѣка въ наготѣ и въ одеждѣ *съ простертыми отъ локтя къ небу руками* для прикровенія *буквы* К. На Зодіакѣ же Дендерскомъ руки у женщины подняты опѣ самой подмышки, потому что пѣснопа мѣрина между двумя гіероглифическими столбцами другаго положенія не позволяла. А Г. Шамполіону не безызвѣстно, что Египетскіе *Святписцы* (*Ἱερογραμματῆς*) сорасполагали начертанія свои, соображаясь съ мѣсномъ и предѣлами поля своихъ надписей, какъ извѣстныхъ, такъ и рукописныхъ.

за символъ принцпмаемой и выдаваемой догмашическою неспособностію Эгипшолога.

Не удивляйшесь сему признанію. Оно по крайней мѣрѣ не криводушно, какъ порицанія Г. Шамполіона, который, не дерзая ополчаться лицомъ къ лицу противъ извѣснаго Оріенталиста и Синолога, Г. Клапропа, и горя желаніемъ назвать его невѣждою предъ лицомъ ученыхъ, спараешся произвольными и несвязными возраженіями доказатьъ несправильностьъ его при-
мѣненій (а) къ моему системѣ о таинствахъ Горуполлона (б), и заключаешъ, что всѣ примѣры, приведенные Г. Клапропомъ, служащія шокмо доказательствомъ, что я не имѣю понятія даже о первыхъ началахъ Коптской или Эгипетской Грамматики: *» que l'auteur
» du système ne connaît même pas les premiers*

(а) *Lettre sur la découverte des hiéroglyphes acrologiques*, adressée à Mr. de Goubianof, par M. J. Klaproth. Paris, 1827. « Cette lettre contient une des découvertes les plus importantes que l'on ait faites jusqu'ici sur les écritures sacrées des Egyptiens. » *Revue Encyclopédique*, 100 livraison. Avril, 1827, page 211.

(б) *ΩΡΟΤ 'ΑΠΟΛΛΟΤ 'ΙΕΡΟΓΛΥΦΙΚΑ*: « Mr. le chev. de Goubianof, qui se livre depuis quatre ans à l'étude des anciennes écritures de l'Égypte, vient par sa découverte, de rendre à cet ouvrage toute l'importance qu'il mérite. » *Revue Encycl. Ibidem*.

éléments de la Grammaire Copte ou Egyptienne (а). « Сей косвенный приговоръ не возобновился однакожь ни послѣ втораго Письма Г. Клапропа, въ кошоромъ доказывася онъ нелѣпость и произвольность возраженій Г. Шамполіона: ниже послѣ *Опыта* моего о *hieroglyphax* Горуполлона, гдѣ изложилъ

(а) Bulletin des sciences historiques, antiquités, etc. Avril. 1827, pag. 291. Г. Клапропъ въ вышепомянутомъ письмѣ своемъ ко мнѣ (спр. 4) говоритъ ясно: «*Je n'ai été en état d'expliquer, d'après votre méthode et par le Copte, une très-grande partie des symboles mystérieux qu'Horapollon nous a conservés.*» Всякой, чиншая спрочи сіи, не усумнится въ шомъ, что *метода моя*, а *прилпленія* Г. Клапропа. Не смолпя на шо, Г. Шамполіонъ говоритъ: «*Nous allons exposer un certain nombre de ces rapprochemens hasardés par Mr. de Goulianos et Klapproth. etc. — Mr. de Goulianos aurait dû faire attention. — Mr. de Goulianos a adopté fort légèrement une erreur de Kircher. — Selon Horapollon, dit Mr. de Goulianos.*» и поминутно Mr. de Goulianos. Г. Клапропъ беретъ однакожь все сіе и сему подобное на свой щепъ, и говоритъ *о себѣ.*» Mr. Champollion se contente de m'avertir que *je suis un ignorant et que je n'ai aucune connaissance de la langue Copte.* — Mr. Champollion *m'impute donc à tort d'avoir aveuglement copié les méprises du célèbre jésuite;*» и пр. и пр. *SMOUPH SECONDE LETTRE sur les hieroglyphes.*

я собственныя мои примѣненія къ открытому мною способу разбиранія мнимыхъ гіероглифическихъ *силволовъ* (а).

Возвратимся къ нашему предмету.

Г. Шамполіонъ, ссылаясь на сочиненіе ученаго Дашчанина Zoega, подъ заглавіемъ: *Nimti Aegyptii Imperatorii*, въ которомъ (по увѣренію Французскаго Эгиптолога) находилась множество медалей *Нерона*, заключающихъ одинъ только пицуль АΥΤΟΚΡΑΤΩΡ, полагаешь, что сей пицуль, находящійся на Дендерскомъ Зодіакъ опредѣленно, могъ равно принадлежать *Нерону*. Не имѣя подъ рукою Нумизматической книги помянутаго Сочинителя, мы не можемъ довольствоваться ссылками Г. Шамполіона, которъ въ обоихъ изданіяхъ своего Письма къ Г. Дасе своевольно оприцаешь существованіе *второй рамочки*, изображенной внизу праваго столбца Дендерскаго Зодіака.

Познакомясь съ многоразличными хитростями и причудами Эгипетскихъ Гіерограмматовъ, мы не можемъ не обратитъ вниманія на два послѣдніе знака, повпоренные подъ двумя рамочками, начертанными внизу двухъ гіероглифическихъ столбцовъ съ правой стороны Зодіака.

(а) *Essai sur les Hiéroglyphes d'Horapollon et quelques mots sur la Cabale*. Paris, 1827.

Змія, согнутая стъхнсною дугою (а), есть не иное что, какъ прикровенная опшмъна двухъ героглифовъ, данныхъ подь N 40 и 41 въ Таблицахъ Г. Шамполіона (б), и выговаривающихся, смопря по нарѣчіямъ, какъ Т^х съ дыханіемъ и какъ Т безъ дыханія. Въ пусто-тѣ же образованной *сгибомъ зміи*, мы видимъ чело-вѣка, изображеннаго *ничкомъ и съ одною ногою*. Одна нога въ таблицахъ Г. Шамполіона (N. 19) изображаешъ букву Б (в). Чело-вѣкъ же предспавленъ въ *опрокинутомъ* видѣ, съ лѣмъ, чшобы намекнушь пайновѣдцамъ, чшо сіе положеніе изображаешъ шакже букву Б, посредствомъ реченій *Φωνη*, *Φωνη*, выговаривающихся *Π^хонгъ*, *Π^хонджъ* въ Мемфисскомъ нарѣчій, и *Πонгъ*, *Πонджъ*, въ Саидическомъ, и значащихъ *convertere*, *pervertere*, *evertere*, *ejicere*, и пр., слѣдовапельно *низвратить*, *низринуть*; чшо и соопвѣтспвуешъ *низвращенному*, шо еспъ: *ничкомъ простертому* чело-вѣку. Буквы же П^х съ *дыханіемъ* и П, безъ дыханія, соизмѣнялись древле съ буквами Б—В и даже изображались однимъ и шѣмъ же начертаніемъ, съ какимъ-нибудь опличшсь-

(а) Смопри Табл. No 1, 2, подь рамочками.

(б). Смопри Таб. N 5 bis и 6.

(в) Смопри Таб. M 7.

нымъ знакомъ (а). Въ Героглифическомъ же словописаніи оныя непреспанно упошреблялись одна за другую, и смѣшивались даже съ буквами У и V (*ушицей*), что признано самимъ Французскимъ Эгиптологомъ (б). Таковое соизмѣненіе губныхъ началъ словесныхъ, общее всѣмъ языкамъ (в), объясняетъ, почему *нога*, называемая **Ф** & **У** *Пхатъ*, означаетъ Б и В въ азбукѣ героглифической. Такъ на примѣръ въ имени и качествѣ супруги Императора Адриана : **С** & **В** & **И** & **С** & **В** & **У** & **И** (г), оба **В** изображены ногою, хоня оныя выговаривались *Са Бина Се Васты*.

-
- (а) Еврейская буква **ב** (Пх) есть не иное что, какъ **ב** (В) съ опмьною ; буква же **ב** выговаривается и какъ В. Равнымъ образомъ Арабское **ب** (Б) упошребляется въ Персидскомъ Словописаніи съ *тремя точками для изображенія буквы Ш*.
- (б) «Le B hiéroglyphique est perpétuellement échangé dans les noms propres et dans les textes Egyptiens avec F, V et OU.» Précis du Syst. hiérog. Sec. édit. pag. 111.
- (в) Греческія буквы Ф, В, выговаривавшіяся древле Пх, Б, измѣнили попомъ выговоръ свой на Ф, В. Нѣмцы смѣшиваютъ непреспанно б съ п; Испанцы в съ б, и пому подобное.
- (г) Zoega: de *Origine et usu Obeliscorum*, смопри въ ономъ: Obeliscus Barberinus. и Précis. Tabl. gén. des signes. N. 151.

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ наблюдений явствуетъ, что согнутая дугою злія съ протертыхъ въ ней человѣкомъ образуетъ монограмму Тб, копорого буквы можемъ признасть за двѣ первыя согласныя имени Тиберія (а), съ шѣмъ большею вѣроятностію, что Поршикъ Дендерскаго храма, по свидѣтельству Греческой надписи, посвященъ былъ благоденствію сего Императора, какъ то находимъ на 180 страницѣ Археологическаго Сочиненія Г. Лепронна, подъ заглавіемъ: *Recherches pour servir à l'histoire de l'Egypte pendant la domination des Grecs et des Romains*. Въ другомъ же сочиненіи своемъ: *Observations critiques et archéologiques sur l'objet des représentations Zodiacales*, сей ученѣйшій Французскій Эллинистъ полагаетъ, что Зодіакъ предхрамія Дендерскаго храма относится къ жребію того же Императора *Тиверія* (б). Замѣтимъ и то, что, по свидѣтельству Тацитана и другихъ древнихъ бытописателей, сей Императоръ слылъ весьма свѣдущимъ въ Астрологию, кошорая была предметомъ Зодіаковъ (в).

(а) Между рамочками, изображающими имя *Тиверія* иероглифами, опвѣчающими всегда буквами **ТВРИС**

Тбрис, мы находимъ **В**, выраженное *логото*.

(б) Смощри стр. 109.

(в) *Ibidem*. стр. 81.

Г. Клапропъ, въ вышеупомянутомъ опвѣ-
ствѣ своемъ на порицанія младшаго Шамполіона,
справедливо замѣчаетъ, что сей Эгиптологъ
не терпѣтъ, чтобы кто-нибудь говорилъ объ
Эгиптѣ *безъ его дозволенія*. И вопсѣ возраже-
нія, предсposable нашему разбору:

Первое. Мы не въ правѣ, скажетъ онъ, при-
нимать ни *согнутую змію*, ни *лежащаго* въ ней
человѣка за буквы, попому что оныя знаки не
принадлежатъ къ числу азбучныхъ начертаній,
признанныхъ Имъ, Шамполіономъ; а попому и
должно ихъ считатьъ за *символическіе* знаки.

На сіе опвѣчаемъ:

Во первыхъ: что *змія* наша разспивуетъ
только положеніемъ опъ *зміи* Г. Шамполіо-
на, изображающей буквы Д и Т въ его таб-
лицахъ, подъ N 20. Но взгляните еще разъ на
N 40 и 41, вы увидите нашу змію въ томъ
же положеніи, но превращенную въ *щипчики*,
копорья выговаривающія Т^x и Т, смопря по
нарѣчіямъ. Сообразивъ на нашей Таблицѣ (а) сіи
ложные гіероглифы, вы, при легкомъ внима-
ніи, признаете одну и ту же букву, облечен-
ную въ различные обманчивые виды.

Во вторыхъ: пустьъ Французскій Эгипто-
логъ докажетъ намъ по своей теоріи, что
человѣкъ, въ сидящемъ видѣ безъ сѣдалища, съ

(а) Смопри N 5, 5 bis, до N 6 (Куфической буквы).
ТЕЛЕСК. ЧАСТЬ IV. 11

одного поднятою отъ локтя рукою, съ другою же опущенною назадъ, можешъ изображать букву (а). Чпо человекъ, стоящій съ поднятыми отъ локтя обѣими руками (б), можешъ изображать букву; а чпо человекъ, одною и никомъ лежащій, НЕ МОЖЕТЪ.

Второе возраженіе, намъ предспоящее, будешъ шо, чпо собственныя имена не сокращались такъ, чтобъ не доставало послѣдней оныхъ половины. Сіе общее правило не безъ исключенія: и мы находимъ въ помянутомъ Опытѣ Г. Сальпа (в), изображенное въ обычной рамочкѣ имя Императрицы *Клеопатры* съ пятью только гіероглифами: *Клепа* (г).

(а) Смопри N 104 его *Tabl. génér.*

(б) Покойный Англійскій Генеральный Консулъ въ Египтъ, Г. Сальпъ, первый прочелъ сіе прикровенное начертаніе въ имени Императора *Клоода*. Смопри *Planche II. 22 b*, Опыта его подъ заглавіемъ: *Essay on Dr. Young's and M. Champollion's Phonetic System of Hieroglyphics*. London, 1825.

(в) Смопри Pl. II N. 1 съ лѣваго конца.

(г) Судя по пустошѣ мѣста, принадлежащаго буквѣ О, вѣроятно буква сія сперпа. Двѣ же послѣднія буквы Т, С, означающъ женскій полъ и супъ начальныхъ буквы словъ *Т Сгггггг*. (Тѣ членъ, *Сгггггг* женщина;) хоша Г. Шамполіонъ и называетъ ихъ знаками мыслезобразительными: *signes idéographiques*, чпо отличаетъ оныя отъ своихъ

Слѣдовательно сокращеніе собственныя именъ зависѣло также отъ произвола жрецовъ, какъ и сокращеніе словъ, признанное Г. Шамполіономъ (а). Въ отношеніи же къ имени *Тиверія* не излишне замѣтить, что во всѣхъ рамочкахъ, заключающихъ имя сего Императора, первыя двѣ согласныя *Тб* находясь всегда сопряженно, безъ посредней гласной *и*, подобно какъ и въ сокращенномъ монограммѣ, нами изслѣдованномъ.

Остаются еще два возраженія немаловажныя. Г. Шамполіонъ замѣтитъ, *во первыхъ*: что имена Эгипетскихъ власпелиновъ начертывались, равно какъ ихъ почести и свойства, не иначе, какъ въ рамочкахъ, служившихъ отличительными знаками ихъ сана. Сверхъ же сего возпанеть онъ проповѣдая предположенія чпобы одно и тоже имя могло бытъ повторено подъ каждою рамочкой—что проповѣдно всѣмъ наблюденіямъ, доселѣ имъ учиненнымъ.

signes phonétiques, отъ знаковъ звукоизобразительныхъ или азбучныхъ начертаній.

(а) Г. Шамполіонъ говоритъ, что для выраженія нѣкоторыхъ словъ (по естѣ, словъ, имъ разобранныхъ), жрецы довольствовались начертанъ, по *начальную одну* букву, по двѣ первыя буквы, иногда же первую и послѣднюю, разумѣется, гіероглифическими начертаніями. Précis, page 373, 2. Edit.

Въ отвѣтъ на первое возраженіе укажу я на XV Табл. Систематическаго сочиненія Г. Шамполіона, гдѣ имя Эгипетскаго Фараона *Шешонка* изображено гіероглифическими знаками въ сполбцѣ безъ рамочки (а); и гдѣ поже имя повпорено и *гіератическими*, по еспѣ, *жреческими скорочисными* буквами не въ скобкахъ (б), присвоенныхъ собственнымъ именамъ Императоровъ и Фараоновъ. Сего примѣра здѣсь довольно, чпобъ доказашъ, чпо присущствіе рамочки не еспѣ условіе *sine quâ non* сущестпованія ихъ именъ въ гіероглифическихъ надписяхъ, какъ изваянныхъ, шакъ и рукописныхъ. Впрочемъ мнѣ и каждому должно показашъ еспешвеннѣе присущствіе царскихъ именъ *безъ рамочки* (в),

(а) Смолри Précis du Syst. hiér. пропівъ 259 стр. впор. изд.

(б) Г. Шамполіонъ не упоминаешъ ни въ одномъ изъ печатныхъ своихъ сочиненій о скобкахъ, замѣняющихъ рамочки, въ словописаніи *гіератическими* и *народными* буквами. Сіи скобки почпи всегда связывались съ первою и послѣднею буквою именъ и почесней, въ нихъ заключавшихся.

(в) Мы видѣли при самомъ началѣ сей спашни, чпо одна изъ рамошекъ заключаешъ должна *титуль, свойства и качества* Императоровъ: однако же *титуль, свойства и качества* сіи не находяшся ли и безъ рамошекъ въ книгахъ Г. Шамполіона?

чьмъ присутствіе царскихъ рамокъ безъ имень, и совершенно *пустыхъ*. Мы находимъ однакожъ таковыя рамочки между прочимъ на опломкѣ гіероглифическаго памятника, найденнаго въ Росептѣ, и на прямоугольномъ Дендерскомъ Зодіакѣ, о которомъ упоминается въ спашьѣ вашей. Еще спранные покажутся всякому присутствіе *полурамокъ* также *пустыхъ*, и у которыхъ не доспаетъ верхней часпи. Сіи послѣднія встрѣчаются на томъ же прямоугольномъ Зодіакѣ. Г. Шамполіонъ не дивится таковымъ встрѣчамъ, и не говоритъ о *пустотѣ* сихъ рамокъ ни слова, конечно потому, что онъ *пустымъ* не занимается.

Чтожь касается до спранныости предположенія моего, что одно и тоже имя *Тиверіа* повторено подъ каждой рамочкой двухъ столбцовъ Зодіака, то таковое *повтореніе* спраннымъ можеть показаться поному развѣ, что оно рѣдко встрѣчается; другой же спранныости въ ономъ не вижу. При семъ же случаѣ *повтореніе* сіе легко объяснись можеть: Г. Шамполіону не безызвѣстно, что Египетскіе святописцы были большіе охотники до *симметрии*, и монограммъ, нами изслѣдованный, повпорень очевидно *ради симметрии*.

Такимъ образомъ, *симметрии ради*, въ одной рамочкѣ, заключающей шипуль АТТКРТР,

жрецы изобразили вмѣсто одного *К*, два знака лицомъ къ лицу, съ празднымъ между ними начерпаніемъ (а), гласнымъ *а, е, і* равносильнымъ. Я представляю послѣдній примѣръ сей чипапелямъ вашимъ, съ пѣмъ намѣреніемъ, чшобы доказашъ имъ, сколь произвольны Эгипетскихъ жрецовъ причуды и запѣи; чшобъ доказашъ и по, чшо строгоспъ догматизма въ разборѣ лжеобразныхъ ихъ начерпаній совсѣмъ не у мѣста. Взгляните же на оныя два симметрическіе знака, занимающіе средину рамочки пишула АУТОКРАТОР (б). Вы увидите и признаете въ оныхъ повпоренный символъ богини *Исиды*! Спранное дѣло! Жрецы ли вздумали, льспишъ Римскому Самодержцу? Ваяшель ли подшушилъ надъ жрецами? или покойный Сальпъ списалъ въ забыти одно начерпаніе за другое? Г. Шамполионъ не разсѣкъ на сей разъ Гордіевъ узелъ, намъ предстоящій. Онъ даже и не упомянулъ объ ономъ во впоромъ изданіи Сиспематическаго своего сочиненія, не смопря на по, чшо Опышъ Г. Сальпа извѣщенъ былъ ему съ 1825 года. Уже ли великая *Исида*, низри-

(а) Замѣчанія доспойно, чшо сіе самое последнее начерпаніе находится и между *двумя руками*, изображающими также букву *К*, и о копорыхъ мы говорили выше. Смопри нашу Таб. N 8.

(б) SALT'S *Essay*, прошивъ 62 стр. Табл. II. N. 1.

нупая въ качествѣ пошлой буквы К , не заслужила заслупленія Французскаго Эгиптолога; или, взглянувъ на жребій сей многопаинспвенной богини , вспомнилъ онъ сей стихъ Овидіевъ, и убоялся? *Oculis errantibus quaesivit Caelo lucem , ingemuitque repertâ. . .* Остаивимъ безплодныя недоумбнія и сорвемъ завѣсу съ *энигматическаго символа Исида*, на который Г. Шамполіонъ взираетъ, какъ и на всѣ прочіе свои символы, сквозь райка догматическихкихъ своихъ заблужденій.

Извѣстно по преданіямъ , что въ Эгипетскомъ многобожіи Исида почиалась богинею *Луны и Земли* , и что супружество Исида съ Озирисомъ было источникомъ изобилія Эгипта. Подъ именемъ же Озириса разумѣли и *Солнце* и *Ниль*. Раздѣливъ лица сего сложнаго баснословія , мы видимъ съ одной стороны, супружество *Солнца съ Луною* и ихъ вліяніе на Землю ; съ другой же стороны, разливъ *Нила* , который , покрывъ низменную часть Эгипта , производитъ изобиліе оного; наконецъ , дѣйствіе *Солнца на Землю*. Обращимся теперь къ значенію именъ *Исида* и *Озириса*.

Покойный Яблонскій , въ ученѣйшемъ полкованіи своемъ о богахъ Эгипетскихъ (а) , по

(а) *Pantheon Aegyptiorum, sive de diis eorum Commentarius. Francofurti. MDCCL.*

спраспи своей къ словопроизводспвамъ, привелъ многое множеспиwo своихъ и чужихъ мнѣній и преданій о свойспвѣ сихъ боговъ и о значеніи ихъ имень. Одно изъ словопроизводспвъ объ *Озирисъ* правильно, но Яблонскій объ немъ попопковалъ и оставилъ. Вошь и сказаніе Плупарха: »Ὁ γὰρ Ὀσίρις ἌΓΑΘΟΠΟΙΟΣ, καὶ τὲνομα πολλὰ φράζει εἰς ἡχὴν δὲ ΚΡΑΤΟΣ ΕἸΝΕΡΓΟΤΗ καὶ ἌΓΑΘΟΠΟΙΟΝ. Кошпическими буквами имя *Озириса* можно писашъ, равно *Ошүри* и *Ошүри*. Слово сіе соспавлено изъ *Ошү*, *Ошү*, значущихъ много и *Іри* дѣйствию, дѣлаю. Чпо и опноспися къ сильному дѣйствию и вліянію *Солнца* надъ *Землею*. Сіе значеніе имени *Озириса* въ лицѣ *Солнца* и въ видѣ *Нила*, связуется само собою съ знаменованіемъ имени *Исида*, и озаряетъ преданіе о ихъ супружеспвѣ: Πρὸς τὰς Μύσας, Ἰσὶν τὴν ΓΗΝ, καὶ Ὀσίριν τὸν Νεῖλον καταγγέλλουσιν (а). Яблонскій приводитъ между прочимъ преданіе *Сервіуса* и *Исидора* (б): »*ISIS lingua Aegyptiorum est TERRA, quam ISIN volunt esse.*»

И пакъ, по свидѣтельспиву сихъ преданій, *Исида* не покмо почиталась землею, но даже на Эгипепскомъ языкѣ *значитъ* земля.

(а) *Гелиодоръ*. у Яблонскаго. Кн. III. гл. I. стр. 18.

(б) *Ibidem. Ibidem.*

Земля по Египетски называлась **K&Z** въ Оивскомъ нарѣчїи, и **K&Z1** въ Мемфисскомъ.

IC1 (*Исида*) имя переданное намъ Греками въ видѣ **ICIZ** (съ упраздненіемъ *дыханія* начальной гласной *И*, и съ окончаніемъ **Z** свойспвеннымъ Греческому языку —) воспрїавъ древнее свое правописаніе: **IC1**, въ Мемфисскомъ, и **ZIC1** въ Оивскомъ или Саидическомъ нарѣчїяхъ; приобрѣшешъ свойспвенныя богинѣ *Исидѣ* значенія *труда, тлжанія, работы*: понятїя опносительныя къ *Земль плодотной*, вліяніемъ *многодлїствующаго Солнца* и *оплодотворяющаго Нила*.

Согласовавъ такимъ образомъ преданїя объ *Исидѣ* съ значенїями двухъ именъ сей знаменитой богини, мы видимъ шеперь, что вся хитроспъ жрецовъ соспояла въ помъ, чтошобъ называшъ божеспво сіе именемъ *отвлеченнымъ*, а изображашъ оное, именемъ *вещественнымъ*.

И подлинно: идолоположники Эгипетскїе, олицепворивъ божеспво *Земли*, назвали оное *Исидою*, по еспъ: *трудошюся, длтшою, производящю* богинешю: **IC1**, **ZIC1**. Поелику же *Исида* была богинешю *Земли*, по жрецы изобразили не *Исиду*, а *Землю*; изобразили же оышкновеннымъ образомъ, сирѣчь: начальной буквою слова **K&Z**, **K&Z1** (значущаго *Земля*), по еспъ, буквою **K** (*а*), кошорую бук-

(а) Взглянувъ на различныя опшны первообразнаго

ву Г. Шамполіонъ называешъ и почишаешъ *символическимъ*, *мыслеизобразительнымъ* начертаніемъ *Исиды*, и, помянише мое слово, никогда не испоргнишъ ее изъ своего Панѳеона, чшобъ помѣспнишъ въ азбучную спрочку.

Если вы шеперь убѣждены, чшо *символь* Исиды ешъ буква К, шо уже и не удивишесь шому, *какимъ* образомъ богиня *Исида* зашла въ рамочку, заключающую пишуть *АвтоКратор*; и вы сами скажеше, чшо *Исида* вошла шуда во образъ буквы К, или буква К во образъ Исиды.

Пушъ Г. Шамполіонъ, вооруженный догматизмомъ своей Теоріи и Системы, пошрудинся опровергнушъ сіи доводы. Я гошовъ предшавишъ ему, и его *символы*, и его *изобразительныя начертанія* (*caractères figuratifs*), копорыхъ онъ равно чшашъ не умѣшъ или не хочешъ; и вмѣспъ съ ѳными предашъ суду безприспраспныхъ, нелицепрїашныхъ и правдолюбивыхъ Ученыхъ *мои разборы*, клонящїеся къ доказательспву шой прѳпой и несомнѣнной испины, чшо *всѣ* *героглифы*, *какъ простыя*, *такъ и сложныя*, *равно и лжеобразныя* *Монограммы*, *суть не иное что*, *какъ прикровенныя начертанія*, *почертнутыя изъ*

вида буквы К; вы увидише, какъ, *sensim sensimque*, палеографическая буква облеклась въ *символь* богообразный. Табл. N 9.

многообразныхъ отмыль такъ называемыхъ Семитическихъ, то есть: Финикійскихъ, Самаританскихъ, Халдейскихъ, Сирійскихъ и даже Куфійскихъ азбукъ.

Членъ Россійской Академіи Гуляновъ.

Москва, 21 Іюня 1831 года.

II.

СЦЕНА ИЗЪ ТРАГЕДІИ ШИЛЛЕРА:

МАРІЯ СТЮАРТЬ.

ДѢЙСТВІЕ V. ЯВЛЕНІЕ VII.

МАРІЯ, МЕЛЬВИЛЬ.

МАРІЯ.

Рязпорядяся благами земными,
Надѣюся, что оставляю міръ,
Я никому не должная. Одно лишь,
Мельвиль, душѣ препяшпвуесть моей
Свободно, радостно подыашься къ небу.

МЕЛЬВИЛЬ.

Откройся мнѣ, Марія; облегчи
Грудь отъ заботъ; пусть твой вѣрнѣйшій другъ
Ихъ раздѣлитъ съ любовью.

МАРІЯ.

Я спою

У прага вѣчности; предспану скоро
Судящему дѣянїя людей;
Но съ Господомъ еіце не примирилась.
Свяпипшеля мной чпимыхъ алпарей
Ко мнѣ не допускаютъ; я должна

Приняшь дары Божеспвенной прапезы.
Изъ рукъ лжепаспыря. Нѣтъ! умереть
Хочу въ моей я вѣрѣ; лишь она
Небесныя враша намъ оптверзаешъ.

МЕЛЬВИЛЬ.

Смири волненье сердца; предъ Творцомъ
Дѣла и воля пшвердая, благая
Равны. Оковы наложишь на руки
Насилье можешь; чиспая-жь душа,
Свободная, парипъ къ престолу Бога.
Мершвяпъ слова, но оживляешъ вѣра.

МАРІЯ.

Мельвиль, нѣтъ! мало сердца одного;
Земный залогъ необходимъ для вѣры,
Чпобъ мы могли освоипъся съ небеснымъ!
За шѣмъ-шо образъ челоувка принялъ
Господь; незримые дары Небесъ
За шѣмъ-шо въ шѣло зримое включилъ Онъ
Таинспвенно...

Свяпая церковь намъ
Есть лѣспвица ко свѣшлымъ Небесамъ.
Ее зовемъ мы Римской, православной:
Подпора вѣры — вѣрованье всѣхъ;
Гдѣ пысящи, молясь, благоговѣюшъ,
Тамъ жаръ душевный пламенемъ горипъ.
И окриленный духъ къ Творцу парипъ! —
Блаженны всѣ, могущіе спекашъся
Въ Господень домъ съ молитвой на успахъ!
Алпаръ украшенъ, тепляпся лампы
И сладкій дымъ спрушъся изъ кадиль,
И колоколь вѣщаешъ славу Бога,
И бѣлоспѣжной ризой облеченъ,
Свяшпемъ алпарей приѣмлетъ чашу,

Благословивъ, подъемлеть, и вѣщаетъ
 О чудесахъ преображенья онъ :
 И весь народъ, одушевленный вѣрой,
 Предъ Господомъ, присушпвующимъ памть,
 Склоняется. Увы! а я одна
 Опивертнута; благословенье Неба
 Не проникаеть въ мракъ моей пѣмницы.

МЕЛЬВИЛЬ.

Оно уже проникло, озарило
 Тебя, Марія; положишь на Бога
 Всемощнаго; и вѣрь, сухая просишь
 Въ рукъ пого, кпо дышетъ пейлой вѣрой,
 Дашь можеть цвѣтъ и гроздіе. Кпо словомъ
 Изъкъ источникъ изъ скалы кремнистой,
 Топъ и въ пемницъ для тебѣ алтарь
 Успроишь можеть, и сосудъ, кошпорый
 Земную жажду утолять назначень,
 Въ свящую чашу преврапишь мгновенно.
 (береть кубокъ, стоящій на столѣ).

МАРИА.

Чшо слышу?—Такъ—я поняла тебѣ!
 Ни паспыря, ни церкви, ни свящынн
 Здѣсь нѣтъ. Но рекъ Небесный Искупиель:
 »Гдѣ двое вѣрящихъ сошлись во имя
 Мое, я памть присушпвую межъ нихъ.«
 И чшо въ успа Свящипселя влагаетъ
 Глаголь Господень?—Чистая душа
 И житіе безгрѣшное, святое.
 — Такъ будь и пы свящипелемъ небеснымъ,
 Посланникомъ, принесшимъ миръ душъ.
 И исповѣдь послѣднюю мою
 Прими; и пусшь мнѣ изрекушь спасенье
 Успа пвои.

МЕЛЬВИЛЬ.

Когда такъ сильно сердце
 Влечетъ тебя, по знай: тебѣ въ опраду
 Всесильный чудо можетъ совершить.
 Ты говоришь, здѣсь нѣтъ Христова тѣла,
 Священеля и церкви? Въ заблужденъ,
 Ты Королева! Здѣсь Священель естъ,
 Есть Духъ Святый, парящій надъ побою.

(съ сими словами открываетъ голову, и показываешь золотую чашу съ дарамъ).

Священеля во мнѣ, Марія, видишь;
 Я исповѣдь послѣднюю швою
 Пришелъ принявъ и на пупи ко гробу
 Миръ возвѣстивъ душѣ швой. Семь разъ
 Глава моя помазана елеемъ
 И приношу тебѣ Дары Святые,
 Которые благословилъ самъ Папа.

МАРІЯ.

Такъ на краю могилы суждено
 Мнѣ счастье небесное вкусить?
 Какъ съ высоты, на облакъ запомъ,
 Слепаешь духъ безмерный; какъ въ пещицу
 Проникъ Апостоль, Ангеломъ ведомый,
 И не могли его оспановить
 Ни спражей мечъ, ни тяжкіе запоры;
 Но перейдя замкнутыя врата,
 Въ пещицѣ онъ явился, окруженный
 Сіяніемъ: такъ и ко мнѣ шеперь,
 Обманушой заслупникомъ земнымъ,
 Являешишя ниспосланный опъ Неба.
 — Тыжъ, нѣкогда слуга мой, будь опный
 Служителемъ Небеснаго Опца.

Ты преклонялъ передо мной колѣна,
Я повергаюсь предъ тобой!

(повергается предъ нимъ).

МЕЛЬВИЛЬ

(осѣнивъ ее знаменіемъ креста)

Во имя

Отца и Сына и Святаго Духа!
Марія, Королева! Испытала-ль
Свое пы сердце? И дашь ли кляпву,
Что истины на исповѣди сей,
Опъ Бога правды, ушантъ не мыслишь?

МАРІА.

Душа моя предъ Нимъ и предъ тобою
Открыта.

МЕЛЬВИЛЬ

Съ дня, когда въ послѣдній разъ
Ты примирилась съ Господомъ, какой
Грѣхъ совѣспъ пятгопипъ твою?

МАРІА.

Въ груди

Пипала я зависпмливую злобу
И жажду мести. Грѣшная, опъ Бога
Ждала прощенья, а сама проспипъ
Я не могла соперницъ моей!

МЕЛЬВИЛЬ.

Оплакала-ль вину свою, Марія,
И швердо ли намѣренъе твое
Оспавипъ міръ, съ Всевышнимъ примиряся?

МАРІА.

Какъ упованье, что Господъ проспипъ
Винную,

МЕЛЬВИЛЬ.

Въ какихъ грѣхахъ еще
Сознашься можешь?

МАРІА

Не одною злобой,
И грѣшною любовью оскорбляла
Я Господа. Я спраспію пылала
Къ тому, кошорый, кляпшвъ измѣня,
Немилосердо обмануль меня!

МЕЛЬВИЛЬ

Скорбишь ли ты о прежнемъ заблужденіи,
И идола забывъ, твоя душа
Чиспосердечно-ль къ Богу обратилась?

МАРІА

Тяжелая борьба мнѣ предспояла,
Но я земныя узы разорвала.

МЕЛЬВИЛЬ

Какимъ еще грѣхомъ опягчена
Душа твоя?

МАРІА

Кровавая вина

Лежишь на ней. Въ предсперпное мгновенье;
Какъ грозное полночное видѣнье,
Моймъ очамъ являешся она.
Я ей опъ врапъ Небесъ опчуждена.
Я дпаякое свершима преспупленье:
Убивъ супруга, сопряглась попомъ
Съ прельспивителемъ предъ Божьимъ алпаремъ.
И хопъ себя, преспупная, караю

Раскаляемъ, моливвой и поспомъ;
 Но все въ душѣ живеть эхидна злая,
 И усыпипь грызущей не могла я.

МЕЛЬВИЛЬ

Какой еще лежишь на сердце грѣхъ,
 Въ копоромъ ты не сознавалась Богу?

МАРИЯ

Теперь ты знаешь всѣ мои грѣхи!

МЕЛЬВИЛЬ

Помысли: близокъ Сердцевѣдецъ! Вспомни,
 Какъ тяжело караетъ церковь шѣхъ,
 Которые на исповѣдь приносятъ
 Не полное сознание; сей грѣхъ
 На вѣчную насъ осуждаетъ смерть.

МАРИЯ

Пусть такъ меня въ последнее мгновение
 Помилуетъ и укрѣпипь Господь,
 Какъ ничего не утѣшила я.

МЕЛЬВИЛЬ

Предъ Господомъ молчишь о томъ, за что
 Тебя караютъ люди? Объ участьи
 Въ измѣнѣ Парри, Бабингтона? Ты
 За то идешь на временную смерть:
 Уже-ль обречь себя и вѣчной хочешь?

МАРИЯ.

Я Судин предстать уже готова.
 Еще мгновений нѣсколько, и я
 Приблизуся къ Пресполю Трисвятова;
 Но говорю и повторяю снова:
 Окончана вся исповѣдь моя.

МЕЛЬВИЛЬ

Размысли. Сердце наше льстець коварный.
 Бышь можешь, ты двусмысленно запыла

Смысль настоящій слова, чпобъ оно
Тебя не уличило въ преспусленн,
Хопъ въ дѣлъ семь учаспвовала воля.
Но знай: припворспвомъ не обманешъ пы
Всевидащаго, пламеннаго ока,
Впереннаго во внуспренность души.

МАРІА

Просила я власпиптелей земныхъ
Сорвать съ меня постыдныя оковы;
Но нѣкогда ни мыслю, ни дѣломъ
На жизнь врага не посягала я.

МЕЛЬВИЛЬ

И такъ пѣсцы свидѣтельспвуютъ ложно?

МАРІА

Все испинно, чпо я сказала! Ихъ же
Да судишь Богъ!

МЕЛЬВИЛЬ

И такъ идешь на плаху,
Увѣрена въ невниности своей?

МАРІА

Сподобъ меня Всесильный, ранней смерпью
Кровавую вину мою загладить.

МЕЛЬВИЛЬ

(благословляетъ Марію;)

Идижь, и смерпью примирися съ Небомъ;
Пади, какъ жерпва чпстая! Лишь кровью
Омоюпся кровавыя дѣла.

Грѣшила ты, какъ слабая жена;
Но слабости духъ бодрый оставляетъ
Въ поржеспвенный преображенья часть.
Мнѣ свыше данной власпью, разрѣшаю
Тебя, Маріа, отъ грѣховъ; молю,
Да совершится шакъ, какъ уповаешь.

(береть чашу, стоящую на столъ и освятивъ ее, подаешь Маріи. Она колеблется и опклоняетъ ее отъ себя рукою).

Спасителя Свящую Кровь прими!
 Ее онъ пролилъ за тебя!—Прими,
 Какъ даръ, какъ милость Папы. Въ самой смерти
 Владыкъ земныхъ воспользуйся правами
 Первейшими — благословеньемъ церкви!

(Марія принимаетъ чашу).

И какъ теперь въ пыльномъ облачении
 Соединишься съ Господомъ своимъ,
 Такъ и въ его обители блаженной,
 Гдѣ нѣтъ печали, пресуплений, слезъ,
 Ему предстанешь, Ангель обновленный,
 Соединаясь съ Владыкою небесъ.

(спавилъ чашу на столъ. Слышенъ шумъ;
 Мельвилъ закрываетъ голову, и подходитъ къ
 двери. Марія осматривается на колынахъ, тихо
 молясь).

Мельвилъ (возвращается).

Еще тяжелая тебѣ борьба,
 Марія, предпринять! въ душѣ твоей
 Найдется ль твердость укрѣпить порывы
 Ожесточенья, злобы?

МАРИА

Не страшусь
 Возврата ихъ! Я посвятила Богу
 Любовь мою и независимъ.

МЕЛЬВИЛЬ

Готовься-жь
 Борлея съ Лордомъ Лесперомъ принять:
 Они идуць.

А. ШИШКОВЪ 2й.

III.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НОВАГО ИСТОРИЧЕСКАГО РОМАНА :

ГАРАЛЬДЪ И ЕЛИСАВЕТА, ИЛИ ВЪКЪ ІОАННА ГРОЗНАГО а).

(В. А. Эртеля).

Томасъ вошелъ въ проспранную , круглую комнату, освѣщенную такимъ же образомъ, какъ и передняя. Къ пополку привѣшена бы-

а) Романъ сей вскорѣ выйдеть въ свѣтъ. Не раскрывая напередъ завязки романа , необходимо для поясненія предлагаемаго отрывка сказать слѣдующее: Іоаннъ Грозный поручилъ Томасу Вейпу, золотыхъ дѣлъ мастеру и механику , устроить потаенный ходъ изъ своей комнаты въ подземелье , которое было проведено изъ Кремлевскаго Дворца подъ Москву-Рѣку и вело въ поле. Мысль сію подалъ ему врачъ его Бомелій. Не задолго предъ тѣмъ прибыло въ Москву посольство отъ Гогмейстера Ордена Нѣмецкихъ Рыцарей. Племянникъ Посла, Графъ Гаральдъ, при вѣздѣ въ столицу , спасъ дочь Вейпа, Елисавету, отъ опасности , которою угрожала ей взбѣсившаяся лошадь, бѣжавшая по улицѣ, по коей вѣзжало Посольство въ Москву. Красота дѣвушки поразила Гаральда. На любви ихъ основана завязка романа. Еще до пріѣзда Гаральда въ Москву, Вейпъ избавилъ отъ убійцы любимца Іоаннова, Бориса Ѳедоровича Годунова , и съ друзьями своими принесъ его въ свой домъ. Ходя за раненымъ Борисомъ, Елисавета, уснувъ въ креслахъ , видѣла сонъ, предсказывающій судьбу ея и описанный въ предлагаемомъ отрывкѣ.

ла чучела крокодила, нѣсколько сушеныхъ рыбъ, большою часпю спранной фигуры, скорпионы, морскіе пауки и раки, и т. п. Кругомъ по стѣнамъ распавлено было множество чучель разныхъ звѣрей всѣхъ земель и климатовъ. Украшенія комнашы сосполяли изъ пирамидъ и сполбовъ, складенныхъ изъ череповъ и коспей. У дверей, пропивоположенныхъ стѣмъ, въ копорыя вошелъ Вейпъ, сполли, какъ на часахъ, два человѣческіе скелета, изъ коихъ одинъ держалъ песочные часы, а другой косу. Со вниманіемъ осмопрѣвъ всѣ сіи спрашные, но не безъизвѣспные ему предметы, Вейпъ пошелъ наконецъ къ двери, за копорою надѣялся найши обладашеля сихъ чудесъ. Отворивъ дверь безъ большаго усилія, Томасъ вошелъ въ слабо освѣщенную комнату, въ копорой за споломъ, покрывнымъ книгами, бумагами, сферами и другими орудіями, сидѣлъ человѣкъ съ бородою въ черномъ бархашномъ плашьѣ и въ такой же шапочкѣ. Онъ чипалъ книгу и, не смопря на шумъ, произведенный Вейпомъ при входѣ, не поднялъ головы. Эпопъ случай подалъ Томасу возмощность лучше разсмопрѣшь чипающаго. Онъ былъ человѣкъ пожилой, лѣшь пяпидесяти, съ широкимъ, выпуклымъ лбомъ и выдавшимися скудами. Глаза у него были маленькіе, сѣрые и блестящіе, а губы шол-

спыя. Онъ безпрестанно улыбался, но улыбка его часно выражала хитрую и злую насмѣшку. Широкой носъ его не придавалъ никакой пріятности и безъ того безобразному лицу. Сверхъ сего былъ онъ необыкновенно высокъ ростомъ и худощавъ. По спѣнамъ покоя спояли шкафы съ ящиками и сѣклянками разныхъ формъ и цвѣтовъ; со множествомъ репортъ, банокъ, плавильныхъ горшковъ и проч. У ногъ Доктора лежалъ на подушкѣ изъ краснаго бархата черный кошъ, рѣдкой красшны и величины. Подождавъ нѣсколько времени, Томасъ началъ шаркать и кашлять, и продолжалъ сіе до шѣхъ поръ, пока наконецъ Докторъ взглянулъ на него и гордо кивнулъ головою.

—«Его Царское Величество»—сказалъ Вейтъ (при сихъ словахъ Докторъ вскочилъ со стула и снялъ съ себя шапку)—«Его Царское Величество повелѣшь мнѣ соизволимъ явиться къ вамъ, Г. Докторъ, чшобы въ сопровожденіи вашемъ произвѣсть нѣкоторыя работы въ собшвенной Его Величества комнатѣ.»

«А!»—сказалъ Бомслий, убавя весьма много прежней спѣси — «накъ шы вѣрно Англійскій золопыхъ дѣлъ мастеръ Томасъ Вейтъ? Милоспи просимъ, прошу садиться. Я весьма радъ; чшо имѣю случай съ вами познакомиться. Въ этой странѣ, какъ и вездѣ, разумнымъ

людямъ для взаимной пользы надлежитъ знать другъ друга и сколь можно тѣснѣе соединяться ; а что вы почто шакой челоуѣкъ , эшо я безъ шруда вижу . «

Томась хотѣлъ опшвѣчать , но былъ прерванъ раздавшимся какъ бы съ пошолка сиповашымъ голосомъ , копорый произнесъ дважды : *»буди правъ!* «.—Съ удивленіемъ Вейпъ поглядѣлъ вверхъ и увидѣлъ , на длинномъ шесипъ съ перекладиною , сидящаго попугая , копорый не переспавалъ пвердити одно и шже .

—»Ага!—сказалъ Докпоръ — *»эшо мой жишейскій философъ . «*

»Что эшо значити , Г. Докпоръ?»

—»А воптъ что , любезнѣйшій Г. Вейпъ . Я полагаю , что челоуѣкъ во всю жизнь долженъ слѣдовать одному избранному имъ правилу , и направлять по немъ не только слова и дѣйствія , но и мысли свои . Тоже правило со всѣми другими , шпъ него происходящими , называю я жишейскою философіею . Но оспавимъ эшо покуда ; я надѣюсь , что мы скоро покороче познакоимся . « Съ сими словами Докпоръ вспалъ , надѣлъ на себя верхнее планье , означавшее его должностъ , и повелъ Вейпа изъ комнашы другою уже дорогою . Поднявшись на нѣсколько лѣшницъ и спустясь по другимъ , множешвомъ проходоу и переходоу вышли они въ длинный корридоръ ,

на концѣ коего находилась попаенная дверь. Доклоръ опперъ ея висѣвшимъ у пояса ключемъ и вошелъ въ нее вмѣстѣ съ Вейпомъ.

Они очутились въ комнапѣ Царской, весьма необширной. Окнами была она обращена на площадь передъ дворцемъ. На простѣнкѣ между окнами висѣло небольшое зеркало, а подъ нимъ миньяпюрный порпуретъ покойной Царицы Анастасіи. Другой ея порпуретъ во весь росшъ висѣлъ на противоположной окнамъ стѣнѣ, а по обѣимъ сторонамъ его висѣли пакіе же порпуреты сыновей Іоанновыхъ, Іоанна и Θεодора. Въ воспочномъ углу комнапы, въ искусно сдѣланномъ изъ кедроваго дерева кивотѣ, висѣлъ Образъ Свяпшела Николая Чудотворца, богато украшенный золотомъ и дорогими камнями, и окруженный со всѣхъ сторонъ другими иконами, не менѣе драгоценными. Посреди комнапы былъ длинный споль, на кошоромъ, кромѣ множесва книгъ и исписанныхъ пергаменпныхъ свипковъ, поставлена была великой цѣны чернилица, а подлѣ нея золотые сподовые, довольно высокіе часы, оппичавшіеся доспопримѣчательнымъ механизмомъ. Надъ часовой доскою придѣлана была къ нимъ галлерей, на кошорую, когда часы били, выходило сполько же Апоспоровъ, сколько разъ ударяло въ колоколь, пакъ что въ полднѣ и въ полночь

двѣлось ихъ на ней двѣнадцать. Въ это время обходили они по галлерей трижды около звонка, кланялись и исчезали. Кромѣ сихъ вещей, въ комнапѣ не было ничего доспопримѣчательнаго. Спѣны покршы были обоями, а полъ ковромъ.

Томасъ осмопрѣлъ всю комнапу со вниманіемъ, мѣрять, вычислялъ, и наконецъ рѣшился сдѣлать попаенную лѣспницу въ боковомъ покоѣ, спальнѣ Царской, а опускающую дверь по лѣвую руку спула, на копоромъ Іоаннъ обыкновенно сидѣлъ, занимаясь дѣлами. Это прѣпланъ былъ совершенно одобренъ Докпоромъ, съ копорымъ Вейпъ, проспившись весьма холодно, пошелъ въ Казначейство. Приказные его уже ожидали, и хопя дѣло не обошлось безъ споровъ и придинокъ съ ихъ спороны, однакожъ они оппустили, ему назначенное въ выдачу серебро и золото.

Пришедъ домой, онъ немедленно принялся за дѣло, и работалъ съ такимъ усердіемъ, что чрезъ нѣсколько дней тошвы были не только лѣспница, но и опускающая дверь, копорая повиновалась и слабѣйшему давленію пружины. Сія послѣдняя однакожъ успроена была не по прѣжнему плану въ спѣнѣ, а въ полу подлѣ спола. Желѣзная дверь при выходѣ изъ подземнаго хода также была навѣшена, такъ что на десяпый день, счишая съ

посѣщенія Царемъ золотыхъ дѣлъ маспера , Бомелій донесъ Іоанну , что всѣ работы голландскія , и что Царь можетъ обозрѣть ихъ , когда за благо разеудитъ.

Царь былъ всею чрезвычайно доволенъ. Особенную радость и удивленіе возбудилъ въ немъ замокъ , который въ самомъ дѣлѣ сдѣланъ былъ такъ искусно , что онъ не могъ быть отпертъ иначе , какъ нарочно сдѣланнымъ для того ключемъ , и то еще тогда только , когда имъ оповодили пружину , скрытую во внутренности. Одно только не понравилось Іоанну ключъ былъ слишкомъ великъ , широкъ и тяжелъ , однимъ словомъ , не удобенъ для того , чтобы всегда носить его при себѣ. Ему хотѣлось , чтобы эпошъ недосягаемо непременно былъ исправленъ.

Томасъ сидѣлъ въ своей масперской и сравнивалъ прежній ключъ , лежавшій подлѣ него на лавкѣ , съ новымъ , сдѣланнымъ поменьше и при томъ такъ , что можно было его складывать , какъ карманный ножикъ , и съ удобностію носить при себѣ. Съ видомъ удовольствія завернулъ онъ его въ тонкую бумагу и хотѣлъ было уже нести во дворецъ , какъ вдругъ дверь со шумомъ отворилась ; и въ комнату , къ великому удивленію Вейша , въѣжала Елисавета , которая минулъ лишь за

десять передъ тѣмъ вышла изъ дому за нѣкошорыми покупками. Она, со слезами на глазахъ, въ сильномъ волненіи, бросилась опцу на шею и вскричала: »Башюшка! любезный башюшка! я его видѣла, видѣла собсшвенными глазами.«

—»Кого это?«—спросилъ изумленный опецъ. »Что съ побою сдѣлалось кого ты видѣла?«

»Его, его самага, верхомъ на конѣ. Онъ самъ меня поддерживалъ, чшобъ я не упала, и смопрѣлъ на меня присшально. Ахъ! теперь вѣрно сбудетсѣ все, чшо я видѣла.«

Опецъ все еще ничего не понималъ изъ безпорядочной ея рѣчи; но наконецъ, по долгомъ распрашиваніи, узналъ, въ чемъ состоипть дѣло. Сначала дѣвушка рассказала ему происшествіе съ бѣшеною лошадыю, а потомъ сонъ свой, копорый видѣла она, заснувъ у постели Борисовой.

»Мнѣ показалось — сказала она — чшо я гуляю на прекрасномъ, усѣянномъ цвѣтами лугу, на берегу Москвы рѣки. Когда я смопрѣла на какой-нибудь цвѣпокъ, тогда изъ него выглядывала дѣпская головка, копорая улыбалась, кланялась мнѣ и смопрѣла на меня большими темноголубыми глазами. На каждомъ цвѣпкѣ была особенная головка но у всѣхъ былъ одинъ и шотъ же взоръ, копорый

глубоко проникалъ въ мою душу и приводилъ меня въ несказанное восхищеніе. Иногда казалось мнѣ , что я еще дыша и лежу на рукахъ у мапушки, копорая меня шихимъ голосомъ убаюкиваетъ. Гуляя такимъ образомъ по лугу, вдругъ я почувствовала , что меня что-то кольнуло въ голову. Я схватилась за нее рукою и нашла , что у меня на головѣ вѣнокъ изъ розъ и васильковъ. Сорвавъ одну розу и бросивъ ее ближнему ко мнѣ дышати, я увидѣла, что цвѣтокъ на лѣшю превратился въ маленькую, пеструю пшичку , такую хорошенькую, какой я еще не видывала. Когда она замахала крыльшками , тогда онъ нея полетѣло множество такихъ же пшичекъ; всѣ они сѣли къ дышамъ на цвѣтки , играли съ ними и пѣли. Потомъ бросила я василекъ— и съ нимъ сдѣлалось тоже , что и съ розою. Вдругъ я замѣшила , что подлѣ меня идетъ молодой Рыцарь въ такомъ вооруженіи , какое носятъ они у насъ въ Германіи. Я взглянула на него—и пошъ же взоръ, какъ и прежде, встрѣтился съ моимъ взоромъ. Однакожъ мнѣ не казалось это удивительнымъ ; да и молодой человекъ, казалось, былъ мнѣ не чужой ; я какъ будто видѣла въ немъ и себя , любезный бапюшка, и покойную мапушку , и Роберта , и все , что мнѣ мило въ свѣтѣ. Мы начали играть вмѣстѣ , и голосъ мапуш-

кинѣ сдѣлался мнѣ слышнѣе. И онѣ , подражая мнѣ , началъ срывать розы и васильки ; но , не смотря на то , цвѣтковъ изъ вѣнка не убывало , напроливъ они умножились и спланились пышнѣе и душистѣе. Вдругъ рѣка начала съ шумомъ волноваться. Ужасное чудовище показалось изъ воды и , пропаянувъ длинную, чешуйчатую шею, схватило огромною пастью моего спутника и утащило въ рѣку. Въ опчаяніи , съ крикомъ и плачемъ , начала я бѣгать по берегу и, вбѣжавъ въ находившійся на берегу кустарникъ , увидѣла подлѣ себя молодого человѣка , который въ эту ночь спалъ у насъ въ чуланѣ. Я хотѣла спросить его — но шы, бапюшка, разбудилъ меня. Вопль ошъ чего, промолвила я, проснувшись , нѣсколько несвязныхъ словъ. А сегодня, бапюшка, я опять его увидѣла ; знакомые мнѣ глаза опять на меня смотрѣли — это были глаза человѣка , который сегодня спасъ меня ошъ смерти. «

Сказавъ это , милая дѣвушка скрыла на груди ошца пылающее лице свое. Тронутый старикъ поцѣловалъ дочь. »Глупенькая!—сказалъ онѣ—за чѣмъ же было шакъ пугать меня? Какъ можно было шакъ прогаться сномъ, который въ эту ночь весьма естественнo могъ тебѣ привидѣться? Случившееся тогда происшествіе вѣрно испортило твои нервы ,

а изнеможеніе опть бессонницы и еще болѣе раздражило. Удивительно ли послѣ эпого, что сонъ швой былъ живѣе и чудеснѣе обыкновеннаго? А что ты сегодня увидѣла того челоуька, кошорый предспавился шебѣ во снѣ, то и эпо, я думаю, не что иное, какъ обманъ воображенія. Хоть бы и въ самомъ дѣлѣ нащлось между ними сходство, то неужели должно выводить изъ того важныя послѣдствія! Какъ бы то ни было, но я думаю, что тебѣ не должно бояться сна, въ кошоромъ слышала ты голосъ своей маперы. Успокойся же, другъ мой, и положиись на Бога, Кошорый не оставитъ тебя въ опасности. Теперь мнѣ надобно идти со двора. А ты между тѣмъ возьми вонъ эпошть ключь, что на лавкѣ, и спрячь подалѣе. «

Сказавъ эпо, Вейпть ушелъ. Елисавета послѣдовала совѣщпу опца и принялась за разныя занятія по хозяйству, чтобы разсѣять свои мысли и успокоиться; но тщетно. Милый образъ прошивъ воли ея носился передъ нею, и она погружалась, сама не зная какъ, въ сладкую задумчивость.

IV

О Ч И.

Видалъ ли очи львицы гладной,
 Когда идетъ она на брань:
 Или съ весельемъ ногошь холодной,
 Вонзаетъ въ препетную лань!
 Ты зрѣлъ гienу съ люпымъ звомъ,
 Когда грызешъ она заворъ!
 Какъ раскаленъ упорнымъ гнѣвомъ
 Ея окровавленный взоръ!
 Тебѣ случалось въ мракѣ ночи,
 Во весь опоръ пушить коня,
 Внезапно волчи вспрыпшишь очи,
 Какъ два недвижные огня!
 Ты помнишь, какъ швой замеръ голосъ,
 Какъ попухалъ въ крови огонь,
 Какъ подымался дыбомъ волосъ,
 И подымался дыбомъ конь!
 Тѣ очи—спрашныя явленья!
 Но видѣлъ я и шѣхъ спрашныя:
 Не позабышь дунъ моей
 Ихъ роковаго впечатлѣнья!
 Изъ всѣхъ огней и всѣхъ оправъ
 Огня шѣхъ взоромъ несоспавишь
 И лишь безумно обезславишь
 Наукъ всевѣдущій уснавъ.
 Опъ нихъ все чувствво каменѣеть,
 Ихъ огонь и жжетъ и холодитъ;
 При мысли, сердце вновь горитъ
 И стихъ, робѣя, леденѣеть.

Моли всѣхъ Ангеловъ вселенной,
 Чпобъ въ жизни не встрѣчашь своей
 Неправой местию раздраженной,
 Коварной женщины очей!

С. Швейтревъ.

V.

ДЖЕМСЪ ФЕНИМОРЪ КУПЕРЪ.

До *Купера*, не было ни одного Американскаго писателя, коего творенія представляли бы вполне пикъ мысли и жизни Американской. Да и теперь, вокругъ его, между соперниками и земляками встрѣчающся только болѣе или менѣе счастливые подражатели Британской поэзій и Британскаго краснорѣчія. Опечесство *Купера*, испоргшее себѣ политическую самобытность изъ подъ владычества мифрополіи, сохраняетъ къ ней донынѣ родственную привязанность и потомственную подчиненность въ литературѣ. Масштабный образъ Британіи носится всегда предъ очами Сѣверо-Американскихъ писателей: она служила для нихъ классическою моделью, отъ копорой они не смѣютъ уклоняться, не подвергаясь опасности сдѣлаться или слишкомъ низкими или слишкомъ изысканными, даже варварскими. Самъ Ирвингъ, возобновивъ стиль и манеру Адиссона, удо-

вольсшвовался только тѣмъ, что избралъ для себя въ либерашурѣ Англійской испочки древніе или преданные забвенію. Его спаланшъ соспоишъ въ спомъ, что Италіянци называютъ *rifacimento*: и прелеспиѣйшія изъ картинъ, имъ начертанныхъ, принадлежащъ спаринной Англии. Напрошивъ, въ *Купертъ*, первое, что поражаетъ читателей, есть совершенно Американскій цвѣтъ его произведеній. Въ нихъ оцупипельно дышетъ какая-то необычайная за-Апланпическая свѣжестъ: онѣ носятъ на себѣ печать Новаго Свѣта: и шворцу ихъ по всѣмъ правамъ принадлежатъ всеобщепризнанное имя великаго Американскаго романиста.

Вопъ чѣстъ, вопъ слава, вопъ счастье, копорымъ немногіе писатели наслаждались. Рѣдко встрѣчающа оппы споль шѣснаго соединенія съ образованностью роднаго края. И съ какою еще образованностью? И какого края? Зрѣлище споль обширное и споль дикое! Природа споль исполински великая! Какая-то чудная спранность въ сраженіи и борьбѣ нашихъ промысловъ, нашихъ искусствъ, нашихъ идей, пересаженныхъ на дѣвспенную почву, въ мѣръ новій, принужденныхъ спалкиваться съ дикою жизнью и поборать ее!

Духъ художественности еще не проникъ
 ТЕЛЕСК. Ч. IV.

въ пущыни Америки: напрасно спали бѣ вы
искашь его въ ея городахъ. Духъ ремесленни-
чества основалъ эту гражданспвенность и
поддерживаетъ это общество: вы найдете
его въ романахъ *Купера*; онъ напечатлѣнъ на
его физиономіи.

Разсмотримъ внимательно прекрасный пор-
ретъ его, слисанный съ напуры Госпожею
де Мирбель. Вы узнаете, что человекъ съ
такимъ спрогимъ и бдительнымъ взоромъ
долженъ обладать способностію наблюдать съ
удивительнымъ вниманіемъ и терпѣніемъ всѣ
вещественные предметы; развѣ только нѣко-
порые слишкомъ тонкіе опшѣнки общества
и человѣческаго характера могутъ усколь-
знуть отъ него. Суровая простота царствую-
етъ въ его чертахъ, копорыя всѣ обрисова-
ны твердо, одушевлены мужеспвенностію,
но лишены движенія. Если нѣкопорыя кри-
выя линіи входятъ въ составъ ихъ, то онѣ
опдѣляются, одна отъ другой, глубокими
впадинами или морщинами крупно прорѣзан-
ными: энергія, быспрота, рѣшительность
твердая и непоколебимая, внимательность,
крѣпость, неушомимость — вошь свойства
этой физиономіи, существенно Американской.
Присоедините къ этому наружному физионо-
мическому обозрѣнію правила Доктора Галля—
и вы найдете въ этомъ возвышенномъ челѣ,

споль необыкновенномъ въ своемъ разрьзъ, истинную френологическую рѣдкость. Съ одной стороны, органы случайности, мѣстности, недѣлимости — (шъ, которыя романисты наиболее упражняють и приводятъ въ дѣйствіе) — высовываются, шакъ сказашъ, рѣзкими выпуклостями; съ другой, высшіе органы причинности, сравненія предметовъ и веселости, отдѣленные другъ отъ друга бороздою, глубоко прочерченною, образуютъ возвышеніе не менѣе примѣтное. Эпопъ безпокойный и проницательный взглядъ, кажешся, безпреспанно ищетъ какого нибудь новаго наблюденія; эта улыбка спранныя, сардоническая и не ласковая, изобличаетъ способность къ ироніи, преобладающую надъ умомъ непреклоннымъ. Сжатыя губы обнаруживаютъ шу безмолвную сосредоточенность мысли, безъ которой нѣтъ истиннаго таланта. *Куперь* высокаго роста; его обхождение свободно и просто. Крѣпость духа и могущество республиканской самобувренности придаютъ цѣльному выраженію его фizioноміи и наружности какую-шо мужественность и силу, которыя не очень соглашаются съ понятіями утонченности и изысканной пріятности, коими образованность запечатлѣваетъ обыкновенно званіе ученаго человѣка.

И шакъ, между *Куперомъ* и между идеями

и правами его опчизны, существуетъ совершенная аналогія, полная гармонія. Эпо испинный Американецъ, во всей обширности сего слова и со всѣми оппѣнками національной физиономіи. Изъ эпого пождеспва, изъ эпой высочайшей національности образовалась сила его таланта. Оспаваясь самимъ собою, онъ былъ силенъ и могучъ; его оригинальность была выраженіемъ оригинальности его опечества. Первый онъ явился органомъ общества, только что раждающагося и уже спрашнаго. До тѣхъ поръ думали, что Соединенные Штаты не могли производить ни авпоровъ, ни чипашелей; ихъ осуждали на вѣчное литературное безплодіе; въ усиліяхъ ихъ писашелей видѣли только покушенія раболѣпныхъ переписчиковъ. *Куперъ* нисровергъ побѣдно эпо ложную увѣренность.

Когда Робинзонъ Крузоэ увидѣлъ слѣды Пятницы на пескѣ, онъ не болѣе почувшвовалъ удивленія, какъ Европейская публика, когда Американскіе романы *Купера* показали ей, что можно жить въ Нью-Йоркѣ, родиться на берегахъ Делавары, не подражать никому — и имѣть гений. Съ давнихъ временъ крипики уже рѣшили было, что талантъ и Американское происхожденіе несомѣстимы. Голландская шанцовщица, Медицинская Венера, родившаяся между Эскимосца-

ми, не были бы приняты съ большимъ и глубочайшимъ изумленіемъ, какъ хорошій романистъ или хорошій поэтъ, воспитанный въ Соединенныхъ Штатахъ. Какъ? эша купеческая спорона, эшошь народъ, недоступный для очарованія искусствъ, представляеть намъ единственнаго современнаго прозаика, котораго Вальпер-Скоттъ долженъ признаеть своимъ соперникомъ! Ту оригинальность, коей чудную прелестъ Шотландскій романистъ заимствоваль изъ древнихъ лѣтописей своей отчизны, *Куперъ* нашель въ нравахъ эпои безпредѣльной Америки, въ ея пустыняхъ, въ ея городахъ, совершенноновыхъ и свѣжихъ, едва, пакъ сказаешь, произникшихъ изъ нѣдръ земли!

Еще до творца *Пуританъ*, исторія Шотландская была упошребляема въ дѣло: ея повѣрья, ея обычаи доставляли матерію для многочисленныхъ и ученыхъ розысканій. Мисприссъ Грантъ, Бёрнсъ, Аллан-Рамзей, Бючананъ, Макферсонъ предшеспвовали Вальперу-Скотту. *Куперъ* не имѣль предшеспвенниковъ. Онъ овладѣль предметомъ дѣвспвеннымъ: пуспился въ океанъ, еще ни однимъ весломъ не прорѣзанный. Липерашурный Христофоръ Коломбъ, онъ бросиль якорь на берегахъ невѣдомыхъ. Со всѣхъ споронъ предспавлялись ему пропинки непрощпанная. Неиспощимое разнообразіе матеріаловъ; сцены,

пребующія пеапра; карпины, ожидающія рамя; виды, зовущіе кисть художника: вездѣ новоспѣ, небывалоспѣ, чудеса; инпереспѣ совершенно современнѣй; народѣ, едва вышедшій изъ пеленѣ и уже могущеспѣвеннѣй; испорія, коей первыя спиралицы блестящѣ образованноспѣью и побѣдами; необычайное зрѣлищѣ героизма пихаго, благочеспѣиваго, поспояннаго; имена Вашингтона, Пенна, Франклина; фондѣ карпины — лѣса тысячелѣтнѣе; дѣйствующія лица — училищѣ Новаго Свѣша; предѣ дикими чадами вигвама и калюмена; успѣхи Европейскаго образованія посреди эспихѣ пустынь непоработченнѣхъ; сраженія опщевѣ и дѣшей, успѣспѣнщѣелей и успѣспѣеннѣхъ, однихъ рашующихъ во имя свободы и перпимоспѣи, другихъ несущихъ насиліѣ и рабспѣво: какое безпредѣльное поприщѣ! какая свѣжеспѣ красокъ! какой роскошнѣй запасѣ для писащѣея! какая слава для друга опщеспѣива, владѣющаго силою увѣковѣчиващѣ споль дивнѣя воспоминанія!

Одно обспоящѣельспѣво могло бѣ воспрепятствования успѣху *Купера*. Еслибѣ онѣ захотѣль подражащѣ рабски Европейскимъ своимъ образцамъ, его произведенія получилибѣ ложнѣй цвѣспѣ; но эщѣошѣ характерѣ, совершенно Американскѣй, коего выше разобрали мы опщѣнѣи и признали печашѣ, какѣ въ чершахъ лица, шакѣ

и въ расположеніяхъ души *Купера*, спасъ его опъ единственнѣйшей опасности, копорая могла угрожать его гению. Съ искренностию и съ силою хваталъ онъ разсѣянные элеменсы, предъ нимъ находившіеся. Тщательно осперегаясь исказить ихъ естественную прелестъ и—если можно пакъ выразишь—возмуцишь дѣйственную чистоту малѣйшимъ классическимъ подражаніемъ, онъ рассказываетъ, даже языкомъ *Сосдиненныхъ Штатовъ*, пѣ необыкновенныя приключенія, коихъ позорищемъ были ихъ обширныя степи или моря окрестныя. Его лица выходятъ изъ хижины поселенца, изъ шалаша дикаря, изъ лавки купца, чпобы дѣйствовать въ его драмахъ; исполнская природа сихъ степей приходитъ глядѣться въ нихъ, какъ въ зеркаль.

Въ отношеніи къ своимъ соотечественникамъ, *Куперъ* былъ *Омиромъ* ихъ образованности, *Бардомъ*, увѣковѣчивающимъ ихъ славу. Европейцамъ доставлялъ онъ невѣдомыя удовольствія: и на эпосъ двойномъ пѣдеспалъ утвердилась и возрасла его собственная слава. Даже *Англійскіе аристократы*, пѣ, копорые не безъ прискорбія видѣли Америку въ одно и позже время и въ соперничествѣ и въ дружбѣ съ *Англіей*; пѣ, коимъ успѣхи колоній лежали, какъ бѣльмо на глазъ; пѣ, копорые находили удовольствіе въ томъ, чпобы пре-

давать посмѣянію нравы, идеи и произведенія Американскія — должны были признавать шаланшь *Купера* и отдавать ему должную честь. Да и какъ могли бы они закрыть глаза для споль яркой очевидности? какъ могли бы опривцать испытываемое всѣми могущество и занимательность его твореній? Сколь ни глубоко наръзана была на нихъ печать Американская, онѣ останавливали ихъ вниманіе, заславляли печь ихъ слезы. Гордые оспривипяне не понимали сами важности своего сознанія, вѣса, который имѣли ихъ похвалы. Если основатели Американской республики обезпечили ей политическую и торговую независимость; если Вильгельмъ Пеннъ, въ попѣ лица, съ опасностью дней своихъ, воздвигъ въ ней свящилище религіозной независимости: то все еще не доставало для эпои великой и пышной спраны независимости умспвенной. Она получила ее отъ *Купера*.

Таково благодатное могущество генія! Нашъ романистъ конечно не зналъ, какое высокое дѣло предпринималъ онъ. Проникнуый шихимъ энтузіазмомъ, долго онъ заговлялъ и приводилъ въ порядокъ машеріалы для своей работы, соединяя неупомимое перпѣніе съ живымъ одушевленіемъ. Онъ чувспвовалъ очень хорошо, что былъ рожденъ для чего-то болѣе, чѣмъ для обикновенныхъ романовъ.

Болѣ вѣрный испинь, чѣмъ самъ Вальпер-Скопшъ, онъ искалъ ее не въ хроникахъ, а въ современныхъ воспоминаніяхъ; интересъ его рассказовъ заимствованъ изъ событій недавнихъ, свѣжихъ, которыя легко доказать и подвергнуть изслѣдованію.

Такъ какъ онъ вездѣ опирается на дѣйствительность, по-вы не должны искасть въ его произведеніяхъ ни быстраго развитія драмы, нагруженной приключеніями, ни лепучески спилля, ни живоски разговора. Онъ медленъ, не будучи однако тяжелымъ: мѣлочень, но не распянушъ. Ни одна черта характера или пейзажа не ускользнетъ отъ него: онъ не оставитъ кисти, прежде нежели разберетъ каждую изъ нихъ, съ основательностію и испиною, долженствующею очаровать васъ. Въ описаніяхъ, онъ сперегаается бышъ слишкомъ рѣзкимъ: не дѣйствуетъ посредствомъ массъ, ни цвѣтныхъ, ни мрачныхъ. Напрошивъ, онъ распоряжается шакъ удачно цѣлое и обогащаетъ его съ такою почностію всеми составными элементами, что вы различаете каждую часть, какъ будтобы волшебная сила чародѣйства вызвала ихъ предъ ваши взоры. Пусть это будетъ лѣсной шалащъ, внутренность проспой хижины, шрупъ корабля, плавающей вдали по шумнѣ волнѣ—онъ оставитъ васъ читающъ себя, однимъ обаяніемъ

совершеннѣйшей точности, одною очаровательнѣе вѣрнѣйшей истины : и описаніе самаго обыкновеннаго предмета , лишеннаго всякой живописной прелести, покажется вамъ гораздо занимательнѣе, чѣмъ иное изображеніе великолѣпнаго ландшафта, высокаго зрѣлища, обрисованнаго неопредѣленно, заброшеннаго, на скорую руку, рѣзкими и жесткими красками. Женское любопытство, ищущее всегда въ романѣ дѣйствія и интереса, не будетъ имѣть бодрости пройти черезъ всѣ описанія *Купера*. Начавъ читать его, должно пожирать все. Не лзя однако не признаться, что онъ иногда повсюду себя : часто принимается снова за портеръ, уже обрисованный его кистью. Онъ не ушаитъ отъ васъ ни одной доски на фрегатѣ, ни одного дерева въ лѣсу. Его рѣчь обильна, иногда слишкомъ говорлива, но всегда вольна и смѣла называть каждую вещь по имени. Въ писателѣ, менѣе истинномъ, менѣе энергическомъ, менѣе добросовѣтномъ, можно было пропущать на эту неумолимую, слишкомъ уже мѣлочную точность, которая не одну страницу въ произведеніяхъ *Купера* превращаетъ въ прошокъ судебного вопроса. Но это не вопросъ интересуетъ, забавляетъ, увлекаетъ, разгорячаетъ воображеніе, воспаляетъ душу. Зеленяющія саванны, песчанья равни-

ны, маспипные дубы, безпредѣльные пуспыни, озера подобныя океанамъ, безмѣрные дремучіе лѣса, съ ихъ вѣчною шѣнью: вопшь предметы, изображаемые *Купероль* не шолько съ вѣрноспію, но и съ любовію, съ наслажденіемъ, съ энпузіазмомъ !

Дайше ему пуспынсья въ морѣ ; эпошь энпузіазмъ превращипсь въ нѣкопорый родъ спраспнаго изспупленія , глубокаго и благоговѣйнаго. Вы подумаете, что волны соспавляюшь его спихію. О! какъ прекрасны его морскія карпипы въ ихъ ужасѣ, какъ возвышенны въ ихъ испинѣ ! Онъ показываепть вамъ не призракъ корабля на призракъ океана, не малеванное судно на малеванномъ морѣ: все, на его корабляхъ и вокругъ нихъ , все— дѣйсвіе , жизнь, характеръ , поэзія. Врагъ неопредѣленности, неспособный ею любовапсья и допускапть ее въ свои карпипы , онъ окружаепть васъ споль многочисленными , споль подногошпю разобранными подробностями , что даже самая ихъ незначишельность содѣйсвіуепть къ возвышенію испины цѣлаго. Паруса надуваюпсья , канаты смыгаюпть, снаспи спрецапть, дегопъ дымипсья, капипанъ свипцепть, пучина пѣнипсья, разсѣченый валъ съ ревомъ плещепть вокругъ корабля: Земля нѣпть—ничто ее не напоминаепть. И пощомъ , когда она снова являепсья , вы вц-

деше себя брошенными въ спрану новую, пуспыннуу, безвѣспннуу—и удивляешесь вѣрности живописца, разнообразію его красокъ.

Мы сказали уже, что *Куперъ* врагъ неопредѣленности. Это романистъ наиболѣе положительный изъ всѣхъ, какіе только когда существовали, не исключая даже Вальпера-Скопша. Взглядъ его проникаетъ въ глубину души человѣческой. Онъ анапомируетъ ее, не идеализируя. Видно, что каждое лицо, выводимое имъ на сцену, наслаждается дѣйствительною жизнью. Но будучи споль проницателенъ и дальновиденъ, *Куперъ* все еще любитъ человѣчество. Его кисть никогда не обмакивается въ желчь: онъ одушевляется вездѣ симпатическимъ соучастіемъ съ нашими благороднѣйшими движеніями, съ нашими лучшими чувствованіями. Это благородное расположеніе весьма пріятно видѣть въ умѣ, котораго ничто не обманывается, опъ котораго ничто не ускользаетъ. Весьма часто мизантропія бываетъ печально наблюдаемая: разбираешь внимательно челоука значить подвергаться опасности его возненавидѣть.

Природа человѣческая, какъ описываетъ ее *Куперъ*, не смотря на свои заблужденія, кажется еще прекрасною и досполюбезною: если онъ опкрываетъ ея слабости, то не пѣшился ими; онъ хочетъ ободришь ее къ до-

бродѣтели, а не повергнувъ ее въ опчаяніе о самой себѣ. Всякой разъ, когда попадаетъ ему подъ киспъ какое нибудь похвальное движеніе души, онъ схвапываетъ его, овладѣваетъ имъ; и эта нравспвенность, споль сладоспная, еспь единспвенная поэзія, примѣшивающаяся къ его порспрепамъ. Впрочемъ, сіи послѣдніе всѣ испинны, всѣ живописны; иногда они впадаюпъ въ каррикашуру; самый замѣчательный его недоспапокъ соспоипъ въ томъ, что онъ иногда спшкомъ преувеличиваетъ, спшкомъ дозорчиво подспаприваетъ и подробно выясняетъ ихъ характериспическія черпны. Никогда не бываетъ онъ ложенъ; но не рѣдко переходитъ мѣру въ испинѣ. Одно лице предспавляется намъ уродомъ, другое чудакомъ: мы забываемъ, какъ природа разнообразна и—почишаемъ обманомъ спшкомъ вѣрную копию ея прихоспей. Вдругъ одна черпта характера, одно слово, вылившееся изъ сердца, одна, такъ сказапъ, выходка природы; пробивается, поражаетъ насъ изумленіемъ, примиряетъ съ лицомъ, копорое спановипся намъ знакомымъ и копорое начинаемъ мы понимать. Часпо *Куперъ* заимспвуетъ свои средспва изъ самаго почайшаго разложенія нашихъ склонностей и идей: рѣдко споль разборчивый взглядъ, споль глубокая пронпцательность соединялись съ споль могущее-

спвенною энергіею. Въ его пвореніяхъ встрѣчаются всѣ роды фізіономій, опъ подлости до героизма, опъ радушія до ужаса: всѣ они выливаются на картинѣ, говорящъ воображенію, и, задержавъ на себѣ любопытство, оказываются фізіономіями дѣйствительно человѣческими, живыми, естественными.

Его женскіе портреты, въ особенності, обнаруживаютъ тонкость наблюденія почти Шекспировскую. Это ни придворныя, ни свѣтскія женщины; это также и не существа сверхъестественныя: это просто — женщины. Доброша, кротость, естественная прелесть, добродушное величіе, окружающъ ихъ своимъ сіяніемъ. Ихъ красота и привязанность освѣщаютъ и улаживаютъ самыя неприспунныя убѣжища, облегчаютъ заботы мужчинъ, проливаютъ бальзамъ на ихъ раны. Нравственное чувство, соединенное съ физическою красотою, съ шерпніемъ, съ ясностію души, составляетъ ихъ очарованіе. Добрая хозяйка, какъ на примѣръ жена Капитана Гиекопа въ *Обитателяхъ Границъ* (*Borderers*), имѣетъ болѣе прелести, чѣмъ всѣ Сильфиды Воспока, чѣмъ всѣ Принцессы Ла-Калпренета: ея наружность не блистательна; жизнь мирна и скромна; но вокругъ ней обитаетъ счастье и миръ: въ ея груди хранится сокровища благости и любви: однимъ

словомъ—это женщина, какъ описалъ ее Вордсвортъ. »То не Паллада, не Юнона, не прекрасная Эгерія : ей не воздвигаютъ алтарей; въ чашу жизни нашей она не изливаетъ божественной амброзіи, нектара, достойнаго небесъ, но пагубнаго для смертныхъ. Это та, копорую прозорливая благоснь Творца создала, дабы ушъшать, согрѣвать и благословлять, дабы царствовать безъ совмѣстничества подъ кровомъ домашнимъ, дабы блюсти наши дни и украшать ихъ. Суешныя ласкатели говорятъ ей, что ее обожаютъ, что ликъ ея озаряется небеснымъ сіяніемъ, что наконецъ она самый Ангель ! . . Проповѣдники опасныя ! Желая превознести ее, вы разрушаете ея очарованіе. Предоставьте лживымъ поэтамъ, чудеснымъ разсказчикамъ, талисманы, мечпы, дива. Подруга нашихъ дней, мать нашихъ дѣшей, бдишельная хранипельница наша отъ колыбели до гроба, управляющая нашими первыми шагами, улаждающая недуги горькой спароспи, продолжающая жизнь нашу ! Оставьте ей чистосердечіе и кропкую вѣжностъ. Пусть она будетъ женщиной.. вопъ все ея могущество!«

Между многочисленными романами, изданными *Куперомъ*, особенно характеристическою оригинальностію отличаетъ *Послѣдній изъ Могиканъ*. Напрасно спали бы вы искать

въ бібліопекѣ романовъ шворенія, копорое можно бѣ было поспавишь съ нимъ въ параллель. Машпросы Смоллепа и Фильдинга, нищіе Вальпера Скопша — все изчезаетъ. Вы шпереше наконецъ изъ виду эшу безконечную фамилію героевъ, переходящую изъ вымысла въ вымыселъ. Вы находитесь въ новомъ мірѣ. Тамъ, во всемъ величій своемъ, дышешъ первобытній геній рода человѣческаго. Чадю пуспыни возникаетъ и рисуспся предъ вами. Онъ не имѣешъ ни одежды ни украшенія. Онъ одинъ, самъ съ собой, чуждый всякой образованности: господинъ надъ всѣмъ, что его окружаешъ, и не знающій надъ собой никакого господина. Царь своей пуспыни, онъ не имѣешъ рабовъ. Спраспы, пороки, добродѣтели нашего общества, ему неизвѣспны. Природа, окружающая его, шакже велика, какъ онъ. У ней ешъ для него шайны и наслажденія, невѣдомыя оспальному міру. Романъ сей опличаетъ удивительною свѣжестію очарованія: пресыщенные лживыми карпинами, опасными упонченностями, вы начинаете жить жизнью первобытныхъ пуспынь, приобщаетесь къ челювкю, копорого онъ воспитали. Вы забываете все прочее.

И какъ замѣчательны, какъ истинны характеры, движущіеся въ эшой спранной драмѣ? Всѣ они носятъ печать могучей руки,

которая ихъ начерпала. Старый Индеецъ и его сынъ предспавляютъ намъ пипъ дикой жизни. Но гораздо большее удивленіе возбуждаетъ *Длинный Карабинъ*, это чудное лице, посспавленное какбы на рубежъ гражданспвенности и дикоспви, это посспредспвующее звено между общеспввенною образованносспію и первобытною независимосспію. Тончайшая разборчивосспъ кисти управляла выборомъ оппѣнковъ, изъ коихъ сосспавленъ эпосспъ спранный порспрепъ. Эпо еще не Европеецъ, но уже и не свирѣпый Индеецъ. Обдуманый героизмъ, восспиваемый образованносспію, смѣшивается въ немъ съ исполинскимъ и буйнымъ героизмомъ, который ей предспешспвуетъ. Онъ еще не оппрекся оппъ жажды мщенія и оппъ непоколебимаго сппоицизма оппцевъ своихъ; но угадываетъ по инспинкспу разборчивосспъ чувспва чеспви и возспышается даже до благородспва души, коего предосспущаетъ силу и величіе.

Перебирая прочія произведенія *Купера*, мы запруднимся положить на копоромъ-нибудъ изъ нихъ печаспъ исключительнаго предпощенія. Первый романъ, имъ изданный — *Предосторожностъ или Выборъ Мужа*—единспвенный, въ коемъ онъ позволилъ себѣ ограничипсья пѣснымъ кругомъ госспинныхъ, еспъ шакже единспвенный, въ коемъ геній,

го и смиреннаго героя, онъ поснавилъ его на поэпической базѣ, если можно пакъ выразишься.

Интересъ *Обитателей Границъ* гораздо сильнѣе: *Красный Корсеръ* и *Кормгій* имѣють преимущество предъ нимъ, какъ каршины морской жизни. Имъ не уступаешь *Водяная Кольдунья*. Все шамъ живописно, исполнено энергii и между шѣмъ—положишельно. Испина господствуетъ вмѣстѣ съ величiемъ. Посмотрите на *Тома Коффина*, на эпого царя морей, на эпого челоуѣка, который не живешъ на землѣ, который свободнѣе переводитъ духъ на озеръ, начинаешъ наслаждаться бышiемъ на средиземномъ морѣ и вступаешъ въ полное владѣнiе всѣми своими способностями, всѣмъ своимъ счащiемъ, погда какъ его вольное судно бороздитъ беспсрашно валы безбрежнаго океана. Для него нѣтъ другой побѣды, кромѣ побѣды надъ волнами: онъ не знаешъ другаго героизма, другаго блаженства, какъ полько въ борьбѣ съ ихъ яростию. Онъ грубъ, необразованъ, жеспокъ; но вмѣстѣ великъ: ибо предспавляетъ могущество челоуѣчества въ сраженiи съ могуществомъ природы.

Куперъ имѣешъ свои недосшанки, коихъ мы не позабыли. Для него существуетъ полько одна сшрана въ мiрѣ—Америка. Битва

при Арбелахъ и Фарсалъ, битва при Маренго и Аусперлицъ, ничто для него въ сравненіи съ сраженіемъ при Бюнкерс-Гилль. Другіе народы, можетъ быть, имѣютъ паланпы; одни только Соединенные Штаты имѣютъ добродѣтели: геній, величіе, нравственная чистота— все, чѣмъ гордился и красуется человѣчество—сосредоточено на берегахъ Сусквеганы и Делавары. Остальная вселенная кажется *Куперу* жилищемъ варварства или разврата: удивительное ослѣпленіе исключительнаго папріотизма въ умѣ столь обширномъ и ясновидящемъ!

Гораздо значительнѣйшій недоспашокъ, происходящій отъ самыхъ его достоинствъ, есть до излишества простирая привязанность къ прозаической положительности, господствующая въ его твореніяхъ. До него, свѣтъ не видалъ еще романиста, который былъ бы вмѣстѣ фабрикантъ, художникъ, ремесленникъ. *Куперъ* все это въ себѣ совмѣщаетъ. Это заставляетъ его материализировать инпересъ лучшихъ своихъ страницъ. Надобно ли спустить въ море корабль? Вы читаете цѣлый параграфъ о корабельномъ строеніи. Лопается ли канатъ? Вы узнаете, какъ работающія канаты и какими механическими средствами можно бы было предупредить это. Онъ говоритъ все и слѣдовательно говоритъ слыш-

комъ. Онъ не оставилъ ни одной подробности безъ объясненія, ни одной опдушинки безъ описанія, ни одного уголка на корабль, не сказавъ, изъ какого онъ дерева. Врагъ идеальнаго, онъ поступаетъ, какъ химикъ, какъ строгій аналитикъ, какъ механикъ, конпорый хочешь дашь себѣ опчепъ обовсемъ. Самихъ людей онъ почно такъже наблюдаетъ и подвергаетъ дозорчивому, неумолимому изслѣдованію.

Исторія жизни его корѣшка. Фамилія его, урожденная изъ Графспва Боккингамскаго въ Англіи, переселилась въ Америку около 1679 года. Самъ онъ родился въ Борлингпонѣ, на берегахъ Делавары, въ 1789 году, и получилъ первоначальное воспитаніе въ Коллеіи Яльской (Нью-Гавенской). Тринадцати лѣтъ, вступилъ онъ въ морскую службу. Это дало опредѣленное направленіе его уму: въ своихъ морскихъ путешествіяхъ, собралъ онъ элементарны для высокихъ каршинъ, коимъ свѣтъ удивляется теперь въ его швореніяхъ. Потомъ онъ женился на дочери Пептра де Лансея, оставилъ службу, и, съ тѣхъ поръ, преданъ весь сочиненію романовъ.

Романы сіи являюпся ежегодно. Будучи переведены на всѣ почти Европейскіе языки, они произвели всеобщее движеніе въ Европѣ. Что касается до него самого, онъ забываетъ

объ нихъ шопчасъ послѣ изданія: никогда, по собспвенному его сознанію, не заглядываль онъ ни въ одно изъ своихъ печатныхъ сочиненій.

Большую часть жизни провелъ онъ на нашемъ материкѣ, особенно въ Парижѣ. Въ Англии, его опкровенность, прямоша, спрогоспъ республиканскихъ началъ, изъ кошорыхъ онъ не дѣлаль никакой пайны, національная гордоспъ, кошорой онъ не скрываль и не хопгѣль скрывать, были причиною, что онъ не входиль никогда въ моду и не пользовался шумной славой госпиныхъ, кошорая покупаешся шакъ часпо цѣною искренности и прямодушія. Не смопря на шо, высшія сословія вездѣ и всегда принимали его съ удивленіемъ и уваженіемъ. Кажешся, онъ не сполько гордишся своимъ геніемъ, сколько шѣмъ, что онъ Американецъ, сыгъ вольной и цвѣшущей республики. И дѣйспвительсно, въ немъ опразился мужеспвенный, дѣяшельный, промышленный геній его опчизны: таланпъ его опсюда происшекаешъ; и онъ имѣешъ полное право гордишся опечеспвомъ, кошорое вдохнуло ему безспершныя его шворенія.

изъ NEW-MONTLY MAGAZINE.

VI.

РАЗЛУКА.

Какъ долги, вѣчны дни разлуки!
 Какъ няжко съ милой розно быши!
 Какъ вы ужасны, сердца муки,
 Когда васъ не съ кѣмъ раздѣлиць!

Подобно гнѣву Провидѣнья,
 Тоска любви поминь меня;
 Исчезла радость наслажденья,
 Какъ искра плѣвшаго огня!

Исчезли жизни упованья,
 Какъ сонъ, какъ юная весна!
 Погибли сладкія желанья,
 И все, чѣмъ жизнь была красна!

Что было мнѣ милѣй природы,
 Чѣмъ жизнь моя могла цвѣсти,
 Что было сладостнѣй свободы —
 Всему, всему сказать прости!

О мчипесь, мчипесь дни ненастья
 И возвратите мнѣ ее:
 Она мнѣ жизнь, она мнѣ счастье
 И Провидѣніе мое!

Какъ долги, вѣчны дни разлуки!
 Какъ няжко съ милой розно быши!
 Какъ вы ужасны, сердца муки,
 Когда васъ не съ кѣмъ раздѣлишь!

. . . йй . . . нь,

VII.

РОСЛАВЛЕВЪ ,
ИЛИ
РУССКІЕ ВЪ 1812 ГОДУ.

КРИТИКА

(Статья II).

Рославлевъ находится въ существенной связи съ *Юріемъ Милославскимъ*. Это двѣ карпины, взаимно другъ другу соопвѣстствующія и другъ друга дополняющія. Обѣ онѣ, по намѣренію автора, должны составлять одну цѣльную панораму Русской народной жизни, представляя, въ параллельной противоположности, два ея порожественнѣйшіе момента, опредѣляемые другъ о другомъ пространствомъ двухъ вѣковъ. Мысль счастливая, богатая поэзіей и достойная энтузіазма!

Въ общей біографіи рода человеческого, жизнь народа Русскаго отличается особенною оригинальною фізіономіею. На безпредѣльныхъ равнинахъ, составляющихъ издревле ея ложе, она, подобно имъ, однообразная и ровная, колышется всегда мирно и тихо. Даже, съ перваго взгляда, эта мирная пищина можетъ показаться бездѣйственной неподвижностью: такъ неощутимы ея медленные переливы! Лепаргическій сонъ Азіатскаго существованія прерывается, по крайней мѣрѣ, взрывами снраспей, быспро закипающихъ подъ знойнымъ пропическимъ небомъ: но, въ атмосферѣ Русскаго духа, внутреннее электричество рѣдко скопляется въ тучи, коихъ дыханіемъ нарушалась бы пищина, въ коей онъ почиваетъ. Это след-

ствіе полночнаго холода, опъ котораго внушрениа природа чѣловчєская смерзаєтьсѧ и цѣпенѣєть наровнѣ съ внѣшнею природою. Той же самой причинѣ, которая ограждаєть нашу суровую родину опъ землетрясеній и урагановъ, наша Русская душа обязана своею малодоступностью для бурныхъ спраспей и волненій. Но не считайте эпою наружной оледенѣлости признакомъ скудости внушрениаго начала жизни. Точно такъ же какъ Русская природа сжимаетсѧ, но не умираєть, подъ своимъ снѣговымъ черепомъ; въ душѣ Русской жизнь спынетсѧ, но не вымерзаєть. Ледная неподвижная кора покрываетсѧ поверхность: но подъ нею зыблюнсѧ всегда свѣжія волны народа крѣпкаго, сильнаго, могучаго.

Безъ сомнѣнія, сія невозмутимая, всегда единообразная, пишина жизни имѣєть свои поэпическія спороны: но для *романа*, очевидно, она не можетъ бытъ выгодна. *Романъ* єсть предспавленіє жизни въ дѣйствіяхъ: его душу должно соспавляєть движеніє. Но движеніє предполагаетсѧ волненіє и игру спраспей: и пошому жизнь пѣмъ способнѣе для *романа*, чѣмъ мяшежнѣе и кипучѣе. *Вальтер-Скоттъ* родился въ Британіи—тамъ, гдѣ національная жизнь, образуєтсѧ изъ спѣсенія разнороднѣйшихъ и враждебнѣйшихъ элементовъ въ скудномъ физическомъ проспиратспвѣ, издревле въ самой себѣ носилъ сѣмена вѣчнаго броженія. Соединенные Шшаты, гдѣ спихи Британскія, брошенныя въ первобытний Американскій хаосъ, пробуждаютсѧ жизнь въ новыхъ оригинальныхъ формахъ—произвели *Купера*. Только здѣсь и могло бытъ опещество *романа*, который собспвенно долженъ бытъ не инымъ чѣмъ, какъ вольною исповѣдью пайнъ жизни народной! Но въ Русской народной жизни, перелива-

ющейся пакъ медленно и однообразно, много ли сыщется пайпъ, конхъ исповѣдь могла бѣ имѣпъ *романическую* занимательность? Если въ высшихъ слояхъ нашей общественной атмосферы примѣчающаея нѣкопторыя движенія, то оупъ производяпса чужими привнвыми пояппіями, чужими наносными спраспями: это не маперіялы для *народнаго Русскаго романа!* Опускайпса ниже: вы начнете различать черпы фнзіономіи оригинальной, живописной, поэпической, но—окованной неподвижностью, неоживленной игрою спраспей и слѣдоваптельно лишенной *романическаго* рельефа. Въ нашихъ среднихъ и низпихъ сословіяхъ, гдѣ духъ Русскій сохранился чище и неповрежденнѣе, вся жизнь обыкновенно бываетъ не что иное, какъ многолѣпнее повпореніе одного дня. Ея мирное печеніе, въ руслѣ непреложнаго однообразнаго порядка, рѣдко возмущаетъ приключеніями: наилучшее пому доказательство — скудость нашихъ уголовныхъ лѣпописей. Русскій человекъ, по собственннй поговоркѣ, *тлнеть лѣлку жизни*, ровнымъ, степеннымъ, однолѣрнымъ шагомъ. Онъ родился, живетъ и умираетъ безъ излишнихъ вычуръ. Его біографія слишкомъ коротка и проста: важнѣйшія эпохи ея заранѣе опмѣчены въ святцахъ. Даже самая любовь — это первое, возбуждаемое самою природою, бненіе жизни—играетъ у него роль весьма маловажную, если не совсѣмъ ничивоющую. Коротко сказать — обыкновенной жизни Русской не достапаетъ на *одну* порядочную главу *романа!*

Но природа, и на опдаленномъ сѣверѣ, имѣетъ свои періодическія эпохи, когда, опогрѣвая лучами весенняго солнца, свергаетъ ледяный покровъ и *являпса* во цѣпнѣ жизни: позже бываетъ и съ народами, како-

ва бы ли была физическая и нравственная температура ихъ организма. Въ жизни Русскаго народа были также моменты, когда внушения полнота его, почивающая въ безмятежной тишинѣ, воздымалась, потрясенная чудною силою, и являлась во всей роскоши сокровеннаго своего могущества. Къ чести Русскаго духа должно сознаться, что сила, производящая въ немъ сіи чудныя потрясенія, достойна великаго народа. Это любовь къ отечеству! Только сіе высокое и святое чувство могло колебать эту великую громаду исполинскихъ силъ и воззывать ее къ полной жизни. У другихъ націй, сіи достопримѣчательныя эпохи всеобщаго движенія бывають обыкновенно слѣдствіями внушеннаго разьединенія: всколыханная страстями жизнь раздѣляется на многія гряды волнъ; другъ другу враждебныя, другъ друга поборющія: отсюда междоусобное оскверненіе, оскверненіе престола и алтарей, разрушеніе всѣхъ общественныхъ связей, пятнающее любопытнѣйшія страницы въ лѣтописяхъ народовъ. Не такъ бываетъ съ народомъ Русскимъ. Его всеобщее пробужденіе можетъ быть только слѣдствіемъ напряженнаго сосредоточенія всѣхъ силъ его. Русскій человекъ, не умѣющій сославлять для себя отдѣльную атмосферу бытія, можетъ потрясаться только общимъ колебаніемъ сферы, къ коей принадлежитъ; можетъ жить полною жизнью только въ единствѣ жизни отечества. И тогда-то обнаруживаются всѣ тайны его Русской природы: всѣ струны Русской его души издають звуки полные, свѣтлые, могущественные. Смыслъ его жизни совершенно разгадывается: онъ является истиннымъ гражданиномъ и истиннымъ семьяниномъ; когда спланился весь Русскій. Отсюда — настоящая

щій *Русскій народный романъ*, какъ картина Русской народной жизни, необходимо долженъ быть *романомъ патристическимъ*. Папріопизмъ составляетъ основную спихію Русской народности. *Загоскинъ* понималъ эпо свою Русскою душою: и только одно бессмысленное невѣжество, подспрекаемое неслыханною дерзостью, могло кощунствовать и ругаться надъ пѣмъ, что, по справедливости, составляетъ высочайшее его достоинство.

Годы 1612 и 1812, избранные *Загоскинымъ* для своей *романической дилогіи*, неоспоримо суть блистательнѣйшія эпохи Русскаго папріопизма и слѣдовательно порожественнѣйшіе моменты Русской народной жизни. Оба они представляютъ зрѣлища, между собою сходныя, на которыхъ разыгрывается одна и таже великая драма, только съ переменною костюмовъ и декораций. Вѣра въ Русскаго Бога, вѣрность къ престолу Русскихъ Царей и любовь къ святой землѣ Русской, пораженной нашествіемъ иноплеменниковъ въ самомъ сердцѣ ея, Москвѣ — были единственными пружинами, двигавшими народъ Русскій, въ обѣ сіи великія години. Эпо сходство, конечно, весьма выгодно для параллельной соопвѣстственности обѣихъ картинъ; но имъ не уничтожается относительное различіе обѣихъ эпохъ, которое естественнѣе не могло остаться безъ вліянія на относительное достоинство каждой картины.

Съ перваго взгляда, 1812 годъ, наполнившій вселенную шумомъ, коего опголоски не умрутъ во всѣхъ концахъ ея, кажется, имѣеть рѣшительное преимущество предъ 1612 годомъ, коего воспоминанія скромно почивающъ въ однихъ признавательныхъ преданіяхъ Русской Исторіи. Но всматриваясь внимательнѣе и

Безприспращнѣ въ обѣ сѣи эпохи, не лѣзя не сознашься, что, если 1812 годъ составляетъ важнѣйшую и блистательнѣйшую эру въ общей біографіи рода человѣческаго, то 1612 му году принадлежишь неоспоримо почтеннѣйшее мѣсто въ лѣтописяхъ собственно Русскихъ. Великое зрѣлище представлялъ народъ Русскій и тогда, когда, съ безпримѣрнымъ самоопроверженіемъ, принесъ сердце свое, Москву, во всеожженіе, и дымящимися ея развалинами подавилъ враговъ своего величія. Но, въ это время онъ не былъ оставленъ одному себѣ, какъ въ незабвенную эпоху 1612 года. Его движенія управлялись тогда недремлющимъ провидѣніемъ верховной власти. Жизнь оплкнулась въ немъ на опеческое призваніе Самодержца: онъ дѣйствовалъ не самъ изъ себя! . . . Совершенно иначе было за два столѣтія. Тогда народъ Русскій былъ одинъ съ самимъ собою. У него не было главы, котораябъ управляла имъ. Онъ долженъ былъ двигать самъ себя, своею внушрненною силою. Отсюда 1612 годъ такъ богатъ народными героями, представителями Русскаго духа и патриотизма. Не имѣя общаго законнаго средопочія жизни, каждое сословіе народа Русскаго должно было сосредоточиваться само въ себѣ и образоваться для себя изъ себя же самаго опидѣльное начало движенія и дѣйствованія. Князь Пожарскій, инокъ Палицынъ и гражданинъ Мининъ составляли высокій пріумвиратъ, коимъ происшвенный составъ народа Русскаго представлялся во всемъ поржеспвѣ силъ своихъ. На ихъ героическихъ лицахъ выражались, въ идеальномъ величіи, главныя черпы народнои Русской фзіономіи. Ихъ подвиги принадлежали не имъ, а Народу, коего они были органами. И какое высокое дѣло совершилъ тогда сей народъ, въ лицѣ ихъ?

Безпримѣрнымъ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ, онъ рѣшилъ навсегда задачу бытія своего, занеся чистѣйшею своею кровію невозможность существовать иначе, какъ подъ свѣтоу престола законныхъ Царей Русскихъ! Вопль причины, по которымъ эпоха 1612 года должна быть признана торжественнѣйшею эпохою въ льпописяхъ Русской народной жизни! Невѣжество осмѣлилось, съ виновнымъ кощунствомъ, назвать эпю незабвенную годину, эпю великую эру, съ коей Русская земля должна считать свое бытіе и величіе—*копьюкомъ нашего народнаго самолюбія а)!!!* Но что значить передъ эпимъ *копьюкомъ* знаменитый *копъ Тролскій*, на которомъ Греція и Римъ ѣздили цѣлые вѣки? Нашъ 1612 годъ сіяетъ испинно божественнымъ величіемъ: его доспанентъ съ избыткомъ на Русскую Иліаду: онъ пренсполненъ сокровищами высшей народной поэзіи!

Но не одно эпю внупреннее превосходство дастъ 1612му году бѣльшія выгоды для художественной обработки, чѣмъ 1812му. Сей послѣдній слишкомъ къ намъ близокъ. Наспоящее поколѣніе состоиптъ еще изъ очевидныхъ свидѣтелей или даже изъ дѣятельныхъ сподвижниковъ эпю славной эпохи. Каждый изъ насъ связанъ съ пей собственными воспоминаніями: каждый имѣетъ на нее свою особую почку зрѣнія: каждый знаетъ въ ней лично для себя инпересную сторону. И возможно ли, чпобы художественное предспавленіе, сколь бы оно ни было полно и многоспорицо, совместило всѣ сіи безчисленныя почки и удовольстворноло всѣ эти несмышно мѣлкіе инпересы? Пор-

а) Моск. Телегр. N. 8, с. 549.

препѣть всѣмъ знакомаго современника, написанный величайшимъ мастеромъ; никогда не заслужить единогласнаго одобренія: тѣ или другіе оспариваются имъ недовольны; ибо не найдуть въ немъ завѣрныхъ примѣтъ, съ коими привыкли представлять изображенное лицо, и копорыя, по причинѣ ихъ существенной неважности, естественнo должны были ускользнуть изъ подъ кисти живописца. Онъ неудобства конечно не могутъ имѣть мѣста при изображеніи эпохи отдаленной, живущей въ общемъ безспрашномъ воспоминаніи. Озаривъ ее поэтическимъ свѣтомъ, художникъ даетъ ей одинъ общій инпересъ, долженствующій опозваться во всѣхъ однимъ общимъ эффектомъ. Онъ раждаетъ тогда самъ участіе; и потому повѣдуетъ имъ полновластно: между тѣмъ, какъ изображая современныя событія, необходимо долженъ быть рабомъ современнаго мнѣнія, столь разнообразнаго и прихотливаго. Тамъ онъ владѣетъ публикой: здѣсь публика имъ владѣетъ. Тамъ, силою искусства, онъ можетъ заставлятъ всѣхъ безусловно ему довѣряться: здѣсь онъ принужденъ безропотно дозволять каждому повѣрять его. Коротко сказать — современныя событія могутъ только пробуждать мгновенныя восторги лирическаго одушевленія. Но для поэпическаго представленія онъ столь же мало выгодны, какъ и для исторіи. Время должно изсушить ихъ, дабы геній, чуждый всякаго личнаго къ нимъ присраспія, въ полной свободѣ одушевленія, могъ произвѣсти надъ ними пворческую палингенезію.

Отсюда очевидно, что *Рославлевъ* не могъ быть принятъ съ такимъ единодушнымъ участіемъ, какъ *Юрій Милославскій*. Не естественнo было, чтобы всякой могъ имъ удовлетвориться: ибо не возможно было,

чтобы всякой нашелъ въ немъ свой образъ возрѣнія на событія, коихъ былъ самовидцемъ и соучастникомъ. Сверхъ того, внутреннее поэтическое превосходство находилось на споронѣ эпохи, изображенной въ *Юрій Милославскомъ*. Историческіе подвиги Мининыхъ, Палицыныхъ и Пожарскихъ, естественнo должны были имѣть преимущество надъ анекдотическими чертами современнаго народнаго героизма. Сумракъ спарины, придавая имъ колоссальную величественность, усугублялъ ихъ очарованіе. Разсматривая вѣрную картину современныхъ событій, пріятно скажешь: *«это такъ было!»* Но несравненно пріятнѣе, видя предъ собой развертывающіеся

Дѣла давно минувшихъ дней, произнесешь съ чувствомъ сердечнаго умиленія: *«вотъ какъ бывало прежде!»*

Однако не смотря на то, главная идея романиста является выполненною не безъ успѣха. *Рославлевъ* посвященъ во всевозможной соопвѣстственности съ *Юріемъ Милославскимъ*. Сравнивая объ сіи картины, легко замѣчаешь различіе, произведенное двумя вѣками во всѣхъ главныхъ чертахъ граничной физиономіи Русскаго народа. Одинъ и тотъ же духъ оживаетъ ее, но подъ весьма различными формами. Какое разстояніе между дикими оргіями Боярина *Крутины-Шалонскаго* и разливнымъ хлѣбосольствомъ богатаго помѣщика *Ижорскаго*: и однако основаніемъ имъ служилъ одна и таже хвастливая распочительность, составляющая стихійную черту Русскаго барства! Великъ переходъ отъ *Отца Еремея*, правящаго Школы благословеніемъ и пеплею, до ученаго *Семинариста*, собирающагося воевать съ Французами по

по Комментаріямъ Юлія Цесаря de bello Gallico: но и въ помѣ и въ другомъ выражается одно и тоже характеристическое свойство Русскаго Духовенства—увѣренность въ неразрывномъ единствѣ алтара съ пресоломъ, вѣры съ вѣрностью. Въ Запорожьѣ *Кириль* и кавалеристъ *Зарыцкомъ* авторъ, кажется, хотѣлъ олицетворить по безпечное, разгульное молодечество, которое составляетъ высшую поэзію Русской народной жизни: но различіе между вольнымъ, бездомнымъ казакомъ XVII столѣтія и вѣтреннымъ, паркетнымъ космополитомъ XIX вѣка, опять ощущительно. Папріархальная крошость *Анастасіи* и романическая мечтательность *Полины* предспавляютъ уже слишкомъ противоположныя крайности: но порпреть *Олицьки*, въ коемъ ядно, выражается Русское дѣвическое самоотверженіе, производить пріятную увѣренность, что Анастасіи еще на Руси не выродились. Духовное разстройство ощущительно даже въ самомъ низшемъ классѣ Русскаго народа, меньше всѣхъ подверженномъ измѣненію: православные Русскіе мужички сохраняютъ тоже нерушимое благоговѣніе къ имени Русскому и тоже заклпную независъ ко всему иноземному; но сін чувства управляются въ нихъ уже не слѣпымъ инстинктомъ, какъ прежде, а и смѣшлвосію здраваго еспеспивеннаго смысла: для *Савельиъ* пускается въ разсужденія, чтобы вразумить *Андрея*, у котораго умъ началъ заходить за разумъ. Но всего разительнѣе характеры обѣихъ эпохъ отмѣчены въ эпизодахъ, заключающихъ каждый изъ обѣихъ романовъ. Спеченіе богомольцевъ въ обители Святаго Сергія и дружеское собраніе пріятелей въ саду; простый надгробный камень, покрывающій могилу двухъ счастливыхъ супруговъ, умершихъ въ одинъ день, и печальная урна,

закрывающая пепель злополучной, изнывшей въ спра-
дацияхъ, въ предѣловъ покинушаго опечесства—вопъ
краснорѣчивые символы XVII и XIX столѣтій! Столь
искусно выдержанная соотношенность между объ-
ими картинами составляетъ неоспоримо ихъ достоин-
ство: и однако сыскались невѣжды, кои вздумали по-
спавить эпо въ вину автору, провозглашая, что онъ
повторилъ самаго себя а)! Несчастные! Имъ оспаеп-
ся теперь обрутить природу, за то что она въ ор-
ганизмъ нашѣмъ устроила два глаза, кои оба одинъ и
нотуже предметъ повторяютъ!

И такъ оба романа *Загоскина*, сообразно намѣре-
ннѣю автора, составляютъ одну цѣльную панораму.
Главное; неоспоримое достоинство ихъ состоитъ
въ истиннѣ, вѣрности и естественности красокъ,
коими Русская жизнь въ нихъ изображается. *Загос-
кинъ* первый угадалъ тайну писатъ Русскихъ съ на-
туры. Въ его картинахъ являются не бездушныя вы-
жиги изъ чужеземнаго матеріала, одѣвныя въ Русское
плаще и названныя Русскими именами, а живыя лица,
на которыхъ сіяетъ ярко оригинальная печать Рус-
ской народности. Ни одной чертой, ни однимъ словомъ,
ни однимъ движеніемъ не измѣняютъ онъ своему Рус-
скому имени и костюму. Въ нихъ, говоря Русскою
поговоркою *«Русскій духъ въ очю проявляется»*. Посе-
ну онъ имѣютъ полное право на имя *романовъ* въ
томъ смыслѣ, который присвоиваетъ имъ настоящее
употребленіе. Это *Русскія картины Русской жизни!*
Это *Русскіе романы!*

Но оправдывается ли сіе имя ихъ художественною
оцѣнкою? Мы сказали, что *романъ*, по нынѣшнему
понятію, не принадлежитъ ни къ *эпической*, ни къ
лирической, ни къ *драматической* поэзіи, а есть
а) *Моск. Тел. N. 8 с 541.*

общая ихъ цѣлость: почему и разсмотримъ теперь оба произведенія *Загоскина* со всѣхъ трехъ поэтическихъ почекъ зрѣнія, кои должны соединяться въ романъ. И именно—

Въ отношеніи *лирическихъ*, оба романа *Загоскина* имѣютъ высокое достоинство. Они проникнуты до избытка теплотою чувства. Это чувство есть любовь къ отечеству, составляющая, какъ было замѣчено, основное и единственное начало движенія Русской народной жизни. Оно господствуетъ въ обихъ картинахъ, не подавляя однако прочихъ чувствованій, составляющихъ исторію сердца человеческого. Таковы чувствованія любви, дружбы, родительской и дѣтской привязанности, нравственного долга и религіознаго одушевленія, съ ихъ противоположностями. *Загоскинъ* умѣлъ извлечь всѣ сіи ощущенія изъ сѣверной Русской души, распонивъ ее пламенемъ патриотическаго энтузіазма. Само собою разумѣется, что онъ подчиняется одному общему чувству патриотизма, составляющему ихъ начало. Но въ *Юрѣ Милославскомъ* онъ имѣетъ довольно самостоятельности и оплывающа довольно рѣзко: Лица, дѣйствующія въ немъ, кромѣ участія въ общемъ интересѣ романа, запутываются своими личными интересами въ разнообразныя положенія, имѣющія большую или меньшую романтическую занимательность. Таково положеніе *Юрѣ*, въ коемъ благородное патриотическое одушевленіе находится въ безпрестанной борьбѣ по съ тяжестію нерѣшимой клятвы, по съ мученіями любви безнадежной; *Анастасіи*, которая опъ неминуемой гибели, приговоренной ей убійцами отца ея, переходитъ внезапно къ брачному алтарю и соединяется съ своимъ возлюбленнымъ; *Кручины-Шалонскаго*, на

порогъ жизни, воскрешаемаго, благодапною рукою *Юродиваго*, изъ ужасовъ смершнаго опчаянiя къ сладкой надеждѣ блаженной вѣчности. Напротивъ въ *Рославлевѣ* главное чувство патриотизма рѣшительно преобладаетъ, такъ что все прочiя ощущенiя въ немъ какбы перяются. Самая любовь *Рославлева* къ *Полинь*, долженствовавшая, по видимому, сослуживать одинъ изъ главныхъ узловъ романической ткани, не удержалась долго: ея спало только на двѣ части романа. Отсюда — *Юрiй Милославскiй* гораздо богаче прогательными сценами, возбуждающими сердечное участiе къ дѣйствующимъ лицамъ. Въ *Рославлевѣ* только одна сцена имѣетъ подобное достоинство; это свадьба *Полинь* съ *Графомъ Сеникуромъ*, внезапно заспанная *Рославлевымъ*. За то главное чувство любви къ отечеству представлено здѣсь въ болѣе многочисленныхъ видахъ, съ большимъ разнообразiемъ въ опшнкахъ. Такъ въ *Сурскомъ* оно возведено на степень идеальнаго одушевленiя, въ *Ижорскомъ* является добродушнымъ излиянiемъ сердца, въ *Буркнѣ* переходитъ въ вакхическое упоенiе, въ *Зарядьевѣ* огрублено до живошнаго инстинкта, въ *Безымянномъ Незнакомцѣ* закалено въ звѣрское ожесточенiе. Все это имѣетъ свою занимательность; но не опзывается въ душѣ нѣмъ разнообразiемъ впечатлѣнiй, коимъ измѣряется *литическое* богатство романа.

Въ опношенiи *драматическомъ*, оба произведенiя *Загоскина* имѣютъ одинъ недостатокъ. Въ нихъ характеры обработаны слишкомъ слабо и не имѣютъ довольно внупренней упругости, чтобы быть дѣятельными пружинами общаго движенiя. Нельзя сказать, чтобы лица, изображаемыя въ нихъ, были безцвѣтны, нѣмъ менѣе бездушны. Онѣ запечатлѣны жи-

вою физиономию, выражающею определенный смысл, ясно и вразумительно. Но имъ вообще не доспаешъ могущесства, силы, энергii. Съ какою-то лънливою безпечностію, онъ дозволяютъ инши общему порядку вещей, увлекаясь имъ, а не управляя. Правда, эша флегматическая косноссть находится, какъ мы уже замъпили, въ характеръ народа Русскаго: и картины *Загоскина*, можешъ быть, чрезъ то не теряютъ нисколько въ вѣрности. Но это лишаешъ ихъ драматической живоспи, копорая составляетъ одно изъ главныхъ условій романической занимательности. Онъ представляютъ коллекцію фигуръ, движущихся въ болѣе или менѣе инпересныхъ положеніяхъ, а не спройное зрѣлище органически развивающей жизни. Въ нихъ изображаешся живо и вѣрно наружная физиономія народа Русскаго, вѣшній Русскій бытъ, а не внупренняя психологическая исторія Русскаго челоуька. Посему и ходъ обоихъ романовъ, неушвержденный на крѣпкихъ осяхъ непреложныхъ законовъ, внупренней челоуьческой природы, ощушительнo зыбокъ. Онъ не управляешся шюю нравственною необходимостію свободы, копорая составляетъ начало драматической жизни: случай имъешъ падъ нимъ слишкомъ много власти. И въ *Рославлевъ* это болѣе примѣнно, чѣмъ въ *Юрiъ Милославскоиъ*. Обспояшельства, составляющія шкань его, сплетаются и расплетаются слишкомъ произвольно: лица сходятся и расходятся слишкомъ случайно. Недоспаики, прикрываемые въ *Юрiъ Милославскоиъ* театральною нечаянносстію, копорая сохраняетъ роману, по крайней мѣрѣ, призракъ драматическаго зрѣлица.

Наконецъ въ отношеніи *эпическоиъ*, и по и другое произведение *Загоскина* равно опшичаешся живо-

спію , вѣрностію и полною расказа. Соспавъ ихъ имѣеть достапочную обширность и разнообразіе. Всѣ сословія народа Русскаго имѣють въ нихъ своихъ представителей, коихъ фізіономіи выработаны съ довольно мѣлкою подробностію. Но ихъ общій недостатокъ естъ недостатокъ единства между событіями и лицами , составляющими эпическую ткань ихъ. Обыкновенно средопочіемъ сего единства бываетъ судьба лица, избраннаго главнымъ героемъ повѣствованія: и лице сіе попому должно, если не зашмѣваться всѣмъ прочіямъ, то по крайней мѣрѣ выдаваться изъ всѣхъ рѣзкостію и значительностію фізіономіи. Но главные герои обоихъ романовъ *Загоскина* оплечаются какъ будто нарочно невидностію и незначительностію. Вниманіе не приковывается къ нимъ ни одною рѣзкою чертою характеристической фізіономіи; и посему, не принимая въ судьбѣ ихъ предпочтительнаго участія, равнодушно разсѣвается повсюду и не можетъ держаться на одной точкѣ зрѣнія. Такъ *Юрій Милославскій* почти зашмѣвается *Кириешю*, котораго живая дѣятельность, разливаясь по всему роману, невольно пригвождаетъ къ себѣ участіе и такимъ образомъ двоитъ всю картину. Въ *Рославлевѣ* нѣтъ подобнаго соперника главному герою: но за то судьба его, долженствующая составлять средопочіе романа, еще менѣе имѣеть важности и значительности въ его соспавѣ, чѣмъ судьба *Юрія Милославскаго*. Тамъ если не всѣ дѣйствія *Кириши*, то по крайней мѣрѣ самъ онъ находится въ существенной связи съ судьбою *Юрія*: но въ *Рославлевѣ* многія лица, съ замѣчательною фізіономією, являюся безъ всякаго участія въ немъ и даже безъ всякаго съ нимъ сношенія. Таковъ и. п. безъмятный *Незнакомецъ*,

котораго всѣ отношенія къ *Рославлеву* ограничиваются двукратнымъ, совершенно случайнымъ, свиданіемъ. Такова даже *Федора*—эпо любопытное явленіе, принадлежащее къ самымъ характеристическимъ особенностямъ Русской народности. Встрѣпивъ сіе спрашилище въ романѣ, мы ожидали, что оно спанептъ играть здѣсь шуже роль, которая дана *Юродивому* въ *Милославскомъ*—будетъ органомъ, исполковывающимъ безвѣспныя пайны судьбы, и орудіемъ, приводящимъ въ исполненіе непреложныя ея веленія. Но ожиданія сіи не совсѣмъ исполнились. Это оригинальное лице, общавшее представишь въ себѣ Русскую *Эльспетъ* или Русскую *Вильдфейръ*, не поспавлено въ необходимой внутрпнной связи съ цѣлостію романа: оно является въ немъ полько раза два—примимолетнымъ мептеоромъ, не для содѣйсствія ходу цѣлаго, а для произведенія мѣспнаго театральнаго эффекта. Тоже можно сказать и о многихъ другихъ лицахъ и событіяхъ, кои, безъ отношенія къ одному общему средопочію, образуютъ собой прекрасную галерею занимательныхъ карпинъ, но не одну цѣльную *эпическую* панораму.

Явно опсюда, что *Рославлеву*, въ разсужденіи художественной обработки, уступается *Юрйо Милославскому*. Тѣмъ однако не менѣе, онъ оспается карпинною прекрасною, живою, оригинальною, которая, вмѣстѣ съ *Юрлемъ Милославскимъ*, составляетъ украшеніе и гордость нашей народной словесности. Къ удовольствію нашему, Еврона оцѣнила достойно *Юрля Милославскаго*: а) надѣмся, что и *Рославлеву* не

а) Читатели *Телескопа* знаютъ сужденіе о *Юрль Милославскомъ*, помѣщенное въ *Wiener Zeitschrift*. Въ *Bibliothèque Universelle* (1831, Avril, N. 4), находится другая

уронишь себя предъ нею. Можно даже полагать, что онъ принесетъ ей еще большее удовольствіе: ибо она прочтетъ въ немъ любопытныя, такъ сказанъ, семейныя записки незабвенной для ней эпохи, когда, во глубинѣ сѣвера, изъ пелла Москвы, возродилась собственная ея свобода!

Зная *М. Н. Загоскина*, мы увѣрены, что онъ не остановится на поприщѣ, на которое вступилъ такъ славно. Ожидаемъ отъ него съ неперпнѣемъ другихъ произведеній, въ коихъ надѣемся увидѣть прекрасный явланшъ его въ большемъ совершенствѣ и блескѣ. Народная Русская жизнь ему такъ знакома: льпописи ея такъ обширны! Тогда какъ неприванные пришельцы, ворвавшись на пуспырь нашей словесности, выжигаютъ изъ добраго Русскаго народа безобразныя и нелѣпыя каррикашуры: намъ опрадно будетъ любоваться его каршинами, начершанными Русской кистию, проникнувшими Русскимъ духомъ!

Но сіи прекрасныя надежды, да позволено будетъ намъ заключить изъявленіемъ досшойнаго негодованія,

рецензія того же романа, болѣе обширная: въ ней произведенію *Загоскина* ошдается должная справедливость. У насъ напрошивъ, въ *Московскомъ Телеграфѣ*, доспалось не только *Юрію Милославскому*, но и *Вплискому Журналу*, кошорый осмѣлился ошдзваться объ немъ благосклонно. Эпошь Журналъ, въ кошоромъ принимають учасіе извъспный филологъ Гаммеръ и астрономъ Липшпроффъ, названъ въ *Телеграфѣ—Гирландю*, *Колокольнику*!!! Последнее названіе, въ нѣкоторомъ отношеніи, справедливо. *Wiener Zeitschrift* точно, подобно *Колокольнику*, прозвонилъ нѣкогда по Европѣ безчесіе, наносимое Русской Словесности *Московскимъ Телеграфомъ*.

или лучше презрѣнія къ дерзости, осмѣлившейся, во
услышаніе всѣхъ, упрекать почтеннаго автора *Рослав-*
лева и *Юрія Милославскаго* въ *патріотическомъ хва-*
стовствѣ Русью а). Называешь *хвастовствомъ* благо-
родное одушевленіе Русскаго, восхищающагося славою
и величіемъ своего опечесства!!! Нѣтъ: это уже
выше всякой мѣры! И добро бы это патріотическое
одушевленіе въ самомъ дѣлѣ проспиралось до чрез-
мѣрнаго излишества. Ругашель, оскорбившій въ лицѣ
М. Н. Загоскина всѣхъ Русскихъ, съ наслажденіемъ чи-
тающихъ его *хвастливья патріотическія* произведенія,
подкрѣпляешь свою безумную хулу явною клеветною, упи-
верждая съ неслыханною дерзостью, что *М. Н. Загос-*
кинъ въ своихъ романахъ *»унижаетъ враговъ нашихъ и*
представляетъ ихъ дураками и сумасбродами.«
Спрашивается—гдѣ это? Въ *Юрій Милославскомъ*,
Полякѣ Копылинскій дѣйствительно предсавленъ дуракомъ
и уродомъ: но развѣ вмѣстѣ съ нимъ не выведенъ на
сцену другой Полякъ, Панъ *Тшиксвицъ*, опличающійся
благородствомъ мыслей и чувствованій? Чшожь ка-
сается до *Рославлева*, шо въ немъ нѣтъ ни одной
черты оскорбительной для Французовъ, хотя, прав-
ду сказать, вшорженіе ихъ въ Москву, предшесву-
емое выпускомъ фальшивыхъ ассигнацій, сопровождае-
мое поруганіемъ алпарей и окончившееся взрывомъ
беззащитныхъ Кремлевскихъ спѣвъ, приносило не
много чести просвѣщеннѣйшей Европейской націи.
Даже напрошивъ, всѣ Французы, являющіеся въ ро-
манѣ, носятъ на себѣ печать благородства; особен-
но *Шамбюръ*, коего рыцарское открытое удалство
привязываетъ къ нему невольное участіе и заспа-

а) *Моск. Телегр.* N. 8, с. 542.

ляеть совершенно забывать въ немъ заклѣпаго врага Русскихъ. Если иногда прорываюшся выходы противъ *Наполеона*, кои могутъ показаться не справедливыми, то это совсѣмъ не отъ патриотическаго предубѣжденія, а отъ особеннаго образа возрѣнїя на это дивное созданіе, коего нравственный смыслъ не получилъ еще по сю пору опредѣленнаго рѣшенія. Гдѣ же это униженіе враговъ, которое высвѣтляется доказательствомъ *патриотическаго хвастовства Загоскина*? Да и можетъ ли имѣть смыслъ сіе послѣднее выраженіе? Чію такое *патриотическое хвастовство*? *Хвастаться* значитъ хвалиться вещами, не имѣющими истиннаго достоинства, не заслуживающими истиннаго уваженія. Но развѣ *отечество* можетъ быть когда нибудь ниже чувства, ему приносимаго? Развѣ можно *захвалиться* чрезъ мѣру *отечествомъ*? Не должно ли оно быть дороже всѣхъ сокровищъ, выше всѣхъ похвалъ для истинныхъ сыновъ своихъ? Европейцу можетъ еще показаться *хвастовствомъ* самодовольная гордость дикаго сына Канадскихъ лѣсовъ, признающаго надменно свой родной вигвамъ свяпилицемъ земнаго блаженства и свое звѣроправное племя лучшимъ цвѣтомъ человѣчества: но и это *хвастовство* безконечно возвышеннѣе лживыхъ софизмовъ мнимаго космополитизма, кои обыкновенно прикрывается скудостью души, изсушенной эгоизмомъ. А *Русскаго* можно ли подозревать въ *хвастовствѣ* своимъ *отечествомъ*? Славой Русской никогда не лзя достойно нахвалиться: въ отношеніи къ этому великому колоссу, всякая гипербола будетъ скромной истиной. Зависпливое недоброжелательство враговъ Русскихъ давно спарается посягать въ насъ недовѣрчивостью къ нашему народному достоинству и уни-

жасть насъ въ собственнѣхъ глазахъ нашихъ: это имъ нужно! И, по несчастію, есть слабыя души, кои, увлекаясь сими злонамѣренными навѣями, теряютъ любовь и уваженіе къ святому имени Русскому. Славная эпоха 1812 года, обнаружившая слишкомъ порожественно внупренную полношу духа Русскаго, сократила это несчастное ослѣпленіе, но не истребила совершенно: оно является теперь опять, только подъ другими, болѣе благовидными, но не менѣе опвратительными формами. Тѣмъ болѣе благодарности пощпенному авшору *Рославлева* и *Милославскаго*, поддерживающему въ добромъ народъ Русскомъ въру въ свое достоинство и величіе, коего порожественные опыты не престають повшоряться предъ глазами вселенной. Если каждый легкомысленный Французъ, не краснѣясь, предъ лицомъ всего свѣта, *хвастается* своею прекрасною Франціею и своимъ Парижемъ, который просто душно считаешь зенипомъ вселенной и который въ наспоящія времена должно по справедливости признать надиромъ просвѣщеннаго міра: то Русскому ли спидитъ хвалить свою благословенную Россію, не измѣнявшую никогда чести и славы? Мы увѣрены, что почтенный *М. Н. Загоскинъ*, съ своей стороны, наградитъ равнымъ презрѣніемъ эти недостойныя выходки и, съ шмъ же благороднымъ одушевленіемъ, будетъ воскрешать предъ нами, въ новыхъ картинахъ, славу и величіе Русскихъ—

Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгушь опцевъ могилы!

VIII

БИБЛИОГРАФІЯ.

— рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи **ИМПЕРАТОРСКАГО** Московскаго Университета, **Юля 3 дня 1831 года**, съ приложеніемъ краткой годовою исторіи оного. Москва, въ Универ. Типографіи, 1831.— Лѣтописи Московскаго Университета составляютъ важнѣйшую часть Исторіи Русскаго Просвѣщенія, коего Университетъ Московскій по справедливости долженъ быть признанъ средопочіемъ. Находясь въ Москвѣ, средопочіи Русскаго царства, сіе высокое училище, снабженное средствами въ преимущественномъ предѣ прочими изобиліи, воспитываетъ подъ сѣнію своею лучшій цвѣтъ Русскаго юношества. Сюда предпочтительпо, со всѣхъ концовъ Имперіи, спекаются начатки новыхъ поколѣній: здѣсь зачинаются надежды Россіи. Посему каждая значительная перемѣна, происходящая во внутреннемъ или вѣннемъ усроеніи Московскаго Университета, должна составлять любопытный фактъ въ ученыхъ лѣтописяхъ нашего опечества.

Прошлый академическій годъ, ознаменованный въ своемъ началѣ общимъ бѣдствіемъ, постигшимъ Москву, естественпо не могъ быть благопріятенъ для Университета. По причинѣ холеры, преподаваніе лекцій было прекращено почти на чепыре мѣсяца. Начальство признало эту потерю невознаградимую для воспитанниковъ; и пошому годъ сей положено не считать въ прехгодичномъ курсѣ студентовъ.

Но гораздо существеннѣйшею утратою для Университета была смерть лучшаго и достойнѣйшаго Профессора, **А. Ѳ. Мерзлякова**. Кафедра опечественной

словесности, важнѣйшая въ Университетѣ, сдѣлала въ немъ поперю, которую вознаградишь дѣйствительно трудно. Ибо скоро ли найдется для ней другой *Мерзляковъ*, который, самъ равно проникнутый энтузіазмомъ къ родному слову, умѣлъ бы съ равною силою возбуждать энтузіазмъ сей въ слушателяхъ? Могутъ сыскаться наставники болѣе ученые, болѣе глубокіе, болѣе основательные: но принесутъ ли они съ собою на кафедру равное одушевленіе, равную жизнь! Кроме *Мерзлякова*, Университетъ, въ началѣ года, лишился еще двухъ почтенныхъ наставниковъ: Ординарнаго Профессора Технологіи, *Ө. А. Деисова*, и Экстраординарнаго Профессора, преподававшего Общую Патологію и Терапію, *В. И. Ромодановскаго*. Наконецъ годъ сей заключился новою важною управною, въ лицѣ знаменитаго Врача и Профессора, *М. Я. Мудрова*. Къ сожалѣнію и вмѣстѣ къ славѣ Университета, онъ палъ съ честью, на полѣ битвы, сражаясь въ Пепербургѣ съ холерою, которую преслѣдовалъ повсему пространству Россіи. Кафедра его ожидаетъ достойнаго преемника.

Всѣхъ учащихся въ Университетѣ, въ продолженіе года, было 786. Въ губерніяхъ, составляющихъ его округъ, открыто уѣздныхъ училищъ 2, приходскихъ 3, частныхъ пансіоновъ 4, и приготовлено къ открытію 1 уѣздное училище; закрыто приходскихъ училищъ 2, частныхъ пансіоновъ 2. Нынѣ находится всѣхъ гимназій 11, уѣздныхъ училищъ 87, приходскихъ 170, пансіоновъ 36; въ нихъ учащихся 15,137, изъ коихъ въ гимназіяхъ 4,181; въ уѣздныхъ училищахъ 5,174, въ приходскихъ училищахъ 7, 774, въ пансіонахъ мужскаго пола 443, женскаго 565.

Въ отношеніи къ внутреннему совершенствованію

ученыхъ средствъ Университета, замѣчательно приведеніе къ окончанію зданія Обсерваторіи. Астрономическіе снаряды для нейъ выписаны изъ знаменитаго Минхенскаго заведенія *Утицнгейдера*; сверхъ того приготовлены астрономическіе часы извѣстными по своему искусству Русскими художниками, *Толстыми*, которые исправили также и другіе весьма надежныя часы работы Французскаго часовщика *Лепота*. Для современныхъ наблюдений надъ магнитною силою земли, по приглашенію Академіи Наукъ, усроенъ при обсерваторіи особый павильонъ, въ которомъ имѣются бытъ помѣщены весьма хорошіе магнитныя снаряды, пріобрѣтенные Университетомъ на Московской Выставкѣ Русскихъ издѣлій. Такимъ образомъ при Университетѣ будутъ производиться астрономическія и магнитныя наблюденія, кои, при извѣстной дѣятельности почтеннаго Профессора *Д. М. Перевощикова*, не замедлятъ ввести Московскій Университетъ въ благородное соучастіе съ Европою, къ пользѣ Естественнаго знанія.

Вѣдшее вліяніе Московскаго Университета, въ прошломъ академическомъ году, распространило значительную часть своей. При совершенномъ преобразованіи учебныхъ заведеній въ Бѣлоруссіи, Московскій Университетъ снабдилъ ихъ преимущественно наставниками. Предпочтительное вниманіе, съ коимъ Правительство обращается къ нему во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, показываетъ, какая важная и главная роль назначена ему въ исторіи Русскаго просвѣщенія. Бытъ разсадникомъ, воспитывающимъ сѣмена Русскаго духа для всѣхъ концевъ великой Имперіи—воистину цѣль, къ коей призванъ онъ своимъ положеніемъ и довѣренностію общества!

Речи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи,

конемъ заключился испекшій учебный годъ, были: *Слово о существенныхъ обязанностяхъ Vitii и о способахъ къ приобретению успѣховъ въ Красноррѣчїи*, Э. О. Профессора *Побѣдоносцева*, и *Oratio de nonnullis corporis humani partibus, quarum usus adhuc nondum plane cognitus est*, Э. О. Профессора *Эйнбротта*.

—ИЗБРАННЫЙ НѢМЕЦКІЙ ТЕАТРЪ. *Переводъ Александра Шишкова 2-го. Томъ первый, содержащій въ себѣ трагедїи: I) Пикколомини, въ пяти дѣйствїяхъ, въ стихахъ, и II) Смерть Валленштейна, въ пяти дѣйствїяхъ, въ стихахъ, соч. Шиллера. Москва, въ Унив. Типографїи, 1831.*—Доброе начало—половина дѣла, по Русской пословицѣ, и эта пословица можетъ быть приличнымъ эпитафїемъ къ началу труда, предпринимаго *Г. Шишковымъ*, къ пользѣ и чести нашей словесности.

Современный Нѣмецкїй Театръ есть явленіе важное въ лѣтописяхъ современнаго просвѣщенїя. Тогда какъ вездѣ почти драматическая поэзія, разрываясь оупъ сценическихъ условїй въ романъ и другихъ нововымышленныхъ формахъ, ославляетъ театръ въ добычу неспрымъ игрищамъ, пѣвающимъ на подрядѣ праздное любопытство: въ Германїи напрошивъ, генїй, кажепся, набралъ сцену предпочпительпо своимъ любимымъ поприщемъ. Нанлучшія произведенїя современной Нѣмецкой поэзіи супъ неоспоримо произведенїя сценическія: превосходнѣйшіе генїи, коими красуется Германїя, олицетворили свои высшіе воспорги въ драматическихъ зрѣлищахъ. Отсюда современный Нѣмецкїй театръ ознаменованъ печатью глубокой оригинальности. Жизнь, въ другихъ странахъ разоблачаемая на сценѣ до прозаической наготы, здѣсь является въ иде-

альномъ величественномъ сіяніи. Это нисколько не вредитъ истинѣ, составляющей существенную потребность современной поэзіи: ибо явленія жизни чрезъ то не искажаются, а только представляются съ высшей точки зрѣнія, но вымышленой, а угадываемой поэтическимъ одушевленіемъ. Посему на Нѣмецкой только сценѣ можетъ держаться и дѣйствительно держится трагедія, сообразная, разумѣется, современнымъ понятіямъ и потребностямъ. Ни во Франціи, ни въ Англіи, нѣтъ нынѣ истинной трагедіи, какъ представленія жизни въ ея идеальномъ величіи: имъ еще существуетъ, но внутренняя сила замѣняется обыкновенно или педантическою декламаціею или мелодраматическою фантасмагоріею. На одной только Нѣмецкой сценѣ умѣютъ идеализовать жизнь, не подымая на ходули и не окружая оптическими призраками. Мы разумѣемъ здѣсь лучшія произведенія Нѣмецкой сцены: ибо въ мѣлкой рухляди, кою заваливается она ежедневно, это идеализованіе превращается, по большей частии, въ напыщенную мешапельность или даже въ мешафизическое мракобѣсіе.

Европа, не смотря на недавнее всеобщее предубѣжденіе противъ Германіи, отдастъ теперь полную справедливость Нѣмецкому Театру и ознакомливается безпрестанно съ лучшими его произведеніями, въ болѣе или менѣе достойныхъ переводахъ. Но у насъ досель существовалъ одинъ только превосходный переводъ *Орлеанской Дѣвы*, за которымъ можно не имѣть нужды въ подлинникъ. Прочіе немпріе опыты, между коими переводы *Г. Ротгеви*, отличаются неслыханнымъ неуваженіемъ къ оригиналу, скорѣе можно называть *переводомъ*, чѣмъ переводами Нѣмецкаго Театра. Какъ же теперь не быть благодарными къ усердію

Г. Шилкова, съ коимъ онъ рѣшился посвящать испытанный талантъ свой на достойное усвоеніе нашей словесности лучшихъ произведеній Германской сцены? Фебъ да поможетъ ему совершить это благое и полезное предпріятіе, по крайней мѣрѣ, такъ какъ оно неперъ начашо!

Вышедшая неперъ *Первая Часть* труда Г. Шилкова содержишь въ себѣ двѣ трагедіи Шиллера: *Пикколомини* и *Смерть Валленштейна*, или лучше *двѣ части* драматической *трилогии*, соснавливающей одинъ изъ драгоценнѣйшихъ камней въ вѣнцѣ славы Германскаго поэта. Извѣстно, что опличительную черту и вмѣстѣ опличительную слабость генія Шиллера соснавлило преобладаніе размышляющаго ума надъ творящею фантазією: Шиллеръ былъ рожденъ болѣе философомъ, чѣмъ поэтомъ: въ немъ господствовала преимущественно средостремительная сила самоуглубленія; и пошому онъ жилъ болѣе внутри себя, въ идеяхъ и чувствованіяхъ, а не во внѣшнихъ живыхъ образахъ и лицахъ. Отсюда происходило, что и въ драматическихкихъ его созданіяхъ выходили на позорнице сн самыя идеи и чувствованія, воплощенные въ поэтическихкихъ обликахъ, а не живые образы и дѣйствительныя лица. Это преимущественно опущительно въ самыхъ раннихъ опытахъ, принадлежащихъ къ первому періоду поэтической жизни Шиллера. Таковы: *Разбойники*, *Фіеско*, *Коварство и Любовь*. Это картины, въ коихъ изображались не дѣйствительныя событія жизни человеческой, а повншія, кои имѣлъ объ ней Шиллеръ, олицетворенныя въ призракахъ дѣйствительныхъ событіій. Отсюда эпа непримиримая вражда между рокомъ и свободою, между жизнью и смертію, коей онъ представляющъ безопрадное зрѣ-

лице. Тѣсной подоли дѣйствительности слишкомъ недостаточно было для того, чтобы въ ней вмѣстилось все свѣтлое небо *Шиллеровой* души, съ ея безграничными помыслами, съ ея безбрежными мечтами. Это не могло бытъ произведено иначе, какъ насильственно: и сіи первые плоды поэпическаго рвенія юноши носилъ на себѣ явные признаки судорожнаго напряженія, сопровождавшаго безплоднаго усилія новаго Типана. Съ возмужалостью должно было оспынь и улечься это рвеніе. Геній *Шиллера* является гораздо зрѣлѣе и спокойнѣе въ *Дон-Карлосъ*, коимъ начинается впорый періодъ поэпической его жизни. Здѣсь понятія и чувствованія, составляющія внутреннюю жизнь поэта, не олицетворяются, а влагаются въ уста живымъ лицамъ, взятымъ изъ внѣшней дѣйствительной жизни. *Дон-Карлосъ* не есть еще совершенная драма: но въ немъ сдѣланъ великій шагъ къ совершенству. *Шиллеръ* угадалъ уже, что на драматическомъ позорищѣ должны являться живыя лица, съ живыми физиономіями: оставалось только дать имъ живую рѣчь, заставивъ ихъ говорить самихъ о себѣ; и это сдѣлалъ онъ—въ *Валленштейнѣ*. Дабы облегчить самоопроверженіе, на которое онъ рѣшался, ему нужно было изъ льтописей жизни дѣйствительной событіе, которое бы само въ себѣ имѣло иперееь могущественный. Таковъ именно чудный конецъ чудной жизни *Валленштейна*, этого исполина, сохранившаго гоппическую физиономію, но не духъ древнихъ рыцарскихъ временъ, коихъ послѣднее догарающее сіяніе погасло, на поляхъ Люденскихъ, въ Густавѣ Адольфѣ! Не ослабѣвая въ поэпической силѣ, *Шиллеръ* представлялъ это само въ себѣ поэпическое событіе съ истинно драматическою вѣрностью. Здѣсь у него

являючися и дѣйсвуючіе истинные люди, составленные изъ плоти и крови человѣческой, движущіеся по своимъ собственнымъ настрѣніямъ, говоряціе по своимъ собственнымъ повяніямъ. Только *Максъ* и *Марія* (*Текла*) напоминаютъ собою прежняго Шиллера. Ихъ эфирныя души пріодѣты слишкомъ легко и прозрачно земною оболочкою. И это было послѣднею добычею, похищенною у искусства природою. Успами молодого *Пикколомини* и дочери *Валленштейна*, говоритъ опять самъ *Шиллеръ*: онъ не могъ еще утерпѣть, чтобъ не высказать своихъ завѣщанныхъ думъ и тайныхъ мечтаній:

Важнѣе, глубже тайное значеніе
 Волшебныхъ сказокъ дѣйсвіа моего,
 Чѣмъ истина, которой училъъ жизнь.
 Единый міръ чудесь даетъ отвѣтъ
 Вопросамъ сердца; только онъ одинъ
 Мнѣ вѣчное пространство открываетъ,
 Мнѣ простираетъ вѣшки, на которыхъ
 Качаетъ довольная душа.
 Міръ баснословный родина любви.
 Ей мило жить въ предѣлахъ волшебства:
 Божественная, вѣришь въ божества: (с. 74)

это исповѣдь *Шиллера*, повторенная *Максомъ*! За то прочія лица всѣ изображены съ полною драматическою естественностію, вѣрностію и живостію. Его образцемъ очевидно былъ *Шекспиръ*. Но, состоя все еще подъ преобладающимъ могущесвіемъ разума, Германскій поэтъ не смѣлъ и не могъ предаться вполне той свободѣ фантазіи, коей обольстительный пріемъ видѣлъ въ корифеѣ Британскаго театра. Оказывая большую внимательность къ требованіямъ и

условіямъ искусства, онъ заключилъ себя въ спрожайшихъ предѣлахъ и пѣмъ предохранилъ отъ укоризнъ, коимъ подвергается *Шекспиръ* предъ судилищемъ здраваго вкуса. Для соблюденія внушеннаго единства содержанія, *Шиллеръ* раздѣлилъ созданіе свое на двѣ отдѣльныя трагедіи, къ коимъ приложилъ еще особый прологъ, куда для сохраненія внѣшняго единства пона, опнесъ шумныя сцены лагерной жизни, необходимыя для полноты картины, но не совмѣстимыя съ ея трагическою саноитпостію. Последняя трагедія, называющаяся собственно: *Смерть Валленштейна*, и сославляющая кашаспрофу всей трилогіи, опличается драматическою быспропою, связностію и полнопою дѣйствія. Коротко сказапъ — *Валленштейнъ* еспъ одно изъ пѣхъ произведеній *Шиллера*, въ коихъ геній, покоряясь охотно искусству, являепся пѣмъ величественнѣе и свѣпозарнѣе.

Къ сожалѣнію, *Г. Шишковъ* перевелъ полько объ трагедіи, оставивъ прологъ, копорый еще прежде переведенъ *Г. Шевыревымъ*. Это лишаетъ трилогію цѣлосипи. Переводъ *Г. Шилокова* вѣренъ, почепъ и ровень. Между пѣмъ видно, что онъ сославлялъ не пажелую механическую работу для переводчика, а былъ легкимъ плодомъ поэтического досуга. Пяписпопный амбъ переливается у него свободно и плавно. Языкъ чистъ и правиленъ. Журнальныя насѣкомыя выпочили изъ него нѣсколько порошинокъ: пусть ихъ—на здорově! Литературныя *Гуры* болѣзнуютъ, что не находятъ *Оеклы*: жаль и ихъ сердечныхъ! Мы съ своей стпороны замѣпимъ переводчику, что онъ напрасно у имени одного изъ главныхъ дѣйспвующихъ лицъ (*Терци*) оппнлъ окончательную букву (*й*), свидѣтельспвующую его Славянское происхождение (*Терциій*).

Вторая Часть Избраннаго Театра, содержащая въ себѣ: *Марію Стюартъ — Шиллера*, и *Князей Хованскихъ—Раунаха*, выходитъ немедленно.

—повѣсти ГЕНРИХА ЦШОККЕ. *Переводъ съ Нѣмецкаго. Три части. С. П. Б. въ тип. Плюшара, 1831.*—*Цшокке* есть одинъ изъ достойнѣйшихъ соревнователей или лучше сверстниковъ *Вальтера-Скотта*. Его романы имѣютъ столько самобытной оригинальности, опливающей на себѣ печать родной Швейцарской природы, что шворецъ ихъ, кажущаяся, не имѣлъ никакой нужды въ предшественникѣ на своемъ поприщѣ. Талантъ его былъ свѣплымъ и звучнымъ эхомъ горъ, служившихъ для него колыбелью. Ихъ живописная простота и неукрашенное величіе отражаются въ его картинахъ, какъ въ чистомъ стеклѣ водоемовъ, хранящихся между ихъ ущеліями. Это сообщаетъ романамъ *Цшокке* цвѣтъ глубокой истины: но эпожъ конечно должно быть причиною и поому, что они не представляющъ въ себѣ спрогаго единства и постоянной ровности. Подобно Швейцарской природѣ, они состоятъ изъ множества живописныхъ отрывковъ, съ трудомъ сосредоточивающихся для зрѣнія въ одно непрерывное цѣлое и безпрерывно застѣвляющихъ собой другъ друга.

Но и эпожъ единственный недостатокъ, болѣе или менѣе ощупительный въ романахъ *Цшокке*, исчезаетъ въ его повѣстяхъ, кои сами суть не иное, какъ прекрасные отрывки Швейцарской души его. Сынъ свободныхъ горъ, умищенный долгою дней, завѣщаваешь въ нихъ юному потомству плоды мудрой опытности, пріобрѣтенной чрезъ постоянное, спокойное наблюдение надъ природою и жизнью. Это афоризмы глубокой практической философіи, облеченныя

предельно живаго, плънительнаго расказа. Онъ отличается преимущественно соединеніемъ тонкаго знанія свѣта съ добродушною папприархальною искренностію. Въ нихъ есть и юмористическая ѣдкость, напоминающая Фервейскаго спарика, но безъ лукавства и злоспи. Посему онъ доставляющъ наслажденіе столько же чистое, сколько наславительное.

Въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ помѣщалось и помѣщается много повѣстей *Циошке*, въ болѣе или менѣе хорошихъ переводахъ. Но рѣшительное преимущество предъ всѣми, въ отношеніи къ Русской опдѣлкѣ, принадлежитъ неоспоримо тѣмъ, кои издаются теперь вмѣстѣ. Это: *Подарокъ на Новый Годъ; Женщина по степенямъ ея возраста; Исландскія Письма; Вечеръ предъ свадьбою; Исповидница; Бобъ; Ногъ на Первое Мая; Тетушка или все на изворотъ, и Нога*. Всѣ онъ, кромѣ *Тетушки*, были напечатаны прежде въ *Смыль Отечества* и въ *Литературныхъ* къ нему *Прибавленіяхъ*. Но теперь издаются въ полнѣйшемъ видѣ, безъ опусковъ и перемѣнъ, коихъ преобладали въ свое время журнальные виды. Переводу должно опдаться полную справедливостъ: подобныхъ, по числу, правильности и легкости языка, сыщется у насъ не много. Къ чести его должно также прибавить, что онъ сдѣланъ съ Нѣмецкаго подлинника, а не съ Французскихъ, разведенныхъ и обрѣзанныхъ переводовъ. Мы опять души желаемъ, чтобы это прекрасное собрание, по обещанію переводчика, продолжалось; и общаемъ ему въ награду, съ нашей стороны, истинное наслажденіе и искреннюю благодарностъ.

—БРАТЬ И СЕСТРА или любовь всему научить. *Комедія-Водевиль съ однимъ дѣйствіемъ, соч. П. Григорьева. Но-*

вый дуетъ изъ Русскихъ пьесъ, соч. Г. Жуковскаго; прогіе нумера набраны изъ лучшихъ авторовъ С. П. Б. въ тип. И. Байкова, 1831.—БРАТЬ ЗА БРАТА или плть правила безъ исключенія. Комедія-Водевилъ, въ однолю дѣйствіи, соч. П. Григорьева. Музыка, соч. Жуковскаго. С. П. Б. въ тип. И. Байкова, 1831.—Оба эпіи водевиля, во всѣхъ отношеніяхъ, родные братья. Они изданы однимъ сочинителемъ, въ одной типографіи, на одной бумагѣ, въ одномъ форматѣ, одними буквами, даже въ обершкѣ одного цѣмпа. Но какъ плть ничего безъ исключенія; по и между ними примѣчается нѣкопорое различіе во внутреннихъ качествахъ. Первый изъ нихъ кажется нѣсколько поживѣе и позанимательнѣе. И прощ и другой однако сходны оплщ шѣмъ, что въ обонхъ одна Французская водевильная канва, изукрашена Русскими именами. Къ довершенію эпюго фамильнаго сходства, музыка на оба водевиля сочинена однимъ композитеромъ; и оба они продаются въ книжныхъ лавкахъ А. В. Глазунова, въ Пешербургѣ и Москвѣ, по одной цѣмѣ (3 руб.).

—ANTIQUITIES OF MEXICO, comprising fac-similes of ancient Mexican paintings and hieroglyphics, preserved in the Royal Libraries of Paris, Berlin, Dresden, in the Imperial Library of Vienna, in the Vatican Library, in the Borgian Museum at Rome, in the Library of the Institutes at Bologna and in the Bodleian Library at Oxford; together with the monuments of New Spain, by M. Dupaix, with their respective scales of measurement accompanying descriptions, the whole illustrated by many valuable manuscripts, by AUGUSTINE AGLIO, in seven volumes. London, 1830. (ДРЕВНОСТИ МЕКСИКИ, заключающія стилики древнихъ Мексиканскихъ изображеній и героглифовъ, сохранен-

шихся въ Королевскихъ библіотекахъ: Парижской, Берлинской и Дрезденской, въ Императорской Вѣнской Библіотекѣ, въ Библіотекѣ Ватиканской, въ Боргезевомъ Музеумѣ въ Римѣ, въ Библіотекѣ Болонскихъ Институтовъ и въ Бодлевской Библіотекѣ въ Оксфордѣ; вмѣстѣ съ памятниками Новой Испаніи, собранными Г. Дюпе, съ приобщеніемъ точныхъ мѣстабовъ къ ихъ описаніямъ; объясненныя многими драгоценными манускриптами, въ семи томахъ; трудами Августина Альо. Лондонъ 1830). — Давно уже въ обширной области Европейской Библіографіи не являлось столь важнаго и вмѣстѣ столь великодушнаго пворенія. Оно бросаетъ совершенно новый свѣтъ на испорію, искусства и литературы Нового Свѣта, во времени предшествовавшія его открытію. Для Мексики это тоже, что Египетская Коммиссія для Сѣверной Африки, что Даніель для Индіи. Коротко сказать, изданіе сіе можетъ быть признано довершеніемъ Гумбольдтовыхъ открытій. Лордъ Кингсборугъ представилъ одинъ экземпляръ его Парижскому Институту, который оцѣненъ въ 18,000 франковъ. Въ шести первыхъ томахъ содержится предсказаніе художественныхъ памятниковъ, о коихъ доселѣ можно было получить понятіе не иначе, какъ извѣдывъ всю Европу. Последній томъ заключаетъ въ себѣ Испорію Новой Испаніи, Пашера *Bernardino de Sahagunъ*, писанную первоначально на Испанскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Historia universal de las cosas de Nueva Espana, en doce libros i en lengua espanola, compuesta i compilada por el M. R. P. Fr. Bernardino de Sahagun, de la Orden de los Frailes Menores de la observancia.*

Сіе послѣднее сочиненіе доселѣ и извѣстно было

только по заглавію. Сочинилъ , въ XVI столѣтіи, провелъ болѣе сорока лѣтъ между Мексиканцами: короткое знакомство съ ихъ языкомъ дало ему больше , чѣмъ кому-либо другому , возможности собрать историческія и религіозныя ихъ преданія. Сочиненіе его не есть словарь , какъ многіе думали , а исторія образованія великаго безвѣстнаго народа, сопоставленная челоукомъ, который во многихъ отношеніяхъ опередилъ вѣкъ свой.

Бернардино де Сагагунъ былъ родомъ изъ Сагагуна, мѣстечка, принадлежащаго къ волости Кампосъ, въ Старой Кастиліи. Онъ вступилъ монахомъ въ Францисканскій Орденъ. Когда, въ 1524 году, завоеваніе Новой Испаніи почти было кончено, онъ находился въ числѣ первыхъ духовныхъ, кои шуда отправилсь, и былъ однимъ изъ основателей Коллегіума, учрежденнаго въ Мексикѣ его Орденомъ. Тамъ онъ безпрестанно путешествовалъ по провинціямъ, въ качествѣ миссіонера. Въ 1577 году былъ онъ еще въ живыхъ. Главнымъ началомъ всей его жизни было—обращать труды миссіонерскіе сколько возможно на пользу наукъ. Конечно, *Сагагунъ* раздѣлялъ многіе предразсудки своихъ современниковъ; и ему, равно какъ нынѣшнимъ еще миссіонерамъ, очень нравилось опкапывать сходство между идолопоклонствомъ дикихъ и мифологіею древняго образованнаго міра. Но онъ подчинялъ это гораздо высшей цѣли. Просвѣщая Американцевъ Христіанскою вѣрою , онъ старался ревностно провѣдывать о всѣхъ особенностяхъ ихъ народнаго вѣрованія и собралъ чрезъ то богатые матеріалы. Его твореніе есть обработка, почти переводъ, даже часто, по счастью, совершенно буквальное повтореніе хроникъ, передававшихся успно въ Средней Америкѣ, кои служили комментариемъ для памошнихъ

гіероглифовъ. Въ Мексикѣ, равно какъ въ Перу, Хили и другихъ еще менѣе образованныхъ странахъ, находились въ каждомъ селеніи люди съ удивительно обширною памяшью, живые архивы, по выраженію одного спаринскаго путешественника. Черезъ нихъ-по переводили преданія изъ рода въ родъ; и великое попеченіе прилагалось о томъ, чшобъ сіи преданія сохранялись въ числѣ неповрежденной. Въ Мексикѣ особенно собирались такимъ образомъ испорическія преданія, вмѣстѣ съ рѣчами, обращааемыми къ богамъ или къ людямъ, въ конхъ содержались основныя черпы религіи и полипики. Сіи рѣчи, на ряду съ испорическими фактами, во всей своей торжественной простотѣ, перешли въ пвореніе Папера *Сагагуна*.

Въ мѣспечкѣ Тепепулко, области Тезкуко, началъ свой огромный трудъ *Бернардино де Сагагунъ*, опецъ Американской Испоріи, и писалъ прежде на Мексиканскомъ языкѣ. Дабы сдѣлать вѣрный переводъ, онъ выбралъ двенадцать Индійскихъ спарцевъ испанной чѣспности. Въ продолженіе двухъ лѣтъ, безпрестанно находился онъ въ совѣщаніи съ ними: и ихъ успныя опвѣщанія на его распросы были опмѣнены, гдѣ слѣдовало, въ гіероглифическихъ изображеніяхъ. Наконецъ чепыре молодые Мексиканца, воспитанники упомянутаго Коллегіума, подвели подъ эти изображенія близкій переводъ шекспа, на двухъ языкахъ: Латинскомъ и Испанскомъ. *Сагагунъ* замѣчаетъ: «*оригиналь еще у меня въ рукахъ.*» Въ Сант-Яго де Тлапекулко совершилъ онъ подобный трудъ, совѣтуясь о важнѣйшемъ съ пуземными спарцами, заслуживающими наиболѣе почтеніе и довѣренность, съ Рекпормомъ Коллегіума и съ Индійскими воспитанниками. Въ монастырѣ С. Франциска въ Мексикѣ онъ продолжалъ

свою работу, называя поименно лица, коихъ свѣдѣніями и объясненіями пользовался. Наконецъ, въ 1545 году, прудъ эпохи былъ конченъ на Мексиканскомъ языкѣ и подвергнутъ снова спрогому изслѣдованію многихъ знапкоковъ дѣла.

Когда такимъ образомъ матеріалы были собраны, доспопочтенный издапель занялся сравненіемъ ихъ съ безчисленными оспашками всякихъ художественныхъ издѣлій и съ сохраняющимися еще нравами пуземцевъ. Завоеваніе Америки было начато въ 1519 и кончилось въ 1524 году; слѣдовательно пуземцы, разпрашиваемые до 1545 году, во время завоеванія должны были имѣть болѣе тридцати лѣтъ опъ роду и слѣдовательно были коротко знакомы съ нравами и обычаями, о которыхъ у нихъ навѣдывались. Но обработка матеріаловъ для нашего издапеля, кажется, была прудивѣ, чѣмъ собраніе. Сочиненіе было со-всѣмъ готово не прежде 1564, а Испанскій переводъ 1575 года. *Сагаунъ* соспашьялся, его рука начала дрожать, и, что всего важнѣе, ему ничего не хопѣли дань за рукопись: «плашишь сполько денегъ за шакое маранье прошивно обьшамъ бѣдности», говорили ему обыкновенно. Такимъ образомъ это драгоценное швореніе, считавшееся долго, какъ уже было сказано, словаремъ или по крайней мѣрѣ незначительною хроникою, наконецъ являешся теперь, спустя при сна лѣтъ послѣ своего происхожденія, въ шакое время, когда народы, на кошорыхъ оно должно было имѣть вліяніе, потеряли свой первобышній характеръ и даже переспали живъ народами.

Все швореніе свое *Сагаунъ* раздѣлилъ на двенадцать книгъ. Каждая изъ нихъ раздѣлена еще на многія главы и каждая спраница на три сподбца: первый для

Испанскаго перевода, въпорый для Мексиканскаго текста, претій для знаковъ и ихъ объясненія. Лѣпопись не дошла до насъ въ эпомъ видѣ, равно какъ и собранные издапелемъ докуменпты: по Лапыни, по Испански и въ гіероглифахъ. Можеть бытъ все это опыщется еще въ какомъ-нибудь монастырѣ Испаніи или Новаго Свѣта. Между пѣмъ сдѣланы были два особенные списка Испанскаго текста и присланы въ Европу. Куда дѣвался одинъ изъ нихъ, неизвѣстно. Другой былъ положенъ въ монастырѣ Св. Франциска въ деревнѣ Сагагунѣ, гдѣ и былъ опкрытъ Испорикомъ Муносомъ, копорый хотѣлъ воспользо-ваться имъ для своей Исторіи Новаго Свѣта, коей явилась одна книга. Онъ снялъ съ него новый для себя списокъ. По смерти Муноса бумаги его перешли къ Королевской Мадридской Академіи Испоріи: въ числѣ ихъ находилось пвореніе Папера *Сагагуна*, съ копораго сдѣлали копію, сравнили ее съ заботливою ппочностію съ оригиналомъ и послали въ Америку. То, что напечатано теперь въ собраніи Лорда Кингсборуга, должно иппи изъ рукописи Муноса; но издапель самъ считаеть эпомъ списокъ неполнымъ. Манускриптъ пострадалъ во многихъ мѣстахъ, особенно въ III и IV книгѣ. Наконецъ важнѣйшая потеря соспонтъ въ томъ, что въ немъ нѣтъ 80 религіозныхъ гимновъ, копорые Паперъ *Сагагунѣ* называеть псалмами. Они безъ сомнѣнія находятся въ оригиналѣ; издапель вѣроятно пренебрегъ ими. Но потери сін пѣмъ болѣе возвышають цѣну того, что, по счастью, сохранилось для нашего времени.

Исторія Новаго Испаніи, какъ было сказано, заключаеть въ себѣ двенадцать книгъ. Первая содерптитъ Мексиканскую еогонію; въторая занимается календа-

ремь, праздниками, обрядами, жертвоприношеніями; претрѣя возвращается опять къ происхожденію боговъ и излагаетъ мнѣнія о назначеніи души, о важности жреческаго сана; четвертая и пятая разсуждаютъ о судебной аспрологіи Мексиканцевъ; шестая озаглавливается слѣдующимъ образомъ: «о Рипорикѣ и Богословіи Мексиканскаго народа; при чемъ весьма достопримѣчательныя вещи о красотахъ языка и нѣжныхъ оппѣнкахъ нравственныхъ добродѣтелей.»

Здѣсь находимъ мы дѣйствительно весьма замѣчательную молитву къ божеству Техкалплипука-И-Яупль — Некояльп - Моенспуй; въ коей испрашивается помощь на враговъ; еще достопримѣчательнѣйшую рѣчь Мексиканскаго духовнаго опца; наконецъ *молитву къ богу дождя Тлаоку, повелителю земнаго рая, для прекращенія засухи*, которую, за рѣдкостью образцевъ Мексиканскаго краснорѣчія, не излишнимъ счипаемъ привести здѣсь.

»Пречеловѣколюбивый, прещедроподательный господи, повелишель зелени и свѣжести, владыка бальзамическаго, цвѣшущаго рая земли, господь благоуханія! Увы! боги дождя, твои слуги скрылись въ свое убѣжище—они, копорые въ другое время подаютъ намъ всѣ нужныя для жизни вещи и копорыхъ чшупть, какъ Улли, Яупли и Копаль. Они скрыли весь запасъ, коимъ поддерживается наше бышіе — а мы счипаемъ ихъ нашими драгоценными камнями, смарагдами, и сафирами: даже увели съ собою сесипру свою, богиню изобилія, вмѣстѣ съ богинею Хилли или Икси. Умиლოსердись надъ нами живущими! Все гибнешь и изсыхаешь, все, не имѣя влаги, покрываешь прахомъ и какъбы паушнною шканью. О горе для бѣдныхъ человѣковъ! Они перпятъ уже голодь, совершенно из-

сохли и обезобразились: синеша, окружающая их глаза, уподобляетъ ихъ мерпвцамъ.»

»Успа ихъ высохли, какъ выжженная зноемъ права; всѣ кости можно счесать въ ихъ шьль, какъ буднобы это былъ образъ самой смерши. И дыши — бродящъ обезображенные, желтые, черные какъ земля. Даже до четверонбгихъ и пернатыхъ живошнихъ, все спрадаепъ опъ общаго бьдспвія, опъ засухи. Горько смопршь на эшихъ пшциъ, какъ однѣ изъ нихъ, опусивъ крылья, бродящъ голодные, какъ другія валятея съ вышины, опъ невозможности лешапъ, и какъ еще нныя, помимья голодомъ и жаждою, не смыкають изсохшаго клюва. А звѣри—господи—о какъ болѣзненно видѣшь ихъ, падающихъ въ безсмии и пожирающихъ землю, съ прилипнувшимъ языкомъ, съ разсвѣшекою горпанью, задыхающихъ опъ жажды и голода. А люди — они поперяли разсудокъ: они умирають опъ недоспапка воды, всѣ гибнуть, пакъ что ни одного не останешся. Кажется, какъ буднобы мы горимъ въ огнѣ. По истинѣ ужасно терпѣшь голодь, который мы терпимъ. Подобно льсной змѣ, которая, алкая пици, починъ спячу, сматываепся клубомъ и всячески ищепъ уполишь сьдающій ея голодь, человекъ силится всячески напипапъ себя— и спрашно видѣшь его смершныя муки!«

»Бывало слыхали мы опъ опшедшихъ въ дальній пушь спариковъ и спарухъ, что будетъ время, когда небо на насъ обрушится и низринутся воздушные демоны, Цицимиты, которые должны разрушпть землю и всѣхъ ея обшателей, дабы тьма была повсюду и нигдѣ не оспалось жилица для человеквъ. Старые люди знали это и говорили. Изъ успъ въ успа перешло къ намъ, что долженъ быть

копонецъ міру ; ибо земля успала производить другія творенія. Господи ! это было бы для насъ богатствомъ и наслажденіемъ, еслибы пророчество сіе надъ нами исполнилось ! О какъ мы злополучны ! Буди милосивъ и пошли на насъ язву , которая бы насъ мгновенно похитила ! Эпошь бичъ идееть опть бога преисподней и при немъ богиня изобилія и богъ жашвъ посылають нѣкоторую прохладу, опть копорой умирающіе получаютъ нѣкоторое подкрѣпленіе, дабы совершишь пупь въ преисподнюю. Помяни, что насоящее бѣдспвіе произошло не опть войны: оно идееть опть лучей, кои солнце, какъ нѣкій мощный и сильный богъ, вержетъ на землю. Еслибы не такъ, то войны, герои, сильные и воинспвенные мужи, радовались бы великою радостію объ опасности : ибо въ войнѣ умирають многіе ; тогда проливается кровь, поля покрываются громадами труповъ и коспей побѣжденныхъ, земная поверхность усъвается волосами головъ обнаженныхъ плвнїемъ. Всего эпого они не боятсѣ ни мало : ибо увѣрены, что душа ихъ переходитъ въ домъ солнца , гдѣ они будутъ творжеспвовать славу Бога гласами исполненными радости и упивающься сокомъ безчисленныхъ цвѣповъ съ неистощимымъ наслажденіемъ.»

»О многомилосивый господи ! господь зелени, соковъ и душиспныхъ правъ ! Молю тебѣ , да проспирешъ на народъ твоя възоръ милосердія !«

Седьмая книга *Исторіи Новой Испаніи* занимается метеорологією. Новый испочвникъ для Берлинскихъ ученыхъ ! Осьмая разсуждаеть объ іерархіи Царей и Начальниковъ и объ образѣ ихъ избранія. И экземпляръ такой эрепической книги могъ находитсѣ въ монастырѣ Испанскомъ ! Въ эпои осьмой книгѣ заклю-

чается много любопытнаго о политическихъ постановленіяхъ, законодательствѣ и даже объ исторической хронологіи Мексиканцевъ. Девятая говоритъ о дружелюбномъ обществѣ купцевъ, о рѣзчикахъ камней, о ихъ образѣ жизни, о ихъ праздникахъ и пирушкахъ. Десятая о порокахъ, добродѣтеляхъ, физическомъ характерѣ и о *materia medica* Мексиканцевъ.

Двенадцатая и послѣдняя книга заключаетъ въ себѣ Мексиканскую хронику, которая говоритъ совершенно не то, что Испанскія извѣстія. *Audiatur altera pars*, но только въ самомъ сокращенномъ извлеченіи. Пять полководцевъ Монтезумы (Моптезумы) посѣщали корабли Грехальвы, котораго они сочли за бога Гуэпцалькоаша. Кортезь, прибывшій позже, былъ принятъ за тогоже бога и внушилъ еще большій ужасъ. Пятеро главныхъ вождей принесли ему дары и молились, какъ богу, «копорый послѣ долгихъ трудовъ возвращался.» Кортезь пренебрежалъ больше даровъ, велѣлъ ихъ связать накрѣпко и дать выстрѣлъ. Посланники упали въ обморокъ. Потомъ приказалъ онъ имъ, чрезъ Индійскую переводчицу, сразиться съ Испанцами, желая испытать силу парода. Но посланники отказались и желали напередъ получить новыя инструкціи. Кортезь назначилъ имъ бой на другой день: и Монтезума прислалъ между нѣмъ чужеземцамъ жизненныхъ припасовъ и пироговъ изъ маиса съ человеческою кровью; Испанцы отвергли все съ презрѣніемъ. Видя свое положеніе, Монтезума посылаетъ волхвовъ къ кораблямъ, дабы испребитъ или прогнать пришельцевъ чарами: но напрасно. Въ городѣ Мексико распространяется ужасъ, народъ толпится, государь хочетъ скрыться въ одну пещеру,

бѣжать, лишшиь себя жизни, но не можетъ ни на что рѣшиться; наконецъ онъ принимаетъ опять Испанцевъ за посланниковъ Божества и своею рукою возводитъ Кортеса на престолъ. Когда Монпезума объявляетъ быть плѣнникомъ, его любимцы, Тлоаццишиакохкакапль-Гуэццалаццациншикочѣвапишль и многіе другіе, коихъ имена перечислены въ хроникѣ, оставили его безъ помощи, но сами скрылись и не приходили къ Кортесу.

Сколько безвѣстныхъ драгоценностей можетъ еще открытаться въ Испаніи! Когда пройдушь и для ней средніе вѣки, тогда, вѣроятно, откроется много новаго. Подъ обломками и мусоромъ Греціи и Италіи древніи статуи почивали до возстановленія искусствъ не въ большей безопасности, какъ доселѣ книги въ монастыряхъ шрепьяго Европейскаго Полуострова. Недавно одинъ Нѣмецкій ученый копѣль свѣршилъ одинъ Мадридскій манускриптъ въ Мадридъ: рукопись тамъ, но въ Мадридѣ нѣтъ ни одного липерапора, который бы ее понималъ или даже, по крайней мѣрѣ, могъ отыскать ее! (В. В.).

IX.

КЛАССИФИКАЦІЯ ЖИВОТНАГО И РАСТИТЕЛЬНОГО ЦАРСТВА.

(къ Издателю Телескопа.)

По желанію вашему, препровождаю для напечатанія въ Телескопѣ краткій очеркъ принимаемыхъ мною первоначальныхъ отдѣленій животнаго и растительнаго царства. Предпочитая сократительный методъ *дробному*, я ограничилъ число классовъ наименьшимъ,

необходимымъ; а находя естественнѣйшимъ и выгоднѣйшимъ для системы *путь нисходящій*, начинаю съ *высшихъ и совершеннѣйшихъ* по свойству идей о *системъ* вообще, какъ о представленіи *цѣлости* природы. Естественная система и животнаго и растительнаго царства *однообразна* въ главныхъ основаніяхъ своего построения: изъ сего однакожь не слѣдуетъ *равенство* двухъ царствъ. Нижеслѣдующіе классы почти всѣ были уже устанавлены или усмопрѣны разными авторами, и мною избраны сообразно моему понятію о семь предметъ: при семь необходимо было составитъ вновь нѣкоторыя названія, и таковыя означены *звѣздочкой*.

І. СИСТЕМА ЖИВОТНАГО ЦАРСТВА.

Здѣсь возстановлены многіе изъ прежнихъ классовъ (преимущественно *Ламарковскихъ*), нынѣ весьма раздробленныхъ, и всѣ разположены (по примѣру Окена и Сент-Илера) въ томъ порядкѣ, какой былъ у Линнея, и который измѣнили Ламаркъ и Кювье, помѣстивъ послѣ рыбъ моллюски.

А. жив. суставчатая* (a. articulata). Сент-Илеръ называетъ ихъ *позвоночными*, ибо Насѣкомыя, Раки, Пауки, причисляемыя обыкновенно къ *безпозвоночнымъ*, имѣютъ позвонки, но только наружнаго образованія. Но какъ *позвоночными* привыкли называть только *первую область*, то, во избѣжаніе сбивчивости, я разсудилъ принять слово: *суставчатая*.

Область І. жив. внутресуставчатая* (Endogona*. Vertebrata *Lam. Cuv. Spondylophora Tiph. Hauts-vertébrés Gff.*). Костяной скелетъ внутри

пѣла, и облеченъ мясомъ снаружи.

а) *Теплокровныя*. Сердце двухжелудочное, кровь красная и теплая.

Классъ 1. *Звѣри* (Mammalia). Человѣкъ, который своимъ самопознаиёмъ отличаетъ себя отъ животныхъ, какъ небо отъ земли, я исключаю изъ царства животныхъ, и попому первый классъ ихъ называю не *Млекопитающими*, а *Звѣрями*, послѣдуя въ этомъ Русскому академиспу В. Зуеву (см. Начертанiе Естп. Испор. изд. для Народныхъ Училищъ). *Человѣкознанiе* (Антропология) естъ особая наука.

Классъ 2. *Птицы* (Aves).

б) *Холоднокровныя*. Сердце одно желудочное, кровь красная холодная.

Классъ 3. *Гады* (Reptilia).

Классъ 4. *Рыбы* (Pisces).

Область II. жив. наружносуставчатая* (Еxogona*.

Insecta et Insectina L. Articulata et Entozoa Cuv. Desmo-vertébrés Gff). Твердый либо кожиспый скелетъ снаружи, а мясо внутри.

а) *Суставчатоподобныя** (Insecta L).

Классъ 5. *Насѣкомыя* (Insecta Lat.), подверженныя прямому превращенiю, шестиподобныя, почти всѣ крылатыя, съ головою, грудью и брюхомъ отдѣльными.

Классъ 6. *Крѣпиды** (Polymeria Goldf.), не подверженныя превращенiю, безкрылыя; ногъ обыкновенно больше шести; голова и грудь почти отдѣльныя. Здѣсь (по примѣру Вирея, Окена и др.) соединяю *Раковины* (Crustaceae) съ *Паукоподобныя* (Arachnoides Lat).

б.) *Черви* (Vermes. Intestina L.)

Классъ 7. *Кольчатники** (Anniulata Cuv.), черви краснокровные.

Классъ 8. *Глисты* (Eptozoa Rud.), черви, въ другихъ животныхъ водахъ.

Б: жив. безсуставныя* (a: exarticulata), безклеточныя; беспозвоночныя по *Сент-Иле*.

Область III: моллюски (Mollusca Lat. Cuv.), Ламаркомъ раздѣленные на *головастыя* (Cephalea Lat.) и *безголовыя* (Lat.). Два отдѣленія сии (по примѣру Окена) принимаемъ за особые классы.

Классъ 9. *Улитки**, имѣющіе голову отдѣльную, заключенные обыкновенно въ раковинѣ *одночерешной*, рѣдко голые; раздѣльнополые, рѣдко двуполые; водяные, рѣдко наземные.

Классъ 10. *Раковницы**, безъ особой головы, заключенные нанчаще въ раковинѣ *двухчерешной*, рѣдко многочерешной, либо голые; полъ только женскій; морскія, рѣдко рѣководныя.

Область IV: жив. лучистыя (a. radiaria).

Классъ 11: *Лучевики** (Radiata Lat. Siphonopuncta Fisch.), съ жилами и проч.

Классъ 12. *Полипы* (Polyri Lat. Desmatopuncta Fisch.), безъ жилъ и проч. Сюда относятся *Кораллы* (Зоофины и Липофины), живущіе въ полипникахъ, *Гидржи* и наконецъ *Инфузоріи*.

II СИСТЕМА РАСТЕЛЬНАГО ЦАРСТВА.

A. РАСТ. ЯВНОЦВЕТНЫЯ* (a (phanerogamae L. или съменодольныя (cotyledoneae).

а) *Явно-тайно-брачныя*, и имѣнныя словами: — *Явно-и тайно-цвѣтныя*.

Область I. раст. двудольная (*Dicotyledoneae Juss.*) или *кружоростная** (*Echogeneae DC.*), *Phanerocotyledoneae Ag.*

а) *Двулопастная** (*Dichlamydeae DC.*).

Класс I. *Ложноцветная** (*Thalamiflorae*), где соединяю *подпестичная* (*hypogynae*), как многолепестная (*thalamiflorae DC.*), такъ и *однолепестная* (*corolliflorae—DC.* *вдикоцветная*).

Класс 2. *Чашецветная** (*Calyciflorae DC.*) многолепестная и *однолепестная*, какъ *околопестичная* (*perigynae*), такъ *надпестичная* (*epigynae*).

б). *Однолопастная** (*Monochlamydeae*).

Класс 3. *Однолопастная**. (*Monochlamydeae DC.*)
оспавляемъ въ одномъ классъ.

Область II. раст. однодольная (*Monocotyledoneae Juss.* *Cryptocotyledoneae Ag.*) или *средоростная** (*Endogeneae*). Декадоль сюда относить в *Папоротники* (Кл. 8).

Класс 4. *Погаткоцветная** (*Sporadiciflorae Fr.*)

Пальмы, Цикадовые, Ароны, Цикоморовыя,

Класс 5. *Плещкоцветная** (*Glumiflorae*)—Злаки, Осоковыя и проч.

Класс 6. *Звонцовая** (*Rigentiflorae Goldbach*)—Сципамниная (*Lin.*) и Янурьничная.

Класс 7. *Лилейноцветная** (*Liliiflorae Ag.*), Марциссовыя, Косачиковыя, Лилейныя и проч.

Б. раст. тайноцветная (*Cryptogamae L.*) или *воботная** (*Nemeae Fries.*), *безъменодольная*, (*acotyledoneae Juss.*).

Область III. раст. *разновоботная** (*Heteropemeae Fr.* *Pseudocotyledoneae Ag.*)

Класс 8. *Папоротники* (*Filices Wahl.*).

Класс 9. *Мхи* (*Musci Hedw.*).

Область IV. раст. единоволотныя* (Homoneмеае Fr.
Acotyledoneae Ag. Cellulares aphyllae D C.).

Классъ 10. *Поросты* (Algae Gmel. Fr.)

Классъ 11. *Грибы* (Fungi L. Fr.)

Признаки сихъ отдѣленій и ихъ дальнѣйшее подраз-
дѣленіе, равно какъ и теорія сиспемы изложены въ *Со-
кращенной Зоологii и Систематикѣ Растительнаго Цар-
ства*, кои въ скоромъ времени будутъ представлены
вниманію и суду моихъ благосклонныхъ читателей а).

а) Позвольте мнѣ присемъ случаѣ объясниться предъ чита-
телями въ слѣдующемъ. Года за два предъ симъ, въ пе-
чениі двухъ лѣтъ, я постоянно писалъ для Московскаго
Телеграфа рецензіи на издаваемыя у насъ книги по
частни *Естествознанія* и общей *Медицины*, копорюю за-
нимаюсь не для *практики*, но какъ высочайшею и благо-
роднѣйшею изъ наукъ. Большую часть оныхъ озна-
чалъ я буквами W. W., не желая своимъ именемъ ску-
чать читателей. Давно уже оставилъ я сію под-
пись; но въ Телескопѣ и еще гдѣ-то она встрѣчалась
подъ нѣкоторыми рецензіями, кои—какъ вамъ извѣст-
но—писаны не мною, однакожъ нѣкоторыми изъ чи-
тателей приписаны мнѣ. Благодарю ихъ за это; но
опъ спашей опрекаюсь: вопервыхъ потому, что не
желаю пользоваться какимъ бы то ни было мнѣніемъ
на чужой счетъ и не заслуженно; вовторыхъ потому,
что съ нѣкотораго времени положилъ себѣ правиломъ,
не означать вымышленными подписями своихъ статей,
убѣдившись, что литература, поколику она дѣло об-
щественное, требуетъ мнѣнія и дѣйствія открыва-
го и явнаго — и всякая *листификація* въ ней, есть
только частная и, такъ сказать, домашняя пошѣха
литераторовъ. Такимъ образомъ послѣднія рецензіи
мои, относящіяся къ Естествознанію, я означалъ сво-
имъ именемъ: напр. въ Литературной Газетѣ, въ Те-
леграфѣ на Физику Г. Щеглова, въ Телескопѣ на бро-
шюрку Г. Лодера. (*М. Максимовичъ*).

X

НОВОСТИ

НАУКЪ И ИСКУССТВЪ.

— ЛЮДОѢДЫ ОСТРОВА СУМАТРЫ. — На сѣверной оконечности острова Суматры, между Ахемомъ, Менапгабу и моремъ, обитають Башпасы, народъ многочисленный, большею частію живущій не по берегамъ моря, но въ нѣкоторомъ отъ нихъ отдаленіи. Башпасы, число коихъ простирается отъ одного до двухъ милліоновъ, имѣють постоянный образъ правленія, совѣщательныя собранія и великихъ ораповъ, собственный свой языкъ и письмена; и почти каждый изъ нихъ ученъ грамотѣ. Они имѣють и вѣру свою: бога, называемаго Дибана-Асси-Асси, и двухъ другихъ, отъ него рожденныхъ боговъ. Воинственный народъ сей честенъ, справедливъ и предусмотрителенъ. Поля Башпасовъ хорошо воздѣланы, преступленія между ними рѣдки. Но не смотря на такую образованность, они — людоеды.

За нѣсколько предъ симъ лѣтъ, одинъ Башпасъ, за оскверненіе супружняго ложа, осужденъ былъ законами на съденіе; и мѣсто казни назначено не подалеку отъ Таппанули. Англійскій Посланникъ былъ приглашенъ присупствовать при оной, но отказался; одинъ только Секретарь Посольства прибылъ туда съ Башпасскимъ чиновникомъ. Спеклось множество народа. Преступника привязали къ дереву съ разпростертыми руками. Палачъ, званіе коего на Суматрѣ почтено и важно, подошелъ къ преступнику съ пожемою въ рукѣ; за нимъ несъ человекъ блюдо съ самбуломъ (лимоны, соль и пр.). Оскорбленный супругъ на вопросъ, какой частіи шла желаетъ онъ, потребовалъ праваго уха, полу-

циль его, обмакнувъ въ соль и съель. Туптъ всё кинулись на пресупника, и грызли его, сколько хопѣли. Наконецъ, и по изъ уваженія къ Секретарю Посольства, смилоспивились и нанесли ему ножемъ ударъ въ сердце.

Байтасы имѣють весьма древнїе законы и ѣдятъ другъ друга единственнo изъ благоговѣнїя къ своей конспипуціи. Законы сіи осуждають на съденіе живъ: 1) всѣхъ осквернителей супружняго ложа, 2) ночныхъ патей, 3) военнопленныхъ, 4) тѣхъ, кои, не взирая на узы крови, соединяются бракомъ, 5) каждаго, кто предапельски нападаешъ на деревню, домъ или частное лице. Таковыхъ пресупниковъ призываютъ въ уголовный судъ; когда следспивѣ кончено и приговоръ произнесетъ, каждый изъ судей выпиваситъ чарку, что служиптъ вмѣсто подписи. За оскверненіе супружняго ложа пресупника не казнятъ, если родственники виновной жены не хотятъ присутствовать при казни. Обыкновенно сначала требуется ухо, потомъ присупсшующіе; по чинамъ и старшинству, разбирають ospальныя частпи. Наконецъ глава собранїя, отрѣзавъ виновному голову, вышаситъ ее, какъ шрофей, предъ своимъ домомъ. Онъ же или обиженный уноситъ къ себѣ мозгъ, который щцательно сохраняется въ стеклянкѣ, по причинѣ приписываемой ему волшебной силы. Внутренностей не ѣдятъ; но сердце, руки и подошвы почипаються лакомыми кусками. Мясо ѣдятъ сырое или поджареное, не иначе какъ на мѣстѣ казни, приправляя оное самбуломъ или сорочинскимъ щеномъ. На такихъ щрнѣствахъ не употребляется ни пальмовое вино, ни горячіе напитки, но многіе приносятъ съ собою пустыя бамбуковыя щроспи, и, наполнивъ ихъ кровью, пьютъ ее. Вино-

ный долженъ быть казненъ не тайно, но при всѣхъ; одни мужчины при этомъ присутствуютъ; женщинамъ же запрещается чело­вече­е мясо; однакожь онѣ находятъ средства доставать оное украдкою. Мясо это любимая пища Бампасовъ, но они употребляютъ ее въ нѣхъ только случаяхъ, когда законъ позволяетъ. Таковая казнь назначается по хладнокровномъ, зрѣломъ, обдуманномъ совѣщаніи, въ коморомъ рѣдко участвуетъ личная меснѣ, исключая, если дѣло идетъ о военопльннхъ. Въ мирное время, ежегодно съдають они ошъ шестидесяти до ста человекъ.

Бывало, Бампасы ѣдали родителѣй своихъ, когда они устареютъ и не въ силахъ работать. Старики сами вѣшались на дерево, уцѣплясь за него руками, а дѣти ихъ и сосѣди плясали кругомъ, крича: «пора свалиться зрѣлому плоду». Это происходило обыкновенно въ то время года, когда созрѣваютъ лимоны и нѣтъ недосыпанка ни въ соли, ни въ перцѣ. Коль скоро упомянутые старики, ослабѣвъ, падали съ дерева, присутствующие кидались на нихъ и пожирали. Теперь уже перестали вѣшъ стариковъ.

И въ Китаѣ нѣкогда горекіе жилиши дѣлались чело­вѣчьимъ мясомъ; обыкновенно вѣшъ людей, въ военное время, существуютъ и донынѣ въ провинціи Фокіанъ. Китайскіе врачи нѣрѣдко прописываютъ большому кусочекъ чело­вѣчьего мяса. Недавно въ Макао иѣкпо, опасно больной, велѣлъ убить ребенка, чинить опасности себя ошъ смерти. Въ Кантоиѣ, палачи весьма дорого продаютъ желчь казненныхъ, которую мѣшаютъ съ пшеномъ, полагая, что она придаетъ смѣло­сти, и поэтому ируса называютъ чело­вѣкомъ безъ желчи. Въ дополненіяхъ къ Китайскимъ уголовнымъ законамъ сказано, что Лику, Гоац—Шанскаго округа,

продать челоуѣчьей желчи на 20 серебряныхъ унцій. Въ 1811 году дознано, что Чангъ, изъ провинціи Че-Кіанга, въ печеніе 16 лѣтъ, умершвилъ 11 дѣвушекъ, чшобы соками ихъ подкрѣпить себя. Двенадцатая жерва вырвалась изъ рукъ людоѣда, и донесла на него. По наружности — такъ пишуть о немъ — казался онъ челоуѣкомъ, сердцемъ же былъ люпый звѣрь. Ему исполнилось 70 лѣтъ, когда присудили изрѣзать его на куски; и шестнадцать семействъ, изъ коихъ онъ избиралъ жершвъ своихъ, присупснвовали при его казни. (Ѣ. Ѣ.)

— СУДЬБА НОВАГО ЛОНДОНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. — Извѣстно, какими блистательными надеждами сопровождалось основаніе Университета въ Лондонѣ: надежды сіи не сбываются; и заведенію, начатому съ такимъ усердіемъ и съ такою дѣятельно-спію, угрожаетъ уже паденіе. Недавно акціонеры учредили комиссію для разсужденія о средствахъ возвратить заведенію довѣренность, которую Совѣтъ Университета умѣлъ уже потерять въ краткое время своего дѣйствования. Онъ соспоишь изъ ученыхъ и доспойныхъ Профессоровъ; но они все въ разладѣ между собою; а одинъ изъ нихъ (Анапомикъ Папписсонъ) произвелъ недавно гораздо большій соблазнъ, поссорившись публично съ своими слушателями. Это однако не самая еще главная бѣда, угрожающая Университету. Заведеніе сіе было основано съ шюю преимущественною цѣлію, чшобы доставлять образованіе, независимо опъ вліянія духовенства; и хопя многіе изъ главныхъ основателей его принадлежатъ къ господствующей Англиканской Церкви, большую часть акціонеровъ составляютъ сектанты, въ особеннсти: Унипариі,

Жида и Невѣрующіе. Между тѣмъ публикѣ не нравилось и не хотѣлось, чтобы религіозное образованіе исключено было совершенно; и политическіе враги основателей заведенія воспользовались очень удачно этимъ обстоятельствомъ, чтобы поселить съ самаго начала неблагопріятное къ нему предубѣжденіе. Совѣтъ думалъ разрушить это предубѣжденіе, пригласивъ къ профессорству многихъ уважаемыхъ особъ изъ Англиканскаго Духовенства и даже позволивъ одному изъ сихъ духовныхъ наставниковъ давать Богословскіе уроки вблизи Университета. Но это только что оскорбило акціонеровъ, не принадлежащихъ къ господствующей Церкви, не примиривъ ни мало публику съ заведеніемъ. Такимъ образомъ Университетъ, отъ котораго такъ много ожидали, распропался въ самомъ младенчествѣ и теперь уже носитъ съменою скорого разрушенія. Между тѣмъ, къ довершенію его несчастія, Королевскій Коллегіумъ открывался въ самомъ непродолжительномъ времени (не позже будущаго Октябля). Сіе послѣднее заведеніе учреждается, какъ извѣстно, для противудѣйствія новому Университету, Торисами и друзьями господствующей Церкви. Веллингтоново Министерство подкрѣпляло его всѣмъ своимъ вліяніемъ: оно выхлопотало ему преимущества, какихъ не имѣлъ Университетъ, и мѣсто въ наиболѣе посѣщаемой части города, такъ сказать, на рубежѣ между моднымъ и торговымъ свѣтомъ. Правду сказать, послѣ того какъ это Министерство оказалось такъ расположеннымъ къ Капюликамъ, наиболѣе ревностные члены Англиканской Церкви поперяли къ нему довѣренность и считая себя обманутыми, охладѣли въ усердіи къ заведенію, соспоявшему подъ особеннымъ покровительствомъ людей, въ коихъ подозрѣваютьъ замаскированныхъ Іезуитовъ.

Особенно Графъ Винчельси (Winchelsea) въ одномъ публично обнародованномъ письмѣ дозволяетъ себѣ такіа оскорбительныя выраженія противъ Герцога Веллингтона, что сей послѣдній для спасенія своей чести или, можетъ быть, по другимъ высшимъ политическимъ видамъ счелъ за нужное съ нимъ сдѣлаться. Между пѣмъ заведеніе приняло свой ходъ; благоразумнѣйшіе умы разобрали дѣло и оспались вѣрными своему первому плану; такъ что, не смотря на завладѣніе Министерства противоположною партией, подъ предсѣдательствомъ Бруггама, основателя Университета, Королевскій Коллегіумъ, подъ особеннымъ руководствомъ Лондонскаго Епископа, общается не только бытъ прекраснымъ зданіемъ, но и не имѣетъ недосыпкамъ въ достойныхъ Профессорахъ. Между прочимъ въ немъ учреждаются кафедры Французской, Италіанской и Нѣмецкой Словесности; и хотя особенно первая изъ нихъ будетъ конечно мало имѣть слушателей, это должно однако прибавитъ важности изученію новѣйшихъ языковъ и ослабитъ слѣпое предпочтеніе, оказываемое досель въ школахъ исключительно языкамъ мертвымъ. Сообразно съ основнымъ закономъ Института, Великій Канцлеръ Англій и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ долженъ быть, по своему званію, членомъ Совѣта Коллегіумскаго; и такимъ образомъ Лордъ Бруггамъ есть теперь глава обоихъ соперничающихъ заведеній. Но онъ имѣетъ столько благородства и чистоты въ чувствованіяхъ, что Королевскій Коллегіумъ не можетъ опасаться отъ него никакого злоупотребленія власти, во вредъ себѣ. Безпристрастные любители просвѣщенія желаютъ, чтобы оба сія заведенія имѣли успѣхъ: ибо соревнованіе между ними могло бы скорѣе имѣть благотворное, чѣмъ вредное вліяніе для столицы Британіи. (М. В.)

—ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА ИЗЯЩИХЪ ХУДОЖЕСТВЪ. — Кто бы могъ подумать, чпобы на нынѣшней Парижской Выставкѣ явилось цѣлыя при тысячи художественныхъ издѣлій? И такъ искусство не знаетъ и не боится никакихъ худыхъ временъ, никакихъ смяшеній, никакихъ переворотовъ! Тогда какъ Франція колеблется въ своихъ основаніяхъ, художники покойно сидятъ за спанкомъ и оживляютъ на полотнахъ минувшія событія или прекрасныя виды природы. Дабы изяснить это необыкновенное множество художественныхъ издѣлій на нынѣшней Парижской Выставкѣ, должно припомнить, что подобныхъ Выставокъ не было уже давно: сѣдовапельно художникамъ было когда работать въ продолженіе времени, которое если не было совсѣмъ покойно, то по крайней мѣрѣ было тихо. Впрочемъ выставленныя теперь произведенія по большей части мѣлки и не требовали много времени. Число большихъ картинъ безпрестанно спавнилось менѣе; ибо кромѣ церквей не много зданій, гдѣ бы онѣ могли находить мѣсто. Напротивъ являешся необыкновенное множество такъ называемыхъ кабинетныхъ картинъ, которыя каждый сколько-нибудь доспапачный гражданинъ можетъ имѣть у себя въ домѣ. Въ поже время замѣчается оцупшительное уменьшеніе, если не совершенное уничтоженіе, картинъ, представляющихъ сцены изъ Священной и даже изъ древней Греческой и Римской Исторіи: теперь преимущественно изображаются семейственныя черпты, новѣйшія событія, романпическія и романическія приключенія. Отсюда происходитъ великое различіе въ картинахъ и въ родахъ Живописи. Тѣ художники, которые прежде занимали первое мѣсто, какъ н. п. Жераръ, Гро и другіе имъ подобныя, не представили те-

перь ничего; и ихъ примѣры не имѣли почти никакого вліянія на новое поколѣніе художниковъ, которое идетъ своимъ собственнымъ путемъ. Преимущество предъ всеми прочими единогласно отдано картинѣ живописца *Роберта*, представляющей *Италіянскихъ Жнецовъ*. *Летѣ*, придерживающійся еще стариннаго обычая писать огромныя историческія картины, выставилъ *Смерть Виргиніи*, которую уже, кажется, показывалъ за деньги въ Англіи. Но эпа *Виргинія* не имѣетъ никакого сравненія съ его *Брутоломъ*. *Гораций Вернетъ*, находящійся теперь въ Римѣ Директоромъ Французской Академіи Художествъ, измѣнилъ свой стиль въ Италіи и сдѣлался хорошимъ историческимъ живописцемъ. Эпа фамилія *Вернетовъ* представляетъ испишно чудное явленіе: всѣ они рождаются съ счастливыми дарованіями, становятся хорошими художниками, бываютъ вмѣстѣ остроумными людьми и пріобрѣтаютъ себѣ великую славу. Впрочемъ большую часть художниковъ, выставившихъ теперь свои произведенія, составляютъ молодые люди, изъ которыхъ многіе подають о себѣ великія надежды. Между тѣмъ нынѣшняя же Выставка представляла доказательство, что надѣяться должно всегда съ осторожностію. На послѣдней Выставкѣ въ Люксембургѣ, одинъ молодой художникъ, по имени *Девеція*, не обязанный никакому учителю своимъ образованіемъ, отличился удивительною смѣлостію перваго своего опыта. Каждый былъ пораженъ изумленіемъ; и вообще единодушное мнѣніе обѣщало юношѣ блистательные успѣхи. Теперь онъ опять изумилъ публику, но уже удивительною посредственностію своихъ произведеній. Тоже случилось и съ нѣкоторыми другими. Нѣкоторые отличные художники, и. п. *Герсанъ*, нашли прибавленіе писать портреты

и представили весьма незначительные опыты на этомъ поприщѣ, что подвергаетъ опасности ихъ прежнюю славу. Вообще для художниковъ, какъ и для писателей, весьма невыгодно, что Парижская публика занята теперь совершенно другими дѣлами, не позволяющими ей обращать должное вниманіе на искусства. Это безъ сомнѣнія будетъ имѣть вліяніе на сбытъ художественныхъ издѣлій. Изъ трехъ тысячъ картинъ вѣроятно половина оспашется въ масперскихъ художниковъ; и это конечно не поощритъ ихъ работать для будущей Выставки съ равнымъ усердіемъ и съ равною дѣятельностію. (М. В.).

XI.

ОТВѢДЪ ОДНОМУ ЖУРНАЛИСТУ.

Крайняя невѣжливость, съ копорю вы нападаете на всѣ лица безъ разбору, дѣлаетъ и васъ недостойнымъ никакой пощады. Почему я себѣ позволяю сказать публично, что вы, государь мой, *говорите неправду*, приписывая на 470 и 472й страницахъ 12го N вашего Журнала на нынѣшній годъ, издаваемыхъ любопытнаго творенія *Кирилова*, составленнаго по повелѣнію Петра Великаго (*Цвѣтущее состояніе Всероссийскаго Государства*), невѣжество, хвастовство, шарлатанство и желаніе большихъ барышей; равно *поступаете совѣстно*; увѣряя публику, будто книга эта была уже напечатана. Вопъ доказательства:

Почтенный *Голиковъ* и не мыслилъ издавать въ свѣтъ рукописи *Кирилова* въ 1797 году; по получивъ ее отъ А. П. Курбашова, пользовался ею только;

на ряду съ другими истощивали, у него бывшими, при сочиненіи XVIII тома его *Дополненій къ Двѣдливѣ Петра Великаго* а), подобно, какъ напр. Тапищевъ пользовался льпописью Неспоровою за многіе годы до ея напечатанія, которое однако послѣ шкшно не почель излишнимъ, или содержаніе льпописи *даво извѣстнѣе мѣ*. Я усердно прошу всякаго добросовѣстнаго чинапеля сравнить объ книги отъ перваго листа до послѣдняго, чпобы въ томъ увѣришься. Чпо *Голыковъ* дѣйствительнѣо сочинялъ, *составлялъ*, а не переписывалъ изъ *Кирилова*, по очевидно уже изъ его предисловія, которое окончиваешся такъ: «впро-
 »чемъ, къ доспиченію до почности всего описаннаго
 »употреблено мною всевозможное спараніе, не жалья
 »на по ни прудовъ, ни издержекъ. Но какъ при всемъ
 »помъ на нѣкопорыя изъ показанныхъ спашь не
 »могъ я доспашь почныхъ вѣдомоспей... слѣдова-
 »пельно и не смѣю упверждать, чпобъ въ разборъ
 »паковомъ и въ умозаклученіяхъ моихъ о нихъ, не
 »могъ я въ чемъ либо не ошибиться, и чего либо не
 »проронить; а по сему сочпу себя чувствительнѣо
 »одолженнымъ пѣмъ изъ чинапелей моихъ, кою, имѣя
 »большее моего о семъ свѣденіе, сообщашь мнѣ свои замѣ-
 »чанія, копорыя и послужашь мнѣ наставленіемъ къ ис-
 »правленію со временемъ найденныхъ ими погрѣшностей и
 »къ дополненію опущеннаго мною. (Марта 26 1797 года.)»

Самая книга (XVIII томъ Дополненій) отъ §: 1
 »Россія, занимающая болѣе седмой часпни суши зем-

а) Содержащаго въ себѣ описаніе состоянія Россіи, въ каковомъ сей Государь ее по себѣ осцавдлъ.

«наго шара а) ...» до известнаго хора Державина :

„Неси на небо гласы, въспрь :

„Безсмертенъ ты великій Пётръ!“

и *заключенія*, писана *вся* слогомъ повѣйшимъ, слогомъ *И. И. Голикова* или приводимыхъ имъ лицъ, *не Н. К. Кирилова*; и то, что заимствовано у послѣдняго, входящъ въ одну ошибку не *цѣлкомъ*, какъ вы утверждаете, переработанное на ряду со множествомъ другихъ источниковъ, сочиненіями *Татищева, Соймонова, Маштейна; Вдоломствами* разныхъ *Колесей*, и проч. и проч; между пѣмъ какъ есть въ сочиненіи *Кирилова* довольно число и пачихъ очень любопытныхъ спашей, коими *Голиковъ*, по принятому имъ *собственному* плану, не хотѣлъ воспользоваться. Представимъ примѣръ, разгнувъ объ книги совершенно на удачу, по срединѣ. Попадается, какъ бы нарочно въ угоду вамъ, одно изъ самыхъ сходныхъ мѣсцъ, безъ разсужденій, безъ цитатъ, коими опличается *Голиковъ* на каждой его страницѣ. Но посмотримъ, есть ли разность? Читайте!

У *Голикова*.

Стр. 272.

У *Кирилова*.

Стр. 8, Част. II.

§ 43. Казанская Губернія, въ коей кромѣ Русскихъ обитали Татары, Чувашъ, Болгаръ, Казанская Губернія. Городъ Казань прежде былъ построенъ отъ Татарскихъ Царей, деревянный,

а) *Кириловъ*, послѣ *краткаго извѣстія* о содержаніи первой книги, начинаеть прямо С. Петербургскою Губерніею; и въ ней именами членовъ Верховнаго Совѣща.

Мордва, Черемисы и Вотьяки, большую частью обращенные въ Христіанскій законъ (кроме Татаръ).

Губернскій городъ Казань, бывшій столицей Царства Татарскаго, имѣетъ каменную старинную съ башнями крѣпость, окружавшуюся другою деревянною. Въ обихъ было пушекъ мѣдныхъ 30, чугунныхъ 49, тоубиць; дробовиковъ и мортиръ мѣдныхъ 10.

Стр. 274.

Въ Казанской Провинціи находились въдомства Артиллерійской Канцеляріи, 3 сѣрные заводы: первый близъ пригорода *Сергіевска*, построенный по Указу же Монарха въ 1703 году.

Второй въ 6 олтъ первого верстахъ и при ономъ построенъ по Указу же Его Величества пригородъ

и въ 7061 году при Царѣ Иоаннѣ Васильевичѣ взяли олтъ Россійскихъ войскъ шиурмомъ, и послѣ того поспросиь каменный на горѣ, да около его другой городъ деревянный.

Споишь полтъ городъ на Казанкѣ рѣкѣ, а съ другой стороны озеро Кабанъ, изъ котораго вышла рѣка Булакъ, и течетъ сквозь деревяннаго города и пала въ Казанку рѣку; да олтъ города въ 5 верстахъ Волга рѣка; разстояніемъ полтъ городъ олтъ Москвы въ 680 верстахъ.

Стр. 11, Частв. II.

»О заводахъ.« Въ Казанской Губерніи имѣются казенные сѣрные заводы, которые нынѣ въ въдомствѣ Артиллерійской Канцеляріи.

Первые Сергіевскіе, разстояніемъ олтъ Сергіевскаго городка въ 6 верстахъ съ половиною.

При тѣхъ Сергіевскихъ

Новосергеевскъ. Оба сіи пригорода населены старой службы рейшарами, драгунами и проч. и укрѣплены земляными крѣпостями.

Третій близъ города *Самары*, укрѣпленный оспрогомъ.

Къ первому и второму для работы приписаны были 508 семей Тапарскихъ, а на шрешьемъ работали дворцовые Самарскіе кресняне. При всѣхъ находилось подмасперьевъ и учениковъ 58; работы исправлялись подъ надзираніемъ шрехъ определенныхъ оныхъ артиллерійской канцеляріи комиссаровъ и пр.

сѣрныхъ заводахъ близъ нихъ 4 ключа, которые вышли изъ горы и вышиною 26 саженой съ половиною; разношнія между пѣтми ключами оныя степной спороны: оныя перваго ключа до втораго 12 саженой, оныя втораго до третьяго — 13, до четвертаго же 13 саженой съ аршиномъ; и изъ шѣхъ ключей вода бѣжитъ чрезъ лари въ рудъ, изъ котораго сѣрная рѣчка пошла и впаде въ рѣку Сургутъ, которая оныя устья до ключей 327 саженой съ двумя аршинами, и изъ дальнихъ ключей, которые приисканы въ 703 году, печепъ вода въ рѣку Шурму.

Цѣлующее Состояніе Всероссийскаго Государства упоминается у *Голицева* не въ предисловіи, не въ началѣ гдѣ либо, чего оныя скромности и правдолюбія его должно бы было ожидать, если бы оныя хощя преимущественно основывался на семь сочиненіи, но уже очень поздно, на 483й, какъ вы сами сознаете, и еще на 494й страницахъ: на первой — (которую вы за глаза безъ всякаго стыда поспавляете какъ бы въ доводъ) — слѣдующимъ образомъ: «а къ онымъ (доходамъ) присовокуплю и всѣ расходы государственные, куда и на чпо и шмзъ какихъ именно доходовъ употреблялись, въ чемъ

«не малою помощію послужить мнѣ бывшій Правитель-
«снвующаго Сенапа Ober-Sекретарь и попомъ Спап-
«скій Совѣтникъ и первый основатель Оренбургской
«Губерніи Иванъ Кириловичъ Кириловъ; чего же въ
«немъ недоставало, дополню моими замѣчаніями, по-
«дчерпнутыми частію изъ споль же достовѣрныхъ ис-
«печниковъ, частію же изъ разныхъ записокъ, сообра-
«женныхъ съ существомъ и обспоятельствемъ дѣла
и пр. (с. 482,483). Внизу, въ примѣчаніи, наивме-
нованіе рукописи и откуда она получена, въ первый
и въ послѣдній разъ. На стр. 494й въ примѣчаніи же:
«До 51 спащы описанные доходы взяты мною изъ
«табели, сочиненной о нихъ предупомянутымъ Г. Ки-
«риловымъ изъ подлинныхъ вѣдомостей, въ Сенапъ
«сообщаемыхъ; а показанныхъ подъ 51 спащью и
«послѣдующихъ за опую, у него не достаешь.» И
вошь все! . . . Ерго—«рукопись Кирилова была за 54
«года напечатана, и издатели Цѣлтуцаго Состоянія
«выдаютъ спарое за цовое?..» Слыдитесь, сударь!

Спраніе всего, что вы ссылаетесь на *Дополненіе*
Голикова въ видѣ какъ бы сдѣланнаго вами опкрытія;
пойманіа на дѣль: что можешь обмануть не чи-
тавшихъ еще вышедшей книги и не имѣющихъ у себя
сочиненія *Голикова*, которое спало весьма уже рѣд-
кимъ а). Между тѣмъ какъ Г. *Погодинъ* и предисло-
віе свое началъ тѣмъ, что рукопись взята изъ *Го-*
ликова бумагъ. (!?) Вопшь спунтъ-шо, съ настоящимъ
правомъ можно сказать: «не чисно, Князь!» Подобная

а) Этой одной причинны было бы достаточнo, чтобы не
оуждать напечатанія *Цѣлтуцаго Состоянія*; а благо-
дарить Г. Ширлева за употребленные издержки.

же штука была вами употреблена въ 1826 году, чибобы уронить расходъ *Илюдоистра* и срѣзаны молодого человека, на восемнадцатомъ году его возраста, издавшаго сію полезную книгу. Этому подъ пару могутъ лишь служить ваши выходки прошиву *Г. Велика*.

Касапельно *большихъ барышей*, опъ васъ и опъ всякаго изъ чипапелей вашихъ зависить выправипься въ помъ мѣспъ, гдѣ напечатапо *Цвѣтущее Состояніе* и гдѣ оно продается, какъ о маломъ, крайне маломъ числѣ проданныхъ экземпляровъ, пакъ и о помъ, получили-ль издатели изъ сего хотя одишь рубль въ свою пользу, между пѣмъ, какъ повѣряпъ, надѣюсь, что издержки на *предположенное* а) издапіе простились бы конечно далеко выше трехъ тысячъ рублей, вами упоминаемыхъ: но чпожъ дѣлать, если доброжелателя книгопродавца не подкрѣпила публика; если шкпо изъ *громя* вызывающихъ *друзей просвѣщенія* — (кроме *Г. Миниспра* сей часпн, который рекомендовалъ взять по экземпляру для библиотекъ Университетовъ) — не удоспоялъ его подпискою; если въ теченіи года, со всѣхъ концовъ Россіи опозвалось только пять особъ, желавшихъ имѣть сію книгу. Пришлось печатать безъ каршъ и другихъ обѣщанныхъ прибавленій! . . Тѣмъ не менее увѣренпымъ бышь можно, что *все* обѣщаніе исполнпся, коль скоро сумма соберется дослапочно, чпобы заплаппшь из-

а) Съ картами, планами, фасадами зданій, костюмами того времени и примѣчаніями для сравненія каждой снаны по прошествіи сна льпъ; что конечно заняло бы два большіе тома.

держки. И это не первый примѣръ у насъ на Руси! Бывало и плоше эпюго: получали подписныя деньги разомъ за двенадцать мѣсовъ, и выдавали на силу шри въ шри послѣдующіе года. Это вы сами знаете.

Теперь— о томъ, правильно ли *Цвѣтуице Состоліе Кирьлова*, можетъ быть названо погдашнюю Спанишскаго, погдашнюю карпиную Россію?

Мы знаемъ не меньше васъ, государь мой, что названіе: *Сквистистика*— произошло въ половинѣ уже XVIII вѣка; сумѣемъ, если вамъ угодно, наименовать и Германскаго ученаго, которій оно ввелъ. Но будете ли вы отрицать: 1) что *вещь* можетъ существовать прежде *имени*, 2) что науки въ происхожденіи своемъ не то, что въ послѣдствіи, въ усовершеніи? Таковы были и Математика и Исторія: имя не менѣе *сообразно стѣку* заслуживавшія свои имена, заслуживающія ихъ и для насъ въ созерцательномъ отношеніи прежде, нежели современники постепеннаго ихъ усовершенія оныя имя дали. Почему простодушный нашъ Несторъ не достоинъ имени *Историка*, не XIX конечно, но своего XI вѣка? Почему Магницкій не могъ бы быть названъ первымъ Россійскимъ Математикомъ, издавъ просто Арифметику, въ началѣ XVIII вѣка, когда имя Математики было у насъ неизвѣстно? Или первоначальный издатель Французскаго Меркурія *Журналистолъ*, а изданіе, за которое онъ получалъ отъ двора пенсію, *Журналолъ* (разумью *теперь*), хотя сіи названія были введены позднѣе приспунна къ Меркурію? Воля ваша, государь мой!.. Писцовыя книги Тульскаго посада называютъ вы сами, *тамъ же*, въ N 12 на стр. 499, *описаніемъ Туль въ XVII столѣтіи*, и въ примѣчаніи примѣяете къ Спанишскаго, а оппориваете это имя у *Цвѣтуица Состолъ*

жил. Не противорѣчіе ли это самому себѣ? . . . Все поспешно идетъ къ совершенству. И Статистика *Кирилова*, хотя далека отъ Статистики Ахенвала, а еще далье отъ Статистики Бальби, тѣмъ не менше есть Статистика. Прочтите, прошу васъ, еще разъ, по самое мѣсто изъ Предисловія ко Второй Части, которое вы напечатали на 474 страницѣ вашего N. 12 и вы удословитесь, что сеймышленной Секретарь Петра Великаго имѣлъ намѣреніе писать Статистику Россіи такъ, какъ она могла быть написана въ его время, и какъ тогда нигдѣ въ Европѣ еще не было писано. Докажите проповное: представьте хотя одно современное сочиненіе Нѣмецкое, Французское или Англійское— (о другихъ нечего и говорить)— въ которомъ бы «для совершеннаго знанія о состояніи Государства, «положеніи мѣстъ, городовъ, рѣкъ, купечества и всякихъ торговъ, поваровъ, о состояніи и правительстввахъ разныхъ народовъ, о войнахъ, мирахъ, границахъ, портахъ, о генеральномъ извѣстіи и описаніи пратленія, законовъ, о высокомъ дворѣ, о чинахъ коронныхъ, «коронаціяхъ, свадьбахъ, и о прочемъ» а)—было въ одномъ общемъ обзорѣ писано; дайте иное опредѣленіе наукъ, описывающей состояніе государствъ: тогда мы, читатели ваши, признаемся, что сочиненіе *Кирилова* не *Статистика* и не *старыйца* Статистика въ Европѣ. Предпринятый въ такомъ намѣреніи— (хотя, по обстоятельству, конечно не совершенный)—памятникъ Россіи временъ Пепровыхъ, спо льпъ бывшій подъ спудомъ, называется вы простою *росписью городовъ*, которая — де уже и напечатана давно. И это изъ одного негодованія на Г. *Погодина* . . . Следовательно

а) Подлинныя слова *Кирилова*.

вы, государь мой, всегда по обычаю вашему *говорите правду* и поступаете *добросовѣстно и благородно!*
Что и доказать надлежало!

(сообщено).

Москва.
1831 года.
Августа 29.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чпобы по оппечатапіи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва,
Сентября 18 дня 1831 года.

Ценсоръ С. Аксаковъ.

МОСКВА, въ ТИПОГР. ЛАЗ. ИНСТ. ВОСТ. ЯЗЫКОВЪ.

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ВСЕОБЩЕЙ ПИРАМИДЫ ЯЗЫКОВЪ.

(изъ Философіи Испоріи Ф. Шлегеля)

Языкъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ историческихъ документовъ человѣчества. Разнообразіе нарѣчій разсѣянныхъ по обитаемой землѣ, существенно связуется какъ съ всеобщей исторіею народовъ, такъ и съ исторіею отдѣльныхъ племенъ; и поному небезполезно сказать здѣсь объ этомъ нѣсколько словъ не для того, чтобы вникнуть болѣе, нежели сколько нужно, въ лабиринтъ неизчислимаго богатства языковъ, но для того, чтобы найти точку зрѣнія, съ которой можно бы было обозрѣвать сіе богатство, соотвѣстственно цѣли философической исторіи міра, такъ чтобы сей необъятный хаосъ смыкался бы по крайней мѣрѣ въ одномъ перспективнѣмъ попятіи. Крапчайшимъ къ тому способомъ, можешь быть, послужиобы, если бы

совокупность всѣхъ между людьми употребляемыхъ языковъ и составляющихъ оныя нарѣчій, представивъ въ видѣ одной пирамиды, которая бѣ состояла изъ трехъ ступеней, раздѣленныхъ такимъ образомъ по весьма простому началу.

Основаніе или нижняя обширная часть сей пирамиды должна состоять изъ языковъ, образованныхъ по большей части изъ односложныхъ коренныхъ звуковъ и словъ, вовсе не имѣющихъ грамматикъ, какъ языкъ Китайскій, или имѣющихъ только самую грубую ея начала, первыя, такъ сказать, предначертанія чрезвычайно простаго и несовершеннаго грамматическаго образованія. Число языковъ, принадлежащихъ къ сему классу или къ сему первому порядку, есть наибольшее; они болѣе другихъ распространены по всѣмъ четыремъ частямъ свѣта; и для того чтобы однимъ яснымъ понятіемъ объять ихъ цѣлость, едвали можно расположить и обозрѣть ихъ иначе, какъ по географическому раздѣленію на Сѣверно-и-Восточно-Азіатскіе, Американскіе, Африканскіе языки и. п. д. Китайскій языкъ въ эпоху сферъ можно почитать самымъ важнымъ и замѣчательнымъ; ибо онъ болѣе соотвѣтствуетъ характеру совершенно односложнаго языка, не имѣющаго настоящей грамматикъ, но припомъ съ та-

кою искусственностію развитъ и усовершенствованъ, какая полько возможна для языковъ подобнаго образованія. Это степень младенческаго для языка ; ибо первое лепешаніе младенцевъ обыкновенно начинаешся звуками односложными: вошь природы, выражающейя въ самыхъ простѣйшихъ понахъ; дѣтское подражаніе характериспическимъ звукамъ! Въ Кипайскомъ языкѣ сей первоначальный характеръ очевиденъ; хопя, въ послѣдствіе времени, степень младенческаго его, чрезъ искусственное начертаніе буквъ и высшее развитіе понятій, распростирилась до большей обширности и приняла направленіе совершенно условное. Вошь причина, по копорой не лзя, на основаніи буквъ, рѣзко и точно опредѣлить аналогію, существующую между возрастами жизни и эпохами умственнаго образованія.

Слѣдующую спунень нашей пирамиды должны занимать благороднѣйшіе языки втораго порядка; и сюда-то относятся споль много-различно и замѣчательно между собою соединенныя семейства языковъ : Индо-Персидское, Греко-Латинское, Готско-Германское. Здѣсь коренныя слова, по крайней мѣрѣ большаго частію, двусложны ; и чрезъ то получая внутреннюю существенную движимость, жизнь и производительность, даюшь мѣсто обильнѣйшему грамматическому развитію. Опличи-

шельный характеръ сихъ языковъ есть чрезвычайно искусственная грамматика, даже въ первоначальномъ образованіи языка, который бываетъ шѣмъ искусственнѣе и правильнѣе, чѣмъ ближе мы подходимъ къ его началу. Въ дальнѣйшемъ развитіи, сіи языки опличаются поэтическою полнобою и разнообразіемъ предсавительныхъ формъ, равно какъ съ другою стороны тонкостію опшѣнковъ ученой терминологіи.

Третья и послѣдняя ступень должна заключать въ себѣ такъ называемые Семитическіе языки: Еврейскій и Арабскій, съ родешвенными имъ нарѣчіями: они-то должны сосавлять вершину всей пирамиды. Извѣстно, что господствующее начало въ сихъ языкахъ то, что все коренныя слова должны соспаять изъ прехъ слоговъ, такъ что каждая изъ прехъ буквъ, образующихъ корень, счисается за слогъ и какъ слогъ выговаривается. Исключенія изъ сего правила остаются исключеніями, не сосавляя новаго правила. Не лзя сомнѣваться, что сія прехсложность коренныхъ словъ господствуетъ во всемъ языкѣ и его внушреннемъ спроеіи не безъ цѣли и не безъ отношенія къ какой-то таинственной знаменательности, предполагаемой, или по крайней мѣрѣ предчувствуемой въ эпоѣ прехсложности. По основному закону производства

самыхъ словъ, глаголь въ сихъ языкахъ занимаешъ первое мѣсто: изъ него извлекается все ; и эпо даетъ ихъ выраженію что-то быстрое, исполненное пламенной жизни. Но при подобномъ ограниченіи, конечно не можешъ имѣть мѣста такое обширное грамматическое развитіе и такое искусственное грамматическое успроеніе, какъ въ языкахъ вшораго порядка, ш. е. Индо-Греческаго произхожденія. Языки съ прехсложными коренными словами клоняся даже къ какому-то однообразію и никогда не могушь достигнуть ни шого поэпическаго разнообразія, ни шой шерминологической гибкости, какъ вышеупомянутые языки. Господствующій характеръ Семипическихъ языковъ состоиптъ, кажется, въ наклонности къ пророческому вдохновенію и глубокой символической знаменательности. Я говорю здѣсь собственно о языкѣ и его внупреннемъ составѣ, а не о духѣ, въ немъ выражающемся; и скажу еще болѣе, что сей характеръ, помнню самыхъ досшойныхъ крипиковъ, въ Арабскомъ языкѣ являешся въ шой же почпшени, какъ въ Еврейскомъ, хотя въ семъ дослѣднемъ имѣешъ совершенно иное направленіе и образованіе. И пакъ для высшаго духовнаго назначенія Евреевъ, для выраженія даннаго имъ опкровенія, языкъ ихъ уже самъ собою приличеспвоваль; и въ этомъ опноще-

шеніи Семипическіе языки могуць почипатиься вершиною цѣлой пирамиды языковъ. Но не лѣзя полагаць ихъ основою или корнемъ всего зданія, какъ думали многіе ученые древности.

Мнѣ кажеться, что при пончайшемъ наблюденіи Еврейскаго языка, можно усмопрѣшь, что онъ не весьма опдалень опъ семейства Индо-Греческихъ языковъ, и даже въ нѣкопорыхъ часпяхъ являеться имъ сродспвеннымъ; но эта сродспвенность при первомъ взглядѣ скрываеться за совершенно уклоняющимся спроеніемъ и совершенно различнымъ грамматическимъ образованіемъ. Вообще наше раздѣленіе не лѣзя приниматъ въ слишкомъ шочномъ и сиспематическомъ значеніи; мы должны довольспвоватъся тѣмъ, что чрезъ то для цѣлой совокупности получаемъ одну почку зрѣнія; но развитіе духа человѣческаго въ области языковъ шакъ обильно, измѣнчиво и многоразлично, что должно не иначе бышь постигаемо, какъ постигаеться возникновеніе жизни въ свободной природѣ, какъ постигаеться неправильное разнообразіе густаго лѣса или цвѣшущаго луга.

Къ языкамъ вшораго порядка, Индо-Греческаго происхожденія, опносятся шакже обширное племя Славянскихъ языковъ, которое съ прочими сосшавляеть чепвершній членъ сего

класса; однако шочнѣйшее рѣшеніе сего вопроса я предоставляю пѣмъ ученымъ, копорымъ сіи языки совершенно знакомы.

Есть еще множество среднихъ членовъ, особливо между впорымъ и прешымъ классомъ. Это и не могло бытъ иначе: ибо смѣшеніе народовъ и племень, господствующее во всемірной испоріи, не могло не разпространиться и на языки. Сюда наиболѣе относятся пѣ языки, кои не совсѣмъ односложны, но копорыхъ грамматическое образованіе или слишкомъ просто и несовершенно, или безобразно и даже искусственно-уродливо, или наконецъ исполнено противорѣчій и всякихъ нестройностей; таковы нѣкопорые Американскіе языки, которые слѣдственно не совершенно приближаются къ прешему и не совсѣмъ подходятъ ко второму классу. Большая часть Европейскихъ языковъ, сохранившихся опъ древнихъ временъ, принадлежатъ къ сему среднему классу, смѣшанному изъ двухъ классовъ, или занимающему между двумя классами средній порядокъ. Таковы языки Цельпскій, Гаэлическій, Финскій и другіе подобныя обломки древности, важные для всеобщаго изученія языковъ. Сюда часто вкрадывающіяся приспращенныя мнѣнія, поражаемыя папріопизмомъ или ученоспію, мнѣнія, копорыя дають поводъ къ односпорности взгляда или сужденія. Благо-

роднѣйшіе языки впрочемъ порядка давно уже одѣлались опечесивенными въ Европѣ и теперь совершенно господствуютъ. Другія опдѣльныя нарѣчія, копорыя мы возлѣ нихъ находимъ, или приближающія къ нимъ, но въ дальнемъ сродствѣ; какъ многія Цельпскія и Галлическія, или подходящія къ обширнымъ семействамъ Азіяпскихъ, а, можетъ быть, и Африканскихъ языковъ; ибо не возможно найсти собственно Европейскаго кореннаго языка въ эпоху часпи свѣпа, копорая, какъ младшая, въ испоріи древности занимаетъ послѣднее мѣсто.

По часпымъ, съ давняго времени существовавшимъ и безпрестанно возобновлявшимся историческимъ сношеніямъ между Сѣвornoю Африкою и южными берегами Западной Европы, особенно Гесперидскимъ Полуостровомъ, можетъ было полагать, что въ языкахъ, шамъ употребляемыхъ, сохранился сродство; а между тѣмъ самыя опышныя крипики и знапки находятъ въ Бискайскомъ языкѣ сродство не съ Африканскимъ, а съ Скиетскимъ корнемъ Финскихъ языковъ. Напрощивъ того, на Воспокѣ Европы, Мадарскій (Венгерскій) языкъ есть совершенно Азіяпскій, изъ числа тѣхъ, кои господствуютъ въ среднемъ поясѣ сей часпи свѣпа; въ грамматическомъ же опношеніи онъ имѣетъ аналогію съ другими языками, сродствешными

языкамъ высшаго порядка. Еслибъ въ заключеніи можно было сдѣлать предположеніе, что оно соснояло бы въ томъ, что ничто не можетъ болѣе способствовать къ полному обзорѣню цѣлой системы человѣческаго слова, къ тончайшему усмотрѣнію внутренней его основы и связи, какъ успѣхъ новообразующейся школы Египтологовъ, которая, при пособіи Коппскаго нарѣчія, изъ гіероглифовъ почерпнетъ починѣйшее познаніе, или по крайней мѣрѣ относительно превосходнѣйшее понятіе о древнемъ Египетскомъ языкѣ. И еслибы осмѣлились опыскивать поперянный или изсякшій испочникъ первоначальнаго языка, то для того надлежало бы выпши со всѣхъ чепырехъ споронъ вселенной и, дабы приблизиться къ древнѣйшему и внутреннѣйшему средоточію человѣческаго слова, изученіе Индійскаго и Еврейскаго языковъ соединить съ починѣйшимъ испынаніемъ языковъ древняго Кишайскаго и древняго Египетскаго.

съ Немец. Н. Огдревъ.

II.

КЪ ГОРНОЙ РЪЧКЪ.

Широкая ленша! Синяя ленша!
 Куда, извиваясь, бѣжишь?
 Подъ жемчугомъ пѣны, клубясь и сверкая,
 Бѣжишь ны къ спеклянному, синему морю.

»Я не ленша! я горная рѣчка;
 Синью въ берегахъ и бѣлью,
 Опъ синяго неба, опъ пѣны пушистой,
 И радуги въ пѣнѣ играюшь!«

Сшелсь же леншою! мнѣ сладко въ вечеръ свѣжій
 Идти къ тебѣ и видѣть съ высоты,
 Какъ погружаются въ тебя серебряныя мрежи:
 И погружаюсь я въ неясныя мечны.

Ө. Глинка.

III.

ТРИ ЕЛЕНЫ.

ПОВѢСТЬ.

(Гериха Циошке)

ГЛАВА I.

БѢГСТВО.

Ландекъ, 23 Июля 1819.

Изъ любви ко мнѣ, добрый мой Иеремія, съ удивленіемъ разсмащриваешь ны карпу. »Гдѣ эшоць Ландекъ?« говоришь ны; »вѣрно Франць

съ ума сошелъ , чпо опправился въ луну опыскивать свой разсудокъ. «

Нѣтъ, я здѣсь , къ полному моему удовольствію , и , дастъ Богъ , пуцусь далѣе , если придетъ охопа. Ландекъ въ Тироль.

Теперь нѣтъ мнѣ дѣла ни до пешушекъ , ни до братцевъ и сесприць , оставшихся въ нашемъ городкѣ ! Воображеніе эпихъ людей заключено въ проспранспвѣ , отдѣляющемъ дома ихъ одинъ опъ другаго ! Имъ кажется , чпо верхъ славы и счастья жипъ , подобно имъ , въ шемномъ мѣщанскомъ бышу ; а мнѣ пакая жизнь пропивнѣе всего на свѣпѣ. Я хочу быпъ гражданиномъ вселенной , и желаніе мое исполняется.

Горькими слезами буду оплакивать шеспъ поперянныхъ мною лѣпъ ! Сердце и душа не живушъ , прозябаюшъ въ пѣсномъ проспранспвѣ небольшого города , гдѣ люди , каждый Божій день , движущся одинаково ; гдѣ поюшъ и болшаюшъ сегодня , какъ пѣли и болшали наканунѣ. Мысли пухнушъ въ эпомъ глупомъ , ушомипельномъ однообразіи ; вселенная исчезаетъ для глазъ жипелей ; они—куклы на пружинахъ ; самъ Творецъ не можетъ являться имъ во всемъ Своемъ величіи. Такая жизнь не могла мнѣ нравиться , и я усшремился въ міръ дѣшельный , чпобъ жипъ полной жизнью ; взялъ

почтовыхъ лошадей , и день и ночь мыкался по Германіи. Наконецъ , что погруженный въ мечту , по бодрствуя , доѣхалъ до Фельдкирха ; гдѣ спалъ на постояль въ первый разъ съ самаго дня отъѣзда.

«Куда изволите ѣхать?» спросилъ меня смошрипель почтовой станціи ; «въ Блуденць , на Арлбергъ?»

—»Разумѣется , « опивчалъ я , весьма довольный этимъ маршрутомъ , о которомъ не имѣлъ понятія , и взялъ карпу.

«Дѣло въ паспортѣ ; позвольте взглянуть на него , « продолжалъ смошрипель.

Я поспѣшь подаль ему свой видъ для доказательства , что я ни опасный демагогъ , ни банкротъ , ни контрабандистъ.

Полно ; милый Геремія , расхваливать высшую степень Европейскаго просвѣщенія ! Въ наше время честнаго человека принимаютъ вездѣ , какъ плуша , куда онъ не докажетъ своей невинности законнымъ порядкомъ. Въ спарину не знали этого принужденія. Оно выдуманно въ новѣйшія времена и , служба конечно полезнымъ средствомъ къ задержанію нѣсколькихъ негодяевъ , честныхъ людей сжестоканно подвергаютъ прижимкамъ полицейскихъ служивцевъ.

Я , мой другъ , вооружаюсь не противъ шо-

го, что хорошо, а что слишком хорошо; попому что оно-то и есть самое худшее; я всегда почипаль неограниченную свободу новымъ родомъ рабства, а преувеличенный порядокъ—нарушеніемъ порядка естественнаго.

Фельдкирхъ лежитъ въ простѣранной долинь, посреди ужасныхъ флелькалькскихъ горъ, коихъ шуманныя вершины перяются въ облакахъ; долина испещрена пасбищами, небольшими полями; засѣянными пабакомъ, овсомъ, ипаліанской пшеницей, карпофлемъ и ячменемъ. За Блуденцомъ исполинскія горы еще болѣе сближаются; хлѣбопашество исчезаетъ; съ скалистыхъ вершинъ спянуся узкія, какъ серебро бѣлыя, лены: это водопады.

Черезъ Арлбергъ проложена прекрасная дорога; я выѣзъ изъ коляски и пошелъ на гору пѣшкомъ.

Здѣсь я невольно остановился, чтобъ надивиться и насмотрѣться. Что значить кабинеты Естественной Испоріи нашихъ вельможъ, въ сравненіи съ этими чудесами пворенія, съ крупными вершинами эпихъ извесковыхъ скалъ, копорыхъ темные, позлащенные бока увѣнчаны мѣлкимъ плющемъ, съ яркоголубыми цвѣтами и розовыми кустами?

Душевно сожалѣю о тебѣ, добрый Іеремія!

Соберись съ духомъ ! Вырвись наконецъ изъ подъ темныхъ сводовъ своей копоры; приди насладиться величественной, поржественной тишиной, царствующей на Альпахъ; здѣсь только поймешь ты, что значить быть человекомъ и жить въ области Бога.

Я чувствовалъ себя счастливымъ въ первый разъ во всѣ шесть лѣтъ; я былъ наконецъ одинъ, потому что почпальонъ и проводники были въ глазахъ моихъ машинами.

Когда, взобравшись на гору, я вошелъ въ Нассерепъ, люди, копорыхъ встрѣчалъ я, казались мнѣ не только неприятными, скучными, но даже вовсе спранными. Я исполненъ былъ красотъ природы, и видѣлъ въ нихъ одно безобразіе и безвкусіе. Они смѣялись надо мной, я смѣялся надъ ними. Среди лѣпа, женщины и дѣвки въ полспыхъ шерстяныхъ чулкахъ, сдѣланныхъ изъ черной или темной байки, въ два пальца толщины! По счастью я скоро опять очутился въ уединеніи, спускаясь съ горы узкою пропинкой, съ противоположной стороны: влѣво, колеса едва не касались златиспой подошвы скалъ, гладкихъ, какъ мѣдь; вправо лежала подо мною глубокая пропасть, въ копорую низвергались быспрыя волны Розанны, пѣнясь на мягкой муравѣ. Моя коляска съ прескомъ капилась по краю бездны, ничѣмъ не огороженной; но лошадьми правила искуская рука смѣльшаго изъ Тиролецевъ.

Еще немного—и горы раздѣляются и для глазъ новое зрѣлище; предъ ними: кругообразная долина, обнесенная горами, холмы, скалы, поля и лѣса, разбросанные въ живописномъ безпорядкѣ; въ право—деревня на берегу Инна; соломенные крыши ея домовъ укрѣплены прошивъ усилій бури огромными камнями; на ближней горѣ церковь; далѣе, развалины стариннаго замка съ чепырьмя высокими башнями: это Ландекъ.

Скажи двоюроднымъ сесприцамъ и браггцамъ, что я позволяю имъ цѣлые три мѣсяца пѣшшиться на мой счетъ; они меня больше не увидяшь. Тебя же, мой милый, тебя, копорого жестокая судьба заключила въ пѣсную раковину бѣднаго мѣщанскаго быша, я еще увижу, долженъ увидѣшь, не въ спѣнахъ, или подъ кровлей нашихъ душныхъ жилищъ, но среди Альпъ, на высокой горѣ, въ уединеніи, гдѣ никого не будешь, кромѣ Бога, тебя и меня!

А увижу ли я хорошенькую дочь нашего сборщика подашей—эпу Елену, лучшее произведеніе природы, но ахъ! обезображенное свѣтскою жизнью? Нѣтъ, не хочу ее видѣшь! Черезъ нѣсколько лѣтъ эшопъ цвѣшокъ завянетъ; и что опъ него останется?

Не жалко ли существо, копорое, не заботясь о нравственномъ своемъ усовершенствованіи,

ваніи , думаешъ только о томъ , какъ бы прелесни свои пуснишь въ большіе проценты , копорые богачъ будешъ уплачиванъ ей пышными домами , модными уборами , пинлами , экипажемъ , лошадыми , боспонными и висповыми вечерами! Прощай!

ГЛАВА II.

НАЗВАННАЯ СЕСТРА.

Вельсь 6 Августа, 1819.

Проѣхавъ нѣсколько деревушекъ , пуспырей и лѣсовъ , я прибылъ въ Инспрукъ. Вправо и влѣво пянупся обширные лѣса , и мѣстами видны разбиныя скалы и горы , обрушенныя не одними крылами времени , какъ говорятъ поэты , но и безумнымъ невѣжеспвомъ чловѣка , копорый поспепенно уничтожая защищающіе его лѣса и возвышенности , изсушаетъ испочники водъ и лишаетъ землю плодородія. Не чловѣкъ , одна природа можепъ вновь созидать то , что разрушила.

Временемъ встрѣчались мнѣ Тирольскіе охопники въ щегольскихъ плашьяхъ , и миленькія креспяночки , въ праздничномъ уборѣ; глазки ихъ , изъ - подъ круглыхъ , войлочныхъ шляпокъ , горѣли желаніемъ нравиться : это опѣнки каршины.

Миновавъ Зирль, я ѣхалъ вдоль упесистой скалы, называемой *Мартыновой Стѣной*. Я смотрѣлъ на нее очень равнодушно, не взирая на то, что часто у подошвы ея бывались между собою Французы, Баварцы и Тирольцы, и что однажды Императоръ Максимилианъ заблудился на ея вершинѣ. Большая часть того, что называюшъ достопримѣчательнымъ, есть сущій вздоръ и не можетъ занимать меня. Люди менѣе всего обращаютъ вниманіе на подвиги мудрости и великодушія, слишкомъ между ними рѣдкіе; впрочемъ не отъ излишней скромности.

Положеніе Инспрука въ долинѣ красиво; но городъ самъ по себѣ ничего не говоритъ. Въ немъ видны слѣды прежней столицы; но на меня онъ производитъ поже дѣйствіе, что старое придворное плащье.

Когда я пришелъ въ Соборъ, чтобы видѣть памятникъ, воздвигнутый Императору Максимилиану, мой чичероне указалъ мнѣ на домъ, передъ которымъ поставленъ былъ флюгеръ, какъ и въ нашемъ городкѣ бываетъ передъ каждой лавкой; онъ думалъ, что флюгеръ диво, потому что позолоченъ.

Я почти испугался, когда, вступивъ подъ молчаливые своды Собора, гдѣ не было ни одного живаго существа, кромѣ насъ, уви-

дѣлъ по обѣимъ споронамъ челоуѣческія подобія, смуглыя, спояція неподвижно, и сверхъ еспешвеннаго роста. Мнѣ казалось, что вижу пѣни древнихъ временъ и слышу шопотъ пѣхъ, прахъ коихъ, можешъ бытъ, сокрытъ былъ подъ моими ногами. Эпо изваянія двадцати или тридцати древнихъ Князей и Княгинь Тирольскихъ, въ старинномъ облаченіи. Они, при полусвѣтѣ храма, сильно дѣйствуютъ на воображеніе. Тѣмъ менѣ казался мнѣ памятникъ Максимилиана, на которомъ изображены его главныя добродѣтели и подвиги. О суета міра!

Въ Инспрукскомъ Соборѣ естъ сокровище, для меня болѣе драгоцѣнное. Тамъ явился мнѣ прелестный образъ, меня преслѣдующій. Я вспрѣшилъ здѣсь милую мою землячку, которая, подражая бабюшкѣ своему, сборщику подашей, цѣнитъ дружбу на вѣсь золота, и хочешъ дѣлать торгъ обороты сердцами; вспрѣшилъ здѣсь, но благороднѣе, выше ея самой.

Взглянувъ на большее углубленіе позади крилоса, я подумалъ, что вижу ее; проводникъ сказалъ мнѣ, что эпо памятникъ, воздвигнутый изъ блага мрамора прелестной Филиппинѣ Вельзѣрь, супругѣ Канцлера Фердинанда Австрійскаго, которая она такъ прославила.

Милый Іеремія ! не предспавляй себя льстивой, но жалкой выдумки Кановы, поспавленной надъ гробомъ Принцессы Саксен-Тешенской въ Августинской церкви, въ Вѣнѣ; ни разбилаго камня, покрывающаго Гиндельбанкову могилу, на который кидается съ ребенкомъ молодая, спрасстная женщина, какъ будто хочеть вживѣ похоронить себя; нѣтъ, Іеремія, не думай ни о смерти, ни о могилѣ—но предспавь себя прелестную, легко одѣшую женщину, лежащую на бѣломъ мраморѣ, съ закрытыми глазами, какъ въ Евангеліи опроверковица Іаирова, о которой Господь сказалъ: *«не умре, но спитъ!»*

Вошь какъ должно бы изображать смерть—сладкимъ сномъ! Воображеніе Грековъ не могло породить отвращительнаго скелета съ косой и съ клепсидрой; нѣтъ, его родило мрачное, грубое сѣверное воображеніе!

Предспавь себя мое удивленіе, когда, въ образѣ Филиппины, я узналъ Елену; я видѣлъ шуже крошосиль, шже небесное спокойшвіе, шѣже восхишительныя прелести; но вмѣсто взоровъ живыхъ, зеркала души—холодный, неподвижный взоръ смерти.

Когда я коснулся до ней, дрожь пробѣжала по моему шѣлу; чѣмъ болѣе вглядывался я въ нее, шѣмъ достойнѣе жизни она мнѣ казалась, Ахъ! за чѣмъ ништо въ эту минуту не могъ

сказать ей: *»отроковица, возстани! «* и *возвратися духъ ея и возста! . .*

Мнѣ казалось, что грудь ея волнуется подъ покровомъ, на нее накинута рука. Я вышелъ, вздыхая. Бѣдная Елена!

Я уѣхалъ, грустная и мечтая. Сирена, орошаемая Инномъ, казалась мнѣ однообразна и скучна. Ни шумный Галль, ни печальный Швацъ, начинающій подыматься изъ пепла, не обращали на себя моего вниманія.

Но вскорѣ опять окружила меня прекрасная, просшая природа, не искаженная еще рукою челоуѣка, и улыбнулась мнѣ въ окрестностяхъ Золя.

Солнце садилось, когда я вѣзжалъ въ эту поэтическую спорону. Блещащія свѣжестію поля, хижины, прикрытыя садами, и опдаленный холмъ, на конторомъ возвышается замокъ, какъ бы сооруженный феями, позлащены были послѣдними лучами вечерняго солнца, отражавшагося въ волнахъ рѣки, каплящейся съ горы. Мѣстами виднѣлись полунагія, румяныя дѣти и женщины пріятной наружности: но могутъ ли онѣ казаться красавицами подъ войлочными шляпками? Нарядите Афродитѣ во множество юбокъ, шер-

спяныя чулки, коническую шапку Тирольки— и Афродита покажется безобразною.

Я приѣхалъ въ Зальцбургъ въ полдень. Другъ мой! эшотъ городъ похожъ на Филиппину, споящую надъ ея могилой: прелеспень и мерпвь. Безмолвные дворцы, обширныя, но нусныя площади, и кругомъ величеспвенная природа. Опсюда опкрывается взору необъяпная перспектива, заключаемая исполинскими горами, разныхъ формъ и видовъ. Вообще видно по великолѣпю города, что онъ построень духовными.

Жипели Зальцбурга показывали мнѣ за диво спроенiе, какого спраннѣе и глупѣ бышь не можешъ: эшо амфитеатръ темный, грязный, сырый, выдолбленный въ скалъ, образующей скамьи, ложи и дверь; сколько прудовъ безъ цѣли и пользы! Не помню имени Паспыря, копорому пришла такая жадкая мысль среди природы прелеспной и величеспвенной, и копорый прапилъ деньги подвласпныхъ ему людей на вещи споль безпольныя и вовсе некрасивыя. О! еслибы онъ зналъ, какъ я, нищету царспвующую въ большей части хижинъ! Но эти люди живутъ не для другихъ, а для себя сполько. Онъ нашель даже льспецовъ; прославившихъ его предпріаніе. На скалъ высъчены слова: *saxa loquuntur*

(камни вѣщаютъ). Пуспъ же камни, или лучше, каменосѣчцы и благословляютъ его! Онъ вѣрно и не желалъ болѣе.

Мнѣ до того наскучилъ городъ мертвецовъ, что я выѣхалъ изъ него ночью. По утру очутился я въ Фольклабрюкѣ. Былъ воскресный день; поселяне шли въ церковь изъ всѣхъ окружныхъ деревень: мужчины и мальчики въ черныхъ курпкахъ, круглыхъ шляпахъ, крошкѣмъ исподнемъ плащѣ и въ синихъ или бѣлыхъ чулкахъ. Дѣвушки и женщины въ черныхъ длинныхъ плащяхъ и хорошенькихъ корсешцахъ; онѣ имѣютъ вообще легкой станъ, прекрасныя черпы лица и прелесныя глаза. Эти женщины не ближе, какъ около Вельса, перемѣняютъ головной свой уборъ на легкіе плапочки, желтаго или краснаго цвѣта, кошорыми очень мило повязываютъ голову; костюмъ ихъ лучшій во всей Германіи. Для него я ѣхалъ шихо, и оспанавливался въ каждой госпинницѣ, покуда не успѣлъ нарисовать хорошенькой поселянки въ ея національномъ уборѣ.

Ночью я приѣхалъ въ Вельсъ, и лишь шолько выскочилъ изъ коляски, подбѣжала ко мнѣ молодая дѣвушка, запыхавшись, съ разпростертыми объятіями; съ жаромъ поцѣловала

меня въ губы и въ полголоса прошептала мое имя: »Францъ, милый Францъ!«

И въ семдесятъ лѣтъ не откажешься опъ такого привѣспивія: такъ мнѣ ли было опказываться въ двадцать девять? Я опвѣчалъ на удачу поцѣлуями на поцѣлуи, объспіями на объспія, и думалъ, что это не иная кто, какъ Елена, лишившая сердце мое покоя.

Но за чѣмъ она здѣсь? Какъ могла такъ скоро приѣхать? Какъ узнала, что буду сюда? Не хочеть ли снова заключить меня въ свои оковы? Нѣжно прижималъ я ее къ сердцу. Въ эту мину спуги съ свѣчами подошли къ дверямъ госпинницы, и женщина среднихъ лѣтъ, въ дорожномъ плащѣ, пропинула ко мнѣ руки; но вдругъ, измѣнившись въ лицѣ, вскрикнула: »Елена! Елена! это не онъ!«

Такъ это не она, подумалъ я; еще Елена, но не моя землячка. Елена не опвѣчала. Прекрасное, кропкое лице ея лежало на моей груди; она была въ обморокѣ, неподвижна, какъ Филиппина Инспрукская. Сопровождаемый вспревоженной маперью, я опнесъ ее въ комнату, гдѣ приготопвленъ былъ ужинъ на троихъ. Тутъ я узналъ, что не меня ожидали, а брата Елены, возвращавшагося изъ Зальцбурга, и на вспрѣчу копорому путешественницы мои выѣхали въ Вельсъ.

Дѣвушка опомнилась. Когда обморокъ кончился, она открыла глаза и, прощипнувъ ко мнѣ руки, произнесла слабымъ голосомъ :
»Франць ! «

— Это не онъ, дитя мое, сказала мать.

— »Извините, сударыня« — ошвѣчалъ я : »я шочно Франць. «

— Еще спираниѣ, продолжала мать, что вы совершенно похожи на нашего Франца. Попому-шо и не удивительно, что она обмануша была темношой и неперпнѣемъ видѣшь брата. Я шочно шакже моглабъ ошибшься.

Мы еще продолжали разговаривать—(Елена молчала и не смѣла поднять глазъ) — какъ вдругъ подѣхала коляска къ ворошамъ и ошпановилась. Елена, поставивъ спаканъ воды, кошорый поднесла было къ губамъ, сказала : »вопъ онъ!« Мать вспала, дверь ошворилась, и молодой человекъ моего роспу кинулся въ ея объанія. Попомъ братъ обнялся съ сешпрою. Но въ дѣвушкѣ не было замѣшно прежней пылкости ; не знаю, удерживало ль ее присушествіе посторонняго человека, или она испощила на мнѣ, недосшойномъ, весь пылъ своего воспорга.

Я бы ушелъ, еслибъ новые знакомцы мои, въ пылу радости, могли слышать, что я

нѣсколько ужь разъ прощаюсь съ ними. Наконецъ, успокоясь, мать и сынъ пребовали, чшобъ я раздѣлилъ съ ними ужинъ, имѣя право на ихъ благодарность. Братецъ мой по имени хохопаль, какъ сумасшедшій, когда мать рассказала ему про ошибку Елены, а бѣдняжка, сидя на софѣ, краснѣла; какъ уличенная въ преспуленіи.

За ужиномъ, объявивъ имя мое и родину, я узналъ въ обмѣнъ, чшо мать и дочь живутъ обыкновенно въ Песпѣ, въ Венгріи; чшо онѣ на время пріѣзжали, въ Вѣну, и опшуда опсправились на встрѣчу сына и брата, съ копорымъ шеспъ лѣтъ не видались. Мать, въ воспоргѣ радости, говорила много, сынъ еще болѣе. Елена и я молчали; она, не знаю по какой причинѣ; я же попому, чшо поцѣлуй горѣлъ еще на моихъ губахъ. Прекрасная Елена, нѣкогда воспламенившая любовью наспуха горы Иды, и за копорую вся Греція ополчилась, вѣрно была не прекраснѣе этой Елены.

Наконецъ любовь къ брату, вино, и нашъ примѣръ распворили коралловыя губки красавицы. До сихъ поръ не знаю, больше ли души въ глазахъ ея, или въ пріятномъ голосѣ; шолько каждый звукъ ея опзывался въ моемъ сердцѣ. Скоро попомъ мы начали обходипься другъ съ другомъ безъ всякаго принужденія;

казалось; она забыла, что ошибкой цѣловала меня, и я осмѣлился величать себя названнымъ ея брашцемъ.

Такъ, въ слѣдъ за эшимъ прелестнымъ вечеромъ, прошли три незабвенные дня.

Не брани меня, милый другъ, если скажу тебѣ, что я, празднлюбѣцъ по склонности, былъ очень доволенъ пребываніемъ моимъ въ Вельсѣ, гдѣ могъ разгуливать по берегамъ Трауна, покрытымъ множествомъ фабрикъ, рука объ руку съ милой, нареченной сесприцей. Здѣсь ведутъ большой споръ лѣсомъ, и все кажется мнѣ деревяннымъ, кромѣ пылкой души моей Елены.

ГЛАВА III.

отъездъ.

Вѣна, 13 Августа, 1819.

Что въ силахъ прошивишься влеченію природы? Какъ сильна паинспвенная ея власшь надъ нами! Нѣтъ сомнѣнія, что въ любви есть что-то благороднѣе инстинкта, влекущаго живошныхъ къ живошнымъ. Для того, что любимъ, одна мысль о такомъ взаимномъ влеченіи кажется уже оскверненіемъ свящынни.

Не удивительно, что прекрасная Елена Вельская разшевелила мое сердце. Красота

имѣешь свои права—(не восхищался ли я морской спапуей въ Инспрукъ?)—приятность разговора еще болѣе увеличиваетъ власть ея, а свойства души доброй и честной лишаютъ возможности ей пропивиться. Однакожь я любилъ не съ пылкостью любовника. Покровъ паниспвенности все довершилъ. Теперь я спрашно влюбленъ. Слушай.

Въ четвертый день, по приездѣ моемъ въ Вельсъ, проснувшись послѣ приятнѣйшихъ сновъ, увидѣлъ я, что изъ-подъ двери моей комнаты выглядываетъ листокъ бумаги, взялъ его и прочелъ:

«Простите, другъ мой! я погибла, я несчастна; все для меня кончилось. Будете благополучны. Молю Бога за васъ, молилась и вы о сестрѣ вашей Еленѣ.»

Эти спроки изумили меня; я напрасно спарался разгадать ихъ смыслъ. Одѣвшись наскоро, я позвалъ слугу. Его хладнокровіе меня успокоило: не могло случиться несчастія. Освѣдомившись о миломъ семействѣ, я узналъ, къ величайшему огорченію, что мать, дочь, сынъ и служанка уѣхали ровно въ одиннадцать часовъ: мать и дочь съ заплаканными, красными отъ слезъ, глазами; сынъ и служанка съ невеселыми лицами. Они молча сѣли въ карету и поѣхали по дорогѣ къ Линцу.

Я ничего болѣе не могъ узнатьъ : никто , уѣзжая , не проспился со мной . Другъ мой ! я чуть съ ума не сошелъ ; и для того прибѣгнуль къ обыкновенному моему средству спасенья въ такихъ случаяхъ голову опть разспроисва , ш. е. приняль на себя видъ совершеннаго равнодушiя и пилъ кофiй съ семействомъ хозяина , чпобъ быль съ людьми ; копорые бѣ за мной замѣчали ; ибо топъ , за кѣмъ наблюдаюптъ , гораздо больше имѣеть надъ собой власти , нежели человекъ , оставленный самому себѣ на произволь . Я взяль почповыхъ лошадей и успѣль наконецъ быль въ самомъ дѣлѣ таковымъ , какимъ хопѣль казаться .

На первой станци справлялся я о моихъ бѣглянкахъ , но безъ пользы : ихъ не видали ни ночью , ни по утру . На впорой также ничего не узналь . Я приѣхаль въ Линцъ и проѣхаль черезъ него съ равнымъ успѣхомъ .

Такiя встрѣчи въ дорогѣ дѣло обыкновенное , подумаль я , вздохнувши ; это происшествiе не можетъ имѣть послѣдствiй ! и спарался забыть объ немъ .

Остановясь въ Молькѣ , опть нечего дѣлать взошелъ я на холмъ близъ монастыря ; съ него прелестный видъ на Дунай , волны которого плещуптъ подъ тѣнью лѣсовъ и дробящ-

ся о романпическія развалины Пехларна, прославленнаго въ пѣсняхъ Нибелунговъ, за то, что въ немъ живаль неуспрашимый Рюдигеръ.

Монахъ, казначей монаспырскій, очень вѣжливо показываль мнѣ собраніе рукописей. Оно тебя займетъ менѣе, нежели поштъ, кпо ее показываль. Эпоштъ монахъ съ важностью ввелъ меня въ парадныя комнашы, и въ одной изъ нихъ обрапилъ мое вниманіе на пшпнышко, вызженное на свѣшло налощенной полу.

»Жаль, « сказалъ я; »но эпо очень легко вывеспъ.«

— Избави Боже! опвѣчалъ монахъ. Наполсонъ жилъ въ эпой комнашѣ. Здѣсь получилъ онъ однажды депеши, зажегъ на свѣчкѣ и бросилъ на полъ, гдѣ онъ и догорѣли.

Вопъ съ какимъ раченіемъ добрый спарець бережетъ вызженное на полу пшпно, какъ лучшее украшеніе комнашы, копорую называешъ *Залой Императора*. Однакожь Наполеону случалось оспавляшъ въ память о себѣ пожары позначительнѣе.

Другъ мой! не дыпи ли люди?

Ничшо ипакъ не забавляло меня на пуши въ Вьну, какъ повозки, называемыя *Zeiselswagen*, копорыя постоянно опправляются изъ Австріи въ Баварію, и очень удобны для всякаго рода

пупешеспвенниковъ. Предспавъ себъ оіромную проспниковую повозку, наполненную селомой и накрытую шапромъ, подъ копорымъ лежатъ, гдѣ попало, мужчины, женщины, дѣти, какъ пелица, когда ихъ везутъ на рынокъ. Мнѣ спрахъ хочется прокапипсь въ такомъ экипажѣ. Разнообразіе общеспва должно бытъ очень забавно; припомъ же ѣдешъ день и ночь. Неспремѣнно доставлю себъ это удовольспвіе на возвращномъ пуши изъ Вѣны.

Я въѣхалъ въ Имперскій городъ поуспру; погода была прекрасная. Городъ самъ по себъ малъ, но, какъ иногда луна окружена кольцомъ, такъ онъ окруженъ безчисленными предмѣспіями; проспирающимися на полчаса ѣзды.

Чемоданы мои запечатали еще на границѣ, слѣдспвенно я не могъ распорядитсь своимъ добромъ. Здѣсь начали раскрыватъ ихъ ударами молота, чпобъ увѣрпсь, нѣтъ ли въ нихъ запрещенныхъ товаровъ; по счаспію два клочка ходячей бумаги остановили дѣятельные пальцы вѣрнаго приспава, которій сказалъ мнѣ: »вижу, чпо у Вашего Превосхотельспва все въ исправности.«

Хлопопливость хозяекъ Вѣнскихъ домовъ поразила меня при самомъ въѣздѣ въ сплицу. Женщины, по большей частіи очень хо-

рошо одѣпяя , съ служанкой , или однѣ , ходили по рынку , наполняли корзинки свои овощами и возвращались домой съ парой цыплятъ или крикливыхъ куриць въ рукахъ.

Я видѣлъ Парижъ и Берлинъ , и въ самомъ разврашѣ большихъ городовъ находилъ что-то умное , развязное въ образѣ жизни , въ нравахъ и желаніяхъ людей , даже низшаго класса. Тамъ мыслятъ , чипають , имѣють припязанія на умъ , на разумокъ , или наконецъ на чувствво. Любовь , полиплика , моды , вѣра , науки служатъ обыкновенными предметами разговоровъ , между пѣмъ какъ въ нашемъ городишкѣ , другъ мой , пы знаешь , говорятъ полько о погодѣ , свадьбахъ и креспинахъ.

Здѣсь , кажешся , любятъ одно сущеспвенное , начиная опъ вѣры , до пици и пипя. И эпо называютъ удовольспвіями жизни!

Ввозъ имоземнаго шабаку , мыслей и всякаго рода издѣмій строго запрещень , *Австрійскій Наблюдатель* почишается оракуломъ въ полипикѣ ; нѣтъ города въ мірѣ счаспливѣе Вѣны. Здѣсь вѣрують , ѣдятъ и пють.

Съ приѣзду моего я успѣлъ осмопрѣшь Люксембургъ , Шенбруннъ , Бельведеръ , каршиння галлерей , фарфоровую фабрику , арсеналь , сады , кабинетъ Еспеспвенной Испоріи , театры ; объдамъ въ Праперъ и Аугарпенъ ; по-

помѣ обходилъ казино, пракширы, церкви, библіотеки, мѣщанскія собранія и пр. и пр. и все пущь.

Вѣна прекрасное мѣспопребываніе для чело-вѣка, предпочитающаго свободу мыслишь свободѣ выражаешь, уединеніе и праздность ума бесѣдамъ умнымъ и наславительнымъ.

Мнѣ же, праздному, всего пріятнѣе гуляшь по берегамъ Дуная, сложа руки. Люблю смотрѣшь, какъ множество лошадей плянепѣ вверхъ по рѣкѣ большія лодки; или, вечеромъ, мѣшаясь въ толпы народа чернаго и знашнаго, смотрю на блестящіе погѣшныя огни, и на погѣшныя разнообразныя лица, меня окружающія. Тупь солдапы и Венгерскіе студены, отъ двадцати до тридцати лѣтъ, въ монашескихъ голубыхъ рясахъ и прехугольныхъ шляпахъ; здѣсь, служанки и государспвенные чиновники; шамъ Турки и Греки, въ воспочномъ одѣяніи, съ чалмами на головахъ и длинными шрубками во рпу.

Иногда брожу въ Праперѣ, подѣ тѣнью спарыхъ липъ, зубовъ и шелковиць, по аллеямъ, гдѣ на каждомъ шагу вспрѣчаю кофейныя дома, балы и разныя забавы, на копорья приглашающѣ меня громкіе звуки шрубъ.

Вопѣ послѣднія мои спироки изъ Вѣны. Все гопово къ опѣзду въ Венгрію, а, можешъ

быть, и на берега Чернаго Моря. Пашпортъ и финансы въ исправности. Въ Венгріи не жалуютъ Вѣнскихъ ассигнацій, и мало знаютъ Нѣмецкія деньги, попому-то и запасся я двадцати-крейцеровыми монетами.

Ты дивишься и спрашиваешь, что могло заславить меня ѣхать въ Венгрію? Видѣніе въ Прагеръ.

»Что путь показываютъ?« спросилъ я у выходившихъ толпою людей изъ домика въ видѣ рощонды.

—»Камер - обскуру, въ которой видѣнъ почти весь Прагеръ.«

Надо посмотреѣшь, подумалъ я, и вошелъ. Пройдя нѣсколько спуенекъ, очутился я въ небольшой, темной комнатѣ, передъ споломъ, вокругъ котораго спояло нѣсколько человекъ. Взглянувъ пуда, я увидѣлъ передъ собою живою видѣ Прапера, ярко освѣщенный лучами солнца. Зрѣлище это нѣсколько минутъ меня занимало. Хотя цвѣты въ камер - обскурѣ слишкомъ рѣзки и пѣни черезъ чуръ черны; но вся картина, на которой въперокъ шевелишь лиспьями деревъ, а люди и живописныя движущся какъ въ природѣ, поражаетъ и нравился, попому что обманъ намъ всего милѣ.

Покуда я размышлялъ такимъ образомъ, новыя лица явились на сцену, а именно: двѣ женщины и двое мужчиць, которые казались

шакъ велики и шакъ ясно были видны, какъ будто находились въ самомъ близкомъ разстояннн опъ камер - обскуръ. Они оспановились шупъ словно нарочно, члробъ увеличншь наше удовольствнн и всшупншь въ разговоръ между собою. Объ женщины спали пропнвъ мужчннъ ; спаршая, по вндрнмому, говорила съ жаромъ ; младшая пошупила голову и чершнла на пескъ зонпнкомъ ; одннъ изъ господъ грознлся на нее кулаками ; другой, судя по движенню рукъ, кошорья шо пропнпывалъ, шо подымалъ и снова опускалъ вннзъ, старался помирншь нхъ. Вдругъ молодая подняла глаза къ небу, съ выраженнемъ глубокой печали. Другъ мой! шо была Елена Вельсская, она—вымншая. Тупъ я узналъ въ другой женщннъ машь ея, а въ мужчннъ, грознвшемся на нее, ея брата. Чшо же касается до примрншела, пошлага человъка въ щегольскомъ плашь, у кошораго галспухъ доходнлъ до огромнаго носу, я его ннкогда не вндывалъ и не знаю.

Между шъмъ, какъ другнн забавлялись на нхъ счешъ, я споялъ какъ окаменъмый ; сердце мое бнлось, какъ бы хошьло выпрыгнушь изъ груди, а глаза неподвнжно успремлены были на образъ Елены. Мнъ хошьлось поговорншь съ него, вмъшанъся въ нхъ ссору.

Какъ мы бываемъ нногда глупы ! Вмъспо

того, чпобы выдпи и ошыскашь ее, я оставался подлѣ камер - обскурѣ, вслушиваясь глазами въ ихъ разговоръ, и погда только выбѣжалъ изъ комнашы и бросился съ лѣспницы, когда онѣ исчезли между деревьями ; но шамъ были совсѣмъ не шѣ люди, которыхъ я видѣлъ на карпинѣ : аллеи пѣянулись по всѣмъ направлѣнїямъ: гдѣжь искашь мою Елену? Трудно было угадашь ! Я бросался и вправо и влѣво, какъ гончая собака, озираясь во всѣ спороны. Обѣгавъ безуспѣшно всѣ окружноспи ропонды, я пуспился ошыскивать далѣе. Но, словомъ сказашь, я не могъ найпи ихъ, хопя весь оспапокъ дня и цѣлый вечеръ бѣгалъ по кофейнымъ домамъ и публичнымъ мѣспамъ, гдѣ только могъ надѣяшься ихъ вспрѣшпишь.

Группа, видѣнная мною въ камер - обскурѣ, врѣзалась мнѣ въ памяшь. Я пробовалъ искашь и на другой день, но все напрасно. Наконецъ, на прѣпшій, счаспливѣйшій въ жизни день, судьбѣ угодно было, чпобѣ я, вошедши въ церковь Св. Стефана, увидѣлъ шамъ господина примиршеля, въ шомъ же плашьѣ и съ шѣмъ же огромнымъ носомъ. Когда онъ переспалъ молишься, я подошелъ къ нему и, какъ иноземецъ, легко нашель случай сдѣлашь ему нѣсколько вопросовъ; пошомъ пришворился удивленнымъ, чпю нахожу въ немъ одно изъ лицъ

видѣнныхъ мною въ камер - обскурѣ , въ Праперѣ ; короче сказаць , я узналъ такимъ образомъ , что онъ служилъ при Венгерской Канцеляріи; новость, вовсе для меня не любопытную; и наконецъ то, что слишкомъ много меня занимало, а именно: что Елена накануне уѣхала въ Венгрію; что она отправилась въ Пешть и, можетъ быть, опшуда въ Одессу.

Чтожь касается до сцены, происходившей въ Праперѣ, господинъ чиновникъ Венгерской Канцеляріи не больше меня ее понялъ. Онъ зналъ мать и дочь пошому шолько, что имѣлъ къ нимъ рекомендапельное письмо, и провожалъ ихъ въ Праперѣ, гдѣ привелось ему быть свидѣтелемъ семейной ссоры, изъ чего, Богъ знаетъ. Мать приказывала дочери молчать, и божилась, что поспавилъ на своемъ. Сынъ клялся, что пошлепъ пулю въ лобъ кому-то, если вспрѣшилъ эпого кого-то; а дѣвушка съ печальнымъ видомъ проговорила шолько: »не хочу продашь себя, но могу умереть безъ сожалѣнія.«

Чиновникъ Канцеляріи увѣрялъ меня, что причина ссоры оспалась совершенно ему неизвѣсною, и что онъ шолько упрашивалъ всѣхъ ихъ не разглашать домашнихъ своихъ неудовольствій по цѣлому Праперу. Однакожь онъ, казалось, увѣренъ въ помъ, что мать и сынъ нападають на Елену, и что бѣднень-

кая одна единёхонька среди своего семейства.

Еслибъ я не любилъ ея, другъ мой; еслибъ она была не такъ хороша, и еслибъ шайнспвенность, ее окружающая, не сдѣлала ее еще въ тысячу разъ милѣе—и тогда даже соспраданіе заспавило бъ меня предложишь ей руку помощи.

Я ѣду въ Песпъ, и не безъ причины; не безъ причины также и судьба повергла меня въ ея объятія, когда мы еще не знали другъ друга.

Бѣдная моя нареченная сесприца!.. Я думаю, ты насмѣшливо улыбаешься за своимъ письменнымъ споломъ, Іеремія! Не смѣйся надъ шайнспвенными, непоспижимыми пущами судьбы!..

ГЛАВА IV.

ЕЛЕНА ТРОЯНСКАЯ.

Одесса, 18 Генваря 1820.

Странешвующій рыцарь швой, сидитъ теперь на берегу Чернаго Моря; и ему, какъ Римскому поэту, нечего писать о любви своей и сумасшествіи, кромъ однихъ съпованій.

Что сказать тебѣ, добрый другъ, о сумасбродномъ моемъ пупешествіи?

Въ первый день пущи моего къ Пресбургу я ничего не видѣлъ, ничего не слыхалъ. Картина камер-обскуры носилась у меня передъ глазами. Воображеніе рисовало мнѣ прелесп-

ный образъ несчастной дѣвушки : я видѣлъ , какъ въперокъ играетъ ея одеждою , любовался спройнымъ ея спаномъ. Опъ мечпаній не прежде пробудился я , какъ прѣхавъ въ Песпъ. Думаю, что тогда была памъ осенняя ярмарка ; вездѣ лавки , вездѣ Жиды , Греки, Турки, Венгерцы, Поляки, Сибирики, Татары и Нѣмцы.

Я пробылъ въ эпомъ городѣ съ 24 Августа по 4 Сентября. Здѣсь обычай и нравы западныхъ народовъ начинающъ уже замѣнящъ дикость и грубую пышность воспочныхъ Европейцевъ.

Желая узнать что-нибудь о Еленѣ , я кидался во всѣ стороны, и провѣдалъ наконецъ, что она дѣйствительно уѣхала съ матерью въ Одессу, гдѣ былъ у ней дядя, имѣющій богатый, торговый домъ. Мнѣ говорили , что она могла бы выйти замужь за одного изъ первыхъ магнаповъ въ Венгріи , еслибъ была также богата, какъ хороша ; она пробыва въ Песпѣ только шеспъ мѣсяцевъ , прежде жъ того жила въ Кроншпадпѣ, въ Трансильваніи, гдѣ должны короче знаць объ ней и ея семействѣ.

Я былъ доволенъ успѣхомъ моихъ розысковъ, въ особенноти причиною, препяспивовавшей ей выйни за магнапа , и пуспился въ Кроншпадпѣ.

Я ъхалъ пуспырями и болошами, гдѣ видѣлъ множество буйволовъ и пастуховъ, но изрѣдка встрѣчалъ худую госпинницу. Такъ добрался я до Кроншпадпа, длиннаго города, лежащаго между двухъ горъ въ узкой долинь.

Тутъ я освѣдомился опять, и узналъ, что опсець Елены, нѣкогда очень богатый, разорился совершенно опъ игры и порговыхъ оборотовъ, и наконецъ съ опчаянїя лишилъ себя жизни; что вдова его, съ дочерью, приѣхали жить въ Кроншпадпъ къ старой родсвенницѣ, и что послѣ смерти спарухи, опказавшей имъ самую малую часть наслѣдства, онѣ оставили Трансильванїю, надѣясь, что могутъ жить у богатаго зяпця, имѣющаго домъ въ Одессѣ.

Признаюсь тебѣ, покидая городишко наше, я никакъ не воображалъ, что пуцусь плавать по Черному Морю, гоняясь за Еленой: но теперь, рѣшаюсь на то, пѣмъ болѣе, что не имѣлъ еще никакого другаго намѣренїя. Мнѣ только хотѣлось поскишпаться нѣсколько лѣтъ по этой часпи свѣта, которой, можетъ быть, и по смерти не увижу больше. Куда ни поведи судьба, мнѣ все равно.

Я слышалъ въ Кроншпадпѣ, что ѣхпть черезъ Молдавію и Новороссїйскїй край очень затруднительно и даже опасно. Но надобно бы-

до испыпань. Въ эпомъ городѣ находилась парпїя выходцевъ изъ Германїи, копорые шли въ Крымъ искапъ новаго опечеспва. Ихъ было человекъ двадцать, съ женами и дѣшми. Я присоединился къ нимъ, и мы опсправились въ пушь 4 Окспября въ фурѣ, напомнившей мнѣ Вѣнскїя повозки. Я одѣлся какъ они, проспо, и выдалъ себя за ремесленника, ѣдущаго пыпань счаспья въ Одессу.

Молдавїя обширная обласпъ, по большой часпи чрезвычаино плодоносная; но она почпи не воздѣлана, бѣдна, испощена совершенно.

Пупешеспвовапъ по ней, испинное наказанїе! Мы подвергались всевозможнымъ неудобспвамъ; по нѣскольку дней сряду должны были ѣхашь голыми спепями, гдѣ изрѣдка попадаюпся бѣдныя деревушки, состоящїя не изъ домовъ, но разоренныхъ хижинъ, неопряпныхъ, похожихъ на хлѣва. Госпинницъ вовсе нѣшпъ, а называюпся ими вешпїя деревянные лачужки, гдѣ худо ѣшпъ, еще хуже сппшь. Я почпи всегда ложился въ коляскѣ.

Увы! любезный Іеремїя; видѣнїе камеробскуры съ каждымъ днемъ спановилось блѣднѣе, и мечпшы сердца моего смѣнились скоро спспраданїями желудка, до шого, чшо я началъ не шупя проклинань тлупый случай, запа-

щившій меня въ спеси, на которыя, изъ Пандорина ящика, казалось, высыпались всѣ бѣдспвія. Одна шолько надежда меня еще нѣсколько поддерживала : я упѣшался мыслію, чшо опдохну въ Галацѣ.

Боже мой! чшо это за городъ? я не видалъ ничего хуже! Дома деревянные, грязные, сырые, гнилые; безъ бревенъ, брошенныхъ поперегъ улицъ, люди понули бы въ грязи.

Слупники мои наняли лодку для переѣзду черезъ Дунай; рѣшившись учаспвовапъ въ эпомъ плаваніи Аргонавповъ, я взялъ у Г. Менсоли, Авспрійскаго Консула, рекомендапельное письмо въ первый Новороссійскій каранпинъ. Мы приѣхали въ него шого же дня, ш. е. 14 Окпября. Насъ продержали до другаго дня на лодкѣ; и шогда шолько позволили выйпи на берегъ въ дрянную лачугу, обнесенную тыномъ, гдѣ мы должны были оспаваться пяпнадцашъ безконечныхъ дней, не смотря на письмо Авспрійскаго Консула.

Бренное шѣло мое прешерпѣвало всѣ муки ада, милый Іеремія; но наконецъ я узналъ опышомъ, чшо можно и къ аду привыкнушь. Пища была худа и дорога; за самое гадкое вино плашили мы по сороку парѣ.

Когда срокъ зашоченія кончился, и насъ осмопрѣли, не знаю для чего, мы пошли въ

деревушку, разспоянїемъ на часъ пупи опгь караншина. Тамъ закупили хлѣба, кофію и вина; наняли повозку съ проводникомъ и пушпились въ Бессарабскія степи.

Экипажъ нашъ соспоаялъ изъ дрянной пелли и двухъ клячь, у кощорыхъ были шолько кожа да коспи. По большой часпи мы шли пѣшкомъ, пошому чпо намъ приходилось пащипь лошадей, а не имъ насъ. Въ энихъ степяхъ рѣдко вспрѣпишь челоуѣчское подобіе, еще рѣже селеніе. Если жъ намъ и случалось иногда приѣхашь въ деревню, шо мы ничего въ ней не находили, кромѣ худаго, чернаго хлѣба и водки: даже вода имѣла опврашпительный, селипренный вкусъ.

Когда я услышалъ въ Бендерахъ, чпо намъ предспоипь еще караншинъ за Днеспромъ, дрожь пробѣжала по всему моему пѣлу. У меня пропала охоша осмопрѣпь городъ, прославленный Карломъ XII, и я спѣшилъ дапь денегъ нашему проводнику, кощорый сдва понималъ меня, прося его доспашь намъ пошчасъ же повозку получше прежней, и опвезши насъ въ Кишиневъ, спюлицу Бессарабин. Туда прибылъ я 28 Ноября, измученный, голодный и больной. Эпа столица, мой другъ, еспь деревня, населенная Ташарами, Русскими и Жидами. Однакожь мнѣ посчашливилось опыскашь шамъ нѣсколько Нѣмецкихъ семейспвъ.

Я пріютился къ одному изъ нихъ, и лѣчилъ, сколько могъ, изнуренное мое тѣло. Молодой Русской Офицеръ, копорому вино мое было по вкусу, переселился ко мнѣ; онъ хорошо говорилъ по Французски, и былъ въ походахъ прошивъ Наполеона, опъ Москвы до Парижа.

Мы выѣхали изъ Кишинева 24 Декабря, и на другой день прибыли въ селеніе надъ Днеспромъ, гдѣ мнѣ объявили, что мы должны выдержанъ еще двадцатидневный карантинъ въ Дубоссарахъ. Креспьянинъ, сообщившій мнѣ это извѣстіе, былъ Нѣмецъ. Обрадованный звуками роднаго языка, копорымъ мы съ нимъ заговорили, онъ пригласилъ насъ къ себѣ, и сказалъ намъ, что Днеспръ скоро спанешъ; что мы должны подождать, и потомъ, пользуясь удобнымъ временемъ, можешъ бытъ, найдемъ средсва избѣгнушь карантинна. Я безъ запрудненія ему повѣрилъ, и добрый Нѣмецъ, ласковый какъ нельзя больше, взялся предьявить наши пашпорты, гдѣ слѣдуешъ.

Три дня спустя, нашъ Нѣмецъ сказалъ намъ: »шеперь, господа, съ Богомъ!« Днеспръ покрылся крѣпкимъ льдомъ; Дубоссарскіе спорожа, вѣрояшно, не будушь споянъ за полночь на часахъ, чтообъ ловишь людей, копо-

рыхъ не ожидающъ : никто не замѣшитъ ; какъ вы пройдете.

Пара лошадей спояла передъ домомъ : мы пустились по снѣгу, при свѣтѣ луны , и не безъ ужаса слѣдовали за проводникомъ по ледяной корѣ, покрывавшей рѣку : не безъ ужаса также увидѣли на противоположномъ берегу караульню. Однакожь , избавившись опъ опасности и , пройдивъ всю ночь , прибыли въ городъ, названія котораго не помню.

По утру явился вдругъ передъ нами Русскій солдатъ , и прѣбавалъ пашпортовъ. Это внезапное появленіе порядкомъ напугало насъ. Мой честный Нѣмецъ не поперялся: »Эпошь солдатъ«— сказалъ онъ—»вѣрно также умѣетъ чипать , какъ моя лошадь играетъ на флейтѣ ; дайше ему на водку , и онъ оппустишь насъ.« Дѣйствительно, я далъ ему пригоршню денегъ , и дѣло кончилось большими со спороны его поклонами.

Вѣхавъ въ городъ , похожій на дурную деревню, мы оспановились у пріятеля нашего проводника, и опдохнули опъ ночнаго спранспвія. Лучше всего было по , чпо я нашель тамъ двухъ Глюкспадскихъ колонисповъ , возвращавшихся домой въ саняхъ. Я уговорилъ ихъ взять меня съ собою и , наградивъ проводника, поѣхаль.

Первый день 1820 года вспрыгнулъ я въ самой скучной *Долинѣ Счастья* (Glücksthal), въ закопченной дымомъ избенкѣ. Колонія состоиптъ изъ Нѣмцевъ и Швейцарцевъ. Хозяинъ мой былъ Гривонъ. Опдохнувъ нѣсколько дней, я быспро переносился изъ колоніи въ колонию, въ копорыхъ все дурно, кромѣ названій; и такимъ образомъ прибылъ въ Кассель, а опшуда въ Тирасполь, небольшой городокъ на Днеспрѣ; онъ недавно построень, правильно расподожень и населень Богемцами, Тапарами и Жидами. За Днеспромъ, на часъ пуши опсюда, я увидѣлъ другой городъ и, вообрази, какъ удивился, узнавъ Бендеры, черезъ копорые проѣзжалъ за шесть недѣль передъ эшимъ. И такъ, не подвинувшись впередъ ни на одну милю, я сорокъ дней скипался по спепямъ, борясь съ успалоспью, жаждой и голодомъ, единспвенно для избѣжанія караншина!

8 Генваря 1820 года прибылъ я въ Одессу, при завываніяхъ бури и валившемъ снѣгѣ.

Теперь, честный Іеремія, можешь смѣяться, сколько тебѣ угодно. Слепи совершенно излѣчили мое сердце. Опправъ къ Булгарамъ, къ Волохамъ, къ Тапарамъ всѣхъ любовниковъ своего городка, копорыхъ почипаютъ неизцѣлимыми, и оптъ копорыхъ докшора опказались: увидишь, если они не выздоровѣютъ.

Не удивляйся жь послѣ того, что я, по приѣздѣ въ Одессу, услышалъ съ величайшимъ хладнокровіемъ; что Елена моя, Богъ знаетъ, гдѣ, можешь быть, даже при Дворѣ Пріама, и что я просто обманушый Менелай.

Нѣсколько ужь лѣтъ, какъ богатый дядя спалъ банкротомъ, и далъ пѣгу; Елена съ матерью приѣхала въ Одессу гораздо прежде меня; онѣ были доведены почти до отчаянія, услышавъ, что дядя пропалъ безъ вѣсти; я говорю *почти*, потому что нашелся по счастью молодой, богатый Англичанинъ, который, изъ христіанской любви, рѣшился призрѣть и утѣшить сиротокъ. За недѣлю до моего пріѣзда, новый Парисъ похитилъ мою Елену, но безъ малѣйшихъ препятствій, съ согласія матери, и увезъ ее въ Константинополь. Счастливымъ пушъ!

ГЛАВА V.

ПРЕБЫВАНІЕ НА ВЕРЕГАХЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Одесса, въ теченіе 1821 и 1822 годовъ.

Нытъ, любезный Іеремія, ошибаешься! Кто пѣлые шесть мѣсяцевъ скишался по Венгріи, Богеміи, по снѣгамъ Молдавіи и Бѣссарабіи, перпя холодъ и голодъ; шопъ не вдругъ насытится неизъяснимымъ удовольствіемъ жить въ большомъ; хорошо выпроенномъ домѣ,

успанномъ богатыми коврами, я изъ копоряго опкрываея такой разнообразный, оживленный видъ, какимъ можно наслаждаешя только въ эпоху обширномъ, торговомъ городѣ, лежащемъ на рубежѣ Азіи; не вдругъ насынишья удовольствіемъ ежедневно садитья за столъ, успановленный всѣмъ, что лучшаго производятъ воспокъ и западъ; не скоро успанешь бѣгать по кофейнымъ домамъ, казино, театрамъ и, возвращаясь, отдыхашь отъ дневныхъ трудовъ на мягкой постели, покрытой тончайшею просыней и мягкимъ одѣяломъ. Хотябы пришлось оспанеться цѣлые десяты лѣтъ въ Одессѣ, оспануть! Скорѣй соглашусь лечь въ мерзлую могилу на берегу Чернаго Моря, чѣмъ пуспишья онятъ въ степи, копорыми сюда бѣхаль.

Одесса обширный городъ—въ предположеніи въ немъ до 40,000 жителей; но онъ еще не достроенъ. Мнѣ это нравится, потому что надежда на будущее имѣеть для насъ несравненно болѣе прелестней, чѣмъ воспоминаніе о прошедшемъ и наслажденіе наспоющимъ. Улицы очень широки и прямы, но ни одна не докончена; вездѣ промежутки и пустыи мѣста. Въ мою бытность въ Одессѣ, въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, выстроили двухъ-этажный домъ, на прочномъ фундаментѣ, съ погребами на сводахъ; въ на*

чалѣ зимы можно ужъ было жишь въ немъ. Камни добываются изъ ближайшихъ каменоломнѣ. Зажищочные люди покрываютъ крыши жесшью, выкрашенною зеленой краской, что очень не дурно для глазъ.

Здѣсь найдешь все для необходимыхъ потребностей и для прихошей роскоши. Караваны и корабли доставляютъ сюда лучшіе повары. Надобно употребить миллионы, чпобъ вымоспипъ камнемъ эпопъ черноземъ рыхлый и сырый. Каждый разъ, когда идетъ дождь или таетъ снѣгъ, дѣлается такая грязь, что женщины не могутъ выйти на улицу безъ сапоговъ; иначе—прощай башмаки, и безвозвратно. Весной и осенью каменные проспекты передъ большими домами едва замѣтны изъ-подъ грязи. Отсюда происходитъ еще другое неудобство: въ дождливую погоду нѣтъ средства проѣхать, въ какомъ бы то ни было экипажѣ. Жалко смотрѣшь, какъ люди и лошади барахтаются въ шопкой грязи. Наиболье спраждуютъ опъ ней мужики, которые привозятъ въ городъ на шельгахъ для продажи воду изъ ближнихъ источниковъ. После сильного дождя цѣна на воду значительно подымается, пошому что у кого-нибудь изъ водовозовъ непременно падаетъ лошадь. Лѣпомъ дожди рѣдки; за то вся грязь превращается въ пыль и густыми шучами

носился по улицамъ. При малѣйшемъ въперкъ свѣту не видно. Кпо бережеть глаза свои, шопъ прячеть ихъ подъ зеленые очки, оправленные шафшою.

Ничпо сполько: не шѣшигъ меня, какъ песпрая полпа народа, копорую вижу изъ моего окошка. Точный маскерадъ! Смѣсь всевозможныхъ лицъ, убранспвъ, цвѣшовъ и языковъ предспавляетъ удивительное зрѣлище!

Сстранное созданіе, человекъ! нѣтъ живошнаго заносчивѣе и зависпливѣе. Каждый недоволенъ своей учаспью, желаетъ лучшей, а между шѣмъ почиаетъ себя выше, честнѣе, благородумнѣе всѣхъ его окружающихъ. Онъ живеть вездѣ согласно съ обычаями своей спраны: придерживается ея нравовъ, вѣры, одежды, и насмѣхается надъ другими.

Во множеспвѣ людей, привлеченныхъ сюда торговлей изо всѣхъ спранъ Европы, наиболѣе видно Жидовъ и Грековъ, на площадяхъ и улицахъ: можеть бытъ, они замѣшнѣе прочихъ по своей одеждѣ. Жиды носятъ длинные кафшаны, прикрѣпленные къ спану поясомъ большою часпюю чернаго цвѣша; богатые шолько носятъ шелковые кафшаны, коричневые или лиловые. Вообще Жиды ходятъ въ большихъ шляпахъ, съ большими длинными бородами, копорья ни сколько не прибав-

ляютъ имъ красоты. Еврейки одѣваются великолѣпно, но безъ вкуса. Онѣ всѣ, безъ исключенія, носятъ шелковыя плащя, а на головѣ жемчугъ, котораго ослѣпительная бѣлизна составляетъ разительную противоположность съ ихъ черными волосами а).

Грековъ я всегда смѣшиваю съ угнетающими ихъ Магометанами. Они имѣютъ совершенно воспочную наружность, и пакъ *отурецились*, что вовсе не напоминаютъ Фокіоновъ, Ариспидовъ и Кимоновъ. Немногіе изъ нихъ опускаютъ бороду, большая часть подбриваютъ ее, оставляя только узенькую полосу, а нѣкоторые и совсѣмъ брѣютъ, по Европейски. Гречанки склоняе мужей своихъ перениманъ Европейскіе обычаи; онѣ вообще подражаютъ Французскимъ модамъ. Горестно смотрѣть на эписъ несчастныхъ, бѣжавшихъ изъ опечесства и скипающихся здѣсь, подобно пѣнямъ.

Пусть придутъ въ Одессу путешественники, жалующіеся на мерзвое безмолвіе, царствующее въ Англии по воскреснымъ днямъ.

и) Жемчугъ точно носятъ на головѣ Еврейскія женщины; но онѣ не могутъ составлять разительной противоположности съ ихъ черными волосами, потому что онѣ ихъ брѣютъ. Дѣвушки же ходятъ въ волосахъ, но не носятъ жемчуга. *Прим. Пер.*

Здѣсь эпошъ день самый шумный, самый веселый изъ всей недѣли. На улицахъ экипажей и купцовъ больше, нежели во всѣ прочіе дни.

Поупру, звонъ колоколовъ призываетъ къ молитвѣ Хрисціанъ разныхъ вѣроисповѣданій. Нѣмцы всѣхъ ихъ скромнѣе: они наняли большой амбаръ, и опправляютъ въ немъ служеніе по Люперанскому обряду. Всѣ улицы наполнены людьми, вѣдущими къ церкви на легкихъ повозочкахъ или дрожкахъ. Во время службы храмы обставлены множествомъ экипажей. Вокругъ Русской церкви мужчины и женщины продаютъ плоды, пироги, просвиры и дѣтскія игрушки.

Но не передъ одними церквами торгуютъ по воскреснымъ днямъ: на трехъ большихъ площадяхъ, гдѣ еженедѣльно бываетъ ярмарка, также производится торгъ съ утра до полдня. Прежде всѣхъ приходятъ шуда Русскіе мужики и колонисты; за ними являющся Жиды и Греки; тамъ модные щеголи шѣснятся въ толпѣ съ пьянымъ мужикомъ, грубымъ полицейскимъ офицеромъ и крестьянкой въ праздничномъ платьѣ. Послѣ полудня всѣ расходятся по кофейнымъ домамъ и клубамъ. Здѣсь не рѣдко случается, что служанка, нанимаясь въ домъ, въ число другихъ условій, включаетъ и позволеніе ходитъ каждое воскресенье на балъ.

Торговля прерывается въ большіе только праздники, на примѣръ: въ Свѣпное Хриспво Воскресенье, Рождество и Новый Годъ; тогда всѣ лавки запираются; но веселости нѣже, особливо на масляницѣ. По окончаніи обѣдни, каждый ѹѣзжаетъ за городъ, на лугъ, и всѣ чины въ спорону. Тамъ разбишы палатки, лавочки, респораци; въ понедѣльникъ всѣ вмѣстѣ отправляются на кладбище, гдѣ надъ каждой могилой поставленъ памятникъ, съ именемъ покойника. Но и шуда ѣдутъ съ запасами: на могилахъ ѣдятъ, пьютъ и напиваются за здоровье усопшихъ. Чпо спорона, по обычай! Каждый наѣдается на семь недѣль поста; слѣдующаго за масляницей, въ продолженіе кошораго запрещено даже употреблять въ пищу молоко, сыръ и яйца.

Обширность торговли причиною здѣшной роскоши, впрочемъ не всегда изящной. Особенно ввелась она въ 1816 и 1817 годахъ, въ копорые западныя государства посылали сюда огромныя суммы денегъ, въ обмѣнъ за худую пшеницу. Когда Европа умирала съ голоду, на берегахъ Чернаго моря процвѣпалъ золопой вѣкъ Аспреи.

Здѣсь каждый гоняется за деньгами и за удовольствіями. Впрочемъ въ Одессѣ не любящъ слишкомъ высокихъ удовольствій. Русскій пепаръ не могъ существовать, попому чпо ди-

репторы разорялись; Испаліянская же Опера рушилась за неимѣніемъ слушателей. Недавно хотѣли учредить Купеческое Собраніе, сдѣлали подписку; но оно не долго существовало: чванство—главнѣйшая помѣха общественнымъ удовольствіямъ. Въ первый день было въ собраніи женщинъ шриццашъ, во второе не было и десяти. Первоспашейнымъ купчихамъ показалось неприличнымъ бытъ вмѣстѣ съ женами мѣлкихъ шоргашей: попому что здѣсь купецъ, плащій въ гильдію двѣ тысячи рублей, думаетъ, что онъ совсѣмъ инаго покроя, чѣмъ пошъ, копорый плащитъ сто, и считаешь низоспью входитъ съ нимъ въ связи. Люди вездѣ дѣши!

Я любопытствоваль узнать образъ жизни здѣшнихъ колонисповъ; и для того нѣсколько разъ ѣздилъ въ ихъ, не подалеку отсюда находящіяся, селенія, гдѣ эти выходцы разыгрываютъ роль Робинсона Крузоэ, только не съ его дѣятельностію и искусствомъ. Немногіе изъ нихъ умѣють упрочить свое благосостояніе, а прочіе, по собственной винѣ, живутъ также худо, какъ жили въ Германіи и какъ вездѣ бы жили.

Каждое семейство получаетъ отъ Россійскаго Правительсства нѣсколько десятинъ земли, 500 рублей на обзаведеніе и скотъ; сверхъ того на семь лѣтъ освобождается отъ

подапей : они могли бы жить безъ нужды , но немногіе умѣютъ пользоваться сими благодѣяніями.

Не лѣзя представлять себѣ , до какой степени проецирающія невѣжество , лѣнь и неопытность большей части колонистовъ. Они совершенно не заботятся о удобреніи земли, и только нѣсколько лѣтъ назадъ вздумали разводить фруктовые деревья. Одними дровами они изобилуютъ, но вмѣсто того, чтобы употреблять ихъ, жгутъ навозъ, бурьянъ или болотный шорфъ. Не заботясь сѣять конопля, а покупаютъ ее дорогою цѣной въ городѣ. По дикимъ хижинамъ , неопытной одеждѣ и самымъ нравамъ , они очень сходствуютъ съ Тапарами ; новыми ихъ согражданами. Почти все колонисты носятъ сюртуки или родъ плащей изъ полстаго, сѣраго сукна, изъ овечьей, даже некрашеной шерсти; хозяйство и все прочее соотвѣтствуетъ одѣянію.

Рѣдко случается, чтобы они привозили домой хотя часть денегъ, полученныхъ въ городѣ за скотину или хлѣбъ. А если какой-нибудь колонистъ и воротится съ деньгами , то немедленно отправляется съ женой въ кабакъ, спорится съ товарищами, дерется и , пропозившись, мирится. При дороговизнѣ хлѣба въ 1816 и 1817 годахъ, все они могли бы обогащаться ; но немногіе изъ нихъ думали о бу-

дущемъ , большая же часпъ пользовалась обспояпельспивамѹ для іного, чшобъ еще болѣе предавалпья разврату.

Ты правъ , любезный другъ ! Самъ удивляюсь , какъ могъ я прожить здѣсь три года ; но меня прельстилъ новизною предметовъ эпошъ край , близкій къ Азіи.¹ Съ каждымъ днемъ я видѣлъ новыя сцены и новыхъ актеровъ ; видѣлъ дикихъ сыновъ природы и борьбу непросвѣщенія съ Европейскою образованностію. Я похожъ на человѣка , ушомленнаго однообразіемъ шеашра , на копоромъ дають всегда одну и ту же піэсу , и копорый съ жадностію принимаетъ впечатлѣнія , производимыя новымъ зрѣлищемъ. Чиспосердечно признаюсь : здѣсь я находилъ удовольствіе въ кругу семейспвъ , гдѣ царспвуютъ невинность , опкрвенность и благородспво , соединенныя съ образованностію и любовью къ изящному. Но ты ошибаешься , если заключаешь изъ шого , что какая-нибудь спраспъ приковала меня къ Одессѣ. Нѣспъ , мой другъ , вѣрояшно даже , что еслибъ судьба не вдохнула въ меня желанія видѣть Харьковъ , я бы долго еще здѣсь пробылъ , и все паки сердце мое не лишилось бы свободы.

(окончаніе слѣдуетъ.)

IV.

В Д О Х Н О В Е Н І Е .

Лови минушу вдохновенья,
 Воспорговь чашу жадно пей,
 И сномъ лъниваго забвенья
 Не убивай души своей!
 Лови минушу! пролетаетъ
 Какъ молвья яркая спруя;
 Но годы многіе вмѣщаетъ
 Она земнаго бытія.
 Но если разъ душей холодной
 Опринешь пы небесный даръ
 И въ суепъ земли безплодной
 Попушишь вдохновенья жаръ;
 И если разъ, въ безпечной лъни,
 Ничтожность міра полюбивъ,
 Ты свяжешь цѣпью наслажденій
 Души бунпующій порывъ:
 Къ тебѣ поэзи священной
 Не сидеть чистая роса
 И предъ зъницей ослѣпленной
 Не распахнуися небеса.
 Но сердце бѣдное изсохнеть:
 И нива прежнихъ думъ швоихъ,
 Какъ степь безводная, заглохнеть
 Подъ терпомъ помысловъ земныхъ.

А. Хомяковъ.

V.

ЖЕНЩИНЫ XIV ВѢКА.

Между тѣмъ , какъ романисты спараются оживлять предъ нами спарину, а философы, выводя результаты и дѣлая заключенія , сравнивають нравственность нынѣшняго вѣка съ нравственностію минувшихъ временъ и въ заключеніе оставляють насъ въ неизвѣстности и сомнѣніи , мы видимъ общес нерадѣніе о томъ , что могло бы пролиять истинный свѣтъ на сіи предметы; и именно о книгахъ, романахъ , нравоченіяхъ въ стихахъ и прозѣ , дидактическихъ поэмахъ и проповѣдяхъ, сочиненныхъ до шестнадцатаго вѣка. Они-то представляють истинную картину временъ среднихъ. Многочисленныя повѣствованія или сказки въ осемиспопныхъ, римо-ванныхъ стихахъ, произведенія праздности и воображенія писцовъ, копорыхъ вельможи имѣли обыкновеніе держать при себѣ; ручныя назидашельныя книжицы (*manuels disciplinaires*) ; нравочительныя правила, облеченныя въ форму прехспицій и четверостицій — несравненно больше могутъ объяснить предметъ сей , нежели всѣ изслѣдованія романистовъ, пишущихъ испорію.

Есть старинная книга, сочиненная однимъ Анжуйскимъ дворяниномъ, Жофруа Ландри де ля

Турь, и имѣвшая Евронсейскій успѣхъ, въ срединѣ четырнадцатаго столѣтія. Она извѣстна по переводамъ: Нѣмецкому, 1380 года, Англійскому, не изданному; находящемуся теперь въ числѣ рукописей Гарлейской библіотеки а), и наконецъ другому Англійскому б), составленному и напечатанному почтеннымъ Какстономъ, в) въ первый годъ царствованія Ричарда III. Въ книгѣ сей говорится о воспитаніи женщинъ, о ихъ порокахъ, слабостяхъ, привычкахъ. Читая ее, какъ бы переносишься въ среду общества четырнадцатаго вѣка, посвящаешься въ тайны ихъ домашняго быта; осваиваешься съ сокровенными обычаями, модами и слабостями женщинъ сего опдаленнаго времени. Переводъ Какстона до того рѣдокъ, что, въ 1779 году, полный экземпляръ его былъ заплаченъ 105 гиней. Мы будемъ здѣсь руководствоваться еще

а) A Treatise in old english, containing Counsels to Young Ladies, and other Women, how to govern themselves by following virtue and eschewing vice: made by a Knight, for the use of his three daughters. Harleian Mss. N. 1764.

б) The book which the knight of the tower made to the enseygnement and teaching of his daughters; translated out of the french into our maternal english tongue; by me W. Caxton, the first year of the regne of king Richard third.

в) Типографикъ Весминистерскій.

менѣе извѣстнымъ, но болѣе вѣрнымъ переводомъ, найденнымъ нами въ рукописяхъ Гарлейскихъ и относящимся ко времени царствованія Эдуарда VI. Слогъ его мужественъ, численъ, но исполненъ галлицизмовъ; онъ служилъ достопримѣчательнымъ образцомъ Англійской прозы того времени, когда сходство народныхъ нравовъ Англичанъ и Французовъ близко было къ пождесиву. Димитрій Халкондиль, посѣщавшій Англію въ 1400 году, не замѣтилъ ни малѣйшей разницы между сими двумя народами а). И дѣйствительно, Нормандское происхожденіе Англійской аристокраціи, и долгоевременное пребываніе Англичанъ въ западныхъ провинціяхъ, принадлежавшихъ Франціи, доспапючнымъ образомъ объясняютъ это взаимное сходство двухъ народовъ. Не прежде, какъ въ началѣ шестнадцатаго вѣка оказалось значительное различіе между ихъ нравами. Религіозныя распри, оппчуждивъ Англію отъ другихъ странъ Европы, преобразили веселый Альбіонъ въ новую, оппдѣльную націю, носящую оппечатоку собсивеннаго характера, и изгладили даже до воспоминанія о ея происхожденіи отъ Нормандовъ и Французовъ; но въ четырнадцатомъ вѣкѣ Великобританія была совершенно офранцужена. Слѣдственно,

а) De rebus Turcicis, L. II. p. 48.

наспавленія и родителъскія увѣщанія Господина Жофруа де ля Туръ опносятся какъ къ Французенкамъ его вѣка , пакъ и къ Англичанкамъ, ихъ современницамъ.

Въ книгѣ сей, вопреки погдашнему обычаю, нѣтъ ни спранныхъ иносказаній, ни мепафизическихъ олицетвореній; напропивъ мы видимъ въ ней обькновенный гражданскій и домашній бытъ во всей его простотѣ. Жофруа Ландри де ля Туръ лишился милой ему жены; онъ идешь вечеромъ мечпашъ въ садъ свой подъ шѣнь гуспаго дерева. Три его дочери, удивленные долгимъ опсутствиемъ опца, бѣгутъ къ нему; при видѣ ихъ, его родителъское сердце умиляешся; онъ размышляешъ о неизвѣспной и часпо горькой учаспи, ожидающей женщинъ. »Что будешъ съ ними? Какъ избѣжашъ имъ сѣпей прельщенія, погда какъ самое дерзкое волокипство украшаешся личиною рыцарспва и героизма? Какіе совѣшы, какое воспитаніе дашь имъ?« Начало прогапельное, дышущее простотою сердца! Не лзя было еспеспвеннѣе и удачнѣе присупишъ къ разсужденію о воспитаніи и судьбѣ женщинъ.

Жофруа Ландри вспоминаешъ, какъ онъ шаливалъ самъ въ молодоспи, въ лѣспа своеволія и въшпенноспи; какъ онъ проскакалъ весь Пуанту, сопровождаемый молодыми людьми, не меньше его предпримчивыми; волочился за каждой

красошкой, обманывалъ мужей, похищаль дѣвиць; и вовсе не думалъ о послѣдствіяхъ. »При успѣхѣ и при неудачѣ, мы одинаково выпускали слухъ о поржеснвѣ своемъ, насполящемъ или мечпапельномъ, попому чпо въ насъ не было ни спыда, ни боязни: и такимъ образомъ обезславили множесство чеспныхъ женъ и дѣвиць, понося ихъ безжалоспно, опъ чего многія изъ нихъ поспрадали и лишились добраго имени.« Пришедши въ зрѣмый возрастъ, Жофруа съ ужасомъ и гореспю вспоминалъ о проказахъ молодоспи, и боялся вліянія общей безнравспвенности на своихъ дочерей. И такъ онъ возврапился домой, швердо рѣшившись написатъ книгу, копорая могла бы предосперечь ихъ опъ соблазна; свойспвенныхъ женскому полу заблужденій и господспвовавшихъ въ то время пороковъ.

У Ландри, въ Анжуйскомъ его замкѣ, жили два священника и два писца. Ихъ по и посадилъ онъ за работу, по еспъ, велѣлъ имъ выбирать изъ всѣхъ рукописей, соспавлявшихъ его библіотеку, полезныя примѣры, анекдоты и нравоученія, долженспвоващія соспавитъ предположенную имъ книгу. Онъ предпочелъ прозу спихамъ, копорые, по его мнѣнію, были слишкомъ распянупы и не споль вразумительны. Эша-по книга познакомиць насъ съ нравами и общеспвленнымъ быпомъ

женщинъ четырнадцатаго столѣтія. Если въришь рыцарскимъ романамъ и общему образу мыслей погдашняго времени, слабому полу оказывалось погда глубочайшее уваженіе. Управляя изящными искусствами и покровительствуя имъ, занимаясь музыкой и поэзіей, вдыхая великіе подвиги и высокія, спройныя пѣсни, женщины за пяшь предъ симъ вѣковъ, какъ увѣряюшъ, занимали въ обществѣ мѣсто несравненно выше того, кошорое предославлено женамъ нашимъ и дочерямъ.

Все ложь и выдумка. Современницы Господина де ля Туръ по большой части не знали грамотъ, какъ онъ самъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ объявляешъ; дѣвушка, скоро и чепко писавшая, почипалась чудомъ. Ландри жалуешся на не свѣжесиво, въ копоромъ оставляли женщинъ. Онъ хочешъ, чпобъ ихъ учили чипашъ, но полагаешъ умѣнье писашъ пагубнымъ для мужей искусствомъ; и попому оно исключено изъ его плана воспитанія, въ составъ коего входяшъ полько: чпеніе нравоучительныхъ книгъ, шипше, пѣніе псалмовъ, хирургическія свѣденія и поваренное искусство.

Изъ словъ его и наблюденій видно, чпо дѣвицы знашнаго рода никогда не воспитывались въ родительскомъ домѣ. Ихъ обыкновенно поручали наспояшельницѣ монастыря,

или женѣ какого нибудь вельможи, высшаго, чѣмъ родилели ея, званія. Женщины не только были чужды педантизма; но даже, по словамъ Ландри, рыцари часто отказывались отъ брака съ молодыми, прекрасными собой и богатыми дѣвицами, единственно по тому, что онѣ знали грамотѣ. »Дѣйствительно—»говоришь де ля Туръ — »ихъ учить по книгамъ, открывающимъ все тайны любовной науки; по безнравственнымъ романамъ, сладострастнымъ повѣстямъ, и другимъ сочиненіямъ, имѣющимъ въ предметъ одну любовь и суешу житейскую.« Ландри не только запрещаетъ дочерямъ своимъ чтение подобныхъ книгъ, но проспираетъ спротося сію гораздо далѣе, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ.» Поспириесь чаще, дѣпи мои«—говоришь онъ дочерямъ—» полный желудокъ удаляетъ смиренныя, благочестивыя мысли. Присупспвуйте, сколько возможно чаще, при служеніи въ храмахъ Господнихъ. Покуда не выйдете за мужъ, совѣшую вамъ поспириесь дня три въ недѣлю: эшимъ средспвомъ умершвише вы спраспи ваши и предспанете на служеніе Богу чисты и непорочны. Еслижь трудно будетъ вамъ пишасья однимъ хлѣбомъ и водою, воздерживайтесь по крайней мѣрѣ отъ всякой живности.«

Женщины и дѣвицы вели себя тогда въ

церквахъ очень дурно. Ландри сильно упрекаетъ ихъ въ неблагоприспосойности поведенія и разговоровъ. Въ это набожное время, рыцари приходили въ церковь съ борзыми собаками, женщины со слугами, у кошорыхъ на рукахъ сидѣли соколы, и шакимъ образомъ превращали домъ Божій въ рынокъ или пошпшное сборище. Тамъ смѣялись и разговаривали; у подножія алшаря заключались любовныя связи: церковь служила удобнѣйшимъ поприщемъ чесполобно мужчинъ и кокепспву женщинъ. Они, во время службы, прогуливались взадъ и впередъ, назначали поединки и любовныя свиданія. Такъ было до реформаціи; и шеперь еще, въ книгахъ шесшнадцашого сполѣшпія, находимъ доказательспва сей неприличной, прошивной вѣрѣ свободы. Послушайте, чпо говоритъ Барклай, сочинитель извѣспной Аргениды:

Служенье началось; свяшптель алшаря
 Возвысилъ гласъ; но въ Божій храмъ толпою,
 Взошли вельможи, шумно межъ собою
 О жещинахъ и скачкахъ говоря,
 И въ рынокъ домъ Господень превратили
 И заглушили паспыря: один
 О буйспвахъ прошлой ночи говорили,
 Другіе взоромъ взоры дѣвъ ловили
 Смѣялись и ссорились они—
 Шумъ, говоръ, спшукъ и смѣхъ! — А служба
 чпоже? —

До службы ли богатому вельможѣ!

»Дѣшп мои«—говоритъ по сему случаю Лан-

дри—» не подражайте женщинамъ, копорыя, вмѣсто того, чшобъ со вниманіемъ слушають слово Божіе, верпяпся по споронамъ : онѣ больше похожи на щербешливыхъ сорокъ или разврапницъ, нежели на женщинъ честныхъ и набожныхъ. Не посмащривайте на молодыхъ господчиковъ черезъ плечо или сквозь пальцовъ. Взоръ вашъ долженъ бытъ покоенъ, скромень и швердъ; не спарайтесь шѣлодвиженіями обрапипть на себя вниманіе людей; спойте спепенно; а если и нужно обернунься, повернишесь не одной головой, но вѣмъ шѣломъ, чшобъ не почли васъ за вѣпреницъ. «

»Я помню«—продолжаешъ онъ—»какъ не соспоялся бракъ дочери Данскаго Короля съ однимъ изъ Англійскихъ Принцевъ, попому единспвенно, что онъ замѣшилъ, въ ней желаніе нравипся; замѣшилъ, что она моргаешъ мазками, громко хохочешъ и опшѣчаешъ, не выслушавъ, о чемъ ее спрашивающъ; да и самъ я не женился однажды почти по такимъ же причинамъ. Пріапель мой намекнулъ мнѣ объ одной благородной дѣвушкѣ, хорошаго дома, и совѣшовалъ на ней женишся. Опець мой повезъ меня къ ея родипелямъ; насъ приняли пышно, и опець оспавиль меня съ ней наединъ, чшобъ я ознакомидся съ образомъ мыслей ея и рѣчей.«

»Мы заговорили о содержащихся въ город-
Телеск. Ч. IV.

скихъ пюрмахъ , копорыя тогда Англичанс порядкомъ набивали, и я сказалъ ей: »а что, сударыня, счастливъ попъ, кто, въ военное время , попался бы къ вамъ въ плѣнь : ему вѣрно веселѣе было бы, чѣмъ въ пюрмѣ у Англичанъ!« А она, посмопрѣвъ на меня, отвѣчала: »есль человекъ , котораго я хотѣла бы имѣть своимъ плѣнникомъ и берегла бы, какъ собственное мое тѣло.« Попомъ забывъ стыдъ и скромность , приличныя дѣвицѣ , спала просишь меня приходишь къ ней почаще. Я изумился, попому что она до тѣхъ поръ ни разу меня не видала, и зная вѣроятно , что меня хотяшь на ней женишь. Когда мы повѣхали, опецъ спросилъ; какого я мнѣнія о невѣстѣ? И я отвѣчалъ , что не смотря на умъ и богатство , не хочу имѣть ее женой, попому что она вѣпрена и неосновательна: чему въ послѣдствіи времени былъ очень радъ ; ибо не прошло году, какъ она подтвердила вѣпреность свою и легкомысліе очевидными доказательствами.«

Женщины среднихъ вѣковъ , копорыя какъ видно, не изъязы были отъ слабостей , свойственныхъ настоящему времени , были еще пристрастнѣе нашихъ къ роскоши и щегольству уборовъ : эпидемическая болѣзнь эта продолжалась отъ одиннадцатаго до шестнадцатаго столѣтія , и обратила на себя вни-

маніе законодапельства , особенно въ Англіи , гдѣ она доходила до изспуленія . Тамъ правишельство принуждено было издаць законъ ; впрочемъ оспавшійся безъ дѣйспвія , для положенія границъ распочительности , производившей опть глунаго пщеславія . Въ 1363 году , какъ видно изъ прошенія , поданнаго Депушатами въ Парламентъ , всѣ классы людей въ Англіи присвоивали себѣ одѣяніе классовъ высшихъ . Слуги одѣвались оруженосцами , оруженосцы рыцарями , рыцари принцами . Мѣры правительства къ прекращенію сей роскоши были сполько же несправедливы въ опнощеніи къ частнымъ лицамъ , сколько безразсудная распочительность ихъ была вредна и доспойна порицанія . Оно входило въ малѣйшія подробности частной жизни ; опредѣляло мѣру пици ; однимъ запрещало употреблять мясо два раза въ день ; другимъ не позволяло ѣсть дичины ; слуги не смѣли носить плащя , цѣною выше двухъ маркъ , а жены ихъ покрывалъ дороже двѣнадцать денежекъ . Ремесленники обязаны были ходить въ сукнѣ , спюющемъ не болѣе сорока денежекъ , шейкъ и сербро , шипсе , эмаль , мепалическія пуговицы , кольца , перспни , подвязки и цѣпи были имъ запрещены , а жепамъ ихъ не позволялось носить мѣховыхъ одеждъ . Оруженосцы , не имѣвшіе спа-фуншовъ сперлинговъ дохода , и граждане , капишаль кошорыхъ не про-

спирался до двухъ сопъ фунповъ сперлинговъ, имѣли право употреблять на плашье чешыре съ половиной марка, но не смѣли носить ни шипья, ни серебра, ни золопа, ни мѣховъ. Оруженосецъ, получавшій доходу сно фунповъ сперлинговъ, и гражданинъ, имѣвшій капиталу двѣспи фунповъ, могли носить шелковыя маперіи и серебро, но не золопо: женамъ ихъ дозволялось ходитъ въ мѣховыхъ одеждахъ, но качество мѣха опредѣлялось закономъ, которъ давалъ право рыцарямъ, получавшимъ доходу двѣспи фунповъ сперлинговъ, употреблять на свое одѣяніе шесць маркъ, но безъ золопа и горносая; особенно же и строго запрещено было вышиваць плашье жемчугомъ. Наконецъ, пысяча фунповъ годоваго дохода давали право одѣвашья во чпо угодно, кромъ горносая, предоспавленнаго однимъ Королямъ и Принцамъ. Приказные, по соразмѣрности ихъ соспоянія, подходили подъ одни правила съ рыцарями. Ремесленники низшихъ званій, поденщики и мызники обязаны были носить плашье не иначе какъ шерспяное, или изъ полспой холспины. Въ харспяхъ Парламентпа а) сохранились законы сіи, но вмѣстѣ съ шѣмъ и очевидныя доказашельспва невниманія къ нимъ. Ихъ никогда не выполняли:

а) Roles of Parliament. Т. II. 278, 281, 286.

каждый классъ общества, по прежнему, издерживалъ большую часть доходовъ на одежду; въ особенности женщины, спаравшіяся заимѣвать другъ друга. Кпо повѣрять, что въ эпоху полупросвѣщенный вѣкъ, моды были также переменчивы, и сполько же дороги, какъ въ наше время? Вотъ что говоритъ объ нихъ Жофруа Ландри, спаринный писатель:

»Жены наши говорятъ ежедневно мужьямъ своимъ: на такой-то и такой-то прекрасныя платья и имъ къ лицу; прошу тебя, закажи мнѣ такоеже; и если мужъ отвѣчаетъ: пусть ихъ одѣваются, какъ имъ угодно, но благоразумнѣе, не подражай имъ—жена говоритъ: посмотри, какъ такое платье ко мнѣ пристанетъ; онъ не умѣютъ надѣть его, какъ надо—и ласками, да просьбами заставляешь наконецъ мужа исполнить ея желаніе; иначе не дастъ ему покоя. Правду сказать, женщина найдетъ больше словъ и доводовъ, чѣмъ искуснѣйшій спрятчій; и на кого нападешь, спотъ отъ ней не спдѣлается.»

Женщины имѣли обыкновеніе весьма долго убираться, что доказываютъ многіе анекдоты, переданные намъ Ландри, и между прочими анекдотъ о племянницѣ, кошорой дядя принесъ пышный подарокъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ платьевъ; но, какъ племянница его слишкомъ долго одѣвалась, что онъ вышелъ

изъ персьнїя, взялъ ихъ съ собой обратно и подарилъ другой дѣвушкѣ. Жофруа Ландри передалъ намъ также другую достопримѣчательную и странную легенду. Въспомни ея содержаніе: молодая женщина умерла; душа ея поднялась къ небу. У подножія престола Верховнаго Судїи, Св. Михайлъ и Діаволь заспорили о душѣ усопшей. Нечистый держалъ вѣсы, положивъ на одну сторону душу со всѣми добрыми ея дѣлами, а на другую прегрѣшенія покойницы, и говорилъ Архангелу: »видишь ли, что она мнѣ принадлежитъ. У ней было десять цвѣтнхъ платьевъ, и столько же юбокъ; а одно изъ нихъ достаточнo было бы для прокормленія тридцати нищихъ, умершихъ отъ холода и голода.« Сказавъ сіе, Діаволь склалъ наряды умершей шуда же, гдѣ были ея прегрѣшенія. Тогда Архангелъ Михайлъ положилъ на другую сторону благодаренія ея, умерщвленіе плоти, посты и проч., и вѣсы пришли въ равновѣсіе. Но Діаволь доспалъ связку персьней, ожерелей, серегъ, копорыя надарили ей любовники, за что, не скажемъ. Тогда худая спорона перепянула: сапана схватилъ грѣшницу, съ ея планьями и драгоценностями, и бросилъ все вмѣстѣ въ преисподняго, въ огонь неугасаемый.

Спрасть къ роскоши заразна все сословія. »Служанки даже—« говоритъ Жофруа—

«опушаютъ воропники и края одежды своей мѣхомъ, спускающимся по спинѣ ; еслибъ могли, то и самые каблуки обшили бы мѣхомъ, нужды нѣтъ, что онъ загрязнился бы. А грудь носятъ разкрышою, что вредно для здоровья и въ лѣтнюю и въ зимнюю пору. Лучше бы имъ закрывать грудь шѣмъ мѣхомъ, который носятъ на ногахъ, безъ всякой пользы.»

Несовершенство фабрикъ, малочисленность издѣлій и общепринятое мнѣнiе, что пышность одежды составляетъ ея красоту, необычайно возвысили цѣнность одѣжнiй, которыхъ, не взирая на законы и постановленiя, украшались жемчугомъ и золотомъ. Одно платье стоило обыкновенно чепыреста или пять сотъ франковъ на наши деньги. Не было иного средства блеснуть пышностию и богатствомъ : о театръ тогда не имѣли понятiя, художествами не занимались ; зодчество, ваянiе, живопись были еще въ дѣтствѣ. Роскошь и вкусъ, царствующiе въ домахъ зажиточныхъ людей нашего времени, были въ тошъ вѣкъ вовсе неизвѣстны. Мы теперь верно не согласились бы жить въ обширныхъ, мрачныхъ шемницахъ, съ желѣзными рѣшетками, съ полами, устланными соломой и лисьями, вмѣсто ковровъ, въ которыхъ жили весь вѣкъ свой первые вельможи чепырнадцатаго столѣтiя. Толпы слугъ,

необходимая принадлежность каждого знатнаго дома, пипались произведеніями земли, и почши ничего не споили. Слѣдспвенно щегольство одежды было единспвеннымъ средспвомъ блеснушь, распочашь и кичишься. Рыцари и дѣвицы, не нося рубашекъ, одѣвались въ шелкъ, золотые галуны и драгоцѣнные камни.

Късей пышности, управляемой щеславіемъ, а не вкусомъ, присоединялась свобода обращенія, вредная для нравспвенности. Мужья рѣдко показывались вмѣспь съ женами. Молодыя женщины, безъ покровишеля, безъ зашипы, присущспвовали при шумныхъ сборищахъ холоспыхъ рыцарей и оруженосцевъ, копорые почипали долгомъ и славой соблазняпть легковѣрныхъ красавиць. Такимъ образомъ честь женщинъ, даже самыхъ добродѣпельныхъ, подвергалась искушеніямъ, и, если вѣришь Жофруа Ландри, цѣломудріе было весьма рѣдко. Между шѣмъ какъ мужъ находился на войнѣ, или при Королевскомъ дворѣ, супруга его посѣщала игры и респалища, ѣздила по сосѣднимъ замкамъ и сама давала роскошные пиры и обѣды. Вотъ причина скепшицизма на счетъ женской добродѣтели, скепшицизма, опражающагося во всѣхъ сочиненіяхъ шого вѣка и вполне доказывающаго всеобщее развращеніе нравовъ. Тогда, какъ въ развращенныя времена падающей монархіи, ревность дѣлала мужа

посмѣшищемъ людей и доброе имя самой скромной женщины могло бытъ опозорено щеславіемъ самохвальнаго вѣпреника. Часпо въ концѣ пиршества шушили свѣчи и погда, говоришь Ландри, Богъ знаетъ, чпо произошло. »Берегипесь, дѣши мои« — продолжаешъ онъ—»берегипесь подашь поводъ къ злорѣчію; въ эши опасныя минушы имѣйше всегда близъ себя покровителя близкаго или родственника; пошому чпо во Франціи множество лгуновъ, гошовыхъ хвалишься благосклонностью дѣвиць, не обращавшихъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія, а женщины, поведіемъ своимъ, подаюшь поводъ вѣришь всему, чпо ни скажушь о нихъ дурнаго.«

Прочпипе Кнейгпона и Халкондила, и увидише, чпо нравы Англичанъ совершенно сходны были съ описываемыми въ книгѣ Жофруа Ландри, и чпо въ Англїи господствовала такая же безнравственность, какъ и во Франціи. »На каждое респалище или турниръ—« говоришь Кнейгпонъ — »сѣзжались верхомъ женщины, въ великолѣпныхъ мужскихъ одеждахъ. Иныя, ослѣпительной красоты, имѣли на себѣ цвѣшныя шуники, коропкія юбки, шапочки унизанныя дорогими каменьями, золотыя или серебряныя поясы, небольшіе кинжалы и сумки. Тупъ онъ промашывали деньги съ менеспредями и рыцарями; забывали до-

бродѣпель въ своевольномъ ихъ обществѣ и ушопали въ удовольствіяхъ; а поспупали пакъ знашнѣйшія въ Королевствѣ женщины. « Халкондиль удивляется глупости мужей въ Англіи. Чпобъ оплучишься изъ супружняго дома, женѣ споило полько сказаць, чшо она оппирывается на богомолье по обѣщанію; и ни-кшо не смѣлъ прекословиць. Послѣ чего она уѣзжала, не рѣдко одна, и куда, Богъ знаетъ. Такъ проводили жены по нѣскольку дней, да-же недѣль, внѣ своего дома, наслаждаясь пол-ной свободой и не боясь нареканій.

Таковы были нравы эпого вѣка. Не взирая на сильное вліяніе кашолической вѣры, узы супружества впали въ пренебреженіе; чичиз-бейспво водворилось въ семействахъ. Каждая замужняя женщина имѣла своего прислужни-ка; къ ней безпреспанно являлись нѣжные угодники, какого бы званія, нрава и сана ни была она: опказывались онѣ услугъ почи-палось смѣшнымъ и спраннымъ. Соображаясь съ обычаемъ, она обязана была выбрать од-ного чичизбея изо всѣхъ своихъ обожапелей. Чаусеръ рассказываетъ, какъ достойную замѣ-чанія диковинку, чшо прекрасная Герцогиня Ланкасперская питала непреодолимое опвра-щеніе къ элтому обыкновенію.

Я ей подобной не видалъ:

По чесни, Герцогиня диво!

Встрѣчая взоръ ея спѣсивой
 Предъ ней любовникъ замолкалъ.
 Всегда одна и молчалива,
 И на устахъ улыбки нѣтъ
 На спрашннй юношей привѣтъ.
 По челси, Герцогиня диво!

Мужья смопрѣли безъ удивленія, безъ до-
 сады на обожапелей, роившихся кругомъ ихъ
 жёнъ. По погдашнему, это означало вѣжли-
 воспъ; и какія бы изъ того ни вышли по-
 слѣдствія, должно было согласоваться съ обы-
 чаемъ. Халкондилъ, по собственному его увѣ-
 ренію, имѣлъ добродѣтельную жену и подра-
 жалъ всеобщему примѣру, покуда нѣкопорыя
 непріятныя сомнѣнія не возмутили его су-
 пружескаго счастья. Вопъ разговоръ его съ
 женою:

»Могу ли бытъ увѣренъ, что ты всегда
 была мнѣ вѣрна душой и шѣломъ, и никогда,
 никого, кромѣ меня, не любила?»

—»Я думаю, что еслибъ я сказала тебѣ
 сущую правду, ты и тогда мнѣ не повѣришь.
 Правда, я часто слыхала любовныя объясне-
 нія. Мужчины тысячу разъ начинали оп-
 крывать мнѣ въ спраспи, но я всегда
 оспанавливала ихъ и заводила рѣчь съ дру-
 гими.«

—»Эпи господа«—продолжаешь жена—»гово-

ря намъ о любви своей, только припворспвуютъ ; чпобъ обратишь на себя вниманіе и прослышь счаспливцами , копорымъ ни одна женщина не въ силахъ пропивипься. Они нарочно испускаютъ тяжелые вздохи ; задумывающься, и опомнившись , бросающъ лукавые взгляды. Иная добросердечная женщина , видя ихъ спраданія , и въ самомъ дѣлѣ подумаешъ, чпо они спраспно влюблены. Ничего не бывало: единспвенное ихъ желаніе обмануть и соблазнишь. Кпо испинно любипъ, шопъ боипся оскорбишь любимую имъ женщину или повредишь ея славу. «

Не взирая на снисхожденіе свое къ безнравственности и вертопрашесству женъ , мужья были грубы и властлюбивы. Жофруа Ландри нравипся эшо феодальное обращеніе мужей съ женами; онъ полагаешъ даже нужнымъ по временамъ давашъ имъ ручныя наспавленія. По его мнѣнію , мужъ долженъ бышь господиномъ и главою; въ доказашельство чего приводипъ онъ льва, »копорый, разсердясь за чшо-нибудь на львицу, переспаетъ смопрѣшь на нее и день и ночь дуешся.« Ландри правъ, по разипельному сходству мужей чепырнацапаго сполѣпія съ дикими звѣрями въ ихъ логовищахъ. За малъйшее непослуаніе , за пѣнь неудовольспвія, мужья колопили высокомошныхъ супругъ своихъ. Жофруа объявля-

ещь дочерямъ о учасши, ихъ ожидающей, чпо это неопъемлемое супружное право, и чпо рыцарь, закованный въ спаль, имѣеть полную власшь надъ женою, въ живопѣ и смерши. »Я знавалъ женщину«—говоритъ онъ—»сердипую и спорщицу, копорая безпреспанно при чужихъ людяхъ пропиворѣчила мужу, а мужъ былъ храбрый рыцарь. Однажды, разсердясь на жену за крупной ея нравъ, онъ преснулъ ее кулакомъ и повалилъ на полъ. Попомъ спаялъ попшапъ ногами, и избивъ лице ппорами, такъ ее изуродовалъ, чпо она до самой смерши никуда, опъ спыда, не могла показашься.»

Такъ-по поступали храбрые рыцари; вопъ чпо называлось вѣжливоспю того времени! Никто не семнѣвался въ правахъ мужа бранишь, ругашъ, бишь, увѣчишь жену, сколько душъ угодно. Прекрасныя правила эти выполнялись въ почности, и раздраженный супругъ не щадилъ своей половины.

»Въ нашемъ краю—«продолжаетъ Жофруа—»жила женщина, копорая, не смопря на прозбы и приказанія мужа, никакъ не хопѣла садиться съ нимъ за споль и ѣспъ вмѣспѣ. Чпо онъ ни дѣлалъ, чпо ни говорилъ, все напрасно! Однажды, пообѣдавъ, велѣлъ онъ позвашъ паспуха, ходившаго за спадомъ свиной, и послашъ на споль пряпку, копорой

выпирали посуду на кучнѣ. Когда подали кушанье, посадилъ онъ паспуха за столъ, приказавъ женѣ своей ѣсть съ нимъ изъ одного блюда: »за то, что ты не хотѣла обѣдаться съ мужемъ, возшь шебѣ свинопасъ въ поварници! « Она обливалась слезами; но мужъ не сжалился и, поспавивъ на своемъ, наказаль ее жестоко, но справедливо.»

Эта низкая жестокость, это злоупотребленіе силъ плѣсныхъ съ одной стороны и униженіе съ другой, соспавляли характеристическую черпу всѣхъ сословій общесства. Слѣдспвенно, по словамъ Жофруа, женщины были вмѣспѣ набожны, моповки, вѣспрены, бишпы и презираемы. Не только мужа, но и цѣ даже, которымъ законы не давали во все на нихъ права, обращались съ ними съ грубоспнію совершенно противоположною рыцарскому великодушію, которому мы удивляемся въ романахъ. Послѣдуемъ за Жофруа въ госпиную шогдашняго времени.

»Дѣвица, дочь благороднаго рыцаря, въ домѣ отца своего, играла въ шашки съ молодымъ дворяниномъ, въ присущспвіи множесства гостей. Въ игрѣ они заспорили объ одномъ невѣрномъ ходѣ; дворянинъ, вѣспренный и упрямый, ушверждалъ свое, а дѣвица назвала его глупцомъ. Споръ дошелъ до колкостей; она переспала обращать вниманіе на игру,

и проиграла. Тогда я, наклонясь, щепнулъ ей: »не сердись, или вамъ же будетъ неприличность. Вы знаете, что онъ сварливъ, дерзокъ и вспыльчивъ; прошу васъ, ради собственной чести вашей, не связываться съ нимъ. « Я совѣщывалъ ей, какъ бы родной дочери или сестрѣ; но она не послушалась, продолжала всячески раздражать его, и сказала наконецъ, что онъ негодяй, холопъ, и тому подобное. »Я больше спѣю въ мужчинахъ, чѣмъ ты въ женщинахъ—« опвѣчалъ шопъ. »Лжешь!« возразила дѣвушка. Вспыливъ еще больше, они кончили ужасною бранью и проклятіями. Дворянинъ упрекнулъ ее тайнымъ, ночнымъ свиданіемъ съ однимъ изъ его знакомыхъ; и когда взбѣшенная дѣвица спала запершись, назвалъ ей время, мѣсто и свидѣтелей. Такимъ образомъ она лишилась добраго имени, и кпо не зналъ прежде, узналъ теперь о ея дурномъ поведеніи. »Чтожь!« говорили рыцари: »она сама подала на себя оружіе; лучшебъ молчать, а не сердить сумасшедшаго. « Дѣвица же, обливаясь слезами, дрожа отъ злости и разпрепавъ волосы, продолжала бранить дворянина, и покрыла себя пакимъ стыдомъ, котораго, хоть спѣ лѣтъ живи, не смѣешь.»

«Ужасно ознакомишься съ существенностію эшихъ древнихъ, пакъ безстыдно хваленыхъ

нравовъ, и видѣшь карпины рыцарской вѣжливоспи безъ покрыва. Происшествіе эпо приводитъ Жофруа къ одному только размышленію, а именно, что благоразумная женщина не должна подвергаться дерзостямъ безразсуднаго человѣка. Онъ не оуждаешъ ни грубости молодого дворянина, ни его неприличнаго доноса, ни дурнаго поведенія дѣвушки. Это характеристическія черты; и—если подобныя сцены не вселяютъ ни удивленія, ни отвращенія, то произнесенъ приговоръ цѣлому вѣку. Да и какъ было не возникнуть такимъ нравамъ изъ варварскаго, суевѣрнаго, феодальнаго полупросвѣщенія, подавлявшаго тогдашнюю Европу?

Книга Ландри, основанная на практическомъ, здоровомъ разсудкѣ, и между тѣмъ обнаруживающая на каждой страницѣ слѣпое суевѣріе, показываетъ опличную его способность къ повѣсповашельному слогу и наблюдательный прочный взглядъ на предметы. Самая смѣсь общежительной разсудительности и суевѣрной поэзіи служитъ оппечаткомъ вѣка, въ которомъ онъ жилъ. *Романъ о Розѣ (roman de la Rose)*, *Сказки Чаусера* можно причислить къ сапирамъ; но здѣсь, въ эпосъ практическо-нравственномъ сочиненіи, написанномъ для женщинъ, мы видимъ вѣрное, хотя и непривлекательное зеркало

состояніл прекраснаго пола въ блещящія вре-
мена рыцарства.

ИЗЪ RETROSP. REVIEW.

VI.

ИСТОРИЯ РУССКАГО НАРОДА

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ЗАМЪЧАНІЯ а)

Публика по двумъ первымъ томамъ эпои испорин
знаеть уже, чего можно ожидать отъ слѣдующихъ; инакъ
разбирайтъ вновѣ вышедшій претпій ученымъ образомъ, по-

- а) Издашель надѣялся помѣспитъ въ *Телескопъ* полную
рецензію *Г. Погодина*, но получилъ отъ него сіи замъ-
чанія, при слѣдующей запискѣ: «Вы желаете, чѣпобъ
я разобралъ претпій томъ шакъ называемой *Исторіи
Русскаго Народа*. Правда въ *Московскомъ Вѣстникѣ* я
обѣщаль публикѣ предспавляшь опчеты объ эпои
смѣшномъ произведенія — но эпо была шушка. Мнѣ
становися ужѣ скучно занимашь подобнымъ вздо-
ромъ и на досугѣ. Не совѣшую и вамъ упоминашь объ
немъ въ вашѣмъ Журналѣ. Ученые, образованные люди
давно ужѣ знають пишцу по полешу, а толковашъ
прочимъ—какая польза? Впрочемъ, чѣпобы удовлепво-
ришь хопя опчаспи вашему желанію, я перелистпо-
валь книгу и опмѣспилъ кое-что карандашемъ. Посы-
лѣя вамъ сіи опмѣспки, предспавляю ихъ въ полное
ваше распоряженіе.» (*М. Погодинъ*. Авг. 28).—Совершен-
но соглашадь съ *Г. Погодинымъ*, я не счель нуж-
нымъ дополняшь сіи замъчанія и помѣщадю ихъ шакъ,
какъ онѣ получены. Охотникамъ будеть надѣ чѣмъ
позабависья. *Изд.*

казываешь, какъ авпоръ непонимаетъ главныхъ вопросовъ исторіи, искажаетъ событія, нарушаетъ порядокъ повѣствованія, криво полкуетъ о дѣйствующихъ лицахъ—было бы излишне. И пакъ уже прежніе рецензенты получили отъ нашихъ липераторовъ нѣсколько упрековъ за то, что въ своихъ разборахъ—(Моск. Вѣст. и Вѣст. Евр. 1830)—употребляли часно тяжелую артиллерію памъ, гдѣ довольно было мѣлкой дробі. Желая удовлетворить ихъ, рецензентъ въ прешій помъ будетъ стрѣлять самою мѣлкою—*собственными словами автора.*

Заглавіе: Исторія Русскаго народа. Книга III *Отъ перенесенія Великаго Княжества* (разумѣется Андреемъ Боголюбскимъ) *во Владиміръ Зальскій до нашествія Монгаловъ.* (Отъ 1157 до 1236 года).

А въ изложеніи содержанія читается вошь что: »Глава I. Андрей, сынъ Георгія, власпитель Суздаля; борьба Олегавичей и дѣшей Ростислава за Кіевъ; Андреева система политическаго Единовласія, онъ покоряетъ Кіевъ, переноситъ великое Княжество въ Суздаль или Владиміръ Зальскій« (с. 7) Это было въ 1169 году.

И пакъ великое Княжество перенесено во Владиміръ въ 1157 и 1169 годахъ!!!

Первыя спроки въ первой главѣ: »Присупая къ изображенію періода удѣловъ въ Исторіи Русскаго Народа, мы олвергли пе-

Но далье: »Что видѣлъ Ростиславъ окрестъ себя? Города въ пожарахъ, восплаемыхъ иноплеменниками, призываемыми роднею

праведливую мысль, что сей періодъ былъ въкомъ какого то безумія народнаго, какаго то не понятнаго *слиженія страстей* и дѣйствій ими произведенныхъ.---Изображеніе событий (опть смерти Ярослава до смерти Долгорукаго) доказало намъ, что сей періодъ развивался въ спротивныхъ, неизмѣняемыхъ, изъ самаго начала Русскаго Народа произшедшихъ условіяхъ, по коимъ Провидѣніе всегда правитъ судьбой царствъ и народовъ» (с. 7).

на родню, брапомъ на брапа, или Князьями и ихъ безчеловѣчными дружинами, для защиты своего жалкаго бытія, поля запекшіяся Хрістіанскою кровію; паніи, заросшія волцдемъ, ибо воздѣлываеши ихъ погибли; междоусобія дошедшія до послѣдней степени наглости и безстыдства; кляпвы едва данныя и уже нарушенныя; клеветы взводимыя одинъ на другаго; права наслѣдства пошеряныя, нарушенныя» (с. 7.) и проч. и пр. Или прежде еще. »Повѣсть о второй половинѣ періода удѣловъ рѣшитъ намъ то, что еще кажутся неяснымъ въ событіяхъ первой половины. Мы---увидимъ какъ *разгаръ страстей* доведетъ до рѣшительнаго раздѣленія Сѣверъ, Югъ, всѣ части Руси, унизитъ характеръ однихъ до грубыхъ злодѣйствъ перваго времени Руссовъ; сдѣлаетъ другихъ какими то спротивствующими рыцарями удалства и чести, умалитъ

души, испонципъ сердца ,
и доведешъ всю Русь до
крововой бани очищенія»
(с. 14).

Оспановимся на послѣднихъ словахъ автора. Изъ нихъ математически выводится, что между Великимъ Княженіемъ Боголюбскаго, коимъ начинается вторая половина удѣловъ, когда спали *мълѣть души и истощаться сердца*, и *грубыми злодѣйствами первыхъ временъ Руссовъ*, былъ промежутокъ, когда *характеры были добрые, тѣжнѣе, души крупнѣе, сердца полнѣе*.

Подъ первыми временами авторъ долженъ разумѣть періодъ отъ Рюрика до Крещенія—не иначе. Следовательно завидный промежутокъ долженъ заключаться въ первой половинѣ удѣловъ?

Но — увы! вопшъ какъ осудилъ ее спрогій испорикъ еще во II томѣ: »Ни что не безопаило Руссовъ и отъ еспѣспвенныхъ бѣдспвій, при грубости нравовъ, невѣжеспвѣ и униженіи обшачапелей. Жѣсппокоспъ, свнрѣпоспѣ видны были во всѣхъ дѣлахъ Руссовъ« (II 278). Еще не описавъ ее, онъ рѣшительно предрекъ, какъ оракулъ, такое состояніе. »И такъ не могла исполнитпся молишва Ярослава, завѣщавшаго миръ и согласіе дѣшпямъ « (II , 286)? »Мы увидимъ кровавые ужасы междуособій« (II , 8). — Но , возразптъ мнѣ , въ войнѣ и раздорѣ могутъ еще вспрѣчпться крупнѣя души и полныя сердца. Нѣсптъ : самъ испорикъ рекомендовалъ большую часпъ главныхъ *представителей* этого періода , во II томѣ , какъ людей *слабыхъ* , низкихъ , полько власполюбивыхъ и кроважанныхъ. *Изяславъ* , напрымѣръ , былъ нерѣшнпеленъ ; слѣдовалъ совѣшпамъ другихъ , не имѣлъ необходимой правншпелю твердоспн духа въ бѣдспвіяхъ , слабъ (II , 288);

Олегъ пожерпивалъ честолобіемъ *спокойствію*, когда у него, братьевъ и дѣшей былъ уголъ въ родимой споронѣ (II, 376); *Мономахъ* былъ совершенный эгоистъ, человекъ *хитрый*, не уважавшій ни договорами, ни совѣстью (II, 377); *Мстиславъ*, сынъ его, черъшипелень и слабъ (II, 386), и проч. и проч. Нѣкоторые изъ оспальныхъ предсавишелей осуждены еще строже. И такъ когда же были объявленныя испорикомъ крупныя души, полныя сердца и сильныя характеры? Не въ одно ли Княженіе *Ярослава*, когда Христіанство уже было, а удѣловъ еще не было. Нѣтъ. Княженіе *Ярослава* ни чѣмъ не опличаешся опъ Княженій его предшеспвешниковъ, начиная съ самаго *Рюрика*: »Періодъ, которой мы обозрѣли, (п, е. по кончину *Ярослава*)«—сказалъ испорикъ—«являлъ намъ ужасы злодѣйствъ, волненія, битвы смертельные» и пр. и проч.— И такъ напрасно по всѣмъ премъ томамъ *Испоріи Русскаго Народа* будемъ мы искаць даже слѣдовъ какой нибудь крупной души, полного сердца и сильного характера.

—»Замѣшимъ двѣ полишическія еисемы, суцщеспвовавшія тогда для Русскихъ Князей: одна изъ нихъ спремила цѣлыя области и цѣлыя поколенія къ искапедьству надъ другими власни, облакаемой оболѣспищельнымъ названіемъ Великаго Княжеспва; другая вела Князей къ образованію от-

—«Оспавивъ Кіевскую область *Андрей*—(какъ удѣльный Князь еще)—шелъ съ пѣмъ, чпобъ основашься въ *Владимірѣ Зальскомъ*.» (с. 26).

дьявольскъ сильныхъ *Кли- жество*. Сію послѣднюю— первый понялъ вполнѣ Владимірко Галицкій. — Андрей Георгіевичъ рѣшился быти Владиміркою Суздаля« (с. 24.)

И такъ Андрей Боголюбскій слѣдовалъ и по и другой системѣ???

— »И такъ послѣ смерти Андрея (Боголюбскаго) долженствовало наследовать сынъ его Георгій Новгородскій по праву удѣловъ« (с. 80). Это очень ясно. Но на слѣдующей страницѣ испорикъ продолжаетъ: »могъ наследовать и старшій въ родѣ Георгія Долгорукаго« (с. 81).— Спрашивается какое же это было право, найденное испорикомъ, по которому *долженствовало* наследовать сынъ и *могъ* старшій въ родѣ? И почему же старшій сынъ Долгорукаго, а не старшій изъ всѣхъ родовъ?

—«Мы видѣли Андрея добродушнымъ въ мирѣ, негодовавшимъ на хищренія и честолюбіе отца. Къ нему присовокуплялъ онъ умъ прямой, твердой, но дьявольской похотью въ опасности; безопасность опцовская призывалась и въ характерѣ Андрея« (с. 24.)

—«Слѣдую системѣ Владимірка Андрей, не давалъ удѣловъ братьямъ и обладалъ самъ единовластно. Изгналъ ихъ наконецъ изъ Суздальскихъ областей, такъ что нѣкоторые изъ нихъ искали приюту въ Греціи« (с. 35).

И такъ Андрей былъ честолюбивъ и нечестолюбивъ!!!

Тутъ же историкъ говоритъ: »укрѣпляя силу Суздаля, Андрей думалъ, что для сего можно упопробовать всѣ мѣры, кромѣ злодѣйства.«—Но какое злодѣйство по погодашнимъ понятіямъ было больше, на примѣръ, такого изгнанія, и что же было причиною всѣхъ междоусобныхъ ужасовъ, какъ не подобныя предпріянія?

— »Преемникъ Князя встрѣчалъ затрудненія, попомъ *все затихало* и новое движеніе опять начиналось съ его преемникомъ« (с. 90)— а между тѣмъ нѣтъ ни одной страницы, ни одного года, безъ войнъ!!!

— » Походъ 1098 года былъ *последній а)*« (с. 42). По памъ же: »Романъ въ 1204 году совершилъ нападеніе сильное и блестящее« (с. 42). »Романъ выступилъ (по просьбѣ Императора Греческаго). Ужасно было опустошеніе земель Половецкихъ! Изгоняемые, поражаемые всюду Половцы еще болѣе гибли отъ жестокой зимы« (с. 173.)

И такъ походъ 1098 года былъ послѣдній и предпослѣдній!

Святославъ (Всеволодовичъ) Кіевскій »приближаясь къ глубокой старости былъ еще дѣяшелемъ и бодръ

а) Въ примѣчаніи есть оговорка, что, Романъ не входилъ въ глубь степей Половецкихъ но развѣ по этому можно не считать похода?

духомъ и пѣломъ» (с. 136). Въ Испоріи Русскаго Народа (на с. 113) говорится о хипрой, уклончивой его полипикѣ, (на с. 109) о его пылкости, и наконецъ (на с. 157) что сей Князь почти *пятидесяти лѣтъ былъ дѣйствующимъ лицомъ* въ Испоріи Русскаго Народа. Но когда умеръ эиопъ Князь, дѣйствующее лице въ продолженіи пятидесяти лѣтъ, то вопъ какъ испорикъ вспомнилъ о немъ при сынѣ:» Главою Олеговичей былъ уже тогда Всеволодъ рыкій, сынъ *Святослава Всеволодовича, кнѣзюжскій* подобно опцу, но больше его жестокосердый и безовѣспный» (с. 175).

— »Неуважая печали дѣшей (Святославъ) пошчасъ по кончинѣ дяди своего хопѣль захватиппъ *Черниговъ* « — (и захватиппъ). » Чувспвуя себя довольно сильнымъ, *Святославъ* спѣшилъ воспользовашься кончиною Мспислава храбраго : онъ предложилъ *Новгородцамъ* сына своего Владимира — вздумалъ изгнать Ростиславичей изъ *Кіевскихъ* областей — ходилъ на *Суздаль*, но неувѣренный въ успѣхъ опспупилъ безъ сраженія опъ войска Всеволодова, жегъ *Дмипровъ*» (с. 106). »Попомъ ходилъ онъ еще на Ростиславичей—пробовалъ только *Кіева*» (с. 117)—и получилъ. Далѣ (на с. 154) описаны припязанія его на Галичь послѣ смерти Романа. Слѣдовательно не было почти ни одного важнаго города въ Россіи, на которой бы *Святославъ* не являлъ припязанія по словамъ испорика. И пакъ какой же системе слѣдовалъ эиопъ Князь? Что думаетъ чипашель? Вопъ какой: *Святославъ*» — (при переговорахъ съ Всеволодомъ о Рязани) —» *щцашельно соблюдалъ свою систему уступчивости*» (с. 114) ! ! !

— »Опыпомъ узнавши опасносность самовласнія, *Георгіевичъ* нѣхого и поспоянно слѣдовалъ правиламъ опца своего (*Всеволода*)«.

— *Всеволодъ Георгіевичъ* названъ Русскимъ Лудовикомъ XI (с. 189)!!

— »Союзники послали звать на Галицкое Княжесство« — (мимо многихъ претендентовъ) — »сына *Всеволодова, Ярослава*« (с. 189). Уже 55 года властвовалъ Всеволодъ. Правда обласпи Владимірскія были крѣпки подъ его рукою; Булгары и Половцы не смѣли впадать въ его земли; города и селенія безопасно умножались по берегамъ Волги и Клязьмы« (с. 205).

И между тѣмъ, смѣясь надъ словами Карамзина о *Всеволодѣ*: «*сильный, вообще уважаемый*» — испорикъ восклицася: «но гдѣ же являлась сила *Всеволода* и кто уважалъ его?»

Продолжая смѣясь надъ Карамзинимъ, испорикъ Русскаго Народа говоритъ: »Карамзину казались времена Ярослава и Изяслава I еще продолжавшимися во времена Романа. Говоря о Всеволодѣ Георгіевичѣ, онъ ни гдѣ не упускаетъ прибавленія *Великій Князь*, и думаетъ, или по крайней мѣрѣ говоритъ о немъ, какъ о дѣйствительномъ Князѣ« (с. 176); а между тѣмъ (на с. 178) приводитъ вопш какія слова самаго Романа: «Но я самъ не смѣю располагать Кіевомъ, говоритъ Романъ (сильный власникъ Галича и Волыни). Князь Всеволодъ Георгіевичъ пвой и мой опецъ и господинъ: Пошли къ нему.

Я спану умоляю его, чтобъ онъ отдалъ тебѣ Кіевъ по прежнему. «Вообще эта часть книги (возраженія Карамзину) всего забавнѣе: новый испорикъ въ шекспирѣ на примѣръ возражаешь Карамзину, а въ примѣчаніи съ нимъ соглашается, или на оборотъ. Напр. въ пр. 151 (на с. 170) онъ смѣется какъ бы надъ словами Карамзина, что «Поляки возвели силою Романа на престолъ Галицкой»; и шутъ же почти (на с. 174) говоритъ: «все соспояло въ томъ, что Романъ взялъ дружины Польскія на помощь.» На что же больше? Въ шекспирѣ же и еще утвердительно: «Романъ употребилъ для овладѣнія Галичемъ то же средство, коимъ Владимиръ исхитилъ Княжесво Галицкое изъ рукъ Венгровъ. Онъ выпросилъ себѣ помощь Поляковъ; съ Волишцами и Поляками Романъ вступилъ въ Галичъ».

По какому-то спранныму капризу испорикъ вмѣняетъ себя въ особливую честь прославленіе Мстислава Мстиславича; но Карамзинъ давно уже называлъ его героемъ (III, 250). — «Не ошъ удачь ли» — говоритъ испорикъ — «произошло его прозваніе *удалаго*?» Но Карамзинъ давно уже сказалъ, что прилагательное *удалый* значить счастливыи.

Но то ли еще? «Безъ справедливаго негодованія нельзя чипать, когда Карамзинъ» — (Г. Полевой безъ справедливаго негодованія не можетъ чипать словъ Карамзина — Г. Полевой!!!) — «когда Карамзинъ при гробѣ Мстислава, говоритъ, что онъ былъ Князь, слабый характеромъ, во многихъ случаяхъ неблагоразумный, игрище хипрыхъ болдръ, и виновникъ перваго бѣдспвія претерпѣннаго Россією ошъ Монголовъ. Кпо же такъ безчеловѣчно перзаешь паміять великаго?» — Слушайше, слушайше чи-

напели! Эпошь періодъ, верхъ наглости, должно разобранъ обстоятельно. Впервыхъ — Карамзинъ назвалъ Мстислава *героель*, великодушнымъ Княземъ (III 160). Потомъ предъ приведенными у Г. Полеваго словами, сказалъ: «Мстиславъ преславился, подобно отцу *заслуживъ или храбраго, даже великаго.*» Неужели сими словами Карамзинъ «терзалъ безчеловѣчно память великаго?» Теперь разберемъ слова его, приведенныя у Г. Полеваго: «слабый характеромъ, игралице хитрыхъ бояръ.» Но вопшъ чшо сказано въ Вольнской льпописи: «Судиславу (Боярину) льпящую подъ Мстиславомъ рече ему: «Княже! дай дочерь свою обрученную за Королевича и дай ему Галичь - - - Не можешь бо дрѣжаши самъ, а бояре не хопяшъ тебѣ. Ономужъ не хопящую даши Королевичю, но паче хопя даши Данилови, Гльбовиже Зьеремеевичю и Судиславу препяца даши ему Данилови, рѣспа бо ему: аже даси Королевичю, погда въсхоцещи и можещи взяши подъ нимъ; даси ли Данилови, въ вѣки не твоя будещъ Галичь - - - Галичаномъ бо хопящимъ Данила» (И. Г. Р. т. III. пр. 196). Далѣе: «Мстиславъ дастъ Галичь Королевичю Андрееви» (мимо наслѣдника Данила, мимо всѣхъ сыновъ). Еще далѣе, собеспвенныя слова Мстислава: «Демьяну повѣспящу съ нимъ: «сыну! стрѣшихъ, не давъ тебѣ Галича» (И. Г. Р. т. III, пр. 326). Основательны ли слова Карамзина? Карамзинъ говоритъ еще: «не благоразумный виновникъ перваго бѣдспвія, преперпѣннаго Россією отъ Монголовъ». Но, по единоголасному свидѣпельству льпописей, сраженіе при Калкъ потеряно попомучто Мстиславъ желая прославишься одинъ побѣдою, не предупредилъ пѣкопорыхъ другихъ Князей о сраженіи. Повпоряю: основательны ли слова Карамзина, и удер-

жался ли хопя одинъ мой чипапелъ опть справедливаго негодованія? И что должно сказать наконецъ, когда самъ ослѣпленный испорикъ, въ помъ же примѣчаніи, въ кошоромъ такъ дерзко ругалъ Карамзина за основательное обвиненіе — въ помъ же примѣчаніи—говорилъ: »великій духъ *Мстиславъ* тогда упалъ и измѣнился?«—Върояпно ли эпо?

Вообще объ эпомъ *Мстиславъ Мстиславичъ* наговорено по многимъ мѣстамъ очень много забавнаго. На прим. (с. 204): »воображаемъ *Мстислава Мстиславича*, въ бѣдномъ Торопецкомъ его удѣлѣ, думающаго думу о судьбѣ Руси, и изыскивающаго средшва совершилъ свои обширные помыслы.« Далѣе на нѣсколькихъ страницахъ (204—208) слѣдуетъ описаніе сихъ воображаемыхъ помысловъ съ заключеніемъ: »пакова была мысль *Мстислава Мстиславича*, мысль, кошорой рѣшился онъ посвятитъ всю жизнь, мечъ и умъ свой«. Въ примѣчаніи 195 еще прибавлено: »не думаемъ влагать здѣсь нашихъ мыслей *Мстиславу*: такъ могъ онъ самъ смотрѣть на современныя событія.« А въ слѣдующей спрокъ эпa воображаемая испорикомъ мысль обращена въ дѣйствительную *Мстиславоу*, и испорикъ спрашиваетъ уже: »какъ мысль сія запала въ душу Торопецкаго маломочнаго Князя?« и отвѣчаетъ: »мѣпописцы молчатъ: мы не знаемъ.«—Такъ за чѣмъ же онъ выдумалъ ее и можно ли выдумать чтонибудь смѣшнѣе эпого? Впрочемъ далѣе и еще смѣшнѣе: »сынъ доблесшнаго *Мстислава*, можетъ быть, и самъ не отдавалъ себѣ опчета въ развитіи мысли великой; можетъ быть и не умѣлъ бы дать такого опчета??? Каково? Спустия нѣсколько опять повтораемся: »но удачи (*Мстислава*) были слѣдствиемъ глубоко обдуман-

наго плана. « (с. 204); попомъ говорился о *системѣ* политическаго состоянія Руси, копорую Мстиславъ будпоначаль въ 1212 году въ Торжкѣ и утвердилъ на поляхъ Липецкихъ (с. 289)!? Въ заключеніе выпишемъ еще одно смѣшное сравненіе опца съ сыномъ: «остаповимся у гроба *Мстислава* храбраго не плакашь, подобно современникамъ его, но сказашь что это былъ послѣдней Скандинавской крѣпости Князь Русскій. Все вокругъ него умалилось—духомъ, цѣлью жизни и спрастями а); періодъ развитія высшихъ силъ духа человѣческаго не могъ еще наспахъ, и періодъ развитія грубой силы кончился съ нимъ на Руси б). Сыну *Мстислава* предоспавлена была участь оживить своего опца, но въ духъ новаго поколѣнія в), и оживить для того только, чтобы дожить до времени глубокой тьмы, временнаго не существованія или тяжкаго сна Руси» г) (с. 65).

Довольно! Здѣсь указаны только нѣкоторыя противорѣчія, относящіяся къ главнымъ Князьямъ, предспавителямъ періода. Но что будетъ, если коснуться до прочихъ! Пусть читатели обращаютъ еще вниманіе на толки историка о первородствѣ и старшинствѣ, копорого онъ ни какъ не можетъ понять, безпреспанно забывая, что Князь изъ

- а) У кого прежде былъ великій духъ и цѣль жизни высокая?
- б) Если до него развивалась только грубая сила, то какъ же могли быть болѣе великій духъ и цѣль болѣе высокая?
- в) А чѣмъ отличаетъ духъ Мстислава отъ духа его опца?
- г) А Даниль, а Александръ Невскій? Здѣсь не знаешь, надъ чѣмъ больше смѣяться.

младшаго рода можетъ быть старшимъ по степени между Князьями всѣхъ родовъ. Здѣсь они могутъ опы- скашь самые смѣлныя промахи.

Замышимъ нѣсколько общихъ ошибокъ *послышите*; »Феодализмъ перенесенный изъ Скандинавіи« (с. 9)!!! Но феодализмъ есть чуждо завоеванія. Тамъ только разви- вался онъ, гдѣ чуждые побѣждали селились между туземцами побѣжденными. Въ Швеціи, Норвегіи и Даніи а) чуждыхъ завоевателей не было; почему и феодализмъ тамъ не примѣчается. Рюсъ, первый кристическій историкъ Швеціи (другъ Шлецера), сказалъ это давно въ своей Шведской Исторіи; Гизо о томъ же пвер- дить на всякой страницѣ: а нашъ еще толкуеть о по- выхъ писателяхъ! Хорошо же онъ читалъ ихъ, хорошо понималъ!!

—»Князья ожидали битвы, которая рѣшила бы участь Олговичей« (с. 166). Одна битва, поражение — могло рѣшить участь рода! Вотъ какъ понимаетъ нашъ историкъ вѣка междоусобій! и какъ измѣняетъ самъ себя!

—«Когда *Полоцкъ* былъ еще силенъ, всего бо- лѣе онъ удерживалъ западныхъ соседей Русскихъ, обитав- шихъ между Польшею, Туровомъ, Смоленскомъ, *Полоц- кою* (!) и Чудскими племенами, которые занимали берега Балтійскаго моря. Сии сосѣди были древнія Славянскія или Венедскія племена: Липва, Зимегола, Лешгола, Ливь, Корсь, Япвяги, Голяды« (с. 121). — Липва—Славяне!!!—Ливь, Корсь жила во внутренней странѣ!! Лешгола и Зимегола—(ошибка въ двухъ спискахъ вмѣ- сто Лешгола)—разныя племена!!!

—»Романъ унесъ съ собою въ могилу честь и счастье

а) Въ Даніи феодализмъ развился послѣ, но только по спра- намъ ея покореннымъ Славянскимъ и Нѣмецкимъ.

Галицкой земли» (с. 148.) Но она была счастливейше, могущественнѣе при Даниилѣ!—Какъ сей—(походъ на Половецъ 1098)—такъ и другіе предпринимаемы были опчастни только въ опмщеніе за обиды, а болѣе изъ какого то удалства.—Походы на Половецъ до 1200 года предпринимаемы болѣе изъ удалства! на Половецъ, которые для Россіи того времени были такимиже врагами, какъ Поляки при самозванцахъ и далѣе!—

—Мы сказали—(но за чѣмъ же говоримъ въ другой разъ?)—что два столѣтія, IX и Xе, были для всей Европы вѣкомъ перехода народовъ испребишелей древняго гражданскаго общества къ новому *образованію общества*. - - - Это образованіе явилось совершенно въ новыхъ формахъ: *новыхъ государствъ*, языкахъ, законахъ обычаяхъ, новой вѣрѣ! - - - Все измѣнилось; даже древніе боги—(но вѣдь уже сказано было о новой вѣрѣ)—перезили свое божество—(чѣмъ же они остались?)—они лежали въ прахъ и уступили власть своего истинному Богу.—Это объ IX и X мѣ, а черезъ спрчку тоже о X и XI вѣкахъ.

—Въ XI и XII столѣтіяхъ въ Европѣ продолжалось развитіе духа человѣческаго по новымъ формамъ. Буря, сокрушившая міръ древній, утихла; звезда пугеводная, показавшая—(кому?)—начала новаго міра, Имперія Карла Великаго погасла; стихіи *волновались, колебались*, и еще ничего не образовали рѣшительнаго» (с. 16). За чѣмъ же не сложить ихъ?

—Сущность событій мы нашли въ борьбѣ *двухъ* стихій гражданскихъ общества (монархіи и церкви)» (с. 6). Кажется это очень ясно и на двухъ никакъ не обсчитывается. Но нѣтъ! Нашъ испорникъ продолжаетъ: «или лучше сказать *четыре*: церкви, монархіи, феодализма и народа»!!

— Русь IX и X вѣка принадлежала къ погасавшей системѣ воспока? — «Аравійскій калифатъ погасалъ въ IX и X вѣкѣ!!» —

Наконецъ и здѣсь есть pendant къ Fotii epistolis (I го) и Viardoso (II тома). Эпо—слово idem (попъ же). Историкъ въ своихъ цитатахъ пишеть оное разъ двѣспи вмѣсто ibidem (тамъ же)!

А вопъ прежніе великолѣпные вопросы съ пороженными опвѣсами.

Вопросъ, »Опъ чего почти всегда происходило на Руси пакъ, что преемникъ Князя воспрѣчалъ затрудненія на новомъ поприщѣ своемъ, и долженъ былъ боролся со множеспвомъ препяшспвій; попомъ все записало, Княженіе его входило въ рядъ обыкновенныхъ событій, и новое движеніе начиналось опянь съ его преемникомъ (с. 91)? —

Опвѣпъ. « Тамъ всегда бываетъ въ общеспвѣ полуобразованномъ, и слѣдспвенно смѣшанномъ, неспройномъ. » За симъ слѣдують общія извѣспныя мѣста, а въ заключеніе повпорень вопросъ подъ другою формою за опвѣпъ: »въ сей борбѣ болѣе мощнѣй, болѣе сильнымъ умомъ поборалъ, и если эпопъ болѣе мощнѣй, болѣе сильный былъ Князь« — (а ктоже еще могъ бытъ?) — »по его владычеспво могло продолжаться, безъ дальнѣшаго сопронивленія подваспныхъ, до его смерпни. Наслѣдникъ опянь дпался человткымъ, долженствовавшимъ боротся. «

Еще вопросъ. »Чѣмъ же рвшалось сближеніе Сѣвера и Юга Руси (при Святославѣ и Всеволодѣ) въ грозныхъ ополченіяхъ?« (с. 109).

Опвѣпъ. »Ни чѣмъ. « Королко и ясно!

Вопъ замѣчательные очерки характеровъ:

— «Изяславъ можеть бытъ добрый *по дуишь*; по имѣвшій весь недоспапки *людей малодуишьхъ*» (с. 10.)

— «Свяпославъ, мужеспвенный, не знавшій *союза совѣсти съ гестолюбѣемъ*.»

— «Изяславъ Черниговскій былъ выродившійся Олегъ Свяпославичъ а) (с. 23). Олегъ былъ храбръ, добръ, прямодушень, радушень, ласковъ, весель (Т. II, с. 305), умьренъ, благоразумень (с. 313), силенъ душою» (с. 324). Но въ Изяславъ не было доблесной честности Олега. Онъ опозорилъ себя гоненіемъ несчастнаго дяди, попомъ передавался всѣмъ споронамъ, и никогда не умьль выиграть многого. «—Мы видимъ, что онъ слишкомъ выродился; но спрашивается, что же въ немъ оставалось Олегава?»

— «Ярославъ, брапъ Мспислава Изяславовича, уступавшій во всемъ мужеспвенному своему брапу, *и не-благодуишьй*» (с. 24).

Самый же любимый эпитетъ для Князей въ III помъ есть: *добледуишьй* — эпитетъ, который поворяется безпреспанно.

Въ образчикъ языка воспорженнаго предлагаемъ нѣсколько выписокъ:

— «Провидѣніе опдѣлило міръ Востока въ зародышѣ маломъ опъ міра Запада, развивавшагося въ огромныхъ объемахъ» (с. 9).

— «*Оспованіе* (чего-по) находилось въ самомъ образованіи Русскихъ Княжеспвъ; *стихи* въ полипическомъ оп-

(а) Вообще въ приговорахъ своихъ историкъ нашъ только что выворачиваетъ сужденія Карамзина: добрыхъ называетъ злыми, злыхъ добрыми, храбрыхъ трусами, и ш. д.

нощеніи одного Княжества и одного рода Князей къ другому Княжеству, другому роду Князей: *средства*, опъ конхъ *китльмисіи стихіи*—характеры Князей» (с. 9).

—«Если здѣсь видимъ всюду какое-то разрушеніе; паденіе, въ тоже время посмопреше, какъ *жизнь* будущаго гошвилась въ другихъ мѣстахъ, и не гасла, но *живилась*» (с. 13).

—«Къ началу XIII столѣтія все пало предъ громами Вашикана; *по тльмь самыль* непобѣдимая власть Папъ укрѣпила основы Монархіи; подрыла сама себя своєю побѣдою» (с. 18). Эпоть блистательный періодъ напоминаетъ, правда, восклицаніе Пирра; но переспавивъ слова испорика, нельзя не спросить: какъ непобѣдимые Папы могли бытъ побѣждены своєю побѣдою?

Впрочемъ испорикъ не всегда держишя на такой высопъ. Вошъ какъ наивно выражаешя онъ объ одномъ удѣльномъ Князѣ: «предпріятіе Глѣба было придумано хорошо, но исполнено плохо» (с. 99).

Или еще. «Между пѣмъ произошло слѣдующее. Сдѣлалось спранные чудо, по крайней мѣрѣ произошло событіе, для насъ неизъяснимое» (с. 97). Дѣло идепъ о прозрѣніи двухъ ослѣпленнхъ Князей.

Наконецъ представимъ нѣсколько доказательствъ къ прежнему нашему положенію объ особенномъ устройствѣ умственнаго организма нашего испорика—какъ разсуждаешъ онъ даже не по общимъ формамъ человѣческаго мышленія; не видишъ самыхъ ясныхъ образовъ, утверждаетъ со всею добросовѣстностію, что дважды два пять, и прошиворѣчитъ себѣ даже поспрочно, а не поспранично.

—«*Спокойствіе* (Русскихъ Княжествъ XIII столѣтія)

было подобно *судорожнымъ движеніямъ* умирающаго (с. 344). Спокойствіе судороги!

»Напрасно добрая масть умоляла — — — напрасно Константинъ, старшій бранъ опличался добротю и кротостію«—(каковъ оборотъ: напрасно опличался и проч.) — »раздоръ загорѣлся и грозилъ бытъ началомъ пляжкихъ бѣдспій« (с. 220). А изъ слѣдующихъ строкъ видно, что эпитетъ *раздоръ зажжеть* Константину, какъ подиверждають слова изъ лѣтописи о Константинѣ: »воздвиге брови своя согнѣвомъ на бранью свою, паче же на Георгія.«

—»Половцы, какъ Нѣмецкіе пришельцы и Литовцы въ Чудскихъ земляхъ, какъ Булгары на Волгѣ, казался народомъ, *осужденнымъ покоряться силъ Русскаго меча, когда сей мечъ возносился между ними, зломъ неизбѣжнымъ*, кошорое, бывъ поставлено на предѣлахъ Руси, наказывало грѣхи Русскаго Народа и Князей, подобно совѣспи (?), наказывающей пресупленія« (с. 292). И такъ Половцы и были осуждены покоряться и были зломъ неизбѣжнымъ!!!

Заключаемъ. Третьему пому, для совершеннаго сходства съ двумя первыми, недоспаешъ введенія, копорымъ украшенъ первый, не доспаешъ карпины, копорая выспавлена въ преддверіи впораго. Здѣсь нѣтъ такъ же тѣхъ драгоцѣнныхъ разсужденій, въ коихъ испорикъ, какъ вдохновенная Пивоія на преножникѣ, махаль, зажмуривъ глаза, и народами, и царспвами, и челоувчеспвомъ, и судьбою. Увы! въ претпемъ помѣ изрѣдка даже вспрѣчаются воспоминанія и объ тѣхъ волнахъ, океанахъ и буряхъ, копорыл такъ весело грозили намъ прежде всеобщимъ наводненіемъ.

По крайней мѣрѣ, проигрывая съ этой стороны; претѣи помѣ выигрываетъ со стороны прошиворѣчій; и рецензентъ порадуется чипапемей надеждой, что сіи прошиворѣчія по слѣдующимъ помамъ пойдутъ *crescendo*; ибо позади историка безпрестанно будутъ накопляться страницы, съ которыми ему должно быть въ согласіи, а эпо для него не очень легко; такъ что двѣнадцатый томъ Истории Русскаго Народа, если онъ когда либо напечатается, вѣрно составится изъ параллельныхъ линій въ отношеніи къ одиннадцати своимъ предшественникамъ.

VII

БИБЛИОГРАФІЯ

— ПОСОБІЯ И ПРАВИЛА ИЗУЧЕНІЯ РОССИЙСКИХЪ ЗАКОНОВЪ или *матеріалы къ (!) Энциклопедіи, Методологіи и Исторіи Литературы Россійскаго права. Сочиненіе Доктора Правъ Павла Дегая. Москва, въ Типогр. А. Селска, 1831.*—Между различными опрастями нашей словесности, юридическая преимущественно оплачается бѣдностію. Эпо и не удивительно. По сую пору, не смопря на распространяющіеся успѣхи просвѣщенія, законоискусство наше оснается ремесломъ щемнымъ, передающимся изъ рода въ родъ по наслышкѣ и составляющимъ завѣтное сокровище такъ называемыхъ дѣльцевъ, воздвоенныхъ канцелярскими чернилами и вскармленныхъ архивною пылью. Эпи присяжные гіерофанты нашей юриспруденціи увѣрены, что всю тайну законовѣденія составляетъ ихъ приказная мудрость, собранная, въ поштѣ лица, по зер-

нѣйшкѣ. Мы знаемъ дѣло—повсюрююшъ они съ самодовольною гордостію: и эпо знаіе дѣла, на ихъ языкѣ, не иное что значить, какъ механически пріобрѣтенная ловкость приводить и прилаживать на всякій случай законы, безъ всякой заботы и безъ всякаго понятія объ ихъ взаимной связи и живомъ органическомъ единствѣ. Такимъ образомъ правосудіе у насъ—какъ будипо для народѣи глубокомысленной эмблемы, подѣ копорою предспавлялось у древнихъ—работаетъ по большей части съ завязанными глазами, оцупью: и наука, копорая одна можетъ открывать ихъ, считаешся, въ святилищахъ его, пришлою, незваною гостьею. И такъ мудрено ли, что наша юридическая литература доселѣ ограничивалась почти одними только сборниками законовъ, болѣе или менѣе полными, кои обогащали не правовѣденіе, а библиографію правовѣденія?

Тѣмъ пріятнѣе должно бытъ для насъ каждое явленіе, изобличающее высшіе виды и высшія требованія въ сей важнѣйшей области знанія, сопряженной споль тѣсными узами съ жизнью. Таково сочиненіе Г. *Дегал*. Въ немъ обнаруживается потребность и предощущеніе внутренняго органическаго единства, когос чуждѣ еще смутный хаосъ нашего законовѣденія. Сочинишело, кажется, не безизвѣстно современное сослоііе юриспруденціи въ Европѣ: и пошому въ сочиненіи его оцупишительно вліяніе новыхъ идей и соображеній. Эпо дѣлаетъ честь направленію Г. *Дегал* и обѣщаетъ богатые надежды.

Но сіи надежды, на эпошъ разъ, оспашюся пока въ прекрасномъ цвѣтѣ. Опадавая полную справедливосшь намѣренію и видамъ почтеннаго сочинишела, мы не можемъ не сознашся, что желалибъ видѣть ихъ исполненными лучше и доспойнѣе.

Сочиненіе Г. *Дегаля*, по заглавію, должно заключать въ себя *матеріалы къ — (для?)—Энциклопедіи, Методологіи и Исторіи Литературы Россійскаго Права*. Слѣдовательно оно назначаетъ само себя при частныя цѣли и пріемлетъ на себя отвѣтственность по премъ пунктамъ. И такъ —

Что сдѣлано въ немъ для *Энциклопедіи Россійскаго Права*? *Энциклопедія науки*, по собственнымъ словамъ Г. *Дегаля*, должна *»раскрывать ея сущность, исчислять главнѣйшія части и опредѣлять взаимное ихъ между собою отношеніе»* (с. III). Таково именно назначеніе четвертой главы сочиненія Г. *Дегаля*, озаглавленной: *о систематическихъ сочиненіяхъ, кои могутъ служить руководствомъ при изученіи Россійскаго Права*. Здѣсь почтенный сочинитель излагаетъ свои понятія о правѣ, сопоставляющемъ сущность юриспруденціи, и, разлагая общую идею права на составныя начала, размежевываетъ по нимъ кругъ правоученія на главнѣйшія части и опредѣляетъ взаимное ихъ другъ къ другу отношеніе: слѣдовательно здѣсь предполагать онъ заложитъ основанія для *Энциклопедіи Россійскаго Права*. Но понятія о правѣ, долженствующія служить краеугольнымъ камнемъ предположенному зданію, удивительно какъ зыбки и неопредѣленны. Г. *Дегай* не опредѣляетъ права отъ долга, или юридической обязанности отъ нравственной, никакими положительными и опредѣленными признаками: посему и правоученіе или юриспруденція не опредѣляется у него съ надлежащею точностію отъ правоученія или этики. *»Правоученіе»*—говоритъ онъ—*»разсматриваетъ безъ исключенія вѣсь дѣлнія челоувѣка, даже и тѣ, кои относятся къ животнымъ: правотѣденіе объелметъ одни дѣйствія, или вѣщія вліяніе на другихъ людей»* (с. 57). Будто это правда?

Будпо *правовѣденіе* не проспірается на *дѣйствія*, не *имѣющія вліянія на другихъ людей*? Развѣ мы не имѣемъ юридическихъ обязанностей къ самимъ себѣ? Развѣ жизнь наша не ограждается опъ собственныхъ нашихъ покушеній силою права? Развѣ самоубійство и самонскаженіе не суть преспуленія, подлежащія правосудію? Еще спранные видѣть исключенными изъ области правовѣденія *тѣ наши дѣйствія, кои отпоятся къ животнымъ*. Намъ напротивъ кажется, что сіи дѣйствія не столько принадлежатъ къ нравоученію, сколько къ правовѣденію. Нравоученіе предписываетъ одну только общую обязанность въ опношеніи къ живопнымъ: *блаженъ человекъ, иже и скоты милуетъ*; но ограниченія, коимъ подвергается право владѣть и пользоваться живопными, какъ вещами, весьма многочисленны и соспавляютъ обширную часть правовѣденія. Дальнѣйшее различеніе между правспвенностью и правоспію, кажется, не имѣетъ вовсе смысла. »*Нравственность*«—продолжаетъ Г. Дегай—»вообще стремится къ возмозному (?) совершенству, состраданію, благотворительности, иногда (!) самоотверженію, а *правость* лишь къ выполненію законовъ» (с. 57). По крайней мѣрѣ мы поняли этого не умѣемъ; ибо, по нашему разумѣнію, *правственность*, столькоже какъ *правость*, стремится къ исполненію законовъ, или лучше, если не что иное, какъ *исполненіе законовъ*; *возмозное жь совершенство* соспавляетъ общую цѣль всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, не только *правственныхъ* и *правыхъ* безъ различія, но даже безнравственныхъ и неправыхъ. И такъ самое первое понятіе, долженствующее бытъ сѣменемъ всей науки правовѣденія, у Г. Дегай оспается въ туманъ, неопредѣленности. Гораздо яснѣе и понятнѣе выведены главныя части правоученія изъ разло-

женія понятія о правѣ на сославныя начала. »Въ общежительномъ состояніи« — говоритъ Г. Дегай — »права и обязанности, равно какъ и законы карательныя ихъ обезпечивающіе, требуютъ устройства властей и обрядовъ, коили они приводились бы въ дѣйство; почему понятіе о правомъ приномъ гражданскомъ состояніи людей объемлетъ три основныя начала: постановленія гражданскія, опредѣляющія права и обязанности членовъ общества, уголовныя законы и обряды дѣлопроизводства« (с. 58, 59). Жаль только, что сіи частни, въ сочиненіи Г. Дегай, объяснены слишкомъ бѣгло и легко, особенно важное опредѣленіе: о *Общелъ Гражданскомъ Правѣ*.

Что сдѣлано въ немъ для *Методологіи Россійскаго Права*? »Методологія открываетъ кратчайшую и удобнѣйшую стезю къ изученію науки« (с. III): слѣдовательно къ ней должны относитъя все первыя семь главъ сочиненія Г. Дегай, не исключая и четвертой, въ коей полагаются основанія для *Энциклопедіи Россійскаго Права*. Намъ удивило весьма, что матеріялы для *Методологіи* изложены здѣсь безъ всякой методъ. Г. Дегай сначала разсуждаетъ объ *источникахъ*, изъ коихъ могутъ быть почерпнуты Россійскія законоположенія (Гл. I); потомъ о *матеріалахъ* къ приисканію законовъ (Гл. II); далѣе о *выпискахъ* изъ дѣлъ и законовъ (Гл. III); еще далѣе о *систематическихъ* сочиненіяхъ, кои могутъ служить руководствомъ при изученіи Россійскаго Права (Гл. IV); еще далѣе о *пополненіи* ученія *Отечественнаго Права* новыми законами (Гл. V); потомъ о *практической* дѣятельности юриста (Гл. VI); наконецъ о *предметахъ* теоріи законовъ вообще, пользы ученія *Римскаго Права* и познаніи *современныхъ* успѣховъ *Правовѣденія* (Гл.

VII). Все это очень хорошо: но что за порядок, что за связь между главами? Не без удивления также прочли мы заглавія нѣкоторыхъ изъ нихъ, опличающіяся непочтностію выраженій. Такъ глава II разсуждаетъ о *матеріалахъ къ пріисканію законовъ*: но *матеріалы* служатъ не къ пріисканію, а къ составленію! Глава V я — о *пополненіи ученія Отечестваго Права новыми узаконеніями*: но *узаконенія*, новыя должны, кажется, *пополнять* не *ученіе*, а *сохраненіе* права! Заглавіе седьмой главы представляеть другую странность — необыкновенную разнородность содержанія. Оно выражается слѣдующими словами: о *предметахъ теоріи законовъ вообще, пользы ученія Римскаго права и познаніи современныхъ успѣховъ правовѣденія*. Можно ли все это подвесить подъ одно общее понятіе, что необходимо для самостоятельности главы? Въ текстѣ сіе заглавіе замѣнено другимъ, представляющимъ болѣе единство: о *усовершенствованіи ученія отечественныхъ законовъ общію теоріею права и познаніемъ иностраннаго правовѣденія* (с. 108). Но здѣсь за то нѣтъ вѣрности въ смыслѣ: *ученіе отечественныхъ законовъ* должно не *усовершенствоваться* *общію теоріею права*, а *на ней основываться*. Что касается до исполненія этой главы, коей важность очевидна, то оно опличается особенною слабостію и недоспапчностію. Объ *общей теоріи права* сказано въ ней нѣсколько словъ, съ присовокупленіемъ, что оно *составляетъ цель, недостигаемую отдѣльными усиліями одного человека* (с. 108). *Польза Римскаго Права для усовершенствованія отечественныхъ законовъ* ни мало не раскрыта: только высказано за мнѣніе Савиньи, что *польза Римскаго права кроется не въ сводахъ Юстиніановыхъ, но въ*

изученіи *Пандектовъ* и вообще произведеній *Юристовъ*, изготовлявшихъ матеріалы къ *симвъ сводальъ*» (с. 111). Въ отношеніи къ *успѣхамъ современнаго правовѣденія* упомянуто шолько, да и то слегка, о полемической борьбѣ Савиньи и Тибо; поименованы Бенпамъ, Куперъ, Гегель, Гансъ — и шолько. Вообще, кажется, лучше всѣхъ обработана глава: (Ш я) *о выпискахъ изъ дѣлъ и законовъ*: по крайней мѣрѣ, изъ всего сочиненія *Г. Дегаля*, она наиболее приспособлена и наиболее полезна къ изученію *Россійскаго Права*. Остаются теперь спросить:

Что сдѣлано въ немъ для *Исторіи Литературы Россійскаго Права*? Осьмая глава сочиненія *Г. Дегаля* имѣетъ преимущественно сіе назначеніе. Но въ ней не показывающіяся *постепенныя преобразованія* правовѣденія въ нашемъ опечествѣ, какъ пребывалъ самъ *Г. Дегай* опъ *Исторіи Литературы науки* (с. III); а представляется сухая хронологическая перечень всѣхъ нашихъ юридическихъ сочиненій. Большая часть ихъ исчислена уже была *Г. Дегаемъ* въ главѣ *о систематическихъ сочиненіяхъ, кои могутъ служить руководствомъ при изученіи Россійскаго Права*, гдѣ — мимоходомъ сказать — не безъ удивленія вспрѣшпили мы, въ числѣ *систематическихъ юридическихъ сочиненій*: *Періодическое Изданіе объ успѣхахъ Народнаго Просвѣщенія* (с. 75), *Средства для спасенія отравленныхъ и многио-умершихъ*, *М. П. Орфиллы* (с. 83), *Описаніе Водяныхъ Сообщеній между С. Петербургомъ и разными Губерніями*, *Кафтырева* (с. 89), и ш. п. Въ главѣ, посвященной собственно *Исторіи Литературы Россійскаго Права*, сіи и подобныя имъ сочиненія опущены: но она пѣтъ не менѣе кажется излишнимъ повтореніемъ. Спранно еще, что почтенный сочи-

пель, упоминая, въ началѣ ея, о *Русской Правдѣ*, сомнѣвается, была ли она *подражаніемъ Германскимъ законамъ* (с. 118). Если *Г. Дегаю* не знакомы археологическія розысканія *Г. Каченовскаго* по сему предмету; то онъ могъ видѣть ихъ резульпаты, похищенные въ *Исторію Русскаго Народа*, кошорая, судя по многочисленнымъ указаніямъ на *Московскій Телеграфъ*, испещряющимъ его сочиненіе, должна бытъ ему не безызвѣсна. И какъ можно думать, чшобы *вира, судъ Божій* и другія подобныя вещи, перешли въ *Русскую Правду* ошь *Грековъ*?

Все эпо не ослабляетъ однако уваженія, изъявленнаго нами къ благороднымъ намѣреніямъ и похвальному пруду *Г. Дегаю*. Ибо—повпоря приведенное имъ самимъ изреченіе — *dans les sciences nouvelles la médiocrité même est utile!*

— котъ бурмосько, любимецъ *Халифа Ал-Мамуна*, *Восточная Повѣсть*, изданная *В. Ушаковымъ*, Москва, въ тип. *Н. Степанова*, 1831. — Какъ сладко предаваться надеждамъ и какъ горько въ нихъ разочаровываться! Явленіе *Киргиз-Кайсака* примирило было насъ съ многоглаголивымъ випіею, испощавшимъ нѣкогда перпвніе самыхъ ревностныхъ чпшителей *Московского Телеграфа*: и мы искренно радовались, предполагая, что у насъ будетъ однимъ пуспымъ рецензентомъ меньше и однимъ надежнымъ писателемъ больше. Но — увы! радость наша была непродолжительна. Опспавный бирючь *Московского Телеграфа* перешелъ въ службу къ *Сѣверной Пчелѣ*; и въ часы досуга, оставляемаго ему менѣе длинными, но не менѣе суесловными, выключками, разносимыми на сѣренькихъ крымышкахъ *Журнальнаго Настькомаго*, подарилъ насъ — *Котомъ Бурмоськото!* Предоставляя липера-

шурной зоологін опредѣлить, къ какому классу чешвероногихъ принадлежишь это чудное живошное, мы замѣнимъ только, что мяукаше его, прожужжавъ намъ всѣ уши, не опоздалось въ умѣ ни одною мыслию, не позабавило воображенія ни одною испинно занимапельною карпиною. Сочинитель, кажепся, хошьль написать аллегорію: но вѣрояшно забыль, что аллегорическая оболочка не сшиваепся бѣлыми нипками. Не желая показашься вовсе неблагопдарными, мы не скроемъ опъ него, что онъ изрядко потѣшилъ насъ *чудесною исторіею о семи небесахъ* (с. 264—282), явно показывающею, что *мракобьіе*, о которомъ онъ довольно распроспраняепся, извѣстно ему не по слуху. Но какъ ни высоко зазсмаприваепсь онъ съ своимъ *Котомъ*, мы не можемъ однако ручашься, чтообы эпю дивное живошное одолѣло всѣхъ мышей, наполняющихъ книжныя лавки.

—УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА, *Литературный Альманахъ*, составленный изъ сочиненій Дмитрія Сивова. Москва, въ типогр. Н. Степанова, 1831, съ эпиграфомъ:

Взойди, моя звѣзда
 На литературный горизонтъ,
 Въдъ тебѣ Полярная — сестра,
 И другъ милый — Аполлонъ.

Альманахъ эпюпъ — припча во языцѣхъ! Благодаря оборопливости книгопродавцевъ, беруцихъ дань съ легковѣрныхъ провинціальныхъ чипапелей, и самоопверженію бумаго-марашелей, добровольно ондающихся на посмѣяніе публики, мы имѣемъ ежегодно по нѣскольку сборниковъ, украшешныхъ разными, громкими именами; но подобнаго *Утренней Звѣздѣ* еще не видали, и врядъ ли когда увидимъ! Совѣспно даже

говорить о немъ, и мы вѣрнобъ не сказали ни слова, еслибъ не почитали обязанностью нашей предостерегать любителей чтенія, увлекаемыхъ громкими названіями книгъ и газетными объявленіями, отъ покупки Парнасской макулатуры.

Если мальчикъ, только что вышедшій изъ школы, печатаетъ дыпскій свой лепетъ : Богъ съ нимъ! Не заботясь о публикѣ, онъ самъ себя чипаетъ и пѣтнпся книжкой своей, какъ дитя побрякушкой. Извиняемъ даже и пѣхъ писателей, которые, не имѣя дара, передаютъ писанию свои романы, поэмы и проч. Книжки ихъ мирно почиваютъ на полкахъ книгопродавцевъ. Но какъ извинить того человека, который, не имѣя понятія не только о правилахъ стихосложенія и о грамматикѣ, но даже не умѣющій считать двухъ словъ какъ должно, безстыдно печатаетъ бредъ свой подъ именемъ Литературнаго Альманаха? И какъ не жалеть послѣ эпаго, что у насъ пѣтъ Литературной Управы Благочинія для подобныхъ писателей, безнаказанно ругающихся надъ Русскою словесностью?

Книжонка эпа состоитъ изъ 8 прозаическихъ снппей и 16 стихопвореній. Въ первыхъ замѣтно желаніе автора подражать Г. Булгарину. Юмористическія выходки его мало уступаютъ въ остроуміи и соли произведеніямъ Русскаго Жуи. Почти поплъ же взглядъ на современные нравы, тоже глубокое знаніе сердца человеческого и приличій общественныхъ. Слава и честь Оаддею Венедиктовичу! Мало того, что онъ самъ даритъ насъ—(разумеется за деньги)—Нравственно-Сапирическими Романами и снппейками, но еще и въ другихъ вливаетъ свой геній. Съ восторгомъ видимъ и доносимъ любителямъ изящнаго, что Г. Булгаринъ не урметъ въ *Г. Сиговъ!*

Спихи сѣе лучше прозы. Мы желалибъ чпо нибудь выписать, но запрудняемъ въ выборѣ. Возьмемъ на удачу слѣдующее четверостишіе :

Одному авторитету
Вздумалось удивить планету.
И чпожъ, онъ сдѣлался писателемъ
Или попросту бумагомарателемъ

Этого, кажешся, довольно! Желательнѣе полько знашь, на какой *авторитетъ* мѣшишь зашѣйливая оспропта Г. Сигова?

— НАПРАВЛЕНІЕ УМА И СЕРДЦА КЪ ИСТИНѢ И ДОБРОДѢТЕЛИ. *Часть III. Москва, въ Тип. А. Селева, 1831.* — Сею частію оканчиваешся полезное собраніе сочиненій и переводовъ, коимъ не мѣзя опкказать въ должной справедливости. Содержаніе ихъ оплнчаешся чистюю нравственностію, а наружная опдѣлка правильностію и чистопюю слога. Рекомендуемъ сие собраніе любителямъ полезнаго чпенія.

— HISTOIRE DE L'UNIVERSITÉ (DE PARIS) depuis son origine jusque á nos jours, par Eugene Dubartc. Paris, 1830. (ИСТОРИЯ (ПАРИЖСКАГО) УНИВЕРСИТЕТА, отъ основанія его до нашихъ временъ. Соч. Евгенія Дюбарта. Парижъ, 1830). — Весьма замѣчательно, съ какою ревностію и быспропюю Французы подвизаюпся въ обработываніи своей опечественной исторіи, спюющей Нѣмцамъ прудовъ споль долговременныхъ. Они знающъуже неперъ, чпо шогда шолько можно имѣть хорошую опечественную исторію, безъ всякаго философскаго суетмудрія и суетсловія, когда предварително изгопшпся богашый запасъ частныхъ и мѣспныхъ исторій, обработанныхъ съ надлежащею основательностію и

безпристрастіемъ. Къ числу таковыхъ принадлежишь опчасни сочиненіе *Г. Дюбарта*, въ коемъ собраны извлеченія изъ длинныхъ повѣствованій Дюбулла и тяжелыхъ диссертацій Кревье, относящіяся къ объясненію Испоріи Парижскаго Университета.

Университетъ Парижскій естъ явленіе любопытное не только для Французской, но и для всеобщей испорій времянь среднихъ. Будучи почилъ единственнымъ средопочіемъ погдашняго Европейскаго просвѣщенія, онъ имѣлъ вмѣстѣ выеокую политическую важность. Это было особенная держава (*puissance*), имѣвшая свой духъ, свою власть, свои поспановненія. Почему не излишне будетъ изложитъ здѣсь, въ краткомъ очеркѣ, происхожденіе и судьбу его.

Въ пяпомѣ спольшій исчезли просвѣщеніе и языкъ Рима въ Галліи. Карлъ Великій и нѣкоторые изъ его преемниковъ, при всѣхъ усиліяхъ, не могли распро-спранитъ въ народѣ наукъ, заключенныхъ въ сѣбѣнахъ монастырей. Сіе какбы исключительное право на просвѣщеніе естественнымъ образомъ содѣйствовало возвышенію духовенства и власпи его надъ прочими сословіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ власпи гражданскія долженствовали пропивоствать ему, а челоѳчество вообще ропшати на возложенное духовенствомъ иго. Изъ двоякой попребности, свободы гражданской и свободы часпной, возникли Университеты; и сія-по попребность изъясняетъ, почему даны имъ привилегіи, коими они пользовались. Власпъ духовенства могло поколебать одно высшее, просвѣщеніе; только схоластическая философія въ симахъ была воспор-жествовала надъ богословіемъ. Учрежденіе Университетовъ вело непосредственно къ сей цѣли. Филиппъ Августъ, основатель Парижскаго Университета, не ошибся въ расчетѣ.

Благоразумію поступали государи, ополчаясь пропшву Папской власпи, не явно, но косвенно, и пропшво-спавляя ей общенародное заведеніе, сочепававшее жажду къ познаніямъ съ усердіемъ къ вѣрѣ и опро-вергавшее власпъ духовенства, не подавая вида, чпо къ эпош цѣли спремшся. Такъ возникъ Парижскій Университетъ. Почши также поступали государи съ господспвовавшимъ феодализмомъ, власпъ кошо-раго равномѣрно нужно было уничпожипъ. Его одо-льми не оружіемъ, но законами; его уничпожило не право сильного, но общеприпятое мнѣніе. Для до-спиженія цѣли сей учреждены Парламенты. Цѣль ихъ и начало объясняюпъ, почему, въ печеніи многихъ спольпшй, Парламенты и Университеты всегда за одно ополчались пропшву Папской власпи и феода-лизма.

Сему-шо спремленію къ познаніямъ и сей поли-пической независимости обязапъ Университетъ Па-рижскій постепенно возраспавшимъ вліяніемъ его на умы въ продолженіе XIII и XIV вѣковъ. Къ нему опвсюду спекались для полученія совѣповъ и наспа-вленій: онъ почши равно счптался недоспупнымъ для заблужденія, какъ самъ Римъ. Изъ него разпоспран-ялись ученіе и примѣры повсюду, по Испаніи и осо-бенно по Германіи, гдѣ вскорѣ образовались соб-спвенные свои Университеты, которые, подобно многимъ ученымъ Германскимъ заведеніямъ, сохранили донынѣ права и характеристическія черпы вѣковъ среднихъ.

Въ концѣ XV спольпшія запмилась цѣль учрежде-нія Университетовъ. Лудовикъ XI, удачно преодольвъ и поправъ феодализмъ, продолжалъ спрашпться мпяпей и боялся даже движенія умовъ въ области

паукѣ. Воишь причина его поведенія въ отношеніи къ Университету, въ коемъ обнаруживалась какаѣ-то холодная недовѣрчивость, безъ любви, но и безъ ненависти.

Въ XVI вѣкѣ ярость Лиги слова бросила Университетъ въ преволненіе гражданскихъ междоусобій и распрей. Исключая нѣсколькихъ покушеній, онъ, въ цѣломъ, оспавался вѣрнѣ основному свосму правилу, религіозной независимости и законной Королѣвской власти. Когда Папы, соединясь съ Гизами, хотѣли уничтожити Галликанское вѣроисповѣданіе и Династію, Университетъ, присоединясь къ Парламенту, мужественно и твердо проповиспаль нмъ и громко проповѣдывалъ о несправедливости ихъ обокудныхъ пребованій. Но это было послѣднимъ свободнымъ возгласомъ его самостоятельной силы въ политическомъ быту Франціи! Съ того времени Университетъ спалъ мало по малу упадати, и, какъ все прочее, склонилъ внио подъ иго деспотизма Ришельё. Но упадку его содѣйствовало еще нѣчто другое, чему трудно было проповиспаться.

Отъ хитрой, прозорливой политики Папъ не укрылось, къ чему вело это стремленіе къ религіозной независимости, существовавшее въ XIII столѣтіи, и спараніе, внесли вновь въ употребленіе природный языкъ и основати Университеты. Она проповиспавила нмъ, что могла. Толпы Доминиканъ и Францискаповъ, разсѣваясь, проповѣдывали народу его нарѣчіемъ, дабы проповисповать розыскателямъ и сомнѣніямъ, возникавшимъ изъ Университетовъ и изъ явившихся потомъ разколовъ, копорые не смотря на угнѣшеніе, продолжали пылать подъ пепломъ. Въ XVI столѣтіи Римскій дворъ руководствовался

шой же полтикой. Люптеру онъ пропивопоставилъ Іезуитовъ, новому общенародному ученію—воинство юное, свѣжее, исполненное рвенія. Онъ не могъ поцадить и Парижскаго Университета, которій былъ, хотя поцпичельнымъ прошивникомъ Рима, по все прошивникомъ. Вскорь возникъ споръ между нимъ и Іезуитами. Въ семь долгомъ и упорномъ споръ проявилось краснорѣчіе Арнольдовъ. Быва сія ознаменована гореспными послѣдствіями!

И основаніе Сорбонны не мало нанесло вреда Университету, ибо, въ слѣдствіе того, лишился онъ своей религіозной власпи, соспавлявшей преимущеспвенную его силу и вліяніе на воспитаніе.

Когда при Лудовикъ XIV и XV Іезуиты усилились при дворѣ, Университетъ совсѣмъ припихъ и не показывалъ никакаго признака жизни; вскорь попомъ онъ совершенно былъ уничтоженъ; и воскресъ уже въ наше время, съ новыми надеждами для просвѣщенія Франціи, по уже безъ всякаго полническаго вліяпія и важности. (Р. Ж.)

VIII.

ПОЭТИЧЕСКІЙ ХАРАКТЕРЪ

КЛИНГЕРА.

Хотя *Клингерь* вѣншною жизнь свою посвятилъ Россіи (а), по умспвенные труды его и душевная дѣлельность принадлежали Германіи. Можетъ бытъ, одного его, изъ всѣхъ поэповъ мишущаго спольстія,

(а) Генерал-Лейтенантъ Фридрихъ Максимиліанъ Клингерь скончался 25 Февраля, въ Петербургѣ, на 77 году онъ рожденія.

по справедливости можно назвать предшественнымъ Германскаго духа, вѣрнымъ однажды принятому имъ направленію. Полное собраніе его сочиненій, состоящее изъ двѣнадцати томовъ, въ коемъ совершенно развивается образъ его мыслей, выходило поспешенно въ Кенигсбергъ до 1820 года; нѣкопорыя піэсы печатались отдѣльно, многими изданіями, какъ п. п. *Близнецы*: доказательствомъ, что *Клингерь* постигъ духъ своего вѣка. Между нимъ какъ другіе счастливейшіе поэты, подъ предводительствомъ *Гёте*, свергали съ себя узы прежней спартипой школы, *Клингерь* остался вѣрнымъ тому времени, въ которое началъ дѣйствовать. Онъ одаренъ былъ силою душевною; но эта сила испощалась, пропивуръча вкусу времени; и чинапель, видя его мощныя усилія, невольно соболъзнуепъ о томъ, что онъ не достигли своей цѣли. Если цѣлю *Клингера* было открытіе вѣку своему новыхъ, ясныхъ идей, то онъ совершенно достигъ се; но, по несчастію онъ не умѣлъ облечь твореній своихъ вышшею прелестію; и попому имъ, какъ огромнымъ развалинамъ—бездушнымъ, но вѣрнымъ памяникамъ минувшаго времени—не достаспъ печати изящесства, до котораго поэты не могъ возвыситься.

Славу *Клингера* соснавляютъ преимущественно драматическія произведенія. Въ нихъ оцупипельно вліяніе *Шекспира*, воцарившагося уже на Германской сценѣ. Современники однако не оцѣнили ихъ достойно: они мало удивлялись разнообразію *Клингера*, не постигали того возвышеннаго, неземнаго духа, копорый парилъ надъ видимымъ міромъ, не чуждаясь его: все это оснавлялось безъ вниманія, или не возбуждало гармоническаго сочувствія; одна только первобытная сила уподоблявшая героевъ его некогда невиданнымъ

исполняемъ — духамъ, казалась доспойною удивленія и подражанія. Писатели перенимали у него не дивную простоту и дѣйствительность, но одну высокосць, или лучше сказать, напыщенность слога, и говорили о чемъ-то дикомъ, неопредѣленномъ, чудовищномъ. *Клингеровы Близнецы* напоминаютъ *Лейзевицсва Юлія Таретскаго* и *Шиллеровыхъ Разбойниковъ*, идущихъ по тому же направленію и написанныхъ въ томъ же духѣ. Прибавимъ только, что его пѣса имѣетъ по достоинству, что въ ней, первой изъ всѣхъ эмфатическихъ длинно-періодныхъ драмъ, проснулась Германская поэзія, грозная, какъ пробудившійся левъ! Одинъ только *Уголио Герстенберга* появился за нѣсколько лѣтъ до *Близнецовъ*. Мрачныя, злобныя рѣчи *Разбойниковъ*, которыхъ *Шиллеръ* хотѣлъ представить героями, и которые въ сущности не что иное, какъ сколки съ *Рихарда*, являющагося у *Шекспира* воплощеннымъ демономъ съ первой сцены, нѣтъ показались бы слишкомъ непріятными зрителю, особливо слабонервному женскому полу. Въ одной только сценѣ *Клингеровыхъ Близнецовъ*, отецъ и сынъ переходятъ отъ любви къ спраннымъ измѣнѣніямъ неинновой ярости, по благословляя, по проклиная другъ друга. Въ минути родовъ, угрожавшихъ матеря смертію, испуганный отецъ забытъ, который изъ двухъ братьевъ близнецовъ родился прежде, и уже, въ послѣдствіи времени, далъ право *Фернандо*, заслужившему любовь его кропотливою своею, право первородства надъ неукротимымъ *Госельфольдъ*, косяго гордая душа не въ силахъ перенести сего оскорбленія. Отъ полагаетъ, что у него не справедливо отнято право первородства и наследіе. Наконецъ и та, которую онъ любитъ, покинуть его, обра-

щасяется къ счастливому его брату; и мысль—спрашная мысль о мщеніи—зараждается въ душѣ его. Напрасно успокоиваетъ его нѣжная мать: неисповѣдъ обогрѣлся кровью брата; и наконецъ падаетъ оупъ мстящаго княжата оупца. Мысль, что *Гвельфо* спаршій сыпъ, попому что оупъ мужеспвешіе и смьне брата, соединена съ цѣлымъ, какъ спрашная пайна. Шкпо не знаетъ, справедливы ли его припзачія на пврвородство, оупецъ ни разу не обнаруживаспъ сомнѣнія; по порывы чувствъ *Гвельфа* почши увлекаютъ зрителя на его спорону. Другая прагедія *Клингера*, *Ельфрида*, имѣетъ болѣе достоинствъ; но очеркъ ея жесткій и суровый, оставяетъ въ душѣ неприяпное, холодное впечатлѣніе. Муза *Клингера* еспъ мспящая, хладнокровно карающая Немезида. Въ испорическихъ драмахъ его характеры обрисованы слабо, попому что поэтъ обращалъ болѣе вниманія на мысли, чѣмъ на образы. Многія мьспа въ *Конрадинъ* сильны и разпелны, какъ и вообще его громовая, мощная проза.

Комедіи *Клингера* не напоминаютъ *Шекспира*: оупъ принадлежатъ скорѣ къ Французской школѣ; однакожь сквозь Французскую шпругу проглядываетъ въ нихъ проспона Германская. Нѣтъ ничего опвратпшелнье и спрашье, когда Французскіе щеголы и щеголихи, среди самаго учпваго разговора, припмаются вдругъ за грубоспи; показывающія въ нихъ Германскую душу. Однакожь такая смьсь еспъ вѣрная картина времени, въ которое родились сип произведенія. Нѣмецкая комедія всегда смпшкомъ французила; можно даже сказать, что она никогда не росла на родной почвѣ. *Коцебу* умѣлъ, въ лучшихъ изъ своихъ комедій, предспавляющихъ по болышей часпн

слабости и пороки мѣщанскаго быта, окружающаго Нѣмецкою мѣщанскою сослѣвными имъ по Французскому образцу интриги; и такъ какъ въ его время Германія не совсѣмъ еще освободилась отъ приспираспїи къ Французскому вкусу, то онъ представлялъ ихъ не въ пародїи, а какъ нѣчто настоящее, существенное; и такимъ образомъ, подобно милой, но вѣроломной красавицѣ, льстивъ слабостямъ публики и любезничалъ ея, гдѣ долженъ былъ бы дать полную свободу сапирическому юмору и пародїи. Такъ судящъ о немъ либераторы; любителямъ же театра нравился онъ болѣе потому, что умѣлъ искусно сохранять въ пїесахъ своихъ послѣдовательность и единство тона; тогда какъ въ комедїяхъ *Клингера* недоспапокъ ихъ производилъ непрїятное впечатлѣніе на зрителя.

Что касается до романовъ, сослѣвлявшихъ главный предметъ трудовъ и дѣятельности *Клингера*, не лзя не удивиться, слыща, что онъ написалъ отъ осьми до десяти огромныхъ сочиненїй, руководимый одною и тою же мыслию, смотря на предметы съ одной и той же точки зрѣнїя, такъ что одно изъ нихъ дополняетъ другое, и всѣ части, соединенныя вмѣстѣ, въ общемъ ихъ направленїи, представляютъ отношенїя человека къ міру. Посвятивъ большую часть жизни одной, господствующей идее, есть мысль высокая, достойная Германскаго поэта! Отличительную черту Нѣмецкой Романической Поэзіи сослѣвляетъ стремленїе къ умозрительности; прежде жъ было еще болѣе во вкусъ времени, облекать въ форму романа умслвенныя заблужденїя и правдивыя правила частныхъ лицъ. Но въ семъ случаѣ, не смотря на поэтическій даръ писателя, должно неминуемо поспрадать пласническое изображенїе предметовъ, ко-

порое одно только можетъ возвести сочиненіе на степень поэзіи; а что мысль подавляетъ поэзію, но доказываютъ многія изъ лучшихъ произведеній знаменитѣйшихъ Германскихъ писателей. Все, что произвелъ въ эпическомъ родѣ *Клинггеръ*, какъ по: *Святскій Человѣкъ и Поэтъ* и проч., входитъ почти въ категорію Платоновыхъ Разговоровъ, гдѣ поэзія оспашаея впороспешеннымъ, вспомогательнымъ средствомъ, и не можетъ вполне дѣйствовать.

Въ ряду романовъ, которыми *Клинггеръ* хотѣлъ изобразить борьбу чувственнаго съ духовнымъ въ человѣкѣ и мірѣ, занимаетъ первое мѣсто: *Жизнь, Дѣлнія и Вверженіе въ адъ Фауста*. Между тѣмъ какъ *Геттевъ Фаустъ* нисходитъ во глубину собственной души, и въ ней обрѣпашаетъ адъ, *Клинггеровъ* съ самаго начала рыцаетъ по свѣцу съ дьяволомъ и посѣщаетъ своихъ современниковъ, которые все вообще предшавляются ему въ черномъ видѣ. Въ Германіи видитъ онъ одно лишь умешвенное и общеспешное рабство, во Франціи коварнаго убійцу Людовика XIго, въ Англіи хладнокровнаго демона Ричарда IIIго, наконецъ въ Римѣ Александра Боргію, упопашающаго въ прешупленіяхъ и крови. Размышленія *Фауста* предшавляютъ опредѣленную мораль; страсть участвовать въ злыхъ дѣлахъ равняется въ немъ ярости и желанію порицать Всевышняго за прешупленія міра. Такъ повергашся онъ въ бездну грѣховъ порока; онъ болѣе похожъ на безотчешнаго *Дон-Жуана* низшаго разбора, чѣмъ на духовно падащаго *Фауста*. *Клинггеръ* достигъ своей цѣли, если хотѣлъ возбудить въ читателѣ физическое и моральное ошвращеніе; но мы твердо увѣрены, что въ его *Фаустѣ* нѣтъ и тѣни поэзіи. Кажется, онъ самъ эпо

чувствительность, ибо *Рафаэль де Аквилла* и *Джиафарь*, эпизоды сей страшнѣйшей картины, написаны перомъ менѣе жесткимъ и непримиримымъ. Хотя весь герой *Клингеровыхъ* романовъ, какъ бы влекомый проклятіемъ, погружается въ пороки, однакожь по временамъ, въ нѣкоторыхъ его сочиненіяхъ, проглядываетъ утѣшительная, благодатная увѣренность что есть будущій міръ, неопъемлемая награда добродѣтели.

Въ заключеніе съ удовольствіемъ упомянемъ о его *Истории Германіи новѣйшихъ временъ* (вышедшей въ 1798 году). Граціи не благоволили *Клингеру*; но онъ достоинъ уваженія, какъ писатель прямодушный и честный: въ особенностіи сіе послѣднее сочиненіе можешь назваться классическимъ; ибо объясняетъ положеніе Германіи во время Французской революціи.

Freimithige. (А. Ш.).

IX.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

—ГОНЕНІЕ НА МАСОНОВЪ ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ.—
Между нѣмъ какъ у насъ, въ Спаромъ Свѣтѣ, Масонскія ложн вездѣ запираются и уже почти заперты, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки возникаетъ также партія, имѣющая цѣлю, совершенное уничтоженіе франк-масонства и старающаяся достигнуть оной, не допуская ни къ какимъ должностямъ Масоновъ, не соглашающихся оплодотвориться оупъ обществу. Многія просвѣщенные, значительныя особы въ Америкѣ

полагають и говорятъ, что Массонство есть глупая секта и что основныя его правила могутъ быть вредны для государства. Дабы распространить мнѣніе сіе въ народъ, употребляютъ всевозможныя средства, и число протемнѣвшихъ съ каждымъ днемъ возрастаетъ. Во многихъ областяхъ составились политическія партіи, противудѣйствующія Массонству. Ръчи и поступки начальниковъ сихъ партій показываютъ такой духъ нетерпимости, который совершенно несогласенъ съ свободою, основанною на законахъ и здравомъ разумѣ. Ожесточеніе это доказываетъ, что человекъ, при всякомъ правленіи, во всякомъ климатѣ, осматривается человекомъ, и что какъ въ Лиссабонѣ, такъ и въ Нью-Йоркѣ можно вывести одинъ и тотъ же результатъ изъ разныхъ, но одинаково ошибочныхъ, данныхъ.

Въ 1826 году некто, по имени Вилліамъ Морганъ, жившій въ Батавіи, въ восточной части Нью-Йоркского округа, изъявилъ желаніе вступить въ новоучрежденную Массонскую ложу, но получилъ отказъ. Чувствительнѣе пѣтъ обиженный, онъ объявилъ гласно, что опровергнетъ тайныя постановленія общества. Морганъ, бывшій уже членомъ ложи *Великаго Царственнаго Ковчега*, оказывалъ всегда ревностное къ ней усердіе, но велъ беспорядочную жизнь; онъ вовсе не имѣлъ состоянія, и вѣроятно подвинутъ былъ къ измѣнѣ надеждой полученія за нее значительную сумму денегъ. Нѣсколько времени не обращали вниманія на его угрозы, но наконецъ онъ причинилъ безпокойство нѣкоторымъ изъ Массоновъ, кои проследили ревность свою до того, что пыпались изобрѣсти Морганову рукопись, вломившись въ домъ, гдѣ она печаталась, и зажегши его. Послѣ сего поку-

шенія, Морганъ заключенъ былъ въ темницу за небольшой долгъ; нѣкото, по имени Лапонъ Лаусонъ, заплашилъ за него, и онъ вновь получилъ свободу. Но въ слѣдъ за тѣмъ его бросили въ повозку, въ которой нѣсколько незнакомыхъ людей съ нимъ помѣшались, и завязавъ ему глаза, отвезли въ Ниагарскую крѣпость. Онъ прибылъ туда 13 Сентября 1826 года, и недолго просидѣвъ въ темницѣ, былъ умерщвленъ. По показаніямъ свидѣтелей планъ убійства составленъ и произведенъ въ дѣйство Масонами, въ слѣдствіе принятой ими на себя обязанності.

Это злодѣяніе произвело живѣйшее негодованіе во всѣхъ благомыслящихъ людяхъ, во всѣхъ гражданахъ свободной, просвѣщенной страны. Морганъ конечно былъ человекъ ненадежный, безразличный: но давало ли это право на подобный поступокъ? Можноли испортуешь человека изъ среди семейства, повергнуешь въ темницу и кладнокровно умертвить, вопреки законамъ и власнямъ, по одному жестокому повѣщенію тайнаго общества, поставляющаго волю свою выше законовъ государственныхъ? И удивительно ли, что послѣ такого злодѣянія, общес негодованіе громко возспало на виновныхъ и что вся строгость законовъ была призвана для наказанія оскорбителей ихъ неприкосновеннаго величія? Сіе чувство негодованія приноситъ честь націи. Губернаторъ Клипонъ объявилъ, что тому, кто покажетъ людей; похищившихъ Моргана, дается въ награду 1000 фунт. стерл. Законодательное Государственное Сословіе учредило особенную комиссію для изслѣдованія дѣла, открытія участвовавшихъ въ похищеніи и убійствѣ Моргана, и наказанія ихъ сообразно съ законами. Произведено до пятидесяти слѣдствій, и найдено много

виновныхъ; пасполціе же убійцы не открыты до сихъ поръ, и вѣроятно навсегда укрылись отъ кары законовъ.

Во время судопроизводства открылось многое, оправдывающее дѣйствія противниковъ Массонства, размножившихся нынѣ по всему пространству Соединенныхъ Штатовъ. Нѣкоторые изъ допрашиваемыхъ Массоновъ, какъ свидѣтелей, не хотѣли ничего объявить, и предпочли годичное заключеніе въ темницѣ, въ наказаніе за ихъ неовиновеніе законамъ; другихъ, призванныхъ предъ судилище присяжныхъ, по долгомъ выслушаніи обязанностей, возложенныхъ на нихъ франк-масонскими посланствіями, отпустили какъ людей, немогущихъ въ дѣлѣ семъ говорить безприспращно. Въ слѣдствіе сихъ порожественныхъ объясненій, враги массонства заключили, что въ недрахъ государства скрывается разрядъ гражданъ, повинующихся тайнымъ законамъ, въ направленіи своемъ противуположныхъ законамъ гражданскимъ, и даже не подвластныхъ онымъ, и объявили, что обстоятельство сіе гибельно для государства; ибо подкупываетъ основныя его правила и уничтожаетъ общественный духъ.

Впрочемъ, за смерть Моргана должны отвѣтствовать одни только виновники оной; общество же Массоновъ въ цѣломъ его составѣ непричастно сему злодѣянію. Нью-Йоркская ложа *Великаго Ковчига* многократно подавала отъ себя объясненія, въ коихъ, именемъ всѣхъ сочленовъ порожественно отрекалась отъ участія въ семъ преступленіи, называя оное нарушеніемъ свяности законовъ и личной свободы. Прочія ложи дали подобныя сему объясненія. Сличкомъ несправедливо было бы обвинять всѣхъ Массоновъ за злодѣяніе нѣсколькихъ членовъ ихъ общества. Но таково было и таково шеперь общее мнѣніе во всей

Съверпой Америкѣ, не взирая на то, что большая часть значительныхъ особъ въ Нью-Йоркѣ до сихъ поръ оспающа Масонами. (Ж. В.)

—общество мира въ Женевѣ.—Къ полезнѣйшимъ обществамъ, существовавшимъ донынѣ въ Женевѣ, принадлежить *Общество Мира (société de la paix)*, имѣющее цѣлю показати людямъ несчастія и бѣдствія происходящія отъ войны и вмѣстѣ съ тѣмъ изыскати средства къ водворенію всеобщаго, ненаружимаго мира. Основатель сего, многочисленнаго уже общества, есть почтенный Селлонъ, въ печеніи многихъ лѣтъ посвящающій труды свои охраненію и защитѣ человѣческой жизни. Селлонъ былъ некогда Каммергеромъ при Наполеонѣ, и не взирая на скромный нравъ, пренебрегалъ многія оскорбленія отъ того, который имѣлъ обыкновеніе говорить: *государство—это я!* Великую приносить ему честь, что онъ въ школѣ кровожадномъ училищѣ не позабылъ цѣны человѣческой жизни. Онъ началъ спараніемъ уничтожить смертную казнь въ Женевѣ; и основаніе *Общества Мира* есть уже послѣдствіе сего уничтоженія. Предпріятіе сего встрѣчено было многими, неосновательными опроверженіями. Нѣкоторые утверждали, что настоящее время ему не благопріятствуетъ; что теперь, когда Швейцарія ополчается, оно можетъ почестись оужденіемъ мѣръ, ею принимаемыхъ. Но кажется, положеніе Швейцаріи, желающей всячески предупредить войну, именно и доказываетъ благовременность сего общества. Ни кому изъ благоразумныхъ людей не придетъ въ мысль, что онъ добивается вліянія на Политику и Дипломатію, дабы остановить войну и измѣнить направленіе Европейскихъ кабинетовъ;

все это въ кругъ его дѣйствій Общество сіе можетъ имѣть только религіозное и моральное вліяніе; цѣль его—открывать собственыя причины войтъ, опредѣлять ихъ отъ мнимыхъ, и изыскивать средства къ ослабленію или даже къ совершенному уничтоженію сего бича рода человѣческаго. Явно, что трудъ сей есть трудъ долголѣпный, тяжкій. Положимъ, что основанная нынѣ обществу будетъ впредь подвизаться съ постояннымъ успѣхомъ, не встрѣпитъ никакихъ препятствій на своемъ пути, и полной удачею вознаградитъ все труды свои и преднамѣренія; но ни какъ не лзя надѣяться, чтобы существующіе нынѣ члены до того дожили; счастье это должно быть предоставлено ихъ преемникамъ, и еще не извѣстно, въ сколь дальнемъ поколѣніи. Кажется, однако, что именно поему-то цѣль общества и должна быть признана возвышеною и великою, чего о прочихъ сказать нельзя. Оно трудится не съ надеждою собрать плоды и насладиться ими, но для грядущихъ поколѣній, о счастьи и спокойствіи коихъ заботится. Оно вновь беретъ за *мечты добраго человека*, Аббата Сен-Пьера, и разсматриваетъ теперь, въ чемъ должно распроспрашивать ихъ, въ чемъ сократить, существующіе ли еще нѣкоторыя, которыя нѣкогда помѣшали ихъ исполненію, и есть ли возможность преодолѣть ихъ. Общество сіе вступаютъ въ союзъ съ Обществами Мира, уже существующими въ Англии и Сѣверной Америкѣ, дабы узнать отъ нихъ о непосредственныхъ слѣдствіяхъ ихъ усилій, чего они надѣются, какъ дѣйствуютъ нынѣ, и въ чемъ оно можетъ помочь имъ. Изслѣдованія и труды ихъ конечно приведутъ къ новымъ, любопытнымъ открытіямъ. Можетъ быть Общество сіе и отклонится со временемъ отъ освѣщенной

цѣли, которую нынѣ предположило, и принуждено будетъ испроститься къ другой. Теперь однако невозможно рѣшительно опредѣлить дѣйствій его и направленія на предбудущее время. (М.В.).

X.

НОВОСТИ

НАУКЪ И ИСКУССТВЪ.

—ОТКРЫТИЕ ТЕЧЕНІЯ И УСТЬЯ РѢКИ НИГЕРА. — Великая географическая проблема о теченіи и устьѣ *Нигера* наконецъ рѣшена Ричардомъ Ландеромъ, вѣрнымъ спутникомъ несчастнаго Клаппертона. Сей отважный и ловкій путешественникъ, въ сопровожденіи своего брата, назадъ пому нѣсколько мѣсяцевъ, оставилъ Англію, съ намѣреніемъ употребить новыя усилія для того, чтобы опредѣлить положительно теченіе этой таинственной рѣки. Прибывши въ Юри, пунктъ, уже посѣщаемый ихъ предшественниками, оба брата отправились по *Нигеру* или по *Кварртъ*—(такъ называется рѣка эта у туземцевъ)—въ легкомъ челнокѣ; и послѣ долговременнаго и опаснаго путешествія, доплыли до моря, близъ мыса Формозы, на Гвианскомъ берегу. Рукавъ, которымъ она вошла въ море, называется у туземцевъ *Нуиъ* и впадаетъ въ заливъ Біафрскій. Сіе открытіе подтвердило совершенно мнѣніе славнаго Нѣмецкаго путешественника Рейхардта, который, послѣ долговременнаго пребыванія на берегахъ Африки, писалъ, въ Январѣ 1824 года, что *Нигерь*, прежде впаденія въ океанъ, долженъ образо-

вашь большую дельту, коей *Rio-Fortinos* или *Венинская Рѣка* соснавляетъ западную, а *Rio-del-Rey* восточную сторону. Со времени Мунго-Парка до Клаппертона, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, болѣе сна путешественниковъ запланили жизнью за покушенія разрѣшить сію проблему. Бранья Ландеры, по возвращеніи изъ своего опаснаго путешествія, занимающа издаіемъ журнала, веденнаго ими во время плаванія по *Нигеру*. (R. V).

—НАДГРОБНЫЕ ПАМЯТНИКИ ПАВЛУ И ВИРГИНИИ НА СТРОВА ИЛЬ-ДЕ-ФРАНСЬ. — Наконецъ художества воздвигли памятники *Павлу* и *Виргини*, сполько прославленнымъ въ мнущемъ вѣкѣ знаменитымъ императорскимъ произведеніемъ. Повѣсть Бернардина Сен-Пьера основана почти на баснословной пкани происшествій; надгробные памятники сіи еще баснословіе. Но, что процпаютъ чинатели сочинителю, которій, обманывая, забавляетъ ихъ, шого не проспятъ любопытные посѣтители зодчему памятника, вздумавшему надъ ними похвастаться. Вошь въ чемъ состоятъ дѣло. Одна Англичанка, проведенная семь лѣтъ на *Иль-де-Франсь*, въ запискахъ о сей колоніи, говоритъ слѣдующее. »Кварпаль Памплемусскій неосторимо принадлежитъ къ живописѣйшимъ часнямъ острова, а надгробные памятники *Павла* и *Виргини* поснавили его на ряду съ извѣснѣйшими мѣстами древней половины земнаго шара. Толпы молодыхъ Англичанокъ ежегодно посѣщаютъ сіи памятники и выражаютъ чувствительность свою забавными шлодвиженіями. Впрочемъ доказано, что гробницы не сокрываютъ въ себя бранныхъ останковъ *Павла* и *Виргини*, и что онѣ сооружены нынѣшнимъ владѣтелемъ сей части острова,

для приманки Англійскихъ путешественниковъ, которые любятъ помѣщать въ запискахъ своихъ описанія сердце-томительныхъ чувствованій, возбужденныхъ при взглядѣ на прахъ сихъ злополучныхъ любовниковъ. Сначала воздвигъ онъ одинъ только *Виргини* памятникъ; но какъ чувствительные путешественники, со слезами на глазахъ, беспрепятственно спрашивали, гдѣжь поконился несчастный *Павель*, по вмѣнилъ онъ себя въ обязанность соорудить и другой, для довершенія пріятнаго заблужденія посѣпителей. Памятники сии, весьма некрасивой наружности, исписаны именами, стихами, пословицами и изреченіями, плодами романтическихъ мечтаній чувствительныхъ посѣпителей. По многимъ изслѣдованіямъ узнала я наконецъ, что слабый только слѣдъ повѣсти *Бернардина Сеп-Пьера* сохранился на островѣ; а именно, что тогда, какъ Губернаторомъ онаго былъ *Лабурдопе*, молодая двушка, по имени *Виргинія*, во время бури, поглощена была моремъ близъ *С. Жеранскаго* берега, и что юноша, сираспно въ нее влюбленный, умеръ съ печалью. Кромѣ живописнаго изображенія острова, все прочее въ сочиненіи *Сеп-Пьера* выдуманно; и потому невольно смѣхенься, видя мимическія кривлянья, забавный восторгъ и сцены состраданія почтительней памяти *Павла* и *Виргини*.» (*Journal des Artistes.*)

XI.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ СТАТИСТИКИ

ВРЕМЕНЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

Въ нашей липерашурѣ нельзя, кажешся, сдѣлать никакого дѣла, копорагобъ неблагонамѣренныя или полько что несвѣдущіе люди не располковали въ худую спорову. Такъ случилось и съ изданіемъ *Статистики Времени Петра Великаго*. Почипаю за нужное объяснишья предъ шѣми, кому о помъ вѣдашь надлежишь.

Эпо сочиненіе соспавлено Оберъ-Секретаремъ *Кириловымъ*, однимъ изъ умнѣйшихъ людей своего времени, изъ официальныхъ докуменшовъ. Оно кончено около 1727 года, но начашо, разумѣешся, гораздо прежде для предспавленія Петру Великому.

Говоряшь иные, что многія показанія въ эпмомъ сочиненіи могли безъ уцербя для Испоріи и Спаши-спици бышь преданы забвенію. Нѣшь: изъ него нельзя и не должно выпускашь ничего; здѣсь важно всякое слово, показывая, что умные люди шого времени считали важнымъ и на что обращали вниманіе. Если изключишь изъ сего сочиненія разныя мѣспа, по оно исказишья, и сдѣлаешся новымъ сочиненіемъ, и слѣдовательно пошеряешъ испорическое свое доспоинство, свою физиономію и свой характеръ. Изъ мѣшописи

не исключаютъ, на примѣръ, самыхъ пуспыхъ и нелѣпыхъ мѣспъ; а развѣ Спаписника *Кирилова* не принадлежишь къ числу историческихъ матеріаловъ?

Я издалъ по ошибочному списку. Но я объяснилъ въ предисловіи, почему не могъ издать съ подлинника. Я самъ, сказалъ объ этихъ ошибкахъ, копорыхъ, разумѣлся другой не такъ легко бы могъ опыскашь. Припомъ сіи ошибки не важны и малочисленны и не опнимаютъ главнаго достоинства у сочиненія. И еще вопросъ: почему никто не позаботился въ печеніи спалъшь напечатать съ подлинника? или еще легче, почему не свѣрятъ пеперь моего изданія съ подлинникомъ? Исправленныя ошибки помѣстились бы *на поллистъ*, и книга получила бы совершенный видъ.

Другіе говорятъ: зачѣмъ я не сдѣлалъ извлеченіе изъ этой книги. Но это можетъ быть предметомъ особливаго новаго сочиненія. Извлеченія можетъ дѣлать пеперь Полищикъ, Историкъ, Спаписникъ, Географъ, Топографъ, и проч. Извлеченія каждаго будутъ различныя, смотря по предмету его занятій. Почему я не объяснилъ нѣкопорыхъ темныхъ названій?—Но въ книгѣ почти нѣтъ темныхъ названій для Русскихъ, знающихъ языкъ свой—а объяснишь два-три слова я не хощѣлъ, чшобъ не песпришь сочиненія такими маловажными объясненіями.

Мнѣ говорятъ, что это прудъ маловажный. Но развѣ я почишаю его важнымъ? Я не подписалъ бы подъ нимъ своего имени—такъ мало я самъ цѣню его—еслибы не пужно было объяснишь предъ публикою, почему издана книга такъ, а не иначе. *Но не должно смѣшивать изданія съ сочиненіемъ*: изданіе маловажно, но важно сочиненіе.

Не думалъ такъ же я говорить, чшобъ я опыскалъ

рукопись. Одни ослѣпленные клеветники могутъ сказать эпо: ибо въ первой строкѣ предисловія у меня сказано, что рукопись, принадлежала *Голикову*, опъ *Голикова* достпалась *Г. Каразину*, опъ *Г. Каразина* получена мной для изданія.

У *Голикова* напечатаны были только выписки изъ эпого сочиненія, болѣе или менѣе полныя, перемѣшанныя съ собственными объясненіями автора и выписками изъ другихъ сочиненій, которыя имѣетъ *Г. Каразинъ*.

Узнавъ въ 1829 году, какія историческія драгоценности находятся у сего почтеннаго любителя и собирателя Русскихъ Древностей, получившаго въ наслѣдство библіотеку *Голикова*, я съ величайшимъ удовольствіемъ принялъ его предложеніе печатать ихъ, по его плану, начавъ съ *Кирилова* — лишь бы скорѣе ихъ обнародовать и принести тѣмъ пользу всѣмъ занимающимся исторіею. Другихъ видовъ не могло быть; ибо охотниковъ до такихъ книгъ у насъ еще не много и въ продолженіе года на Спанистику *Кирилова* явилось чуть ли не пять только подписчиковъ. А меня теперь упрекаютъ за полспую бумагу, дурную обвертку, за квасной патриотизмъ, за другое, за третье, и взводятъ небылицы!.. Проспите слабости: мнѣ было эпо очень прискорбно!..

М. Погодинъ.

XII

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О МИЗИНЦѢ Г. БУЛГАРИНА

и о прочемъ.

Я не принадлежу къ числу тѣхъ незлопамятныхъ литераторовъ, копорые, публично другъ друга обругавъ, обнимающся попомъ всенародно, какъ *Пролазъ съ Въссоносомъ*, говоря въ похвальбу себѣ и въ утѣшеніе:

Вѣдь кажешся у насъ по полной оплеухъ.

Нѣтъ: разсердясь единожды, сержусь я долго и упихаю не прежде, какъ испощивъ весь запасъ оскорбительныхъ примѣчаній, обиняковъ, заграничныхъ анекдотовъ и шому подобнаго. Для поддержанія же себя въ семь суровомъ расположеніи духа; перечипываю я, щипательно мною переписанныя въ особую шепрадь, спашь, подавшія мнѣ поводъ къ шаковому ожеспоченію. Такимъ образомъ, пересмапривая на дняхъ антикриптику, подавшую мнѣ случай заспунипиться за почпеннаго друга моего *А. А. Орлова*, напаль я на слѣдующее мѣсто:

—*«Я рпшился на сіе»*—(на оправданіе Г. Булгарина)—*«не для того, чтобъ оправдать и защищать Булгарина, который въ этомъ не имѣеть надобности, ибо у него въ однолѣ мизинць болѣе ума и таланта, нежели во многихъ головахъ рецензентовъ»* (см. N 27 *Сынъ Отечества*, издаваемаго Гг. *Грегемъ и Булгариньмъ*).

Изумился я, какимъ образомъ могъ я пропуспипь безъ вниманія сіи краснорѣчивыя, но необдуманныя спроки! Я спаль по пальцамъ перечипывать всевозможныхъ рецензентовъ, у коихъ менѣе ума въ

головѣ, нежели у *Г. Булгарина* въ *мизинцѣ*, и теперь догадываюсь, кому *Николай Ивановичъ* думаль погрозишь мизинчикомъ *Фаддея Венедиктовича*.

Въ самомъ дѣлѣ къ кому можете опнеспись эпо запѣйливое выраженіе? Кпо наши записные рецензенты?

Вы, *Г. Издатель Телескопа*? Вѣроятно мспипельный *мизинтикъ* указываетъ и на васъ: предоставляю вамъ самимъ вспуниться за свою голову а). Но кпо же другіе?

Г. Полевой? Но не смотря на прежніе раздоры, на письма Бригадирши, на насмѣшки славнаго Грипусье, на недавнее прозвище Верхогляда и проч. и проч., *всей Европѣ извѣстно*, что *Телеграфъ* сосшощъ въ добромъ согласіи съ *Свѣрной Пчелой* и *Сынкомъ Отечества*: *мизинтикъ* касается не его.

Г. Воейковъ? Но сей замѣчательный липераторъ рецензіями мало занимается, а извѣстенъ болѣе изданіемъ Хамелеониспики, остроумнаго сбора спалей, въ коихъ выводятся, такъ сказать, на чистую воду нѣкопорыя, такъ сказать, липературныя плупни. Ловкіе издатели *Свѣрной Пчелы* ужь вѣрно не спанушь, какъ говорится, класць ему пальца въ ротъ, хопя бы сей палець былъ и знаменитый, вышеупомянутый *мизинтикъ*.

Г. Соловъ? Но кажешся Липературная Газета, совершивъ свой единственнй подвигъ—совершенное уничтоженіе (липературной) славы *Г. Булгарина*—почиешъ на своихъ лаврахъ и *Г. Греть*, вѣроятно, не спанешъ превозмощъ сего счастливаго усыпленія, щекочя Газету проказливымъ *мизинчикомъ*.

а) До мизинцевъ ли мнѣ? *Изд.*

Кого же оцарапалъ сей мизинецъ? Кпо сін рецензенты, у коихъ—и такъ далье? Просвѣщенный чипапель уже догадался, что дѣло идешь обо мнѣ, о *Феофилактѣ Косицкииъ*.

Всему свѣту извѣстно, что никпо поспояннѣ моего не слѣдовалъ за исполинскимъ ходомъ нашего вѣка. Сколько глубокихъ и блиспапельныхъ пвореній по части полипикки, почныхъ наукъ и чиспой липературы, вышли у насъ изъ печати въ печеніе послѣдпяго десятильшія—(шагнувшего такъ далеко впередъ)—и обратило на себя справедливое вниманіе завидующей намъ Европы! Ни одного изъ таковыхъ явленій не пропустилъ я изъ виду; обо всякомъ, какъ извѣстно, написалъ я по одной спапѣ, опличающейся ученоспю, глубокомысліемъ и оспроуміемъ. Если долгъ безприсраспія пребовалъ, чтобъ я указывалъ иногда на недоспапки разбираемаго мною сочиненія; по можетъ ли кпо нибудь изъ Г. Русскихъ авпоровъ жаловаться на заносчивость или невѣжесство *Феофилакта Косицкина*? Можетъ бытъ, по примѣру Г. *Полеваго*, я елишкомъ леспно опзываюсь о самомъ себѣ; я могъ бы говорить въ прешьемъ лицѣ и попросить моего друга подписать имя свое подъ сими справедливыми похвалами; но я гнушаюсь таковыми уловками и Гг. Русскіе журналисты, вѣрояпно, не укорятъ меня въ шарлапанствѣ.

И чтожь! Г. *Грегъ* въ журналѣ, съ жадноспю читаемомъ во всей просвѣщенной Европѣ, даетъ пониманіе, будто бы въ мизинцѣ его поварища болѣе ума и спаланпа, чѣмъ въ головѣ моей! Опзывъ елишкомъ для меня оскорбительный! Полагаю себя въ правѣ объявить во услышаніе есей Европы, что я ни чихъ мизинцевъ не боюсь; ибо не входя въ разсмотрѣніе го-

ловъ, увѣрю, что пальцы мои—(каждый особо и въ пяць въ совокупности)—гошovy въздашь спорницею, кому бы по ни было. Dixi!

Взявшись за перо, я не имѣлъ однакожь цѣлю объявить о семъ почтеннѣйшей публикѣ; подобно нашимъ писателямъ - аристократамъ—(разумью слово сіе въ его ироническомъ смыслѣ)—я никогда не отвѣчалъ на журнальныя крипики: дружба, оскорбленная дружба призываетъ опять меня на помощь угнетеннаго дарованія.

Признаюсь: послѣ спашьи, въ которой такъ порожесивно оправдалъ и защитилъ я *А. А. Орлова*—(спашьи, принятой Московскою и Петербургскою публикою съ опличной благосклонностию)—не ожидалъ я, чтобъ *Сверная Пчела* возобновила свои нападенія на благороднаго друга моего и на первопреспольную столицу. Правда, сіи нападенія уже гораздо слабѣе прежнихъ, но я не умолкну, доколь не принужу къ совершенному безмолвію ожеспченныхъ гонимелей моего друга и непочиншельнаго *Сына Отечества*, издавающагося надъ нашей древнею Москвою.

Сверная Пчела (N 101), объявляя о выходѣ новаго *Взглянима*, говоритъ: »Заглавіе сего романа зашпавило насъ подумать, что эпо одно изъ многочисленныхъ подражаній произведеніямъ нашего *блаженнаго Г. А. Орлова*, знаменипаго автора - - Пришомъ же всякое произведение Московскоя литературы, посящее на себѣ печашъ издѣлія книгопродавцевъ *пятнадцатаго класса* - - - приводитъ насъ въ невольный прещешъ. «
»*Блаженный Г. Орловъ*«... Чшо значить *блаженный Орловъ*? О! конечно: если блаженство соединить въ покойншви духа, не возмущаемаго ни завистию, ни корысплюбіемъ; въ чистой совѣсти, не запяпнанной

ни плупнями, ни лживыми доносами; въ честномъ и благородномъ прудѣ, въ смиренномъ развитіи дарованія, даннаго опть Бога: по добрый и небогатый *Орловъ* блаженъ и не станеть завидовать ни богатству плупа, ни чинамъ негодяя, ни извѣстности шарлапана!!! Если же слово *блаженный* упопрелено въ смыслъ, коего здѣсь изьяснятъ не спдану, по удивляюсь охотѣ нѣкоторыхъ людей, спарающихся предспавитъ смѣшными вещи, вовсе не смѣшныя, и которыя даже не могутъ извинять неприличія мысли оспроуміемъ или веселостию оборота.

Насмѣшки надъ книгопродавцами папнадцатаго класса обличаютъ аристокрацію чиновныхъ издашелей, нѣкогда осмѣянную пакъ называемыми аристокрапическими нашими писапелями. Повспоримъ испину, спольже неоспоримую, какъ и нравспвенныя размышленія *Г. Булгарина:*» чины не дають ни честности плупу, ни ума глупцу, ни дарованія задорному маракъ. *Фильдингъ* и *Лабрюеръ* не были ни *Спашскими* Совѣшниками, ни даже *Коллежскими* Ассесорами. Разночинцы, вышедшіе въ дворянство, могутъ бытъ почпенными писапелями, если сполько они люди съ дарованіемъ, образованностию и добросовѣстностию, а не флигары и не наглцы.»

Надѣюсь, что сей умѣренный мой опзывъ будеть послѣднимъ и что почпенные издашели *Съверной Пчелы*, *Сына Отечества* и *Съвернаго Архива* не вызовушъ меня снова на поприще, на которомъ являюсь рѣдко, но не безъ успѣха, какъ изволите видѣть. Я человекъ миролюбивый, но всегда готовъ заспупиться за моего друга; я не похожу на того *Китайскаго Журналиста*, который, покаякая своему товарищу и въ глаза выхваляя его бредни, говоритъ на ухо всякому:»

«эпошъ пачкунъ и мерзавецъ ссорилъ меня со всѣми порядочными людьми, мараеъ меня своимъ поваричесствомъ; но что дѣлать? онъ человекъ дѣловый и распорочный!»

Между тѣмъ полагаю себя въ правѣ объявить о существованіи романа, коего заглавіе прилагаю здѣсь. Онъ поступилъ въ печать или оспанеется въ рукописи, *смотря по обстоятельствамъ.*

НАСТОЯЩІЙ ВЫЖИГИНЪ

ИСТОРИКО - НРАВСТВЕННО - САТИРИЧЕСКІЙ

РОМАНЪ XIX ВѢКА.

СОДЕРЖАНІЕ.

Глава I. Рожденіе Выжигина въ кудлашкиной капурь. Воспитаніе ради Христа. Глава II. Первый пасквиль Выжигина. Гарнизонъ. Глава III. Драка въ кабакъ. Ваше Благородіе! Дайте опохмѣлиться! Глава IV Дружба съ Евсѣемъ. Фризловая шинель. Кража. Бѣгство. Глава V. Ubi bene, ibi patria. Глава VI. Московскій пожаръ. Выжигинъ | грабилъ Москву. Глава VII. Выжигинъ перебѣгаетъ. Глава VIII. Выжигинъ безъ куска хлѣба. Выжигинъ ябедникъ. Выжигинъ поргашъ. Глава IX. Выжигинъ игрокъ. Выжигинъ и опшавный кваршальный. Глава X. Вспръча Выжигина съ Высухинымъ. Глава XI. Веселая компанія. Курьозный куплетъ и письмо-анонимъ къ знап-

ной особѣ. Глава XII. Танпа. Выжигинь попадаея въ дураки. Глава XIII. Свадьба Выжигина. Бѣдный племянничекъ! Ай да дядюшка! Глава XIV. Господинъ и Госпожа Выжигины покупають на прудовыя денежки деревню и съ благодарностию объявляють о томъ почтенной публикѣ. Глава XV. Семейственныя непріятности. Выжигинь ищеть утѣшенія въ бесѣдѣ музъ и пишеть пасквили и доносы. Глава XVI. Видокъ или маску долой! Глава XVII. Выжигинь раскаеяея и дѣлаея порядочнымъ человекѣмъ. Глава XVIII и послѣдняя. Мышь въ сырѣ.

О. Косичкинъ.

(сообщено).

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чпобы по оппечатапаніи предспавлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Сентября 27 дня 1831 года.

Ценсоръ С. Аксаковъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЛАЗАРЕВЪИХЪ ИНСТИТУТА.

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

НА ВЗЯТІЕ ВАРШАВЫ.

ЧУВСТВОВАНІЯ РУССКАГО

ПРИ ГРОМЪ КРЕМЛЕВСКИХЪ ПУШЕКЪ.

Чу! Остроленской бышвы гуль,
Привѣшь Москвы пипомцамъ славы —
То надъ могилою Варшавы
Золошоголавый Кремль вздохнулъ!

Вошце въ единое мгновенье
Вѣка минувшіе сперлись;
И вопли Россовъ: мщенье, мщенье!
Изъ мрака древности неслись;
Десницу благости Сармату
Царь сердобольный простиралъ;
И Славянинъ на встрѣчу брашу
Привѣшны дружбы посылалъ —
Вошце! Ему урокъ кровавый
Даютъ чужія племена;
И вошь ужь, на поляхъ Варшавы,
Дозрѣли Галловъ сѣмена!

Пожни же, Польша! И кошницы
 Уже готовы для жнецовъ —
 Въ пущыхъ сѣнахъ швоей столицы,
 Среди могилъ швоихъ сыновъ!

Смотри: спокойна, величава
 Первопрестольная Москва;
 Ужъ новымъ блескомъ, новой славой
 Озарена ея глава!
 Смотри — какъ исполинъ, спрегущій
 Царя любимаго Престоль,
 Стоишь недвижно Россъ могущій
 Среди общихъ бурь и общихъ золь;
 И какъ, за шо, благословенье
 Лучами славы облекло
 Его высокое чело!

А ты! — Пошомкамъ въ поученье,
 Твое безславное паденье
 Въ скрижаляхъ міра будетъ жить,
 Урокомъ спрашнымъ для народа,
 Чшо полько тамъ цвѣтешъ свобода,
 Гдѣ свяшо власъ умѣюшъ чпить,
 Гдѣ не лжемудршвуешъ крамола
 И гдѣ, владыкъ боготворя,
 Народъ на сражѣ у Престола
 За вѣру, вѣрность и Царя.

А. Шишковъ 2.

Село Останкино,

Сент. 8

II.

НѢМЕЦКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА
ЮРИСПРУДЕНЦІИ.

(Е. ЛЕРМИНЪЕ):

Клопштокъ, своими поэтическими звуками, пробудилъ къ новой жизни Германскій гений. Предъ лицомъ Французской философіи, которая царствовала самодержавно и имѣла въ Берлинѣ на прѣдѣ одного изъ учениковъ своихъ, онъ не боялся предаваться религіозному и національному одушевленію: За Клопштокомъ слѣдовалъ Лессингъ, критикъ и вмѣстѣ драматургъ, прѣдтеча Шиллера и Гете, сихъ двухъ великихъ художниковъ, кои наконецъ пріобщили Германію къ литературной славѣ Англій и Франціи:

Новая жизнь отъ литературы сообщилась юриспруденціи. За Гейнекціемъ и Бахомъ слѣдуютъ умы оригинальные, собственно Германскіе. Эра школы исторической открываея: Но, замѣтимъ, этотъ юридическій переворотъ послѣдовалъ не непосредственно за Лейбницемъ, Томазіемъ и Вольфомъ, кои на самомъ дѣлѣ были первыми его виновниками: онъ произошелъ уже тогда, когда литераторы и философы взяли передъ: юриспруденціи начала процвѣшашъ послѣ литературы и философіи.

Въ Италіи и во Франціи, *Вико* и *Монтескѣ* пробудили философію исторіи и права. Первый, геній одинокій, великій самъ по себѣ, въ тѣсномъ уголкѣ Италіи, заложилъ начала науки, которую самъ назвалъ *новою*. Почерпая изъ двухъ источниковъ, философіи и филологіи, онъ хотѣлъ изложить вмѣстѣ и дѣйствительную исторію человечества и его идеальную судьбу. Сочетать неразрывнымъ союзомъ философію и исторію, міръ идей и цѣпь событій, и изъ того и другаго при содѣйствіи вдохновенія, въ католическомъ энтузіазмѣ, создать твореніе оригинальное по своимъ страннымъ формамъ, гдѣ на каждомъ шагу схоластика спорить съ поэзіей, гдѣ болѣе видитъ пророческое зрѣніе, нежели критика: вотъ что было господствующею идеею въ твореніи *Вико*. Это былъ поэтъ, въ которомъ часто въщее сердце воспѣвало то, чего не постигалъ разумъ. Черезъ четыре года по смерти *Вико*, который понесъ во гробъ негодованіе на своихъ современниковъ, сознаніе своего генія и упорное вѣрованіе въ свое безсмертіе, явился *Духъ Законовъ*. Здѣсь философъ, вышедшій изъ среды образованнѣйшаго и разумнѣйшаго народа, созерцаетъ исторію всѣхъ народовъ, ихъ нравы, ихъ законодательства; здѣсь онъ излагаетъ разумъ законовъ, изданныхъ до него, пишетъ великими буквами всеобщую исторію: это удивительный памятникъ, который бу-

дети жить вѣки, какъ дивное смѣшеніе ума и воображенія.

Что значашъ творенія *Вико* и *Монтескё*, какъ не видѣнія на родъ человѣческой, въ коихъ преемственный рядъ людей въ теченіе вѣковъ представляется однимъ и тѣмъ же человекомъ, всегда пребывающимъ и непрестанно наукающимся? Они начертали исторію человечества, которое въ ихъ глазахъ должно идти впередъ и никогда не забывать пройденнаго; они-то собственно основали сію школу, въ послѣдствіи названную *историческою*, которая у прошедшихъ временъ, глубоко изученныхъ и безпристрастно допрошенныхъ, беретъ уроки для будущаго. Дорога была указана: надлежало по ней идти, при пособіи учености, филологіи и критики, надлежало изучать каждый народъ, его нравы, его законы, и мечты воображенія; гаданія генія, замѣнить безпристрастной истиной; надлежало низойти въ безконечный анализъ, дабы оправдать или уличить во лжи дерзновенныя синтезы. Германія заодно съ Франціей и Италіей приняла на себя трудъ сей: такимъ образомъ для сооруженія зданія истинной науки, каждая нація приносишь ошь праведныхъ трудовъ своихъ, какъ некогда каждое изъ колѣнъ Израилевыхъ одно за другимъ приносило жертву на алтарь Бога истиннаго.

Историческій и національный духъ Германскій въ первый разъ обнаружился, когда Французская философія импровизировала законодательство въ Прусскомъ кодексѣ. *Юстъ Мёзеръ* въ Исторіи Оснабрюка, первоначальномъ руководствѣ къ изученію Германской конституціи, и *Іоаннъ Шлоссеръ*, крѣпко стали за науку и нравы Германій. Они были предтечами такъ названной въ послѣдствіи Исторической школы.

Около 1790 года, молодой докторъ правъ, *Густавъ Гуго*, который бралъ уроки и совѣты у Гейне и Спипшлера, вознамѣрился преобразовать способъ изученія юриспруденціи; своими лекціями, изданіемъ періодическихъ сочиненій и учебныхъ книгъ, сочиненіемъ Исторіи Римскаго Права, онъ измѣнилъ Университетское ученіе, пробудилъ вкусъ къ мужесквеннымъ занятіямъ и исторической истинѣ. Онъ началъ преобразование правовѣденія исторіею. Проникнутый живымъ знаніемъ Римскаго Права, онъ изобразилъ его судьбу и перевороты сообразно хронологическимъ дѣленіямъ Гиббона, и преемствовалъ во вліяніи на судьбу правовѣденія Баху. *Гуго*, какъ совершенный юрисконсулъ, съ исторической точкой умѣлъ обнять всѣ стороны правовѣденія, и шѣмъ явилъ опытъ ума обширнаго и энциклопедическаго — качество, безъ котораго преобразователь не можетъ воспоржествовать. Правда, что

его сочиненія о самой философіи права имѣють спранныости и показываютъ необширный кругъ зрѣнія; но заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ философіи указалъ свое мѣсто въ цѣльной системѣ науки. Вошь что составляетъ общую его фізіономію. Къ сему должно присовокупить, что онъ былъ глубокой знатокъ Римскаго Права, исторію коего распространилъ значительно. Труды его по сей части науки содѣлають имя его навсегда незабвеннымъ; только желательнымъ было, чтобъ Геттингенскій Профессоръ изложилъ свою науку и свои изысканія стилемъ болѣе яснымъ и болѣе историческимъ. *Крамеръ* и *Гобольдъ* присоединились къ нему въ трудахъ преобразования, *Гобольдъ* отличаетъ особымъ характеромъ отъ *Гуго*; онъ всегда писалъ полашыни, и былъ, такъ сказать, классическимъ писателемъ липературнаго переворота. Онъ взялся за Римское Право съ двухъ сторонъ: со стороны исторіи, и липературы, и уяснилъ его філологіей и библіографіей.

Но человекъ, которому предназначено въ особенности сообщить исторической юриспруденціи блескъ и глубину, еще не являлся. Въ 1803 году *Савиньи* издалъ *трактатъ о владѣніи*. Самый предметъ уже ясно показываетъ, каковъ былъ тогда духъ юридическаго ученія. Владѣніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно было у Римлянъ, имѣло ха-

рактерьъ совершенно національный; чтобъ понять его, надобно знать Римъ, схватишь исторически оригинальность его юриспруденціи въ ея оптѣнкахъ и подробностяхъ, и въ тоже время по урочищамъ историческаго пути стремиться къ догматическимъ заключеніямъ. *Савиньи* не поддаюся своему предмету: онъ сочинилъ прекраснѣйшую книгу по Римскому Праву, которая когда либо являлась съ XVI столѣтія. Изучая его *трактатъ о владѣніи*, находишь счастливое соединеніе двухъ методъ, раздѣлявшихъ XVI вѣкъ: методу Кужаса и методу Донó. Кужась силенъ полкованіемъ (*exégèse*), Донó догматикой: *Савиньи* соединяетъ пошъ и другой способъ, умѣряетъ, дополняетъ одно другимъ, и во всякомъ случаѣ дѣйствуетъ какъ остроумный филологъ и глубокомысленный логикъ. Донó превзошелъ Кужаса въ спатъ о владѣніи; *Савиньи* принялъ отчасти его теорію, и разлилъ на нее яркій свѣтъ. Нельзя довольно нахвалиться его юридическимъ стилемъ: это сочешаніе, гармонія исторической подлинности съ утонченностію и круглошою догматовъ положительнаго права.

Между шѣмъ филологія во всѣхъ пунктахъ начала исполнять свое назначеніе: соединять цѣпь временъ и знакомить насъ съ древностію и народами, до насъ жившими. Фоссъ своими переводами Гомера и Виргилія возбудилъ уваженіе къ разумнѣю древнихъ;

и безкорыстный вкусъ къ наукъ искалъ себѣ повсюду. услажденія.

Въ 1811 году, *Нибуръ* публиковалъ первое изданіе своей Римской исторіи. Это было настоящимъ откровеніемъ въ наукъ: Римъ, его происхожденіе, древняя Италія съ своими плéменами и народами, патриціатъ и его таинственный духъ, какъ бы возпали изъ гроба предъ нашими очами. Не даромъ дивились его смѣлымъ догадкамъ, напоминавшимъ *Вико*. Во всемъ швореніи отразилось могущественное воображеніе, изобрѣшательная филологія, которая сообщила жизнь всему, что древность имѣла завѣшнаго и сокровеннаго. Не менѣ дивились его силлю, суровому и вмѣстѣ блистательному, этому смѣшенію отвлеченностей и образовъ, въ которомъ поэтическая суровость казалась иногда вдохновенною самимъ Катономъ и Энніемъ.

1814 годъ, въ которомъ оружіе и счастье Франціи сокрушилось, для Германіи былъ эпохою освобожденія и восстанія. Свободная отъ Французскаго владычества, съ независимостію своихъ владѣній, она возвратила всю энергію своего разумнія; и геній Германскій, поработщенный и уничиженный властительнымъ вліяніемъ, со всею бодростію пустился въ подлежащій ему путь. Въ 1813 году Берлинскій Университетъ былъ уже открытъ; и въ то время, какъ счастье Франціи подвергалось всемъ превращеніямъ, уче-

ная Германія съ жаромъ и гордымъ самочувствомъ предавалась трудамъ своимъ.

Однакожь вліяніе Французскаго владычества и законовъ, опъ коихъ освободилась Германія, не на всѣ умы и сердца было одинаково. Многіе испали непримиримую ненависть ко всему Французскому: но другіе, равно проклиная Французское иго, не могли не признать достоинства Французскаго управления, всюду одинаковаго и правильнаго, законодательства, вездѣ простаго и однообразнаго. Имъ пришло на мысль соединить съ уваженіемъ къ національному духу нѣкоторыя важныя нововведенія. Таковы были виды знаменитаго *Тибо*, Гейдельбергскаго Профессора, кошорый въ 1814 году писалъ о необходимости гражданскаго кодекса, общаго для всей Германіи.

Тибо, владѣя полнымъ и вѣрнымъ знаніемъ правоченія, обращалъ его преимущественно къ приложенію и къ практикѣ; нѣсколько философскихъ идей, знаніе исторіи, живая ученость, соединенныя въ равномъ количествѣ, образовали въ немъ юрисконсультъ, кошорый болѣе думалъ о непосредственномъ приложеніи науки, чѣмъ о безкорыстныхъ умозрѣніяхъ чистой теоріи. Онъ привелъ въ систему Пандекты и изложилъ многія частныя станы Римскаго Права.

Германія свободна, писалъ сей юрисконсультъ: добрымъ гражданамъ, испиннымъ Германцамъ, должно соединить всѣ свои силы

для изтребленія послѣднихъ ошпашковъ Французскаго духа. Полишическое единство и соединеніе властей въ однѣ руки было бы смерщельнымъ ударомъ для Германіи. Но однообразіе гражданскаго законодательства одно можетъ снаснн отъ анархіи, ей угрожающей. Право Германское и право Каноническое не имѣютъ никакого порядка и вмѣстѣ никакой полнощы. Право Римское, коего нѣкоторыя теоріи превосходятъ, никогда не будетъ вполне извѣстно: впрочемъ оно и не заслуживаетъ всѣхъ похвалъ, ему приписанныхъ. Даже самъ Лейбницъ разхвалилъ его выше мѣры. Сверхъ того, онъ и не думалъ о непосредственномъ его употребленіи въ Германіи. Ни что столь не противуположно гению Германскому, какъ гений Римскій. При томъ тексты Римскаго права имѣютъ безчисленные варіащты; слѣдовательно судьба ищущихъ правосудія всегда зависѣла бы отъ трудовъ и объясненій ученыхъ людей; самая наука потерпѣла бы отъ столь несообразнаго порядка вещей; для ней, для филологіи и для исторіи, гораздо полезнѣе существовать отдѣльно. Сверхъ того, при однообразномъ кодексѣ и академическое ученіе пріобрѣтетъ единство; а отсюда произойдетъ драгощнное соединеніе теоріи и практики. Народы будутъ счастливы; управленіе юстиціею не будетъ имѣть ничего произвольнаго; національный характеръ, стряхнувши мѣщныя мѣлочи, выиграетъ свободу

и разширеніе. Напрасно возражаютъ, что право, по существу своему, должно быть разнообразно, что оно зависитъ отъ мѣста и времени; напротивъ, право на то и создано, чтобы торжествовать надъ навыками и наклонностями людей, исправлять и настраивать общества на одинъ тонъ справедливости. И такъ, для Германіи нуженъ общій кодексъ, который бы, собравъ уроки съ протекшихъ временъ, скопивъ богатства и успѣхи науки, даровалъ обществу однообразное и твердое правосудіе, съ предоставленіемъ полной независимости изученію Науки Права.

На сіе приглашеніе къ преобразованію, умы Германіи пришли въ движеніе, и раздѣлились на партіи. Многіе приняли мнѣніе *Тибо*; но юрисконсульты, у коихъ любовь къ древности и національнымъ обычаямъ составляла сердечное вѣроисповѣданіе, воспротивились предложеннымъ нововведеніямъ. Представитель несогласныхъ, *Савиньи*, объявилъ себя противъ проекта общаго кодекса въ сочиненіи: *о призваніи нашего времени къ законоположенію*. Сіе маленькое сочиненіе, въ видѣ ученой брошюрки, написанное съ живоостію и страстію, было какъ бы откровеніемъ историческаго духа, одушевлявшаго Германію. Вотъ его содержаніе:

Юрисконсульты должны подчиняться управленію государства. Ихъ раздѣляютъ два мнѣнія: одни хошатъ, полнаго возстановле-

нія національнаго законодательства и правосудія; другіе предлагають составленіе кодекса, общаго всему Германскому союзу. Сіе послѣднее мнѣніе имѣеть тѣсную связь съ философическими ученіями послѣдней половины XVIII вѣка. Тогда стремились къ совершенству неопредѣленному, всеобщему; тогда презирали все національное, историческое. Такимъ образомъ въ законодательствахъ требовали кодексовъ новыхъ, краткихъ, ошвлеченныхъ; смѣялись надъ обычаями и владычествомъ нравовъ. Должно сказать, что это было мнѣніе народовъ; и правители едва могли смягчать и умѣрять сію наклонность къ философическимъ ошвлеченностямъ. Нынѣ все перемѣнилось: открылась любовь ко всему національному, пробудилось историческое чувство: нынѣ ни во что считаютъ теоріи и ошвлеченія, ни на чемъ существенномъ неоснованныя; даже тѣ самыя, кои истребуютъ генеральнаго кодекса, имѣють въ виду практическую цѣль. Но они имѣють ограниченныя и ложныя понятія о существѣ положительнаго права. Въ ихъ глазахъ право, въ своемъ нормальномъ состояніи, есть не что иное, какъ результатъ законовъ, то есть, обнародованныхъ распоряженій власти; такъ что законодательство имѣеть совершенно произвольное основаніе, и что право сего дня не можетъ быть правомъ завтра. Посему полный и однообразный кодексъ есть пер-

вая потребность народа; безъ кодекса онъ предоставленъ владычеству обычаявъ: Событія громогласно обличаютъ лживость сей безжизненной теоріи: ибо, встрѣчая перво-бышнюю исторію народа, мы находимъ, что его гражданское право имѣетъ свой особенный характеръ, стольже опредѣленный; какъ и его языкъ, его нравы, его политическая конституція. По истинѣ, ничто не зиждется, ничто не образуется отдѣльно отъ своего цѣлаго, но все живетъ общёю жизнію, все дышетъ національнымъ сознаниемъ. Юность народа бѣдна идеями, но исполнена жизни и силы: право гражданское отзывается сею мужественною бѣдностію. Тогда не издають книгъ и разсужденій для изъясненія его; но отношенія семейства и собственности пѣмъ не менѣе обнаруживаются со всею силою. Какимъ образомъ? Символическими актами, драматическимъ дѣйствіемъ, гдѣ рисуется сознание народа, гдѣ опливаютъ различными цвѣтами идеи націи: народы древней Италіи и Германіи суть живое тому доказательство. Въ послѣдствіе времени; когда способности народа развернутся, право гражданское выдвигается и идетъ къ отвлеченностямъ; являюся юрисконсульты; ихъ наука обращается на истолкованіе того, что прежде жило въ сознаниіи народа; рядомъ съ элементомъ политическимъ возникаетъ элементъ *техниче-*

скій. Такимъ образомъ, право живетъ сперва въ нравахъ и обычаяхъ, а потомъ уже въ наукѣ. *Гуго* и *Мёзеръ* уже открыли историческую сторону права.

И такъ законы, то есть, обнародованныя распоряженія власти, не только не составляютъ права, но часто даже портятъ и безобразятъ его. Они обнаруживаютъ свое вліяніе посредствомъ кодексовъ. Кодексы суть родъ законной программы, въ которой государство отдѣляетъ отъ себя все чуждое, все, что не есть оно. Кодексы составляютъ и печатаютъ высочайшее утвержденіе государства, которое предоставляетъ имъ первенство силы надъ всѣми другими сочиненіями.

Если хотятъ, чтобъ кодексъ былъ полезенъ; то для составленія его надобно выбрать такую эпоху, въ которую Наука Права созрѣетъ въ своихъ силахъ и достигнетъ могущественнаго развитія. Кодексъ, по настоящему, долженъ содержать въ себѣ начала, изъ коихъ вытекаютъ рѣшенія по всѣмъ встрѣчающимся дѣламъ: поелику право, какъ геометрія, существуетъ въ основныхъ и родовыхъ точкахъ, а знаніе юрисконсульта состоитъ въ томъ, чтобы схватить послѣдствія и повѣрить ихъ съ разумомъ началъ самаго права. Посему, если вы составите кодексъ въ такую эпоху, когда Наука Права слаба и бѣдна, то ваше хилое твореніе будетъ пагубно для государства.

Обнародованный кодексъ только по видимому будетъ управлять правосудіемъ, а въ самомъ дѣлѣ ничего не будетъ значить въ ходѣ гражданскаго правосудія. Такъ какъ юрисконсульты не будутъ умѣть объяснять его по правиламъ науки, то приложеніе его сдѣлаешся совершенно произвольнымъ; да и самая наука, не будучи понимаема, какъ должно, въ книгѣ, къ изложенію ея назначенной, будетъ искажена во имя юриспруденціи, подъ предлогомъ аналогіи, сущности права. Вотъ что должно сказать объ самой эпохѣ составленія кодекса; а въ будущемъ ожидаетъ его еще худшая судьба. Если наука оправляется отъ своей слабости, дѣлаешъ успѣхи и спрашитъ сблизиться съ своимъ вѣкомъ, съ его духомъ; то въ кодексъ и его формулахъ встрѣшитъ она сильныя преграды дальнѣйшимъ своимъ успѣхамъ. Она должна будетъ остановиться предъ дѣйствующимъ законодательствомъ, вооруженнымъ властію. Такимъ образомъ мало такихъ эпохъ, коимъ прилично сооруженіе кодекса. Въ юношескомъ возрастѣ народа существуетъ сильное сознаніе права; но языкъ бѣденъ и грубъ, а логическія и искусственныя формы и совсѣмъ еще не развернулись: доказательство тому въ древнія времена законы XII таблицъ, въ новѣйшія — законы среднихъ вѣковъ. Во времена упадка народа, сознаніе права погасло, языкъ увялъ; нѣтъ ни основанія, ни формы. И

шакъ остається одна эпоха средняя, когда форма является въ полномъ совершенствѣ; но тогда не чувствуютъ никакой потребности въ кодексѣ. Надлежало бы позаботиться о послѣдующихъ временахъ упадка и разрушенія; но вѣки могучіе и сильныя рѣдко расположены предвидѣть безсиліе своихъ потомковъ.

Вопросите Исторію Римскаго Права. Если въ прѣшнемъ вѣкѣ Христіанской эры, юриспруденція достигла въ Римѣ развитія, извѣстнаго намъ; то сіе произошло отъ того, что прѣшесшествующія времена задолго приготавливали сію блистательную литературу права. Римляне временъ республиканскихъ умѣли уважать древность и вмѣстѣ не отказывались отъ важныхъ нововведеній. Такимъ образомъ, въ ихъ политической конституціи и правѣ гражданскомъ, къ правамъ и обычаямъ прививаются необходимыя измѣненія. У Римлянъ нѣтъ насильственныхъ и обрывистыхъ переменъ, нѣтъ расколовъ настоящаго съ прошедшимъ. У нихъ законодательство прядется, какъ нить, и непрерывно поступаетъ впередъ; такъ что Римлянъ можно назвать приверженцами обновленной старины. Отсюда ихъ вымыслы въ правѣ гражданскомъ, посредствомъ коихъ они умѣли и удовлетворяли новымъ идеямъ гражданственности и сохраняли благочестивую вѣрность къ древнимъ обычаямъ. Такъ напримѣръ, при *наслѣдствѣ*

законномъ является у нихъ *Преторское владѣніе имѣніемъ*, при ослзательномъ искѣ (*vindicatio rei*) утраченной собственности — мысленное *Публиціево дѣло*, рядомъ съ прямыми дѣлами сжатаго права — полезныя дѣла распространеннаго права. И такъ, превосходное достоинство Римскаго Права не должно приписывать одному претъему вѣку: оно обязано полной исторіи Рима, которая ясно свидѣтельствуешь, что нравы и обычаи составляли основу права и что законы, собственно такъ называемые, имѣли мало вліянія, доколѣ сохранялись нравы и обычаи. Тогда не думали о кодексѣ. Даже въ классическую эпоху юриспруденціи сія мысль и въ голову не приходила, ни Папиніану, ни Ульпіану, ни Павлу, кои были Преторіанскими Префектами, и, конечно, не имѣли недостатка ни въ довѣренности, ни въ должной заботливости о правѣ. Напрошивъ, за два вѣка прежде, Цезарь, въ полномъ сознаніи своего могущества и выгодъ своей власти, предпринялъ намѣреніе издашь настоящій кодексъ. Въ шестомъ вѣкѣ, когда все разстроилось и впало въ изнеможеніе, появилось множество кодексовъ, одинъ за другимъ: Эдиктъ Теодорика, Сокращеніе (*Breviarium*) Визиготское, Папиніанъ у Бургундовъ и книги Юстиніана.

Послѣ сего краткаго возрѣнія на Римское право, *Савини* испытываетъ Германію, и находитъ нужнымъ доказать, что ни

правы, ни политическое ея состояніе, ни языкъ до сихъ поръ еще неопредѣленный, не имѣють довольно гибкости для однообразной редакціи гражданскаго кодекса. Потому онъ переходитъ къ испытанію трехъ Европейскихъ кодексовъ, имѣющихъ силу въ настоящее время: Австрійскаго, Прусскаго и Французскаго. Въ жару преній и оскорбленнаго патріотизма, онъ безъ милосердія критикуеть Французскій гражданскій кодексъ; и впрочемъ не лъзя не согласишься, что его отзывъ о многихъ статьяхъ весьма основателенъ. Кодексъ, по мнѣнію его, доказываетъ:

Слабость сужденій Государственнаго Совѣта Франціи относительно началъ науки.

Недостатокъ историческихъ свѣденій въ редакціяхъ.

Планъ кодекса, снятый съ Юстиніановыхъ Институцій.

Несвязность и недостаточность теоріи недействительности правъ (*theorie des nullités*).

Въ глазахъ *Савиньи*, сооруженіе трехъ кодексовъ дурно, вліяніе ихъ вредно. Практика и теоретическое ученіе подъ вліяніемъ законодательства, коего слабость и формулы никогда не измѣняются и которое служить официальнымъ убѣжищемъ посредственности и невѣжеству, не имѣють ни свѣжести, ни свободы; и такъ Германія, заключаетъ *Савиньи*, можетъ выбирать одно изъ двухъ: ученую неволю и законѣніе, или науку всегда теку-

чую и полную жизни. Да убоится она окрывать власнію свое ученіе и свое разумніе! Сильный опивѣтъ *Савиньи* приверженцамъ кодексовъ произвелъ взрывъ. Начались споры. *Тибо* защищался. *Савиньи*, *Эйхгорнъ* и *Гёшенъ*, для поддержанія и раскрытія сего ученія, открыли свой славный Журналь Историческаго Правовѣденія (*Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft*). Тогда-то школа *Савиньи* названа была по превосходству Историческою Школою. Нѣсколько второстепенныхъ шоварищей присоединились къ спорамъ, и разожгли ихъ до того, что нѣсколько времени жаркія и даже язвительныя пренія раздѣляли какъ бы на двѣ стѣны всѣхъ юрисконсультовъ и ученыхъ. Наконецъ, предводители партій, *Савиньи* и *Тибо* нѣсколько сблизились между собою; нечувствительно сія внутренняя война зачихла, и великіе мирные пруды смѣнили кратковременные споры. И такъ не должно забывать, что споръ о составленіи кодекса (*codification*) былъ только эпизодомъ исторической школы. Этому и быть надлежало. Кодексы государствъ не являются по призыву и хотѣнію юрисконсультовъ. Однѣ политическія событія выводятъ ихъ на сцену. Они бываютъ орудіями могущества или переворотовъ: не спросятъ науку, когда имъ надобно пожаловать. Такимъ образомъ, Цезарь, Феодорикъ, Юстиніанъ, Фридрихъ и Наполеонъ замышляютъ и издають кодексы для утвержденія еди-

нообразія и сосредоточенія силъ правитель-ства. Законниковъ пригласяють къ трудамъ; безъ нихъ начнушь, безъ нихъ и кончають; ихъ дѣло составитъ кодексъ, какъ велять. Такимъ образомъ и Беншамъ, заклятый демократъ, непріятель законовъ старой Англїи, пребующій Парламентскаго преобразованія, сочиненія общаго кодекса, ожидають побѣды такого оружія, которое до сихъ поръ слушалось только властей. Ученость и наука готовятъ матеріялы, но не располагають ими: иная сила собираетъ ихъ въ стройный порядокъ, или раскидываетъ, смотря по тихому или бурному дыханію судебъ государственныхъ. Германія находится теперь въ возрастѣ прекраснаго ученаго воспитанія, какое когда либо бывало; и, какъ выражается *Савиньи*, Германія должна надѣяться.

Между тѣмъ историческая школа, освобождаясь отъ полемическихъ взрывовъ, спокойно приняла свой истинный характеръ безпристрастнаго и всеобщаго изысканія. Нужда самозащиты вовлекла ее въ пыль распрей, и поставила ее противъ философіи, противъ теорій и умозрѣній разумнѣя, всегда священныхъ и достоуважаемыхъ, даже и тогда, когда онѣ, не управомоченныя опытомъ, дерзновежно выперезивають общества, кои надлежало бы убѣдительно просить слѣдовать за собою. Но съ сихъ поръ исторія со всею искренностію была изучаема для ней самой.

Савиньи послѣ того опубликовалъ четыре а) тома превосходной своей *Исторіи Римскаго Права въ среднія времена*. Его Журналъ наполненъ оригинальными опытами, относящимися къ исторіи и законодательству. *Нибуръ* во второй разъ издалъ свой первый томъ *Римской Исторіи* б), ивореніе достопамятное, которое авторъ предположилъ довести до время Августы.

Вотъ истинныя заслуги исторической школы, вотъ великіе труды, кои необходимо должно знать. Съ историческимъ направлениемъ и размышлениемъ, узнаемъ мы происхождение національнаго законодательства, его печеніе сквозь вѣки и перевороты, новыя формы, имъ принятыя, старыя формы сброшенныя, и каждому вѣку воздадимъ должное; не станемъ воображать, что все настоящее началось вчера, что законы, управляющіе нами, упали съ неба, подобно Салійскому щипу, и если должно будетъ сдѣлать перемѣны, продолжать преобразованія, тогда исторія наведетъ справки, а философія произнесетъ приговоръ.

Савиньи выбралъ предметъ для сочиненія съ величайшею проницательностію. Въ самой вещи главное дѣло исторической школы состояло въ томъ, чтобъ доказать важность Римскаго Права картиной его судьбы и исто-

а) Теперь уже вышелъ и пятый томъ.

б) Вышелъ уже и второй томъ, вторымъ изданіемъ.
Пр. Гер.

ріи, возвѣснншь его неизмѣнную пребывае-
мость въ Европѣ, его вѣчное присутствіе
въ правахъ и гражданственности среднихъ
вѣковъ, и показашь, какимъ образомъ, за
одно съ Христіанствомъ и Германскими учреж-
деніями, составляло оно до нашихъ временъ
Европейское право. Къ несчастію, *Савиннъ*
къ своимъ глубоко историческимъ видамъ
совсѣмъ не прибавилъ идеальнаго воззрѣнія
философа: какъ будто сей знаменитый юрис-
консульшъ далъ клятву избѣгашь всего, что
будеть походнть на философическую идею,
или боится философіи, какъ чего ннбудь
возмущительнаго и гибельнаго для юриспру-
денціи. Можетъ быть, сіе-то самое предубѣ-
жденіе и сдѣлало *Савиннъ* торжественнѣй-
шимъ, чнстѣйшимъ и блистательнѣйшимъ
выраженіемъ исторической школы. Онъ естъ
глава, писатель глубокой и вмѣстѣ народный
представитель своей школы. Отсюда живое
противодѣйствіе со стороны философіи.

Между тѣмъ наука обогатилась драго-
цѣнными открытіями. Институціи Кая, мно-
гіе отрывки Теодосіева кодекса, такъ назы-
ваемые отрывки Ватиканскіе, республика
Цицерона, многіе отрывки изъ его рѣчей,
сочиненія Фронсона, письма Фронсона и
Марка Аврелія, реторика Юлія Виктора,
отрывки Симмаха, Діонисія Галикарнасскаго,
Лида о начальствахъ Римской Республики;

сдѣлались неогнѣнною добычею юриспруденціи и филологіи.

Такимъ образомъ съ 1790 года до нашего времени историческая юриспруденція, перерожденная въ своихъ источникахъ, продолжаетъ свои занятія; но ученость обращена не на одно Римское Право. Съ 1770 года, за двадцать лѣтъ до появленія *Гуго, Михаелисъ*, выпрѣнный Богословъ, издалъ составленное имъ Моисеево право, и симъ открылъ новую эру здраваго изученія исторической Богословіи. Ему наследовалъ *Эйхгорнъ*, опровергавшій его во многихъ пунктахъ. Сынъ *Эйхгорна* издалъ о Германскомъ Правѣ (*Deutsche Stats- und = Rechtsgeschichte*) коренное сочиненіе, съ коимъ вмѣстѣ должно упомянуть о трудахъ *Мезера*, *Рогге* и *Гримма*. Это еще не все; законодательство Грековъ и право Аптическое глубокомысленно изслѣдованы *Гюльманомъ*, *Платнеромъ*, *Мейеромъ* и *Герфферомъ*.

Говоря объ общемъ развитіи исторической школы, мы не должны забыть объ уголовныхъ юрисконсультахъ, кои произошли по прямой линіи отъ идеальной Философіи Канта. Школа Волтера, своею филантропіею, одушевила *Беккарію*, юрисконсульта чистѣйшей души, но посредственнаго ума. Кантъ и его критицизмъ вдохнулъ идеальный и ученый характеръ въ юрисконсультовъ, искавшихъ твердаго основанія для карательной (*penale*) систе-

мы. Со времени Канта и Фихте глубокия разногласія раздѣляли Германскихъ криминалистовъ, такъ какъ въ наши дни *Фейербаха* и *Грольмана*. Системы строились и сражались въ безконечномъ разнообразіи. Даже сенсуализмъ показывался иногда въ теоріяхъ юрисконсультовъ: но всякой разъ системы сіи почкою оппавленія имѣли ученіе о чловѣкѣ, психологію. Присовокупите къ тому, что въ Германіи наука и исторія права подкрѣпляютъ теоріи и отвлеченныя умозрѣнія, и вы поймете, какой живой контрастъ, какую рѣзкую противоположность съ Вольперовой филантропіею образуютъ различныя системы Германскихъ криминалистовъ: *Фихте*, *Фейербаха*, *Грольмана*, *Генке*, *Шульце*, *Гегеля*, *Шпангенберга*, кои всѣ, хопя съ неравною силою, опираются на чловѣкознаніе и исторію и коихъ начало хронологически восходитъ къ временамъ появленія Канта.

Полуденная Германія, прилежащая къ Франціи, кошорая долго сообщала ей свои нравы и свои законы, теперь чувствительнo склоняется къ преобразованію законодательства по началамъ науки. Историческія изысканія, планы кодексовъ, догматическія идеи, каждое съ своимъ добромъ, входяшь въ совмѣстничество для доспихенія сей цѣли. Даже въ нынѣшнемъ году (1829), двое знаменитыхъ юрисконсультовъ въ Гейдельбергѣ, *Миттермайеръ* и *Захарія*, ошкрыли *Крити-*

тескій Журналь иностранной юриспруденціи и законодательствъ, назначенный служить средоточіемъ для юрисконсульстовъ разныхъ государствъ, гдѣ они, совокупленными силами, могутъ производить, такъ сказать, обще-европейское изслѣдованіе теорій и фактовъ правовѣденія.

Въ такомъ богатствѣ и разнообразіи Германскаго правоученія не лзя не видѣть избытка жизни и успѣховъ. Съ 1790 года теорія продолжаетъ тамъ свои мирныя движенія; а мы Французы — мы практикуемъ въ приказахъ и на поляхъ битвъ.

съ Франц. О. М.

III.

Р И М Ъ.

(къ Шевыреву).

Державный Римъ, несчастный Римъ
 Гигантъ, твою ли пѣнь мы зримъ?
 Вѣковъ, народовъ пепелище,
 Сатурна мрачное жилище —
 Твои святыя красоты
 Порфирой пѣвнѣя покрыты,
 Надъ неплемъ ихъ глумяшь шуны,
 Или вздыхаюшь сибариты! —

Несчастливъ шестъ, чья жизнь долга:
 Онь много милыхъ похоронитъ,

Онъ , можешь быть , къ ногамъ врага
Съдины скорбныя преклонишь ;
Младенецъ вѣхій — онъ сидишь ,
Какъ лишній гость , въ бесѣдѣ шумной ,
И шихо гаснешь , и глядишь
На гробъ съ улыбкою безумной ! —

О Римъ , о призракъ гробовой ,
Разбей скрижаль воспоминаній ,
Какъ нищій съ вѣхюю сумой —
Не собирай мірскія дани.
Что жизнь твоя ? — Какъ дымъ , какъ тѣнь ,
Какъ блѣдный мѣсяцъ въ яркій день ! . .
Такъ расшуйсь , земля сырая —
Пусть тѣнь исчезнетъ гробовая ! —

Ты просишь вздоховъ , жаждешь слезъ ,
О Римъ , но кто тебя оплачетъ ?
Чей геній образъ твой означитъ ?
Съ тобой — великихъ міръ исчезъ ,
И сердцу грустно , сердцу больно ! . .
Сокройсяжъ , призракъ гробовой !
Нѣтъ , слезъ вселенной не довольно —
Скропитъ бездушный пепель твой ! —

Поэтъ съ возвышенной душой ,
Среди развалины печальной
Въ себѣ , какъ въ безднѣ , углубленъ —
Ты слышишь гимнъ вѣковъ прощальной ;
Съ тобой бесѣдуетъ Капонъ ,
И при лампадѣ блѣднолунной ,
Звучитъ на лирѣ сладкострунной
Торквашо Тассъ или Маронъ .

Достоинъ ты сихъ пѣсней неба . .
 Но мнѣ завиденъ твой удѣлъ !
 Къ тебѣ , подъ кровь лазурный неба ,
 Не разъ душою я лепѣлъ ,
 Не разъ съ родимою Невою
 Прощался я . . но не солгу —
 Прикованъ мачихой судьбою ! . .
 (Нѣтъ денегъ — ѣхать не могу) .

Пойду пѣшкомъ ! трудовъ награда —
 Вѣковъ пепловая громада
 Во всей печальной красотѣ
 Предстанешь мнѣ . . . и не въ мечтѣ !
 И я развалину измѣрю ,
 Я взоромъ жаднымъ обниму
 Весь рядъ могилъ — проникну шму —
 И звукамъ Байрона повѣрю .

Примижь подъ свой радушный кровь
 Роднаго гостя , Шевыревъ !
 Я знаю , звукъ октавы пѣжной
 Тебя плѣнилъ , тебя увлекъ :
 Но сердцемъ — Русской человекъ —
 Ты не забылъ нашъ Сѣверъ снѣжной !
 Когда услышишь : *здравствуй , другъ !*
 Узнаешь ты родимый звукъ .

И звукомъ ты заплашишь звуку !
 И скажешь : *здравствуй , радъ душой !*
 И Спр. . кому пропянешь руку ,
 Какъ въ той лачугѣ вѣковой ,
 Гдѣ мы такъ дружно враждовали ,
 Гдѣ спорамъ не было конца ,

И ошь фигляровъ мы не ждали
Себѣ лавроваго вѣнца.

Богъ съ нимъ: ошь насъ ли онъ зависить?
Нашъ долгъ — шолпу глупцовъ презрѣть,
Чтобъ смѣло чувствовашь и пѣшь!

Насъ не унизишь, не возвысишь
Несправедливая хула,

И покупная ихъ хвала.

Мы не полземъ, какъ червь убогой —

Но прямо — въ даль — прямой дорогой —

И прямо къ цѣли мы дойдемъ,

Опчизнѣ въ жершву принесемъ

Все, что намъ небо даровало!

Не даромъ сердце билось въ насъ

И что-то съ дѣтства намъ звучало!

Обѣтованный близокъ часъ;

Свяшныю сердца возлелѣемъ,

И для *прекраснаго* созрѣемъ.

Не забывай Москвы родной,

Она нашъ Римъ — и Римъ живой!

Покинь развалинъ мѣръ пустынный;

Его приманчивъ грустный видъ,

Но Кремль Москвы, сей Кремль старинный

Тебя за все вознаградитъ!

Родныя ближе намъ преданья. . . .

Прощай, товарищъ, до свиданья!

Трилуный.

Петербургъ.

Августа 30

1831

IV.

ТРИ ЕЛЕНЫ.

ПОВѢСТЬ.

(окончаніе)

ГЛАВА IV.

ЕЩЕ ЕЛЕНА.

Одесса. Апрельъ, 1823.

Не понимаю, какъ пришла мнѣ странная мысль, въ веселую минуточку дать слово одному изъ моихъ пріятелей ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ Харьковъ, куда онъ отправлялся по торговымъ дѣламъ. Вѣроятно, я сдѣлалъ это по склонности къ перемѣнамъ и спраспикалъ приключеній. Какъ бы то ни было, я не хотѣлъ измѣнить своему слову, не смотря на усиленные просьбы всѣхъ моихъ знакомыхъ. Отъ Одессы до Харькова семь сотъ верстъ, дорога дурна, селеній мало, люди негостепріимны и множество дикихъ звѣрей. Всегожь хуже то, что начиналась суровая зима.

Мы пустились въ путь 9 Ноября 1822 года, надѣясь возвратиться въ Одессу черезъ полтора мѣсяца. Товарищъ мой запасся всѣмъ нужнымъ для дороги: четверкой надежныхъ лошадей, откидной кибиткой, и проводникомъ, хорошо знавшимъ дорогу. Съ нами былъ запасъ кофію, чаю, шоколаду, рому, платья, шубъ и даже перинь. Предусмотрительность эта необходима, по негодности постоялыхъ дворовъ, которую я зналъ опытомъ.

Мы съ первой ночи въ шомъ удостовѣрились, прїѣхавъ къ корчмѣ, среди пустыря, при которой не было даже конюшни для лошадей, а просто дворъ обнесенный тыномъ. Пепровичъ, кучеръ нашъ, освоенный съ Русскими обычаями, привѣсилъ къ кибиткѣ рогожку въ видѣ яслей и кинулъ туда купленное у хозяина сѣно. На дворѣ стояло еще нѣсколько повозокъ.

Мы помѣстились въ жаркой избѣ, набитой Русскими извозчиками. Жара, дымъ и вонь заставляли меня ежеминутно выходить вонъ; не было ни другой комнаты, ни постели, ни даже соломы. Мы воронились въ повозку, и въ ней провели ночь.

Веселому спутнику моему не нужно было ободрять меня; я былъ въ раю въ сравненіи съ моими Бессарабскими приключеніями. Мы разговаривали, шутили, а ушомясь, читали или спали. Окрестности не представляли ничего, достойнаго вниманія. Кругомъ насъ видѣлись только безконечныя степи и пустыри, однообразіе которыхъ изрѣдка прерывалось полуразвалившеюся хижинкой, уродливымъ селеніемъ или какимъ нибудь деревяннымъ городишкомъ. Только въ Елисаветградѣ снова увидѣли мы лѣса; въ Кременчугѣ переправились черезъ Днѣпръ по мосту, утвержденному на лодкахъ; а близъ Полтавы увидѣли обширныя болота, и въ отдаленіи вершину памятника, воздвигнутаго на полѣ битвы, въ коей разбитъ Карлъ XII. Частый, круп-

ный дождь опиялъ у меня желаніе поближе рассмотреть его.

По временамъ, безмолвіе пущыни нарушалось встрѣчей какого нибудь каравана, идущаго съ товарами изъ Харькова въ Одессу, или въ Москву и обратно. Караваны эти состоятъ отъ десяти до пятидесяти и ста повозокъ, запряженныхъ одной или двумя лошадьми. Извозчики, отправляющіеся обыкновенно во множествѣ, чѣмъ быть безопаснѣе отъ воровъ, идутъ за повозками, молча, куда водка не развеселишь ихъ. Изрѣдка встрѣтишь молчаливаго пущника, и то развѣ какого нибудь мужика изъ ближней деревни.

Мы оба обрадовались, добхавъ до Харькова въ нѣсколько недѣль. Дурная дорога задержала насъ долѣе, нежели мы предполагали. Послѣ такого утомительнаго пути я былъ очень доволенъ столицей Украйны.

Вскорѣ послѣ моего приѣзда, я вошелъ въ лучшее общество Харькова, куда Русскіе Князья, Графы и дворяне присылаютъ сыновей своихъ и даже дочерей учиться свѣтскому обращенію и хорошему тону. Хорошій тонъ этотъ не что иное, какъ Французскіе нравы. Молодые люди, учащіеся въ Университетѣ, большею частію готовятся къ военной службѣ; Студентовъ нѣсколько сотъ. **ИМПЕРАТОРЪ** Александръ употребилъ огромныя суммы на заведеніе училищъ. Въ числѣ Профессоровъ есть нѣсколько Нѣмцевъ.

Вмѣсто того, чтобъ возвратиться въ Одессу въ началѣ Декабря, какъ предполагалось, мы были въ это время еще въ Харьковѣ. Пріятель мой не успѣлъ окончить своихъ дѣлъ, и наконецъ объявилъ мнѣ, что принужденъ ѣхать въ Москву. Я отказался соуправлять ему; онъ не настаивалъ, и былъ до того снисходителенъ, что оставилъ мнѣ свою повозку съ кучеромъ. Петровичъ славный малой; напивается только къ вечеру, а днемъ ведетъ себя прекрасно. Я зналъ порусски нѣсколько лишь словъ; слѣдственно мнѣ необходимо былъ человекъ, на котораго я могъ положиться.

Когда я назначилъ день моего отъѣзда въ Одессу, въ одномъ изъ знакомыхъ мнѣ домовъ предложили мнѣ довести туда Французенку, шую, старую и важную. Она отправлялась въ качествѣ няньки или гувернантки въ одинъ изъ Одесскихъ купеческихъ домовъ. Меня шуть же съ ней познакомили; и хотя мнѣ вовсе не понравилась ея ученая наружность предвѣщавшая шму неприятностей въ такомъ долгомъ путешествіи, однакожъ я не могъ отказать ея просьбѣ, и согласился со всевозможною вѣжливостью.

Вечеромъ, на канунъ моего отъѣзда, явился ко мнѣ одинъ изъ Харьковскихъ знакомцевъ, молодой Русскій офицеръ, съ которымъ я былъ очень друженъ, съ просьбой дать мѣспечко въ моей повозкѣ молодой вос-

питанной дѣвучкѣ, нестерпѣливо ожидавшей случая ѣхать въ Одессу, и которая, только за нѣсколько недѣль предъ тѣмъ, пріѣхала изъ Москвы. Услышавъ обо мнѣ, она просила моего пріятеля сдѣлать мнѣ это предложеніе. Напрасно говорилъ я ему, что взялъ ужъ въ соупницы гувернантку и что повозка моя слишкомъ мала для троихъ. „Знаю, отвѣчалъ онъ, смѣясь; но въ тѣснопѣ люди живутъ; чѣмъ тѣснѣе, тѣмъ теплѣе! Будь я на вашемъ мѣстѣ — я бы не заставилъ себя долго просить, оказать услугу женщинѣ прекраснѣйшей, отъ Москвы до Чернаго Моря. Полно-те, согласишься; вы мнѣ спасибо скажете!“

Что было дѣлать? Ни отъ кого въ Харьковѣ не видалъ я столько ласки, никто не приглашалъ меня къ себѣ такъ часто, какъ этотъ офицеръ; боясь прослыть неблагодарнымъ, я согласился.

„А кшожь эта красавица?“ спросилъ я.

— „Клянусь честію“ отвѣчалъ онъ захохотавъ — „я знаю только ея имя — Леночка. Но что до имени, когда дѣло идетъ о молоденькой, хорошенькой дѣвочкѣ? Кому придется въ голову справляться о немъ? Она беретъ на себя пушечья издержки.“

Онъ ушелъ, довольный успѣхомъ, а я, оставшись одинъ, размышлялъ объ этомъ имени: *Леночка*. Вѣрно опять какая нибудь Елена, а Елены всегда приносятъ мнѣ несчастіе. Смѣйся

изъ за конторки своей, смѣйся, злой Іеремія! я рѣшительно Еленистъ или Еленофиль.

Я назначилъ отъѣздъ мой рано поушру слѣдующаго дня. Чшобъ не заставитъ ждаль себя, обѣ спутницы мои переселились на ночь съ вещами своими въ потъ домъ, гдѣ я занималъ квартиру; однакожь я не видалъ ихъ до самой минуты отъѣзда. Подошедши къ повозкѣ, я замѣшилъ, что онѣ, молча, мѣряютъ другъ друга глазами. Нянька Француженка встрѣпила меня съ важностію Минервы, и объявила, что не можетъ ѣхать въ пакомъ двусмысленномъ обществѣ; что отличное воспитаніе, ею полученное, не позволяетъ ей имѣть сношенія съ этой Русской; что въ короткое мое пребываніе въ Харьковѣ, я не могъ слышать объ этой дѣвушкѣ и увѣриться въ ея хорошемъ поведеніи; что же до ней касается, то она никакъ не намѣрена лишиться репутаціи, которою пользуется въ Москвѣ, Одессѣ, Харьковѣ и Петербургѣ, пускаясь въ дальнюю дорогу съ подобной спутницей. Она намекнула мнѣ, что эта хваленая Леночка должна быть женщина не совсѣмъ почтенная; и что вѣроятно выслали ее изъ губерніи за дурное поведеніе. Тутъ я вспомнилъ, какимъ забавнымъ шономъ сказалъ мнѣ офицеръ, что у ней нѣтъ другаго имени, кромѣ: *Леночка*. Однакожь, давши слово помѣститъ ее въ моей повозкѣ, я замѣшилъ почтенной старушкѣ,

что уже поздно и дѣла перемѣнить не лзя; почему и просилъ ее, вооружась перпѣніемъ, покориться обстоятельству: Но спрогая Минерва разгнѣвалась, взяла обратно свой чемоданъ и сказала мнѣ, что она ясно видитъ, что я беру съ собой эту Русскую по такимъ причинамъ, которыя не позволяютъ честной женщинѣ ѣхать съ нами вмѣстѣ.

Оскорбленный такой грубой выходкой, я отворотился отъ ней, и далъ ей волю идти на всѣ четыре стороны.

Тогда я подошелъ къ другой моей спутницѣ, горячо разговаривавшей съ Петровичемъ, и хотя ни слова не понималъ, однакожь замѣтилъ, что голосъ ея тонокъ и пріятенъ. Она стояла ко мнѣ спиной; и въ нагольномъ шулуѣ, мѣховыхъ сапогахъ и капорѣ, показалась мнѣ толста и неуклюжа. Но когда она обернулась ко мнѣ, я увидѣлъ выглядывающее изъ подъ краснаго платка, завязаннаго подъ бородкой, прелестное личико, дѣтскій ротикъ, аленькія губки, и голубые глаза, которые сверкали, какъ звѣздочки. Она заговорила со мной, потутивъ глазки, но увидѣвъ, что я ее не понимаю, черезъ Петровича объявила мнѣ, что какъ старая Француженка отказалась отъ поѣздки, то и она не поѣдетъ; потому что надѣялась пустить въ дорогу въ сообществѣ женщины. Когда я растолковалъ ей съ большимъ трудомъ, также посредствомъ Петровича, что старушка

миѣ измѣнила , не объявляя однакожь причины , и увѣрилъ , что ей шрудно будетъ впередъ найти случай доѣхать до Одессы такъ покойно и скоро , она рѣшилась предать себя на волю судьбы , но съ видомъ печальнымъ и недовольнымъ . Я замѣтилъ , что Петровичъ наговорилъ ей несравнено больше того , что я ему сказывалъ , и что вмѣсто моихъ причинъ представлялъ ей собственныя свои убѣжденія : изъ всѣхъ его ужимокъ видно было , что ему очень хотѣлось свезти красотку въ Одессу .

Я предложилъ ей сѣсть въ повозку , но она покачала головой , въ знакъ отказа , выражавшаго вмѣстѣ и почтеніе и благодарность ; Петровичъ сказалъ мнѣ , что она хочешь помѣститься рядомъ съ нимъ , на козлахъ . Я принужденъ былъ согласиться , и мы поѣхали .

Не скрою отъ тебя , любезный другъ , что мнѣ непріятно было видѣть эту хорошенькую дѣвушку , рядомъ съ моимъ кучеромъ . Обращеніе ея подтверждало догадки старой Француженки . Она похожа была на Русскую служанку , сосланную въ деревню . Горе этому крошечному личику , этимъ глазамъ , исполненнымъ невинности , этому аленькому рожику !

Между тѣмъ , какъ они разговаривали на козлахъ , я скучалъ , сидя одинъ въ кибит-

къ, и почти раскаявался, что промѣнялъ *благовоспитанную* Минерву на Русскую Леночку. Опъ нечего дѣлать, я разсматривалъ попадавшіяся мнѣ на встрѣчу толстыя фигуры, всѣ одна на другую похожія, подъ мѣховыми шапками и шубами. Но сидящіе на козлахъ, ни мало мной не занимаясь, разговаривали и смѣялись, Богъ знаетъ, чему; я былъ для нихъ точно какъ глухой, и почиталъ за счастье удостоиться иногда отвѣта отъ Петровича. Да, откровенно признаюсь себѣ, мнѣ наконецъ до того стало скучно, что я почти началъ завидовать моему кучеру и чтобъ Леночка почаще на меня взглядывала, предлагалъ ей то то, то другое изъ дорожной провизіи. Въ первый день она отъказывалась учтиво, по своему, съ видомъ робкимъ и застѣчивымъ; на другой выпила нѣсколько капель мадеры съ сахаромъ; и я восхищался, видя какъ мало по малу осваивается моя полу-дикая, которая сначала, кажется, боялась меня потому, что я не понималъ ея словъ. Съ ней также былъ запасецъ; она пощивала меня имъ, въ первой корчмѣ, гдѣ провела ночь, равно какъ и Петровичъ, между шѣмъ какъ я оставался въ кибицкѣ.

Я не могъ понять, отъ чего Леночка, съ личикомъ, которое могло бы служить украшеніемъ блестящихъ собраній, вообще имѣла въ себѣ что то простое, тяжелое; она снунала, какъ неуклюжая Русская крестьянка; шло-

движенія; ея были самымъ надежнымъ щипомъ прошивъ ея прелестнаго личика.

На третій день, около Полтавы, кибитка наша увязла въ болотъ. Мы принуждены были выдши. Провозившиесь съ Петровичемъ около часа и употребивъ все усилія спасти кибитку и лошадей, потерявшихъ уже послѣднія силы, я замѣнилъ, что Ленокка упала въ грязь, и не можеть изъ ней выльзть; я подбѣжалъ къ ней, взялъ на руки, и самъ по колѣна въ болотъ, вынесъ ее на сухое мѣсто. Она плакала, сердце мое надрывалось отъ состраданія; мнѣ хотѣлось осушить слезы ея поцѣлуями.

Мы съ Петровичемъ снова принялись за работу, безъ малѣйшей надежды на успѣхъ. Городъ былъ такъ близко отъ насъ, что вѣрно тамъ слышали нашъ крикъ; но никто не любопытствовалъ придти, взглянувъ, что съ нами дѣлается. Подозвавъ ѣхавшихъ мимо извозчиковъ, мы предлагали имъ деньги, если они намъ помогутъ; но они посмѣялись нашему горю, и поѣхали. Такъ прошло три часа; плашье наше до того покрылось грязью, что мы почти не походили на людей, и Богъ знаеть, чѣмъ бы все это кончилось, еслибъ сдѣлавъ отчаянное усиліе, мы не успѣли наконецъ высвободить кибитки и выпастить ее на сухое мѣсто.

Ленокка между тѣмъ кой какъ очисти-лась; но тогда лишь замѣнилъ я, что она

потеряла одинъ сапогъ , и что только иппяный тонкій чулокъ прикрываль ея ножку , маленькую и стройную , что составляло чудную противоположность съ огромными сапожищами . Она дрожала опъ холода ; я предложилъ ей сѣсть въ кибичку , и Петровичъ великодушно упрашиваль ея согласиться на мое предложеніе , чувствуя по себѣ , какъ ей будетъ холодно на козлахъ . Я помѣстился подлѣ ней , и мы вѣхали въ Полшаву .

Мы остановились въ изрядной гостиницѣ , гдѣ Петровичъ напился пьянъ . Леночка опдалась подъ покровительство хозяйкѣ , а я , въ ожиданіи ночи , шатался по городу . Возвращаясь , ошибкой , вмѣсто своей горницы , зашелъ я въ другую , и спохватился , увидѣвъ , что у окна сидитъ пожилая женщина , а передъ ней стоить прекрасная молодая дѣвушка , въ щегольскомъ дорожномъ плащѣ , обрисовывающемъ стройный ея станъ , съ длинными , русыми волосами , кои падали кольцами вокругъ прелестнѣйшей въ мірѣ головы . Услышавъ шаги мои , дѣвушка обернулась , и я узналь въ ней Леночку . Она , какъ казалось мнѣ , была въ смущеніи , и стала что-то говорить мнѣ съ жаромъ . Не понимая словъ ея , я разполковаль ея знаками , что ошибся дверями ; тогда старуха вспала и опвела меня въ мою комнату .

Такъ вотъ какую Сильфиду вытащилъ я изъ болота и несъ на рукахъ! Горе этой красотѣ, такъ искусно прикрытой маскою!!

Я увидѣлъ ее не прежде, какъ въ самую минуту отъѣзда, но опять въ прежнемъ нарядѣ, съ огромными лапами; потому что она купила новые мѣховые сапоги. Лице ея было блѣдно и носило отпечатокъ снраданій; Петровичъ сказалъ мнѣ, что ее во всю ночь шрясла лихорадка и что она жалуется на сильную головную боль. Не заставляя много себя просить, она съѣла въ кибитку подлѣ меня; потомъ, прислонясь къ задку головою, закрыла глаза, и казалось, заснула.

Тутъ я могъ на свободѣ разсмотрѣть прекрасную соразмѣрность во всѣхъ чертахъ грѣшной пудешественницы. До сихъ поръ я еще не осмѣливался такъ долго глядѣть на нее; она была похожа на кающуюся Магдалину и исполнила сердце мое жалости. Я представлялъ себѣ видѣнный мною накануне легкій спанъ, теперъ закутанный въ шубу, и маленькую, стройную ножку, спрятанную въ тяжелый сапогъ, и готовъ былъ плакать, что такое совершенное твореніе природы погублено дурнымъ воспитаніемъ и пороками свѣта.

Она весь день почти ничего не ѣла. Участвіе мое возрастало съ каждой минутой; я жалѣлъ, что, живши такъ долго въ Одессѣ, не выучился порусски. Еслибъ по крайней мѣрѣ

была со мною Грамматика Лавая, чпобы позаимствоваться изъ нее какими нибудь выраженіями! Какъ я завидоваль Петровичу, который могъ говорить съ нею! Правда, онъ служиль мнѣ переводчикомъ; но отвѣсты Леночки теряли всю прелестъ, проходя сквозь его губы.

Не прежде какъ къ вечеру, согласилась она на мои усиленныя просьбы, и поѣла немного. По видимому, она замѣтила мое безпокойство о ея болѣзни, и сказала черезъ Петровича, что ей легче. Поутру Леночка показалась мнѣ Магдалиною: я находиль что-то ангельское въ ея улыбкѣ.

Мы не могли доѣхать въ эпошъ день до Кременчуга, но остановились на ночь въ вонючей лачугѣ, набишой мужиками. Моя кающаяся Магдалина, поговоривъ съ неопрятной хозяйкой, просила у меня позволенія, все посредствомъ нашего переводчика, провести ночь въ кибиткѣ, пошому что въ корчмѣ не было ни особливой комнаты, ни свѣжей соломы. Я и самъ намѣрень былъ предложить ей это теплое и покойное убѣжище; она помѣстилась, и, между цѣмъ какъ я застегиваль кругомъ ея кожаныя занавѣски, Петровичъ сказалъ ей, что она можетъ поживать покойно, пошому чпо я, не чувовуя усталости, займу свое мѣсто не прежде какъ черезъ нѣсколько часовъ; но я рѣшилса уже

ночевать въ корчмѣ, чтобъ не прерывать сна ея, столько для ней нужнаго.

Не возможно вообразить, до какой степени отвратительны степныя Русскія корчмы. Кушанье варятъ въ комнаѣ, куда теплоша привлекаетъ всѣхъ, домашнихъ и дорожныхъ, и отъ которой куры и свиньи отдѣлены одною шонкою перегородкою. Воздухъ зараженъ чадомъ отъ горшковъ, табашнымъ дымомъ, виннымъ запахомъ, и испареніями людей и животныхъ. Напившись допьяна, каждый ложится на свою шубу, и засыпаетъ гдѣ попало, кто на полу, кто на скамейкахъ. Я заблаговременно занялъ изрядное мѣстечко подлѣ окна; и все таки принужденъ былъ выходить нѣсколько разъ ночью, чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Я подходилъ къ повозкѣ, посмотреть, спокойно ли спитъ моя Магдалина. Какое небесное чувство лишать себя удобствъ жизни для успокоенія существа спраждающаго! Тутъ я вполне понялъ неизъяснимое удовольствіе, которое чувствуетъ мать, жершвуя своимъ покоемъ для ребенка и проводя безсонныя ночи у его колыбели. Къ утру только заснулъ я крѣпкимъ сномъ, и не проснулся даже отъ шума уѣзжавшихъ извозчиковъ.

Солнце было высоко, когда я проснулся; Магдалина стояла съ Петровичемъ у окошка, и сама, приготавливала кофій. Ея дружеское привѣтствіе, выразительный взоръ, брошен-

ный ею на внутренность нечистой комнаты и на мою постель, были несравненно краснорѣчивѣе всѣхъ выраженій благодарности, переданныхъ мнѣ Петровичемъ. Подкрѣпленная сномъ, она показалась мнѣ еще лучше, нежели когда нибудь; я восхищался, увидѣвъ что румянецъ вспыхнулъ на ея щекахъ, когда я, дружески ей поклонившись, схватилъ ея руку; онъ служилъ доказательствомъ, что молодая грѣшница не совсѣмъ еще разнакомилась съ чувствомъ стыда, самой природой вдохнутымъ въ сердце женщины. Я съ удовольствіемъ принялъ изъ ея прекрасныхъ ручекъ завтракъ, который она подала ловко и непринужденно.

Благодарность перемѣнила прежнюю ея холодность и дикость въ скромную довѣрчивость. Больше всего былъ я шѣмъ доволенъ, что суровое личико ея прояснѣло вмѣстѣ съ облегченіемъ головной боли и уступило мѣсто тихой веселости. Даже походка ея сдѣлалась совершенно другая; и я пораженъ былъ, видя, какъ щеголевато завернулась она въ шубу, и какъ ловко передвигала медвѣжьи ноги свои, подходя къ повозкѣ.

Ни гдѣ не лѣзя такъ скоро свыкнуться и спать необходимыми другъ для друга, какъ сидя въ тѣсномъ пространствѣ дорожнаго экипажа, неразлучно, нѣсколько недѣль сряду; тамъ никого не видишь, никого не

знаешь, кромѣ своего спутника. Полагаю, что такимъ образомъ я могъ бы сдѣлаться другомъ величайшаго злодѣя и привыкнуть къ отвратительнѣйшему въ мірѣ лицу.

Откровенно признаюсь тебѣ, добрый Іеремія: я запылалъ любовью къ Харьковской Магдалинѣ; тяжело было мнѣ вѣчно оставаться въ границахъ, которыя она будто бы перешагнула, и скрывать мои чувства, которыхъ она не стоила. Иногда желалъ я, чтобъ она была не такъ прекрасна, или былабъ болѣе добродѣтельна; часто, подстергая взоры ея, исполненные невинности и топчасъ скромно отвращаемые, я готовъ былъ тысячу разъ присягнуть за ея непорочность. Но я зналъ, что самыя презрѣнныя твари искусно умѣютъ облекать себя наружностію чистоты и невинности!

Въ этомъ пущи я больше выучился по-русски, нежели въ нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ въ Одессѣ. Петровичъ былъ моимъ словаремъ и грамматикой; я чувствовалъ необходимость говорить съ Русскою красавицею; и удивлялся снисхожденію и кротости, съ которыми она удерживала улыбку всякій разъ, когда я коверкалъ ея природный языкъ.

Я, сколько возможно, старался ночевать и кормить лошадей въ городахъ, и всегда упрашивалъ спутницу мою проходитьъ по нимъ вмѣстѣ со мною. Да, ослабляйся, Іере-

мія, ослабляйся, сколько хочешь! Безъ ней я не находилъ удовольствія.

Кременчугъ на Днѣпрѣ обширенъ, но не многолюденъ; всѣ дома деревянные. Лучшее мѣсто площадь, на которой производится большой торгъ, по близости ея отъ Днѣпра. Наводный мостъ, длиной въ триста футовъ, сильно пострадалъ при вскрытіи льда; съ большими затрудненіями позволили намъ переѣхать по немъ въ повозкѣ. Чего никакъ не хотѣли сдѣлать для бѣдныхъ извозчиковъ, стоявшихъ на берегу уже нѣсколько дней, но сдѣлали для насъ, потому что спутница моя умѣла ксташи блеснуть въ глаза корыстолобивому таможенному приставу кошелькомъ, полнымъ золота. Въ первый разъ увидѣвъ въ ея рукахъ такъ много денегъ, я почувствовалъ непонятную грусть. Несчастливая! подумалъ я, какой цѣной пріобрѣла ты это богатство?

Елисаветградъ, названный такъ въ честь Императрицы Елисаветы, также обширенъ, но имѣетъ не болѣе пяти или шести тысячъ жителей. Дома въ немъ вообще деревянные, исключая церквей, складенныхъ изъ камня. Улицы, какъ и въ цѣлой почти Россіи, не мощены.

Мы приближались къ цѣли нашего странствованія. Какъ скоро промчалось для меня время! Я желалъ, чтобы Одесса отодвинулась еще

на нѣсколько сошень верстѣ. Ни одинъ садъ, украшенный дарами весны, не говаривалъ еще душѣ моей такъ краснорѣчиво, какъ неозримое, холодное просиранство степей и лѣсовъ, отдѣляющихъ Украину отъ Чернаго Моря. Я былъ такъ счастливъ подлѣ этой Магдалины, которая скромной улыбкой добросердечія отклоняла всякую неприличную короткость! Именно этою благородный видъ, можешь быть, припворный, дѣлалъ мнѣ съ каждымъ днемъ милѣе. Наконецъ я не зналъ, что заключить объ ней; она при малѣйшемъ покушеніи моемъ, уклонялась отъ меня, подобно какъ травка *недотрога* свершывается отъ чужаго прикосновенія; не ужели для того, чтобъ привлекать, прельщать? Былъ ли то въ ней голосъ раскаянія, или робкая стыдливость невинности? Но этою кошелекъ съ золотомъ въ рукахъ дѣвушки молодой и прекрасной, не побоявшейся пуститься черезъ степи съ двумя мужчинами!!

Загадка скоро разгадалась.

За два дня до пріѣзда нашего въ Одессу, послѣ заката солнца, Магдалина просила меня велѣть остановиться передъ уединеннымъ домикомъ. Оставалось не болѣе трехъ верстѣ до очень изрядной гостинницы, гдѣ мы предполагали ночевать; но ей давно ужъ хотѣлось пить, и потому она вышла спро-

ситъ стаканъ воды. Изъ дому раздавались смѣшанные голоса и громкій хохотъ. Вскорѣ мы услышали крикъ Магдалины. Съ быстротою молніи выскочилъ я изъ кибитки и кинулся къ ней. Тамъ пятеро пьяныхъ Русскихъ мужиковъ, обступивъ бѣдную дѣвушку, обременяли ее своими отвратительными ласками. Я бросился на нихъ, билъ на право и на лѣво, и, поваливъ двоихъ, освободилъ мою Леночку, убѣжавшую, покуда я справлялся съ остальными.

Не знаю, какъ бы я отдѣлался отъ этой неровной битвы, еслибъ одинъ изъ мужиковъ не выронилъ изъ рукъ ночника, который упавши, пошухъ; пользуясь темнотою, я ушелъ, сѣлъ въ повозку, и мы помчались во весь опоръ.

Разсказывая Петровичу случившееся съ нами, я почувствовалъ, что меня ранили; теплые ручьи крови текли по щекъ. Чтобъ не испугать моей спутницы, я промолчалъ, и завязалъ голову платкомъ; послѣ того, ослабѣлъ, и приклонясь къ повозкѣ, заснулъ безпокойнымъ сномъ.

Открывъ глаза, я, съ изумленіемъ, увидѣлъ, что уже давно день. Я лежалъ на пюфякѣ въ скверной, хошя и теплой комнатѣ, прикрытый шубой и плащомъ. Магдалина стояла подлѣ меня на колѣнахъ, съ красными, разпухшими отъ слезъ глазами. Когда я взянулъ на нее, она опустила мою руку,

которую взяла было, чтобы пощупать пульсъ. Я пристально глядѣль на ея прекрасное лице и думалъ, что меня обманываетъ сновидѣніе. Она также смотрѣла на меня, съ безпокойствомъ, неподвижно. Наконецъ я услышалъ пріятный ея голосъ, и ужаснулся; я уже зналъ, что не сплю, и все таки не вѣрилъ ушамъ своимъ.

— „Боже мой! вы не узнаете меня! спросила она въ полголоса, чистымъ Нѣмецкимъ языкомъ, который выговаривала очень хорошо, хотя въ произношеніи и было замѣтно нѣчто чужестранное.

„Какъ!“ вскрикнулъ я, испугавшись, и приподнялся, опираясь на локти: „гдѣ я? Что со мной происходитъ!“

— „Успокойтесь ради Бога! сказала она; опасность прошла, не тревожьтесь. Каково вамъ? Не хотите ли чаю?“

Я проперъ глаза и снова устремилъ ихъ на нее. „Вы — точно вы ѣхали со мною, спросилъ я; ктоже такъ скоро выучилъ васъ говорить понѣмецки?“

— „Безпокойство“ — отвѣчала она съ смущеніемъ, и покраснѣвъ, приподнялася.

„Вы знаете Нѣмецкій языкъ, сказалъ я, и такъ долго лишали меня удовольствія говорить съ вами?“

Она смутилась еще болѣе, прошептала нѣсколько извиненій, и обратила разговоръ на то, что въ эту минуту, по словамъ ея, было всего

важнѣе, то есть на слабость моего здоровья. Чувствуя себя совершенно здоровымъ, исключая небольшой головной боли, я вспрыгнулъ съ постели, и тогда только, прирѣшивъ, что плащѣ мое все въ крови, узналъ о происходившемъ.

На канунъ этого дня, Леночка и Петровичъ, видя что я пересналъ отвѣчать на ихъ вопросы, подумали, что я сплю. Но оставаясь у корчмы и удивляясь, что я лежу въ кибиткѣ безъ движенія, велѣли подать огня и увидѣли что я блѣденъ и окровавленъ. Тогда перенесли меня въ эту комнату, гдѣ я черезъ нѣсколько времени опомнился; меня заставили выпить нѣсколько чашекъ чаю; потомъ обмыли рану и снова перевязали, послѣ чего я впалъ въ глубокой сонъ, не прерывавшійся во всю ночь.

Покуда милыя ручки моей попечительной сестрицы приготовляли на кухнѣ завтракъ, вѣрный Петровичъ пришелъ ко мнѣ съ извлеченіями радости, причиненной ему моимъ выздоровленіемъ. Отъ него узналъ я, что Леночка едва не упала въ обморокъ, увидѣвъ, въ какомъ я положеніи; она горько плакала, сама обмыла рану мою, и всю ночь провела безъ сна у моей постели. Петровичъ, лежавшій въ боковой комнаткѣ, увѣрялъ что слышалъ, какъ она тихо плакала; но боясь стукнуть и обезпокоить ее, не смѣлъ взойти и узнать, что съ нею дѣлается. Разсказъ Петровича

меня чувствительно пронуль. Нѣтъ, думаль я; не можеть статься, чѣтобъ она была существо презрѣнное; да хопябы и шакъ, все я не могу не любить ее!

Петровичъ, полагая что мы будемъ при-
нуждены долго пробывъ тушь, внесъ въ гор-
ницу все наши вещи. Я перебѣнилъ бѣлье
и плашье, и когда Леночка взошла съ зав-
тракомъ; прекрасна какъ утренняя заря, и
сѣла подлѣ меня на сундукъ, я невольно
подошелъ къ ней, поцѣловаль ея руку, и,
со слезами на глазахъ, называль ее спаси-
тельницаей моея жизни. „Да“ — отвѣчала
она, покраснѣвъ — „жизни, которою вы
за нѣсколько передъ тѣмъ минушь для меня
жертвовали.“

О другъ мой! Ты не постигаешь всей
красоты нашего языка, не слыхавъ его изъ
алыхъ ея губокъ: его благородные звуки въ
устахъ Леночки имѣють какую то особенную,
восхищительную прелестъ; они тихи, какъ
вдохъ вѣшняго вѣтерка въ Золовой арфѣ;
они слаще, звучнѣе оклавъ Италіянскихъ!

Въ тотъ же день мы доѣхали до Одессы. Ка-
кая нѣжная попечительность! Передъ отъ-
ѣдомъ, она еще разъ перевязала мою рану.
Милый Іеремія! кто не позволишь Русскимъ
мужикамъ проломить себѣ голову, лишь бы
такія ручки перевязали потомъ рану. Слезы

состраданія блиспали въ глазахъ Леночки ; какъ я благодаренъ своей ранѣ ! Теперь мы обходились другъ съ другомъ безъ малѣйшаго принужденія ; сердце ея было для меня совершенно открыто. Этошь послѣдній день вознаградила меня за долговременное молчаніе.

Можешь себѣ вообразить, что я не щадилъ упрековъ за то, что она, изъ непонятнаго эгоизма или гордости, скрывала отъ меня во все время путешествія нашего по степямъ, что знаетъ Нѣмецкій языкъ и можешь имъ свободно говорить. Но она такъ хорошо умѣла оправдываться, что я принужденъ былъ, на счесть ума, отдать ей преимущество предъ самой Пенелопой.

Боясь пуститься въ такой дальній путь съ мужчиной, ей совершенно незнакомымъ, она прибѣгла къ хитрости, но не изъ числа употребляемыхъ обыкновенно другими женщинами ; и, хотя очень хорошо знала Французскій и Нѣмецкій языки, выдала себя за простую Русскую дѣвушку, твердо рѣшившись не говорить иначе, какъ на природномъ своемъ языкѣ, дабы избѣжать всякой со мной короткости и предотвращить всякое со стороны моей волокитство. Попойже причинѣ показывала она столько неловкости въ походкѣ и обхожденіи. Увидѣвъ же, что я достоинъ ея довѣренности, отказалась она отъ принятой роли, самой тя-

желой для женщины и перестала притворяться уродомъ.

Милая героиня моя рассказала мнѣ сверхъ того, что, во время недовѣрчивости ея ко мнѣ, она твердо рѣшилась оспаться въ степи, какъ скоро замѣтила бы малѣйшее къ себѣ неуваженіе. Она въ чемоданчикъ своемъ везла даже полный арсеналь; и показала мнѣ заряженный карманный пистолеть и кинжаль осыпанный дорогими каменьями.

Леночкѣ, не меньше моего, хотѣлось вознаградишь себя за долгое, добровольное молчаніе, откровеннымъ, дружескимъ разговоромъ, и вполне предашь наслажденію довѣрчивости; столь свойственной людямъ, которые нѣсколько недѣль сидѣли рядомъ въ повозкѣ вмѣстѣ, переносили всѣ неудобства, видѣли одно и тоже, получали одинаковыя впечатлѣнья. Вотъ что она рассказала мнѣ:

Елена или Леночка — (какъ ее обыкновенно называли въ Россіи) — произошла отъ благородной Польской фамиліи, разорившейся въ Костюшкину революцію. Отець ея, преслѣдуемый несчастіями, умеръ на чужбинѣ. Мать Леночки, родомъ изъ Германіи, поѣхала съ нею въ Россію къ сестрѣ, жившей въ одной изъ Россійскихъ Губерній и весьма богатой по мужу. Тамъ она умерла, и бездѣтная шетка Елены, воспитала племянницу съ

нѣжностію матери. Но Елена была счастлива до тѣхъ только поръ, пока жила тетка, умершая когда наступилъ ей семнадцатый годъ. Дядя сдѣлалъ дурачество, жениась вторично на молодой жѣнщинѣ, имѣвшей цѣлу слабоесть, изъ которыхъ самую простительною была: страсть къ удовольствіямъ. Вскорѣ простота и пишина, царствовавшія дополнѣ въ домѣ, замѣнились непрерывными празднествами, гдѣ господствовали роскошь и невоздержаніе. Елена могла обратить на себя взоры и вниманіе гостей; а это не нравилось жѣнщинѣ власшлюбивой, хотѣвшей быть единственнымъ предметомъ любви и удивленія. Прошло еще нѣсколько времени, и Елена вполнѣ почувствовала сиротство свое и одиночество. Тогда прибѣгла она къ единственному, остававшемуся ей другу, пожилому Графу, котораго съ давнихъ поръ привыкла называть отцомъ. Онъ взялъ ее изъ дядина дома, въ которомъ она подвергалась всякаго рода оскорбленіямъ и отвезъ въ свою деревню, гдѣ Елена была для старика почтительной, благодарной дочерью.

Но ласки дѣвушки, исполненныя дѣтской любви, пробудили въ сердцѣ его, чувства любви болѣе нежели родительской: оледененный годами старикъ запылалъ огнемъ, составляющимъ обыкновенно муку юности. Онъ открылъ ей чувства свои и предло-

жилъ свою руку съ большею частію имѣнія. Елена, предпочитавшая имя дочери званію супруги, съ признательностью отказалась отъ предложенія, которое дѣлало ей честь, но было не по сердцу. Не взирая на отказъ, старикъ попрежнему ей благодѣтельствовалъ; но во взаимномъ ихъ обращеніи родилась какая-то непріятная принужденность.

Въ это самое время сынъ Графа возвратился изъ Петербурга. Онъ принадлежалъ къ числу людей, избалованныхъ огромнымъ богатствомъ, полуобразованныхъ и безхарактерныхъ. Не имѣя самъ возвышенныхъ чувствъ, онъ не вѣрилъ добродѣтели женщинъ и съ перваго дня началъ преслѣдовать Елену нѣжностями и угожденіями. Чѣмъ дольше онъ жилъ съ ней, тѣмъ страсть его становилась сильнѣе, и наконецъ дошла до того, что онъ сталъ просить руки ея, не взирая на данную имъ себѣ клятву, никогда не обременять себя шоль тяжкими узами.

Елену со всѣхъ сторонъ мучили; сынъ изъявленіями страсти; отецъ ревностію къ сыну, въ которомъ видѣлъ опаснаго соперника. Онъ чувствовалъ необходимость разлучить ихъ, и боясь, чтобъ послѣ его смерти Елена не сдѣлалась жертвою молодаго Графа, заблагоразсудилъ тайно отправить ее въ Одессу, препоручивъ тамъ стариннымъ своимъ пріятелямъ. Какъ скоро она согласилась на отъѣздъ, старикъ снабдилъ ее, даже

съ избыткомъ, всѣмъ что нужно для пути и обѣщаль обезпечить судьбу ея на будущее время. Елена, оправилаь въ хорошемъ обществѣ въ Петербургъ, потомъ въ Москву и Харьковъ, гдѣ жила у одного почтеннаго семейства, подъ именемъ Леночки, выдавая себя за гувернаншку, ѣдущую въ Одессу.

Сколько мнимое званіе Елены, сколько, полагаю, красота ея и молодость подвергли ее многимъ непріятностямъ въ этомъ домѣ, куда ежедневно приходило множество студентовъ и офицеровъ. Но, какъ ни хотѣлось ей оставить Харьковъ, она не рѣшалась ѣхать иначе, какъ въ надежномъ сообществѣ, зная по опыту грубость ямщиковъ, когда они имѣють дѣло съ беззащитною женщиною.

Улышавъ, что я ѣду въ Одессу, она просила меня, посредствомъ офицера, посѣщавшаго домъ, гдѣ жила, дать ей мѣсто въ моемъ экипажѣ, и изъ предосторожности, чтобъ ея щеголеватая одежда не бросилась въ глаза степнымъ жишелямъ, одѣлась въ простое платье служанки. Она очень понравилась доброму Петровичу, котораго видѣла въ Харьковскомъ пражирѣ, въ вечеру передъ нашимъ отъѣздомъ, и распросила обо мнѣ и спарой Французенкѣ.

Елена уже рѣшилась пуститься въ дорогу, какъ вдругъ негодование Минервы поко-

лебало ея швердось: но доводы и просьбы Петровича, соединясь съ собственнымъ ея нежеланіемъ возвратиться назадъ въ Харьковское свое жилище, положили конецъ сомнѣніямъ; а можешь быть — (позволь мнѣ льстить себя этой пріятной надеждой) — и самая наружность моя вдохнула въ нее довѣренность ко мнѣ. Мнѣ кажется: женщины вообще большія фізіономистки.

Могъ ли я думать когда нибудь, что рана въ голову, нанесенная въ степяхъ Херсонскихъ, доставитъ мнѣ прелестнѣйшій день въ жизни? Съ какимъ воспоргомъ слушалъ я признаніе прелестной сироты, признаніе, что одна недовѣрчивость къ собственной швердости препятствовала ей отвѣчать мнѣ лаской на ласку! Въ шопъ самый день, когда я, подъ Полтавой, вынесъ ее изъ грязи, и потомъ, сострадая о бѣдной, уступилъ ей мѣсто въ повозкѣ, рѣшась провести самъ ночь въ неопрятной, безпокойной корчмѣ, она — почему не повторитъ мнѣ собственныя ея слова, Іеремія? — она исполнилась ко мнѣ довѣренности и почшенія, желала говорить со мной, вывести меня изъ заблужденія! И узналъ также, что ночью она видѣла, какъ я подходилъ къ повозкѣ, чшобъ увѣриться, хорошо ли, покойно ли ей!

Съ своей стороны я чистосердечно признался, какихъ былъ объ ней мыслей, и, плаща откровенностію за откровенность, описалъ ей всю мою жизнь, мои чувства, мои странствования; говорилъ о нашемъ достопопочтенномъ городкѣ, о тебѣ, Іеремія, наконецъ, обо всемъ, кромѣ двухъ Еленъ, которыхъ любилъ нѣкогда; я не сказалъ ни слова ни объ нихъ, ни о томъ, что изъ всѣхъ возможныхъ Еленъ, могу одну только ее любить истинно.

На послѣдней станціи, Елена, снявъ съ себя простое плаще, отдала бѣдной хозяйкѣ дома, гдѣ мы остановились. Я не узналъ моей спутницы. Не такъ прелестна была Афродита, выходящая изъ волнъ морскихъ, какъ эша сѣверная красота, сбросившая съ себя тяжелую шубу Русской крестьянки.

Елена покраснѣла и попупила глаза, замѣтивъ мое удивленіе; казалось, она сама пугалася красоты своей. Чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ Одессѣ, тѣмъ мнѣ было грустнѣе: я долженъ былъ расстаться съ той, которая мнѣ такъ долго принадлежала!

— „Могули надѣяться“ — говорила она тихимъ, прогательнымъ голосомъ — „могули надѣяться, что разположеніе ваше ко мнѣ не переменится въ Одессѣ? Я не знаю людей, которымъ Графъ меня препоручаетъ. Если буду имѣть нужду въ совѣтѣ и подпорѣ, къ кому мнѣ обратиться, кромѣ васъ? Кто луч-

не васъ знаешь безпомощное, жалкое мое положеніе?»

Слезы струились по ея щекамъ — и по моимъ; я не могъ выговорить ни слова; взявъ шрепещущую ея руку и прижалъ къ моему сердцу; она не отдернула ее, и я вполнѣ чувствовалъ мое счастіе! молчалъ, но молчаніе это было въ тысячу разъ краснорѣчивѣе всего, что сказано было на канунѣ; взаимная довѣренность породила между нами сочувствіе душъ чистыхъ, которыя безъ словъ понимаютъ другъ друга.

Уже повозка наша капившаяся по улицамъ города, остановилась у воротъ гостиницы. Помѣстивъ тамъ Елену и снабдивъ ее всѣмъ необходимымъ, я пошелъ съ Петровичемъ въ скромное мое жилище.

Г л а в а VII.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ЕЛЕНОФИЛА.

Константинополь, Іюнь 1823 года.

Что, богобоязливый Іереміа? не испугался ли ты, получивъ это письмо изъ столицы Турецкаго Султана? Не бойся, любезный! Хотя Падишахъ невѣрныхъ и желалъ бы истребить весь родъ Христіанскій, однакожь не смотря на то, онъ весьма великодушенъ. И не заслужилъ ли онъ удивленія

всей Европы великимъ предпріятіемъ искоренить Грековъ, эгихъ дерзкихъ машежниковъ, нехотѣвшихъ добровольно подвергаться грабежу и оскорбленіямъ Пашей и Деевъ и осмѣлившихся думать, что они такіе же люди, какъ Турки!

Мусульмане смотрятъ на Грековъ почто также, какъ мы на Евреевъ. И дѣйствительно, что сказалибы Христіане, еслибъ всѣ Жиды, соединясь, вдругъ ополчились, чтобы положить конецъ униженію своему и гоненіямъ почти во всѣхъ государствахъ Европы? Вѣрнобъ не оправдали ихъ! Мусульмане еще менѣе расположены одобрять высокоумныя требованія Грековъ, хотя сіи послѣдніе, конечно, имѣють полное право выгнать эгихъ варваровъ приходившихъ изъ Азіи и единственно по праву сильного завладѣвшихъ наслѣдіемъ Еленъ. Но вѣроятно, въ Турецкихъ законахъ не упоминается о правахъ наслѣдія; право сильного сильнѣе правъ гражданскихъ и божественныхъ и — *beati possidentes!*

Я былъ вѣрнымъ и неутомимыхъ чичероне прекрасной Елены, познакомилъ ее съ семействами, въ дома которыхъ имѣлъ входъ съ давнихъ поръ, и проводилъ въ жилище новаго покровителя, которому препоручалъ ее старый Графъ. Хотя тамъ приняли ее съ должнымъ уваженіемъ, однакожъ она просила позволенія нанять себѣ особенную квартиру, потому что Одесскій покровитель не

совсѣмъ ей нравился; онъ цѣлый день пилъ и только поушру былъ презвѣ; семейство его, разхваленное Еленѣ старымъ Графомъ и можетъ быть, весьма любезное за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, состояло теперь изъ нѣсколькихъ веселыхъ и злоязычныхъ старушекъ, вовсе не милыхъ и едвали почтенныхъ.

Старый Графъ ошибся въ людяхъ, которыми препоручилъ бѣдную сиротку; онъ забылъ, что быстротечное время уноситъ съ собою красоту и любезность. Но Елена имѣла еще большую причину сѣтовать на него и беспокоиться, потому что онъ, казалось, забылъ обѣщаніе не оставлять ее и въ Одессѣ своими благодѣяніями. Она къ нему писала, но отвѣта не было; такъ прошло три мѣсяца.

Между тѣмъ я всегда видѣлъ ее веселою въ обществѣ нашихъ знакомыхъ и у ней, когда бывалъ приглашенъ вмѣстѣ съ другими; потому что, съ перваго дня пріѣзда въ Одессу, я лишился права видѣть ее наединѣ. Откровенно признаюсь тебѣ, Іеремія, я начиналъ уже сомнѣваться; какъ и ты вѣрно теперь сомнѣваешься, въ чистосердечіи Елены и существованіи стараго Графа, и думалъ, что все рассказанное ею, выдумка. Въ противномъ случаѣ, какъ бы могъ этотъ великодушный благодѣтель не писать къ ней сколько времени, и какъ могла бы она быть такъ покойна?

Для чего же было ей обманывать меня? Можешь быть для того, чтобъ я не дивился видѣнному мной въ рукахъ ея кошелеку съ золотомъ, который вселилъ въ меня сильное подозрѣніе послѣ словъ Харьковской Минервы. Я не смѣлъ однако помыслишь о томъ; послѣ того какъ увидѣлъ ея благородное лице, въ которомъ каждая черта была оппечаткомъ чистѣйшей невинности. Нѣтъ! девятнадцатилѣтняя дѣвушка не можешь такъ адски обманывать своею ангельскою наружностію! Наконецъ будь она женщина, гонящаяся за приключеніями; я и тогда любилъ бы ее! Она не могла быть совершенно испорчена; ябъ постарался спасти ее!

Загадка разгадалась неожиданнымъ образомъ. Однажды поуспру она прислала за мною; я нашель ее одну, блѣдную, съ заплаканными глазами. Выславъ служанку; она сказала мнѣ съ замѣшательствомъ.

— „Теперь дѣйствительно я не имѣю въ цѣломъ мірѣ никого, кромѣ Бога! Что мнѣ дѣлать? Куда обратись? Я получила письма, отъ моего благодѣтеля; но его ужъ нѣтъ въ живыхъ! Вотъ письмо: прочтите, и потомъ дайте совѣтъ несчастной, имѣющей къ вамъ однимъ полную довѣренность.“

Письмо Графа, въ которомъ выражалъ онъ огорченіе свое и гнѣвъ на сына; уже возвратившагося въ Петербургъ, написано

было въ предчувствіи близкой смерти и дышало нѣжной страстью къ Еленѣ. Словаящаго несчастнаго старца прослезили меня; онъ посылалъ бѣдной дѣвушкѣ, которую боготворилъ и на краю могилы, огромную сумму денегъ, векселями на разные торговые дома въ Москвѣ и Одессѣ. Устройвъ судьбу Елены, онъ сыну своему почти ничего не оставлялъ. При письмѣ этомъ приложено было письмо управителя, которымъ онъ увѣдомлялъ о смерти старика.

„Что станется со мною“ — говорила она, рыдая. — „Добрый и великодушный старецъ“ — отвѣчала я, увидя, что она нѣсколько успокоилась — „пекся объ участи вашей съ нѣжностію отца; одно только страшно, а именно, чтобъ сынъ не почелъ сдѣланнаго вамъ дара, отняшіемъ его собственности; онъ можетъ протѣдать, гдѣ вы находитесь, и преслѣдовать васъ ненавистію своей или любовью. Потѣжайте въ Германію; покиньте эту страну, къ которой ни что уже васъ не привязываетъ; и если даже рѣшитесь отказать отъ богатства, оставленнаго вамъ благодѣтелемъ вашимъ, то будьте увѣрены, что вы не всѣми покинуты въ мірѣ. Я не бѣденъ, и все что имѣю, вамъ принадлежитъ!“

Не помню, что я говорилъ еще; знаю только, что послѣднія слова мои привели ее въ краску, что я упалъ на колѣна и осыпалъ поцѣлуями трепещущую ея руку; что

она подняла меня, сказала что-то, и рыдая, поверглась въ мои объятія.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, мы говорили много; я узналъ, что Елена любитъ меня съ той самой ночи, какъ занемогла въ Полтавѣ, и что она въ Одессѣ отдала меня отъ себя, чтобъ лучше скрыть страсть свою. Помню еще, что я едва вѣрилъ моему блаженству, и тогда только поверилъ ему когда она произнесла передъ алтаремъ клятву любить меня вѣчно, когда я назвалъ ее женой моею и увелъ въ тѣсную каюту корабля, на которомъ донесся по волнамъ Чернаго Моря до Константинополя, глазъ на глазъ съ нею, какъ во время незабвеннаго путешествія отъ Харькова до береговъ Евксинскаго Понта.

Въ жизни моей не имѣлъ я столько дѣлъ, и столько пріятныхъ дѣлъ, какъ въ послѣднюю недѣлю пребыванія моего въ Одессѣ: я трудился для ней, она награждала меня за труды съ неизъяснимою прелестью! Необходимо было искупить все необходимое для пути, бѣгать за пашпортомъ изъ конторы въ контору, объявлять три дня сряду въ вѣдомостяхъ, что мы выѣжаемъ изъ Одессы; послѣ того наступили прощальные визиты и наконецъ — свадьба. Мы вѣнчались въ дорожномъ платьѣ, за часъ до отплытія на суд-

нѣ храбраго Генуезскаго Капитана Ругузина. Въсперъ былъ проливной, пошелъ дождь, наступилъ штиль; въ продолженіе сорока или пятидесяти часовъ, нечистыя волны Дуная непрерывно мутили свѣтлую влагу Чернаго Моря. Мы видѣли берега Европы и Азіи, наконецъ величественный Стамбуль и веселый Скутари. Нѣтъ, не вѣрь мнѣ, Іеремія: мы ничего не видали кромѣ насъ самихъ, кромѣ любви нашей, хладнокровные ко всему остальному. Еслибъ море насъ поглошило, мы не увидѣли бы и самой смерти!

Прибывъ въ Константинополь по двѣнадцатидневномъ плаваніи, я готовъ былъ присягнуть, что былъ на морѣ не болѣе двѣнадцати часовъ. Мы заняли изрядненную квартирку въ Перѣ, предмѣстіи населенномъ Франками или Христіанами, и потому слышущемъ у набожныхъ Турковъ кваршаломъ свиней. Елена надѣла мужское платье, чтобы всюду ходить со мною.

Не ожидай отъ меня описанія Константинополя; ты найдешь его во ста книгахъ. Я видѣлъ одну Елену и удовольствіе, оживлявшее взоръ ея при каждомъ новомъ зрѣлищѣ.

Столица Султана есть Азія въ Европѣ; великолѣпный плащь, прикрывающій отвратительную неопрятность; рай, почивый червями и ржавчиной!

Окрестности прелестны до невѣроятности, видъ гавани изпещренной парусами и фла-

гами, восхищенъ. Въ нашей Европѣ нѣтъ ничего подобнаго. Но за то, сколько величественна здѣшняя природа, столько дурны люди. Турокъ, покоится ли на мягкомъ диванѣ, спойтъ ли на часахъ, или сидитъ въ лавкѣ, всегда съ длинною трубкою во рту, всегда имѣетъ самодовольный видъ, свойственный глупости; ни что не пробуждаетъ его отъ моральнаго усыпленія, кромѣ плушней, пьянства, бѣшенаго гнѣва, неукротимыхъ желаній, и другихъ чувствъ, свойственныхъ живошному. Вѣроятно есть исключенія, скажутъ мнѣ, особенно въ высшихъ классахъ людей! Но здѣсь нѣтъ классовъ: послѣдній Турокъ можетъ сдѣлаться Пашей, невольникъ верховнымъ Визиремъ, и съ высоты величія снова низринуться въ ничтожество.

Турки принесли съ собою изъ Азіи не-вѣжество Воспока, а въ Византійской Имперіи ознакомились съ испорченностію Европейскихъ нравовъ. Дикіе, сластолюбивые, грубые, необразованные, пришли они съ Белурскихъ горъ: таковы и донинѣ. Они гордо презираютъ все, чего не понимаютъ, чего не дѣлаютъ, чему не вѣрятъ! За недостаткомъ оіума или фанатизма, вѣра въ предопредѣленіе придаетъ имъ храбрость на войнѣ и дѣлаетъ хладнокровными къ чумѣ.

Трієстѣ, Августѣ.

Я ни чего не сказалъ тебѣ о Константинополѣ и нашемъ плаваніи; другъ мой! я жилъ для одной Елены, только ее видѣлъ! Въ Трієстѣ насъ посадили въ карантинъ, обходились съ нами хорошо и продержали не долго.

За сто лѣтъ предъ симъ, этошь городъ, лежащій между холмовъ и скалъ, былъ бѣденъ и неизвѣстенъ. Теперь скалы и холмы покрываются множествомъ прекрасныхъ зданій, улицъ, церквей, замковъ. Нынѣ Трієстѣ богатѣйшій торговый городъ въ Австріи, простирается до береговъ Адриатическаго моря и имѣетъ сорокъ тысячъ жителей. Окрестности усажены красивыми загородными домами и похожи на луга, въ весеннее время изпещренные бѣлыми цвѣточками. Я съ удовольствіемъ поселился бы здѣсь, еслибы городъ не былъ населенъ одними — (извини мой другъ!) — купцами и фабрикантами, кои день и ночь заняты счетами да расчетами.

Мы съ Еленой рѣшились путешествовать до тѣхъ поръ, пока не сыщемъ пріятнаго края, гдѣ Полиція не придетъ къ намъ осведомляться о нашихъ занятіяхъ; гдѣ свободно можемъ заниматься словесностью Франціи и Германіи, гдѣ наконецъ сосѣдство какого нибудь большаго города дастъ намъ средства украсить сельскій нашъ домикъ

всѣмъ, что необходимо для удобствъ и пріятностей жизни.

О ты, ставящій разходную и приходную книгу свою несравненно выше Оберона и Освобожденнаго Іерусалима, выше Шиллера и Фосса, Іеремія, закланый врагъ драматическихъ произведеній и романовъ! приготовься шеперь прочесть самое романическое произшествіе.

Однажды я ходилъ съ Еленой по Тріесту; бывъ цѣлый день на ногахъ, мы чувствовали усталость, и вечеромъ сѣли на берегу канала. Вдругъ, не подалеку отъ насъ, женской голосъ произнесъ мое имя.

„Возможно ли? Это вы, Г. Іемине?“ И вотъ подходитъ ко мнѣ — дочь сборщика подашей — Елена — Елена первая — во всемъ блескѣ свѣтской женщины. Я вскочилъ и привѣтствовалъ первую любовь мою со всемъ краснорѣчіемъ, какое только позволяло мнѣ присутствіе постороннихъ лицъ, молодой жены и какого-то толстаго, высокаго мужчины, который смотрѣлъ на милую землячку мою глазами, выражавшими права полномочныя. Я тотчасъ же вспомнилъ о своемъ послѣднемъ письмѣ, и заключилъ что эшотъ господинъ безъ сомнѣнія шотъ богатый купецъ въ очкахъ, о которомъ ты мнѣ писалъ.

Въ самомъ дѣлѣ она представила мнѣ его, какъ мужа, съ которымъ пріѣхала сюда по торговымъ дѣламъ.

И здѣсь подлѣ милой жены, завоеванной въ степяхъ Россіи, я долженъ былъ любоваться прелестнымъ ея личикомъ!

Сказавъ нѣсколько вѣжливыхъ словъ Г. Консулу, я представилъ имъ обрѣчь мою жену.

Консулъ, въ глазахъ котораго, не смотря на очки, я прочелъ весьма естественное удивленіе, при видѣ столь короткаго знакомства съ его супругой, сдѣлался очень ласковъ, услышавъ, что я не одинокъ и также веду книги двойнымъ числомъ. Онъ меня убѣдительно просилъ присоединиться къ пріятельскому обществу, оставшемуся въ нѣсколькихъ отсюда шагахъ. Елена, съ перваго взгляду увѣрившаяся, что моя Леночка одѣта съ ногъ до головы въ лучшемъ вкусѣ, стала также ее упрашивать. Между тѣмъ общество, къ которому они приглашали насъ, приблизилось. Другъ мой! Повѣришь ли? Прекраснѣйшая изъ всѣхъ женщинъ, къ намъ подходившихъ, пристально взглянула на меня въ то самое время, когда глаза мои привлеченные ея красотой, были на нее устремлены. Она покраснѣла, ступила еще два шага и остановилась въ нерѣшимости; я подошелъ къ ней; сердце мое билось; въ ней узналъ я Елену, видѣнную мною въ камер-обскурѣ — Елену вторую — изъ любви къ которой я возложилъ на себя крестъ, и скитался такъ долго по Венгріи и Трансильваніи, по проклятымъ степямъ и каранпинамъ.

Не преодолѣвъ смущенія, но скрывъ его подъ обыкновенными привѣтствіями, она обратилась къ прекрасному, молодому мужчинѣ и сказала ему поанглійски: „Вошь онъ, другъ мой, вошь онъ!“..

Сиръ Бейлей — (это было его имя) — обошелся со мной очень вѣжливо; какъ видно, онъ уже зналъ меня по рассказамъ жены; да, другъ мой, онъ женашъ на Еленѣ. Вѣроятно, она разсказала ему о любви своей ко мнѣ; откровенность, которой, признаюсь, я не ожидалъ отъ ней!

Послѣ уже узналъ я, что она принуждена была выдти за этого молодаго челоуѣка, страшно въ нее влюбившагося, не взирая на сдѣланное мнѣ признаніе. Мать была главною причиною всѣхъ ея огорченій. Будучи скупа, щеславна, и дошедши почти до нищеты, она надѣялась, что красота дочери доставитъ ей зятя знашнаго и богатаго, посредствомъ котораго она можетъ блистать снова. Мистрисъ Бейлей вышла замужъ, единственно для того, чтобъ избавишься отъ преслѣдованій корыстолюбивой матери. Сія послѣдняя возвратилась въ Вѣну, гдѣ, благодаря попеченіямъ зятя, живешь въ довольствѣ. Елена такъ была озлоблена ею и такъ живо помнила претерпѣнныя ею муки, что не хотѣла и видѣться съ нею.

Согласившись на приглашеніе Консула, мы были великолѣпно угощены въ загородномъ домѣ богатаго Тріестскаго жителя, его хозяина.

Я былъ въ самомъ странномъ, романтическомъ положеніи; между трехъ Еленъ, которыхъ поочередно любилъ и изъ которыхъ каждая имѣла на меня виды. Невозможность обращаться по прежнему съ двумя первыми приводила меня въ замѣшательство. Вѣроятно и онѣ были не очень покойны, вспоминая, одна о балахъ нашего городка, другая оберегахъ Трауна. Я замѣтилъ что онѣ очень приглядывались къ моей Русской Еленѣ. Можешь быть каждая мысленно сравнивала ея красоту съ своею.

Въ продолженіе вечера, я нѣсколько разъ проклиналъ рокъ, присудившій мнѣ быть *Еленофилдомъ*. Какъ затруднительно находишься въ присутствіи трехъ любовницъ! И я такъ же сравнивалъ ихъ между собою. Каждая имѣла свою особенную прелесть. Онѣ представляли собою три грамматическія степени: дочь сборщика податей — *положительную*; Елена Венгерская — *сравнительную*; а моя Леночка, моя сѣверная роза — *превосходную* степень!

Превосходная по временамъ бросала на меня грозные взгляды, которые я очень хорошо понималъ и отъ которыхъ краснѣлъ невольно; мнѣ казалось, что и Консулъ съ сыномъ Альбіона морщились, когда я заговаривалъ

съ ихъ женами. За то , изъ мести , моя Леночка любезничала съ каждымъ до того , что къ вечеру заплонила всѣхъ жителей и жилищницъ Триеста.

Еслибъ и у тебя была своя Леночка, милый Иеремія , ты бы зналъ , что значить выслушать проповѣдь , исповѣдаться и получить отпущеніе грѣховъ. Разумѣется , моя миленькая Московочка посердилась , что я при первомъ шагѣ на берега южной Европы, встрѣпилъ такихъ коропкихъ знакомокъ. Я ей разсказалъ все подробно.

— Эшо не слишкомъ утѣшительно“ — отвѣчала она, смѣясь: „а много ли еще Елень встрѣшимъ мы , покуда доѣдемъ до дому , господинъ Еленофилъ!“

Я , безъ зазрѣнія совѣсти , успокоилъ ее на эшошь счетъ , а она простила меня за мою Еленоманію. „Но“ — прибавила — „не мѣшалобъ , думаю , убраться подальше отъ Триестскихъ Елень?“

И такъ мы отправляемся завтра. Правду говорятъ , не совсѣмъ безопасно встрѣчаться съ прежними предметами вздоховъ.

Кажется , двѣ Елены мои такъ же исповѣдывались своимъ мужьямъ , которые приняли шѣ же благоразумныя мѣры , какъ и жена моя; сего

дня мы всё прое сошлись и каждый изъ насъ объявилъ о своемъ опъздѣ. Англичанинъ опърявляется завтра на западъ; Консулъ на воспокъ; а я съ моей ревнивицей, на сѣверъ — къ тебѣ, милый Иеремя!

V.

ЛЕВЪ И ТИГРЬ.

Видалъ ли ты, какъ грозный Левъ
Свой изъявляешь страшный гнѣвъ?
Онъ бьешь хвостомъ, подъемлешь ревь,
Косматой машешь головой
И выстунаешь гордо въ бой.

О! Тигръ Бенгальскій не таковъ!
Онъ совершаетъ тайно ловъ;
На спящихъ мечется враговъ;
Коварень онъ и хитръ и золь
И быстръ; измѣчивъ, какъ Эоль.

Сравни: героя грозень ликъ,
Когда войны послышешь кликъ
И занесешь прех-гранный шпыкъ
Иль мечъ надъ вражьей головой:
Онъ Левъ, онъ гордъ, онъ прямо въ бой!

Но не таковъ коварный врагъ!
Въ немъ вмѣстѣ дерзость, злоба, страхъ,
Какъ ташъ ночной, какъ Тигръ въ шепяхъ,
Онъ шайной крадется шропой
И вдругъ бросается на бой.

Л. Якуловичъ.

VI.

ВОСПОМИАНІЯ

О ЮЖНОЙ АФРИКѢ а).

(КУПЕРА - РОЗА)

Выѣхавъ очень рано, я пустился въ горы, отдаленныя отъ мыса на шестнадцать миль. И я и конь мой начинали уже чувствовать, что пора возвратиться домой, какъ вдругъ туманъ совершенно одѣлъ насъ. Не знаю, случалось ли тебѣ когда нибудь замѣчать дѣйствія тумана и видѣть, какъ онъ измѣняя видъ горъ, по увеличиваешь, по вовсе скрываетъ предметы, или наконецъ даетъ имъ такой странный, фантастическій образъ, что путешественникъ, ежеминутно обманываемый, перестаешь вѣрить глазамъ своимъ.

Я находился на вершинѣ утесистаго холма, съ котораго могъ съѣхать не иначе какъ весьма крупною пропункой. Я не терялъ ея до пѣхъ поръ, покуда могъ различать стрѣлку на компасѣ, и хотя часто ошибался, но все продолжалъ путь мой по скаламъ и болопамъ, до самаго заката солнеч-

(а) Желая ознакомить читателей нашихъ съ новымъ произведеніемъ Купера - Роза: *Четыре Года пребывания въ Южной Африкѣ (Quatre ans de séjour en Afrique Meridionale, Paris, 1851)*, представляющемъ любопытный очеркъ мѣстности и нравовъ, выписываемъ здѣсь нѣсколько мѣстъ изъ сего сочиненія, представляющаго въ видѣ писемъ къ другу.

наго, въ слѣдъ за которымъ, здѣсь, непосредственно наступаетъ совершенная темнота. Еще нѣсколько минушь послѣднія лучи солнца пробивались сквозь разступившіяся облака, и по сему-то направленію шла моя лошадь; казалось, какая-то надежда оживляла ее, потому что она усердно скакала. Наконецъ, добѣжавъ до обрыва горы, она остановилась, а съ тѣмъ вмѣстѣ рушилась и вся моя надежда. Не оставалось инаго средства, какъ провести ночь на горѣ. Утомленный, мокрый и сверхъ того голодный — (съ самаго завтрака и не принималъ никакой пищи) — слѣзъ я съ лошади и искалъ пріюта отъ дождя у подошвы скалы. Вскорѣ потомъ услышалъ я дикія пропяжныя завыванія шакала и отпрыгившій вой волковъ. Они чуяли лошадь мою и приближались. При мнѣ не было никакого оружія; я собралъ нѣсколько кремней, и стуча однимъ по другому, старался выстѣчь искры, и кричалъ изо всѣхъ силъ. Три или четыре волка подошли ко мнѣ близехонько; но думаю, самый жестокій голодь не въ силахъ преодолѣть боязни, внушаемой имъ звуками человѣческаго голоса. На это-то, кажешся, и надѣялась моя лошадь; она жалась ко мнѣ, раздувая ноздри, когда чувствовала приближеніе хищныхъ звѣрей; и, хотя мы до сихъ поръ не слишкомъ дружны были, смотрѣла на меня, какъ на товарища въ бѣдѣ; то кусала

мнѣ руку, то терлась холодной мордой по лицу моему и не давала мнѣ заснуть.

Я слышалъ глухой, однообразный шумъ моря, дробившагося о подошвы огромныхъ скалъ; густой туманъ окружалъ меня со всѣхъ сторонъ, и луна, пробившись на мгновеніе сквозь густую его оболочку, показывала мнѣ зрѣлище, котораго дикій, безоправданный видъ навсегда оспанется въ моей памяти. Каждый разъ, когда прояснялся туманъ, я устремлялъ взоры къ той точкѣ небосклона, гдѣ долженъ блеснуть первый лучъ солнца, и каждый разъ обманывало меня ожиданіе. Луна, казалось мнѣ, носилась въ облакахъ, какъ легкая ладья, то вися на хребтѣ волнъ, то погружаясь въ бездну, и озаряла блѣднымъ, страшнымъ мерцаніемъ разбросанныя кругомъ сѣдыя скалы. По временамъ, густая ткань облаковъ, скрывала ее отъ моихъ взоровъ, и я, снова погруженный въ мракъ, прислушивался къ глухому однообразному шуму волнъ. Вой волковъ и пронзительный крикъ шакала возвѣстили мнѣ приближеніе упря; хищные звѣри, проскипавшись всю ночь въ окрестностяхъ жилыхъ мѣстъ, возвращались въ свои убѣжища. Наконецъ я услышалъ заревую пушку, и никакой звукъ до сихъ поръ не былъ такъ приятенъ, такъ сладокъ моему слуху. Тучи прояснѣли, солнце взошло, дождевыя капли заблестали, какъ бриліанты на цвѣшахъ и кустарникахъ, и окрестность,

дополѣ мрачная и унылая, озарилась вдругъ свѣтомъ и красою. Я сѣлъ на лошадь, и взѣхавъ на самый верхъ холма, увидѣлъ что нахожусь не далеко отъ того мѣста, которое напрасно до сихъ поръ обыскивалъ. Но теперь уже разсвѣло, туманъ, какъ легкій покровъ, опустившійся на покатошь горъ, не заслоняя, украшалъ ихъ новою прелестью, и сплался по долину, какъ гладкое озеро, отражающее въ себѣ сводъ небесный. И послѣ эшаго мы дивимся, подумалъ я, что люди боготворять солнце?

Вообще колоніальный Готшеншоупъ есть существо развратное, неспособное прошивиться искушеніямъ и вполне чувствующее преимущества Европейца, котораго поля онъ въздѣлываетъ. Но тушь же есть родъ людей, не признающихъ ни чьей надъ собою власти, и одушевляемыхъ непримиримой къ намъ ненавистью; людей, которые бывъ окружены Европейскими поселенцами, никогда не просятъ пощады, но бьются отчаянно и умирають до послѣдняго: это Бошисмены, живущіе въ пещерахъ, или дикихъ, уединенныхъ мѣстахъ; они питаются кореньями, муравьями, кузнечиками, мясомъ дикихъ птицъ, которыхъ бьютъ небольшими, ядомъ напоенными стрѣлами, также мясомъ лошадей и быковъ коихъ крадутъ у Кафровъ и колонистовъ, имъ непріязненныхъ. Эшоупъ несчастный родъ людей,

едва имѣющихъ человѣческой образъ, примѣтно и быстро уменьшается; ихъ до тѣхъ поръ преслѣдовали какъ дикихъ звѣрей, покуда они дѣйствительно не одичали. Бошисмены изгнанники, отверженные человѣчествомъ. Змѣи не внушаютъ такого ужаса и отвращенія, какъ они.

Всѣ древніе и новѣйшіе путешественники, писавшіе о Южной Африкѣ, одинаковымъ образомъ описываютъ жестокое обращеніе Европейцевъ съ симъ несчастнымъ народомъ.

Когда народонаселеніе увеличилось и количество земли оказалось недостаточнымъ для сыновей и внуковъ планшаторовъ, они выгнали первобытныхъ жишелей и мало по малу опняли у нихъ всѣ плодоносныя, прѣчныя мѣста, удобныя для пажитей и хлѣбопашества. Доведенные до отчаянія Бошисмены, не заботясь уже о пріобрѣтеніи земель, удалились въ неприступныя, голыя скалы, ожесточились, одичали, и ведя кочевую жизнь, грабили Европейцевъ, которыхъ почитали демонами. За то и планшаторы, когда нуждались въ слугахъ, окружали пещеры, послѣднія убѣжища несчастныхъ, умерщвляли отцовъ, которыхъ навыкъ къ грабежу дѣлалъ для нихъ бесполезными, а дѣтей уводили съ собою. Хотя Голландское Правительство и не одобряло сихъ жестокостей, однакожъ не принимало дѣятельныхъ мѣръ къ совершенному прекращенію оныхъ, и онѣ продолжались еще лѣтъ съ пятьдесятъ или болѣе; прекратились

же весьма недавно. Спарманъ, путешествовавшій по Африкѣ въ 1773 году, бывалъ неоднократно свидѣтелемъ безчеловѣчія планшаторовъ, и приводитъ нѣсколько тому примѣровъ. Тогда Бошисмены были еще народъ многочисленный, разсѣянный по всей этой странѣ небольшими ватагами, по грабимымъ планшаторами, по приводящій ихъ въ трепеть. Голодъ и принятая Европейцами система испребленія, значительно уменьшили ихъ количество, и теперь остатки сего народа, первобытные жители страны сей, обитаютъ въ гористыхъ мѣстахъ Граафа-Рейнешкаго и Сомерсетскаго округовъ; нѣкоторыя изъ нихъ поселились по берегамъ Желтой Рѣки.

Спарманъ говоритъ также о ихъ пляскѣ, продолжающейся во всю ночь, при свѣтѣ луны, и еще объ одномъ истинно чудномъ обыкновении. Вотъ собственныя его слова. „Многіе колонисты увѣряли меня, что невольники Бошисменскіе, обоихъ половъ, имѣютъ обыкновение, во время грозы издѣваться надъ громомъ, называя его *Т-Гузери*, *Т-Гаунатей*, то есть: демономъ, колдуномъ, и обременяя другими ругательствами. Произнося ихъ, они берутъ башмаки свои, или что попадетъ подъ руку, и ими грозятъ перунамъ, разражающимся надъ ихъ головами.“

Не бывъ въ странѣ, обитаемой Бошисменами, я не ручаюсь за дѣйствительность сего обыкновения; но въ немъ столько дикой

поэзіи, что оно не можетъ быть выдумкою колонистовъ. Представь себѣ эпихъ несчастныхъ, безобразныхъ Пигмеевъ, у отверзшія пещерь, слѣдящихъ взорами бурю, между тѣмъ какъ черныя тучи собираются надъ ними и земля одѣвается 'мрачнымъ покровомъ. Наконецъ, когда послѣ мертвой тишины, молнія забраздитъ тучи и ущелія скалъ начнутъ впоить грохоту грома, представь себѣ, какъ эпи дикари, съ желтыми, адской злобой дышащими лицами, неистово грозятъ бурѣ и изрыгаютъ безсильныя хулы противъ грома небеснаго!

Вечеромъ, я и нѣкоторыя изъ насъ вошли въ *Крааль Пато*, и были свидѣтелями обрядовъ, посредствомъ которыхъ пророкъ узнаеть колдунью. Старшина *Краала* былъ съ нѣкотораго времени боленъ, и для-то призывали пророка; надобно знать что здѣсь болѣзнь старшины приписывается обыкновенно колдовству или отравѣ. Всѣ были въ безпокойствѣ и страхѣ. Вошедъ, я увидѣлъ женщинъ, которыя, ставъ полукругомъ, ударяли въ широкіе щиты, сопровождая звукъ сей печальной, однообразной пѣснью, въ честь какого-то незримаго существа, порожденнаго ихъ воображеніемъ. Должно думать что присутствіе иноземца при таинственномъ отпращиваніи обрядовъ было имъ непріятно, потому что онъ, сѣйчасъ по приходѣ нашемъ, умолкли.

Всѣ Кафры вообще вѣрятъ колдовству, и жестоко за него наказываютъ. Пророкъ, окончивъ заклинанія, указываетъ на виновнаго, почти всегда на человѣка, обладающаго многочисленными стадами. Не требуя иныхъ доказательствъ, не слушая оправданій, несчастнаго повергаютъ на землю, и связавъ ремнемъ руки и ноги, кладутъ на него раскаленные камни, и язвы, ими произведенныя, усыиваютъ черными, ядовитыми муравьями. Спрадалецъ, одолеваемый болью, признается во всемъ, что угодно. Его закливаютъ опречься отъ своего пагубнаго могущества; а онъ отдастъ жемчужное ожерелье свое или что другое. Послѣ того замучиваютъ его до смерти или, доведя до крайней нищеты, изгоняютъ.

Я взошелъ въ хижину, которую отвели намъ для жительства; хозяева занимались укладываньемъ и переноской своего имущества, состоявшаго изъ рогожки, глинянаго горшка, двухъ корзинокъ и ложки. Взявъ хозяйку за полную, круглую руку, я изъяснялъ ей, сколь мнѣ прискорбно доводить ее до такихъ хлопотъ. Она слушала непонятную ей рѣчь мою съ такимъ удивленіемъ, котораго описать не возможно, и когда я кончилъ, оборотилась къ переводчику; но ему весьма трудно было передать Кафрскими словами общія мѣста и пустошю принесеннаго мною извиненія; выслушавъ его, она сказала: „ко-

нечно, это очень неприятно!“ Женщина образованная отвѣчала бы, что я не только ее не беспокою, но напротивъ, доставляю ей большое удовольствіе, хотя въ то же время проклиналабъ меня въ душѣ. . .

Поутру, простившись съ Гинзой и его Кафрами, мы пустились въ обратный путь къ колоніи. Дорога, которой возвращались мы, была очень похожа на ту, которой сюда ѣхали. Небольшое общество наше увеличилось женщиной, изъ колѣна Конгуарова; мужъ ея, подданный Гинзы, не могъ заплатить за нее условной суммы; онъ ее взялъ въ долгъ, обѣщая прислать рогатаго скота; но не имѣвъ возможности сдержать слово, принужденъ былъ возвратить ее.

Когда Барровъ путешествовалъ по Каффрии, за женщину платили одного быка; теперь цѣна возвысилась: ѣхавшая съ нами, стоила восемь быковъ, хотя была изъ низкаго званія и вовсе не красива. Конгуаръ сказывалъ намъ, что онъ, за одну изъ своихъ женъ, дочь Сен-Ламби, далъ сорокъ, а за Намарке просили съ меня пятьдесятъ быковъ. Пріятно видѣть, что прекрасный полъ, оцѣняемый какъ должно, занимаетъ наконецъ приличное въ обществѣ мѣсто!

Молча, скорыми шагами, шли мы по степѣ, проложенной слонами чрезъ холмы и овраги. Не привыкнувъ ходить пѣшкомъ тамъ,

гдѣ только что въ пору ѣздишь верхомъ, я начиналъ показывать признаки усталости, къ великому удивленію охотника, меня сопровождавшаго. „Скоро подойдемъ къ слонамъ, сказалъ онъ, тогда сядемъ и будемъ смотрѣть на нихъ.“ Мы продолжали путь нашъ, по подѣ открытымъ небомъ, по подѣ тѣнью высокихъ кустарниковъ; лучи солнца попеременно падали на чудный головной уборъ нашего проводника - Готтеншота, на желтый плапокъ, которымъ повязанъ былъ охотникъ, на голубую шапку, отѣнявшую лице мальчика, или пробѣгали свѣплой полосой по дуламъ нашихъ длинныхъ ружей. Потомъ мы снова входили въ тѣнистую долину или спускались въ крутые овраги.

Не рѣдко попадались намъ огромные слѣды слонь, и Готтеншоты, смотря на оныя, опредѣляли время, въ которое прошелъ звѣрь. „Этотъ шель третьяго дня, этотъ сегодня ночью“ — говорили они.

Полуденное Африканское солнце ударило въ насъ раскаленными лучами; я едва держалъ мое ружье; охотники щетно устремляли во всѣ стороны зоркіе глаза свои. Мы видѣли только трехъ буйволовъ, сбѣжавшихъ съ холма и исчезнувшихъ въ долину. Попадались намъ также трупы убитыхъ слонь; кости ихъ, убѣленные дождемъ и солнцемъ, были пріодѣшны черной кожей, какъ гробовымъ покровомъ; въ одномъ мѣстѣ оствовъ

единорога лежалъ подлѣ трупѣ слона, непримиримаго его врага.

Мы уже начинали опчаяваться въ успѣхъ, какъ вдругъ проводникъ указаль на опдаленный холмъ; охотники спали между собой совѣшовавшись, и заключили мнѣніемъ, что стадо должно шеперь проходить по немъ. Я смотрѣлъ, но ничего не видѣлъ. Мы продолжали путь нашъ съ новымъ рвеніемъ и, взошедъ на противоположную, высоту остановились, чтобы высмотрѣть, гдѣ находятся слоны. Шкиперъ сказалъ что-то охотнику, и мы, молча, спустились въ долину. Тутъ они пошептались, замѣтили, откуда дуетъ вѣтерокъ, и вмѣстѣ со мною, полѣзли на крупый холмъ, стараясь приближаться къ слонамъ по вѣпру, чтобы они насъ заблаговременно не открыли чуткимъ своимъ обоняніемъ. Шкиперъ шелъ впереди, мы за нимъ, по одиначкѣ, вдоль узкой тропинки, ведущей по скату небольшого оврага, на противоположномъ берегу котораго паслись слоны. Проводникъ остановился, а охотникъ даль мнѣ и моему товарищу по горячей головнѣ, чтобы мы могли зажечь кустарники, если слоны за нами погоняшся. Спранное чувство родилось въ сердцѣ моемъ, когда я увидѣлъ, что нахожусь въ двадцати шагахъ отъ этихъ звѣрей, изъ которыхъ каждый однимъ движеніемъ могъ раздавить меня; но они спокойно жевали кустарникъ и въ пол-

ной безопасности потряхивали ушами. Мы спѣшили спать по мѣстамъ, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ, потомъ другой, и изъ осьми слоновъ семеро ударились бѣжать. Приближаясь, мы увидѣли, что пуля шкипера попала въ слона; онъ упалъ, но снова поднялся; ревъ его былъ ужасенъ; я ничего подобнаго не слыхивалъ. Когда онъ вторично упалъ, мы подошли къ нему; пуля ударила сзади плеча и поразила сердце.

Я сказалъ, смотря на это огромное чудовище: „бѣдное живошное! Если не твои клыки, ты жилъ бы спокойно и счастливо! Они погубили тебя! Для чего они даны тебѣ?“ — „Для обороны“ отвѣчалъ мой товарищъ. — „Совсѣмъ нѣтъ, возразилъ охотникъ; самые злые и опасные слоны называются по голландски *коескопами* (koescoops), а у нихъ нѣтъ клыковъ.“ Опрѣзавъ у убишаго звѣря хвостъ, въ знакъ торжества, мы пустились въ погоню за бѣжавшими. . . .

Жилище планшатора просторно и окружено обширными клевами, но мрачно и печально. Внутри нѣтъ ничего для удобства и пріятностей жизни; снаружи все дико, невоздѣлано, въ родѣ развалинь. „Почему вы не разсадите дубовъ вокругъ дома? Онъ бы тогда не казался такимъ пустыремъ.“ — Я умру, покуда они выроснутъ., — Такъ это пригодится вашимъ дѣтямъ.“ — „Пусть

же дѣши сами и сажаютъ!“ Такъ разговаривалъ пріятель мой съ однимъ изъ планшаторовъ.

Вотъ анекдотъ, рассказанный мнѣ поварихою моею дорогой ошъ скуки; онъ поразилъ меня пошому, что совершенно обрисовываетъ здѣшніе нравы.

Молодой Голландецъ, планшаторъ высокаго роста, необыкновенной силы и необыкновенно грубый, такъ жестоко поступилъ съ женою, что она ушла ошъ него. Прошло нѣсколько дней, и мужъ, разсудивъ, что уже пора о ней навѣдаться, осѣдлалъ лошадь, и отправился къ шещѣ, къ которой бѣжала его жена. Старуха почиталась самой высокой, самой дородной женщиной изъ всего округа, и была до того жирна, что вставая съ широкихъ своихъ креселъ, принуждена была опираться на увѣсистыя костыли. Голландецъ, привязавъ лошадь у воротъ, вошелъ съ обыкновеннымъ привѣтствіемъ: *Dag moeder* (здравствуй, матушка)! *Dag my kind* (здравствуй, дитя мое)! отвѣчала старуха. До сихъ поръ все шло дружелюбно, но вдругъ дѣла приняли непріязненный оборотъ; шеща зашла сзади зятя, замкнула дверь, которою онъ вошелъ, положила ключъ въ карманъ и, приближась къ нему на длину костыля, преснула имъ зятя по головѣ, такъ что онъ едва устоялъ на ногахъ. Онъ повернулся на другую сторону, но

удары костыля посыпались на него градомъ. Жена, сидя препокойно, съ удовольствіемъ смотрѣла на это, а слуги, сбѣжавшись шолопой, изъявляли радость свою громкимъ хохомъ и кривляньемъ. Огромное шуловище старухи и ея проворный костыль заняли всю комнашу; каждое покушеніе бѣдняжки уйти сопровождалось жестокимъ наказаніемъ. Напрасно пытался онъ выломить дверь, напрасно избѣгалъ встрѣчи съ неумолимымъ костылемъ: удары сыпались, жена спокойно работала, слуги хохотали. Наконецъ озираясь во всѣ стороны, онъ разсудилъ, что единственнѣйшій путь къ спасенію остается ему маленькое окошечко; и прыгнувъ на него, полѣзъ съ большимъ трудомъ, а пеща между шѣмъ, пользуясь невыгоднымъ его положеніемъ, била его немилосердо. Вылѣзши, онъ возвратился, чтобъ проситься: *Dag toeder!* — *Dag my kind*, отвѣчала старуха, ласковымъ привѣтливымъ голосомъ. Голландецъ вскочилъ на лошадь и пустился домой.

Не могу умолчать объ островѣ Св. Елены, единственномъ мѣстѣ, гдѣ мы останавливались во время нашего плаванія; хотя все, что только можно сказать объ этомъ жалкомъ клочкѣ земли, тысячу разъ было сказано и пересказано. Наполеонъ, вступая на него, изъявилъ удивленіе и неудовольствіе; вѣрю! Видъ острова сказалъ ему вѣроушно:

„Надежда сюда не входитъ!“ — Онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ бапареями; голыя, обожженные скалы его уставлены пушками. Никогда не видалъ я столь мрачнаго, грустнаго зрѣлища. Нѣсколько кокосовыхъ и фиговыхъ деревъ, не только не украшаютъ острова, но составляя рѣзкую противоположность съ каменистыми утесами, еще болѣе выказываютъ дикость и пущоту острова. Я посѣтилъ гробницу плѣнника: она проста и безъ надписи. Такъ и должно быть: довольно знать, что здѣсь лежитъ Наполеонъ.

Я видѣлъ домъ, гдѣ онъ жилъ, и комнаты, гдѣ онъ умеръ и гдѣ стояло тѣло его до похоронъ. Теперь онѣ обращены, первая въ чердакъ; вторая въ сарай. Не бывъ пламеннымъ чшителемъ Наполеона и не увлекаясь чародѣйственной силой имени, отъ котораго препешала вселенная, я объятъ былъ негодованіемъ, видя, какое низкое употребленіе сдѣлали изъ его жилища. Домъ Наполеона долженъ бы осаваться пустынной, печальной развалиной, гдѣбъ не слышно было иного звука, кромѣ завываній полночнаго вѣтра.

Старый сержантъ, присавленный къ могилѣ, подаль намъ двѣ записныя книги, одну для именъ посѣщителей, другую для ихъ замѣчаній и мыслей, порожденныхъ симъ мѣстомъ. Вѣроятно, Губернаторъ чудакъ и пѣшится скучной чувствительностью, безсмысленнымъ воспоргомъ и пустыми остро-

стами, къ которымъ обыкновеніе это подаешь поводъ. Товарищъ мой прочелъ нѣсколько мыслей; но я все забылъ, кромѣ того, что какая-то госпожа прїѣзжала сюда, *могла проливать слезы* — необыкновенное явленіе въ женщинѣ — а какой-то господинъ открылъ, что Наполеонъ былъ честолюбецъ.

съ Франц. А. Ш.

VII.

БИБЛИОГРАФІЯ.

— НА ВЗЯТІЕ ВАРШАВЫ, ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ, *В. Жуковскаго и А. Пушкина. СПб. въ воен. тип.* 1831. — Паденіе Варшавы, увѣнчавшее новою славою побѣдоносное оружіе Русское, одушевило первыхъ нашихъ поэзовъ благороднымъ папріотическимъ воспоргомъ и опозвалось на ихъ звучныхъ лирахъ достойными пѣснопѣніями. Пѣвецъ незабвенной опечествленной войны, умолкнувшій для другаго высшаго назначенія, снова настроилъ привычною рукой знакомыя намъ струны и, во услышаніе торжествующей Россіи, пропѣлъ *на новый ладъ старую пѣсню*. Всѣ вѣрные сыны опечества повторили за нимъ одними устами и однимъ сердцемъ привѣтствіе ЦАРЮ Русскому и воскликнули единодушно:

Славу, взяшую опцами,
Сбережешь ОНЪ Царски памъ;
И съ СВОИМИ сыновьями
Нашимъ дасшь ее сынамъ!

Пѣснопѣнія другаго пѣвца опличаются силою мыслей, достойныхъ Русскаго духа. Одно изъ нихъ обращено къ *клеветникамъ Россіи*. Поэтъ взываетъ къ нимъ :

Вы грозны на словахъ — попробуйте на дѣлѣ !

Иль старый богатырь, покойный на пошелѣ ,

Не въ силахъ завязишь свой Измаильскій щыкъ ?

Иль Русскаго Царя уже безсильно слово ?

Иль намъ съ Европой спорить ново ?

Иль Русскій ошъ побѣдъ ошвыкъ ?

Иль мало насъ ? или ошъ Перми до Тавриды ,

Ошъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,

Ошъ пошрясеннаго Кремля

До стѣнъ недвижнаго Кишая ,

Сшальной щешиною сверкая ,

Не вспанешъ Русская земля ?

Такъ высыдайшежъ намъ , виши !

Своихъ озлобленныхъ сыновъ :

Ешь мѣсто имъ въ поляхъ Россіи ,

Среди нечуждыхъ имъ гробовъ.

Въ другомъ стихотвореніи празднуется *Бородинская Годовщина*, совершенная на ниспровергнутыхъ швердыняхъ Варшавы. Поэтъ счастливо выразилъ истинное свойство Русскаго духа, который любитъ поржеспвовать крошосшію и милосердіемъ; и мы съ полнымъ сочувствіемъ повшоряемъ его благородное восклицаніе :

Кшо ушшупилъ , тошъ невредимъ !

Враговъ мы въ прахъ не шощали ;

Мы не напомнимъ нымѣ имъ

Того , что шарыя скржали

Храняшъ въ преданіяхъ нѣмыхъ ;
 Мы не сожемъ Варшавы ихъ :
 Они народной Немезиды
 Не узряшъ хладнаго лица ,
 И не услышатъ пѣснь обиды
 Ошъ лиры Русскаго пѣвца !

— Послѣдній новикъ или завоеваніе Лифляндіи въ царствованіе Петра Великаго. Историческій Романъ. Сочин. И. Лажегникова. Часть I и II. Москва, въ тип. С. Селивановскаго, 1831. — Еще Русскій романъ; и — романъ не по одному шолько названію! Какъ не порадоваться душевно! Русская литература, поже что Русская почва — черства и туга по природѣ: но распахни ее и удобри, зарони доброе сѣмя — и, при благодатномъ сіяніи, начнутъ распускатъ ся цвѣты, одинъ другаго краше, одинъ другаго сочнѣе.

Безъ сомнѣнія, насъ не умедляшъ назвашъ за это *квасными патриотами*; но мы уже прислушались къ этому зашѣливому выраженію, приносящему честь изобрѣшательности, умудрившейся его выдумать. И такъ, не обинуюсь, повшоримъ опять, что романъ *Г. Лажегникова* порадовалъ насъ душевно за Русскую литературу.

Г. Лажегниковъ выбралъ шемую для своего романа любопышную спраницу отечественной исторіи. Завоеваніе Лифляндіи было окончательнымъ довершеніемъ перваго торжешвеннаго опыта новой жизни, къ коей Русскій колосъ вызванъ былъ мощною рукою Царя исполина. Геній Петра скоро постигъ важность или лучше необходимость береговъ Балшійскаго Моря для об-

разуемой имъ державы: ибо оно одно только могло ввести ее въ свободное и живое соприкосновеніе съ Европою, дополъ заслоняемою отъ ней глухою Китайскою стѣною. Отсюда Лифляндія была постоянно любимую цѣлю его царственныхъ трудовъ и попеченій. Для ней заставлялъ онъ Русское мужество брать кровавые уроки у Шведовъ: на ней сосредоточивалъ замыслы и сообщенія полишки, изумившей Европу внезапною, неожиданною зрѣлостью. Такимъ образомъ она была какъ бы почкою прилива всѣхъ струй новой Русской жизни. Важнѣйшія и блистательнѣйшія событія эпохи Петровой имѣли къ ней болѣе или менѣе посредственное отношеніе. Ея судьба рѣшалась на поляхъ Полшавскихъ и среди волнъ Балтійскихъ: на ея профеляхъ палъ сѣверный Александръ и воздвиглась сѣверная Александрія. Слѣдовательно, завоеваніе Лифляндіи подобно фокусу, въ коемъ сосредоточиваются всѣ лучи свѣтотарнаго Петрова вѣка. Какое неисчислимое богатство для романа! Поэтическое раздробленіе сихъ лучей естественно должно образовашъ великолѣпную картину, представляющую торжественное обновленіе Русской жизни, во всѣхъ главныхъ цвѣтахъ и опшѣнкахъ. Здѣсь могъ бы явиться, во всѣхъ пропорціяхъ исполинскаго своего величія, могущій геній, поправшій древнее наследіе Меченосцевъ, дабы дать просторъ оживленному имъ колоссу; здѣсь нашли бы мѣсто и дивные спутники, составлявшіе планетную его систему, со всею разнообразною песпропою ихъ рѣзкихъ, оригинальныхъ фізіономій: здѣсь наконецъ и а —

шо, мы, вращавшіеся въ лучахъ его, моглибъ опшѣниться со всѣми радушными переливами цвѣтшювь, сообщаемыхъ имъ броженіемъ возникающей новой жизни. Коротко сказать, въ рамкахъ романа, представляющаго завоеваніе Лифляндіи, моглабъ умѣститься полная картина преобразования, совершеннаго Петромъ надъ Россією: и картина сія была бы чудесна!

Къ сожалѣнію, *Г. Лажегниковъ* не захотѣлъ воспользовашся всѣмъ богатствомъ избранной имъ темы, или правильнѣе сказать — шѣмъ богатствомъ, которе она могла бы представить для Русскаго національнаго романиста. Въ его романъ, сколько можно доселѣ замѣнить, Россія даже не на первомъ планѣ, а въ углубленіи: эшо собственно картина не Русской, а Лифляндской жизни, въ эпоху Петрову. Всѣ лица, являющіяся и дѣйствующія, въ двухъ пока вышедшихъ частяхъ, исключительно Лифляндцы. Только въ станѣ Шереметева пахнетъ Русью: по эшо составляешъ эпизодъ картины. Даже главный герой романа, котораго мы, при всей скрышности автора, признали подъ шайншвенными чертами *Вольдемара*, хотя и Русской по происхожденію, Русской по духу и по чувствамъ, но не Русской по фізіономіи. Можешъ быть, въ послѣдующихъ частяхъ, Русское будетъ виднѣе: но, ежели авшоръ останешся вѣренъ самому себѣ, шо участіе, уже возбужденное имъ, должно оспашся при Лифляндцахъ, къ коимъ шеперь приковано.

Само собою разумѣешся, что эшо не можешъ вредить ни сколько художественному до-

споинству романа. Върная картина Лифляндской жизни, предспавлявшей, во времена Петровы, чудное смѣшеніе древней рыцарской изгари съ Шведскою надмѣнностью и Финскимъ пронырствомъ, безъ сомнѣнія можешь составишь занимательный романъ, и *Послѣдній Новикъ* таковъ именно! Кистью рѣзкой и вмѣстѣ живой изображена въ немъ Лифляндія: всѣ характериспическіе општѣнки ея національной фізіономіи имѣють своихъ представителей, отъ презрѣннаго *Фюренгофа* до благороднаго *Паткулл*, отъ Чухонской маркишанши *Ильзы* до идеальнаго Германскаго созданія *Луизы Зегевольдъ*. Представители сіи всѣ одушевлены истинною жизнію и соединены между собою шѣсными узами. Посему романъ *Г. Лажегникова*, судя по первымъ частямъ, обѣщаешь бышь живымъ, органическимъ цѣлымъ. Все въ немъ вплешено въ одну общую ткань, все прицѣплено къ одному общему инспересу. Каждому лицу дана своя удѣльная тяжесть, по силѣ которой оно производишь большее или меньшее давленіе на ходъ всего романа; такъ что всѣ онѣ принимають въ немъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе. Корешко сказать — романъ *Г. Лажегникова*, своею художественною организацію, напоминаешь лучшіе современные Европейскіе романы.

Но, къ сожалѣнію, не шѣмъ только однимъ онѣ напоминаешь ихъ. Въ романѣ *Г. Лажегникова* многіе портреты суть очевидныя копіи знакомыхъ оригиналовъ. Такъ въ разсѣянномъ *Адамѣ Бирѣ* не лзя на признашь почтеннаго *Доминуса*

изъ *Маннеринга*; пролаза *Мартышка* сбиваеяся на *Кенильвортскаго Флибертижибета*. Даже самъ *Вольдемаръ*, судьба коего составляетъ основу всего романа; не есть созданіе оригинальное: это двойникъ *Куперова Шпіона*! Можешь быть однако, въ послѣдствіи, фізіономія этого важнаго лица выяснитя и представитъ черты собственныя, характеристическія; оригинальныя.

Тѣмъ не менѣе, романъ *Г. Лажегникова* читается съ истиннымъ удовольствіемъ. Это происходитъ отъ того, что онъ умѣлъ опустить всѣ выведенныя имъ лица волшебною стѣпью, коей не въ силахъ распутать безпрестанно раздражающееся любопытство. Умѣніе сіе неоспоримо составляетъ одно изъ важнѣйшихъ началъ романической занимательности: и посему-то *Послѣдній Новикъ*, не смотря на нетвердость кисти и неровность красокъ, примѣчаемую нерѣдко въ изложеніи, не смотря даже на языкъ, который, въ слѣдствіе неудачныхъ приязаній на оригинальность, искажается въ немъ нерѣдко до странной дикости — возбуждаетъ искреннее къ себѣ участіе. Прочитавъ двѣ первыя части, которыя вышли, мы ожидаемъ съ нетерпѣніемъ послѣднихъ. Авторъ приподнял нѣсколько завѣсу, подъ которою скрывается таинственный герой романа: но это только что подспрекаетъ неудовлешворенное любопытство. Ктожь эшотъ *Новикъ*? Не уже ли сынъ *Кропотова*? Но въ такомъ случаѣ, какая тайна могла покрывать его рожденіе? За чѣмъ ему жить въ домѣ *Князя Голицына* сиромою и приниматъ тайно машерин-

скія ласки отъ неизвѣстной поспѣшительницы? Откуда эта странная привязанность къ нему Софїи? Неужели . . . Но мы прекращаемъ наши нескромные распросы и обращаемъ послѣдній изъ нихъ къ самому автору: за чѣмъ онъ поспѣшилъ выдачею первыхъ двухъ частей романа, когда послѣднія еще не готовы? По крайней мѣрѣ, уважая его, мы не думаемъ никакъ, чѣмъ эшо было для подражанія соблазнительному примѣру *Исторіи Русскаго Народа*!

— новый выжигинъ на макарьевской ярмаркѣ, или не любо не слушай, другимъ не мѣшай. *Нравоописательный романъ XIX вѣка. Сочиненіе Иваномъ Гурьяновымъ. Москва, въ типогр. Рѣшетникова, 1831.* — Не сполько удивило насъ явленіе эшого новаго отпрыска благословеннаго корня *Выжигиныхъ*, сколько прїемъ, оказанный ему *Сѣверною Пчелою* (№ 201). Зная, съ какимъ ожесточеніемъ осенней мухи преслѣдовала она усерднаго и неутомимаго *А. А. Орлова*, пересадившаго неблагодарное *Выжигинское* сѣмя на добрую Московскую почву и возрасшившаго въ широколиственное дерево а), мы предполагали, что и *Г. Гурьянова* поспигнетъ таже люшая участь. Оказалось прошивное. Сердшое насѣкомое смирилось до шого предъ *Г. Гурьяновымъ*, что, позабывъ исключительныя права *Θ. В. Булгарина* на *Выжигинство*, кои само же возглашало, прожужжало ему нѣсколько леспныхъ комплименшовъ

а) См. *Родословную Выжигиныхъ*, приложенную къ *Смерти Ивана Выжигина*.

за *Новаго Выжигина*. Что за чудная странность! Сначала мы было погрѣшили подумали, что это сдѣлано изъ зависти и недоброжелательства къ почтенному *А. А. Орлову* — (кого Февъ да еохранитъ для благороднаго соревнованія *О. В. Булгарину!*) — но *Сѣверная Пчела* слишкомъ рѣшиительно ссылается на самую книгу *Г. Гурьянова* и слишкомъ смѣло ошсылаешь къ ней читателей. „Признаемся откровенно“ — говоримъ она (разумѣется съ *Сыномъ Отечества и Сѣвернымъ Архивомъ*) — „признаемся откровенно, что мы“ — (*Сѣверная Пчела, Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ*) — „съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ принялись за книгу *Г. Гурьянова*. Но чѣмъ *дѣше* (!) читали мы, тѣмъ болѣе убѣждались, что мы пріятнымъ образомъ обманулись.“ Что дѣлать! Взяли и мы книгу *Г. Гурьянова*, не безъ *нѣкотораго* также *предубѣжденія*, и начали читать — но не долго! Черезъ нѣсколько страницъ загадка разгадалась. Вотъ что говорится въ *Новомъ Выжигинѣ* о приснопамятномъ патріархѣ *Выжигинныхъ*:

— „Ахъ! я забылъ тебя спросить, Семенъ Пгнамычъ, ты шакіи больше моего читаешь, какую книгу мой Петръ Цепровичъ всю дорогу читалъ подъ названіемъ: *Смерть Выжигина*? Развѣ *Выжигинъ* умеръ?“

— „И! нѣтъ, это такъ, брашець, выдумка сочинителя; ты вѣдь слышалъ, что вездѣ хвалили *Ивана Выжигина*, все покупали, книгопродавцамъ барыши были большіе. Ну, такъ вотъ шочно и въ книжной торговлѣ случилось, что у

насъ“ — (купцевъ) — „бывасть: какого фабриканша поварь лучше подь тѣмъ штемпелемъ и худой ползеть съ рукъ; такъ-то и эти книжки выходили подь заглавіемъ по *дѣтѣй*, по *внутрь*, по *крестнаго отца Выжигина*, а теперь ужъ появилась *смерть* его и *церемоніаль похоронь* его, а *Ивань Выжигинь*, живешь, да живешь, и долго проживешь, потому что по Русской примѣшъ и пословицъ: *это умерь не Выжигинь, а смерть его!*“ (с. 80, 81).

Ге! ге! Теперь понимаемъ! Жаль только, что *Стверная Игела* не догадалась, что *уморить смерть Ивана Выжигина* еще не значить *возвратить жизнь* покойнику.

— исторія шотландій, *согин. Сиръ Вальтера Скотта*; пер. съ *Англійскаго М. М. СПБ. въ тип. Департ. Народ. Просвѣщ. 1831.* — Произведеніе сіе, не смотря на особенную цѣль, для которой составлено знаменитымъ авторомъ, имѣеть обширнѣйшее назначеніе. Это начертаніе исторіи Шотландской для народа Шотландскаго. Вальшер-Скоттъ не первый вздумалъ сообщить такое направленіе и дать такой тонъ отечественной исторіи. Еще прежде него Маккиншоуъ составилъ краткое начертаніе Англійской, а Томась Муръ Ирландской исторіи съ подобною цѣлю; Вальшер-Скоттъ дополнилъ эшоу историческій прилистникъ Шотландской исторіей. Сообразно съ своею цѣлю, онъ старался преимущественно о простотѣ и вразумительности изложенія; и, должно признаться, избѣжалъ счастливіе, чѣмъ Цшокке, шо го эмфашическаго напряженія, которое изъясняетъ

ся и извиняется патриотическимъ одушевленіемъ. Между тѣмъ, не лезя съ другой стороны, и не пожалѣвъ, что, ограничиваясь чрезмѣрно своею цѣлю, онъ слишкомъ много рассказываетъ и слишкомъ мало описываетъ, слишкомъ много занимаетъ въ внешней исторіи своего отечества и слишкомъ мало его внутреннюю физическую и нравственную физиономію. Съ такимъ планомъ, какъ Вальтер-Скоттъ, конечно не трудно было приспособишь и это къ простымъ народнымъ понятіямъ. Переводъ Русскій изряденъ:

— *Napoleon oder die hundert Tage. Ein Drama in fünf Aufzügen, von Grabbe. Frankfurt am Main, Hermann, 1831.* (НАПОЛЕОНЪ или сто дней. *Драма въ пяти дѣйствіяхъ, Граббе. Франкфуртъ на Майнѣ, у Германа, 1831.*) — Между современными Германскими поэтами *Граббе* занимаетъ почетное мѣсто. Въ его произведеніяхъ, не смотря на нѣкоторыя странности, ярко свѣтятся искры генія. И изъ нихъ драма сія признана наилучшею. Одинъ замыселъ ея обличаетъ уже великую смѣлость въ поэтѣ: исполненіе оправдало сію смѣлость. Планъ драмы объятъ и составленъ съ истинно творческимъ искусствомъ; характеры обрисованы превосходно; положенія выбраны и расположены весьма удачно; языкъ ознаменованъ печатью классическаго совершенства, особенно въ важнѣйшихъ мѣстахъ, гдѣ нѣсколькими словами должна выражаться всемірная исторія. Сія достоинства, признанныя лучшими Германскими критиками, побуждаютъ насъ представить здѣсь, въ краткомъ очеркѣ, ея ходъ и содержаніе.

Сцена открывається въ Пале-Рояль. Народъ толпится туда и сюда. Нѣсколько оставшихъ солдатъ изъявляютъ свою ненависть къ Бурбонамъ, нѣсколько эмигрантовъ радуется Возстановленію. Между тѣмъ савоярды, разнощики, шарлапаны, крикуны и имъ подобные, шумятъ со всѣхъ сторонъ.

Голосъ (изъ каршинной галлерей). Сюда, господа, сюда! Здѣсь показывается Людовикъ XVIII, Король Французскій и Наваррскій, желанный.

Другой Голосъ (изъ звѣрница, насупротивъ галлерей). Сюда, господа, сюда! Здѣсь показывается одинъ изъ послѣднихъ остатковъ выродившейся породы дронтовъ, едва переваливающейся съ ноги на ногу, съ носомъ въ двѣ большія ложки, привезенный изъ Иль-де-Франса и Бурбона, что подлѣ Мадагаскара, давно желанный натуралистами, посмотрѣть и поглядѣть.

Первый Голосъ. Здѣсь можно видѣть Мосье, Герцога Ангулемскаго, его сына, Герцогиню Ангулемскую, супругу Герцога, Герцога Беррійскаго и весь домъ Бурбоновъ.

Второй Голосъ. Здѣсь показывается длинный оранг-ушангъ, ручный и смирный, но все еще зубастый; павіанъ, шакогоже нрава; морская кошка не много побѣшенѣе ихъ, называемая такъ отъ того, что изъ за моря; обезьяна простая, по Линнею *simia silvanus*; и весь родъ обезьянь, какого еще никогда не бывало ни въ Тюльери ни въ Саду Распѣній.

Ветераны шарой гвардіи и эмигранты схватываются другъ съ другомъ. Здѣсь замѣчательна

характеристическая и вмѣстѣ поэтическая черта, что какъ тѣ, такъ и другіе, хвастаются чувствомъ Французской чести, которое оспариваютъ взаимно другъ у друга. Герцогъ Беррійскій проходитъ мимо, привѣтствуя народъ, дабы выиграть его расположеніе, что однако не совсѣмъ ему удается. Старые солдаты говорятъ:

Шассекеръ. Посмотрика на большое, бѣлое строусовое перо, что у эстаго молодчика на шляпѣ! Вѣдь глазамъ больно!

Витри. Эшо, брашъ, перо Генриха четвертаго, его предка. Оно такъ долго носилса что, того и гляди, замараелса.

Шассекеръ. Генрихъ четвертый? А что такое онъ сдѣлалъ? чѣмъ онъ былъ?

Сцена переноситса во дворець. Прежде всего являються служилые низшаго разряда, призраки прежняго Версальскаго Двора; за ними знашныя особы. Людовикъ XVIII изображенъ хорошо, Герцогиня Ангулемская превосходно,

Король Людовикъ. Почему ты, болѣе всѣхъ претерпѣвшая ошъ гнѣва судьбы, переносишь теперь удары ея съ бѣльшею твердостью, чѣмъ кто либо изъ членовъ моего семейства, подкрѣпляясь однимъ упованіемъ на Бога?

Герцогиня Ангулемская. На Бога? — Гдѣ нѣтъ упованія на людей, тамъ является Онъ! — Да — я познала его въ Тамплѣ, въ этой безднѣ ужасовъ революціи, которая для меня была храмомъ свѣта! Кто подобно мнѣ, въ нѣжномъ дѣтствѣ изнывалъ въ мрачной тюрьмѣ и слышалъ, какъ казнились съ роковой плахи головы отца и матери;

кто, подобно мнѣ, трепеталъ среди воя мятежнаго Парижа, гдѣ каждая улица, наполненная воплями убійственныхъ скопищъ, стонала подъ колесами непрерывно движущихся взадъ и впередъ шелегъ съ палачами; кто самъ, попомокъ Капешовъ, денно и нощно слышалъ одно лишь: „смерть, смерть Канешамъ!“ кто, подобно мнѣ, видѣлъ въ послѣдній разъ закашъ свѣшила небснаго и въ необъясномъ мракѣ слышалъ одно только бїеніе собственнаго сердца — тому Богъ также близокъ, какъ и мнѣ! — Онъ послѣднее, единственнае — но величайшее утѣшеніе. Онъ приблизился ко мнѣ, и я спала твердо и спокойно.

Король Людовикъ. Вѣрю справедливости словъ твоихъ, милая племянница; онѣ вливають опраду въ душу мою, когда я внимаю тебѣ, удалясь отъ дипломатовъ. Съ перваго шага моего на берегъ родины, куда возвратился я такъ недавно, осянула меня непостижимая, но мощная десница Провидѣнія! — Подойди къ окну. Вотъ разспилается Парижъ! — Сколько бурь возмущало спокойствіе этихъ улицъ! Нѣтъ мѣста, котораебъ не говорило о пролитой на немъ крови, начиная отъ Варооломеевской Ночи до гильотины! — Не взирая на наружную веселость и блескъ, здѣсь царствующій, эти каменные громады повѣвають на меня плешворнымъ запахомъ шруповъ! — Еще нѣтъ трехъ лѣтъ, какъ здѣсь гордо проходили изъ Испаніи въ Москву побѣдители міра, оглашая воздухъ побѣдными вликами и громомъ оружія, сомкнувъ коня съ конемъ, шшыкъ со шшыкомъ, плотно, какъ древесные дисцыя весной! И онъ, ценасы-

пимымъ, упоеннымъ славою взоромъ, видѣль въ нихъ одни лишь знаки собственнаго всемогущества! Мощные Парламенты Англіи затрепетали, какъ стадо робкихъ птицъ — и рѣшились заключить миръ, чегобъ онъ ни стоилъ; заключили миръ, еслибъ даже потребовали отъ нихъ нарушения священныхъ правъ гостепріимства и изгнанія моего изъ Англіи! — Но теперь? — Снизли убійственные грома; Европа спокойна; гдѣ неистовствовали орлы, мирно разцвѣтающъ при лиліи. Ночь — тогда сколько великій — нынѣ бѣдный пустынный островъ Эльбы, можетъ быть въ это самое мгновенье устремивъ взоръ на морскія волны, видитъ въ нихъ стихію, которой никогда не могъ одолѣть, видитъ огромное, какъ и самъ онъ зеркало, насмѣшливо отражающее ликъ его! —

Герцогиня Ангулемская. Государь! называй убійцу Герцога Энгіенскаго, мощнымъ, страшнымъ исполиномъ, но не великимъ: не зови великимъ того, кто пожертвовалъ славу и власшомоубію всѣмъ — честью и вѣрностью, справедливостью и любовью. Такъ поступать можетъ и демонъ ада. Истинное величіе жертвуетъ для чести, для справедливости, для душевнаго спокойствія — славою, могуществомъ и наружнымъ блескомъ. Но онъ поступилъ иначе! — О! я знаю его! — Этошь увѣчанный діадимою ширъ, бессильный разшерзашъ когтями, станешъ предъ нимъ червемъ пресмыкашся! Онъ позволилъ ему наступить на себя, лишь бы только зналъ, что потомъ можетъ втиснуть въ его пяту ядовитое свое жало!

Входяшь министры, дыша воспоргомъ 4
возвращеніе время 1789 года исполняешь ихъ
неизъянимою радостью. Они гордо, съ презрѣні-
емъ говорятъ о Наполеонѣ, о народѣ.

Поэтъ переноситъ насъ на островъ Эльбу.
Наполеонъ стоишь посреди вѣрныхъ ему друзей и
между прочимъ говоритъ: „Безсмысленные! — Они
еще жаждутъ этой руки, когда она превратилась
въ прахъ; ибо я — я спасъ ихъ! — Еслибъ далъ я
полную свободу бурнымъ волнамъ революціи, ес-
либъ не заставилъ ихъ обратно войти въ свое рус-
ло — еслибъ, помавая скипшромъ и мечемъ, не ос-
тановилъ непрерывнаго движенія гильотинъ —
то, повѣрьте мнѣ — какъ эти раковины, приби-
тныя на берегъ волнами, всѣ троны увлечены бѣ
были порывомъ бури! — Слишкомъ мощнымъ
почиталъ я себя и хотѣлъ быть самъ творцомъ
новаго порядка вещей, новаго времени! — О!
я скажу шеперь все, потому что могу толь-
ко говорить, а не дѣйствовать. Узналъ я эту
Эльбу — и довольно съ меня! — кусокъ грязи! —
Какъ жалокъ бѣдный властелинъ, который не
можетъ здѣсь ни биться ни побѣждать! — Не-
счастный домъ Бурбоновъ! онъ когда нибудь
вымретъ въ женскомъ монастырѣ! — — Равновѣсіе!
какъ будто можно взвѣсить и перечесить наро-
ды! — Миръ блаженствуетъ, когда господствуетъ
великая нація и имѣетъ довольно силъ поддер-
жать всюду себя и свои законы; а какой народъ
выше моихъ Французовъ? — Вѣнскій конгрессъ!
Они на немъ спорили о ризахъ владыки, котора-

го здѣсь распинають на крестѣ! — Дѣлять мою Польшу, мою Саксонію — но нѣкогда не насыпишься дославшимся ему кускомъ; нѣтъ!

Потомъ онъ готовится къ опплытію, и обращаясь къ морю, говоритъ: „Амфитриша, мощная, голубоокая дѣва! — давно уже, но тщетно простираю къ тебѣ объятія! — Я долженъ льстись тебѣ; между тѣмъ какъ желалъ бы, достойно мужа, оружіемъ изпоргнуть тебя изъ рукъ торгашей, поработившихъ тебя и мѣряющихъ аршиномъ! — Но, знаю — ты еще любишь сына революціи — ты, нѣкогда, забывъ вражду, перенесла его въ своихъ объятіяхъ отъ величественныхъ Пирамидъ къ колокольному Фрежюса, и завтра снова понесешь меня отъ береговъ Эльбы. — Спи сладкимъ сномъ, Амфитриша!“

Въ Парижѣ получается извѣстіе о его вступленіи на берега Франціи; но при Дворѣ мало заботятся о его прибытіи: оно все еще слывется безразсуднымъ предпріятіемъ. Одна Герцогиня Ангулемская постигаетъ, сколь велика опасность.

Д'Амбре. Предать его суду.

Герцогиня Ангулемская. Его суду? — Смертные, знаете ли, кто судья падъ нимъ? — Ополченія цѣлой Европы — иного нѣтъ! — О оружіе, оружіе, оружіе! Гремить шумъ набата: все движется во храмахъ Господнихъ, и на полѣ битвы — а онъ уже спустился на берегъ! — Горестное предчувствіе! — Теперь-то онъ прыгнетъ опять, какъ нѣкогда прыгнулъ отъ Египта до Парижа, отъ Эйлау до Мадриша, отъ

Мадрида до Вѣны, до Москвы — О! я чувствую уже — чувствую прикосновеніе оспрыхъ его когтей!

Герцогъ Ангулемскій. Ей дурно — люди, люди! Кельнской воды!

Герцогиня Ангулемская. Кельпской воды! — Доешанте лучше Французскаго огня, кошорый воспламениль бы васъ!

Спеченіе народа въ Парижѣ. Различныя мнѣнія, желанія, надежды, опасенія. Надъ Бурбонами явно издѣваются. Одинъ портной говоритъ о Людовикѣ XVIII слѣдующимъ образомъ: “Лучшебы было, еслибы Король не важничалъ, сидѣлъ смирно, да носилъ поуже поды у фрака, котораго гаже цѣпль въ мірѣ. На аршинъ одна отъ другой! Что это за покрой? Французскій? Нѣтъ; да и не Англійскій; а просто варварскій! По плащю узнаешь челоуѣка; кто глупо одѣтъ, щошь вѣрно самъ глупъ! — Охъ пропало любезное отечество! Не бытъ бы революціи, еслибы Французы сохранили свои старинныя кафшаны, парики и пудру, и слѣдственно былибы осторожнѣе и не цѣплялись другъ другу въ волосы; точно такъ не униженобы было и Королевское достоинство, еслибы сквозь полы Королевскаго фрака не выказывалось.“ . . .

Приходятъ также старинныя Якобинцы и, втираясь между Наполеонисловъ и Бурбонисловъ, старающя воспользоваться минутой анархіи; однакожь безуспѣшно. Жувъ, палачъ, говоритъ: „Императоръ возвратился и — пока въ модѣ. Надѣтъ и мнѣ завшра щегольской фракъ,

Но — Якобинскія шапки переживуть все на свѣтѣ.“ Торгашъ подбираетъ сброшенныя бѣлыя кокарды, и на мѣсто ихъ продаетъ прехвѣщныя, кошорыя въ прошломъ году при сверженіи Наполеона, собралъ такимъ же образомъ.

Наполеонъ является и недоволенъ дерзостью народа., Чернь выходитъ изъ предѣловъ! Бурбоны, хоня и знаменитой крови, но слишкомъ слабо держали возжи!“ Опъ узнаетъ, что конгрессъ и Европейскіе Дворы осудили его., Скажу тебѣ: войска Европы и съ Генералами ихъ, исключая бѣшенаго старика Блюхера, прещещущъ не Франціи, въ настоящемъ ея видѣ, а моего генія! — Осужденъ? Я? — Воображаю, въ какихъ громкихъ словахъ протрубили эгощъ дригаторъ! Въ немъ вѣрно честящъ меня царушителемъ спокойствія цѣлаго міра, завоевателемъ, пиратомъ. — Превосходныя рѣчи въ устахъ Государей Европы!“ —

Карно въ разговорѣ съ Наполеономъ обнаруживаетъ либеральныя мысли; онъ отвѣчаетъ ему: „точно такимъ образомъ говорилъ недавно храбрый юноша, Лабедоеръ. Либерализмъ, конституція — громкія слова! — Но, Карно, вы опытомъ знаете, какъ худо понимаетъ ихъ шолпа. Добрый, благомыслящій Аррасскій адвокатъ, Робертъ цьеръ, чтобы поддержать республику, принужденъ былъ сдѣлаться мужемъ крови и ужаса. Вы сами были его товарищемъ. За по издатели газетъ обоихъ васъ шакъ облили чернилами, чню много времени пройдетъ, покуда не смоешь съ васъ этихъ пятенъ рѣка бышонисаній.“

Дѣйствіе переносится на Марсово Поле. Палачь Жувъ играетъ роль злаго остряка въ этой народной комедіи. Онъ подходитъ къ одной дамѣ.

Дамл. Какъ намъ пройди, сударь? Вездѣ народъ.

Жувъ. Народъ! Только? Разполкашь эту дрянъ!

Присягають, и Жувъ говоришь: „Не забавное ли явленіе? Пятысошь тысячь клятвопреступниковъ — считаая разумѣется меня — и ни одной громовой тучи, чтобъ разразиться надъ нами! Чему не присягали мы, и какой присягъ не измѣнили? первой, второй и третей конституціи, кодексу Наполеона, хартіи Бурбоновъ!“ —

Наполеонъ ополчается, Прусакки готвянся къ опорѣ. Мы переносимся въ Блюхеровъ лагерь, къ веселымъ Прусаккамъ и къ такъ называемымъ полищическимъ оловянишникамъ (Knappejesser) въ смыслѣ извѣстнаго Союза Добродѣтели (Tugendbund).

Егеръ. Благодаря шрусливости нашихъ дипломатовъ, мы лишились на Вѣнскомъ конгрессѣ плодовъ своей храбрости. Еслибъ конгрессъ этотъ происходилъ въ боевомъ станѣ побѣдоносныхъ народовъ, то не сталибъ такъ горячо заботиться о какомъ нибудь Кнингаузенѣ забывая благо Европы и въ особенности Пруссіи. Мы Прусакки, больше всѣхъ жертвовали собою, и меньше всѣхъ награждены.

Мажоръ. Чшо значить приобрѣтеніе нѣсколькихъ квадрацныхъ миль земли въ сравненіи съ вѣнцомъ славы, копорымъ, въ теченіе двухъ предшествовавшихъ годовъ, увѣнчавалось трикратно возобновляемое и трикратно побѣдоносное Прусское войско? Клочки земли присвоены Австріей, Россіей

сіей, Англіей и Голландіей — правда; но за шо пройдушь вѣка, и кровавая звѣзда войны — войны, въ которой мы больше всѣхъ содѣйствовали разпорженію оковъ, наложенныхъ на Европу властелиномъ міра — будетъ сіяшь въ небесахъ, даже и въ шо время, когда не спанеть Пруссіи, и укажеть позднѣйшимъ потомкамъ мѣста, гдѣ нѣкогда подвизались ихъ предки!

Битва при Линьи. Потомъ забавы и пляски у Герцога Веллингтона въ Брюсселѣ. Нересело сидитъ въ углу Герцогъ Брауншвейгскій, жаждущій битвы. Онъ слышитъ опдаленную пальбу въ Камр-Бра. Веллингтонъ не вѣришь, чтобы шо былъ гуль пушекъ, но Брауншвейгскій Герцогъ лѣтитъ на поле битвы. „То гуль орудій, пожравшихъ отца моего“ — говоритъ онъ. „Горе сыну, кошорый не успремишься на встрѣчу имъ, кипя местию!“

Сраженіе при Ваврѣ. Забавная сцена двухъ Берлинскихъ волонтеровъ, изъ коихъ одинъ Еврей.

Волонтеръ. Ты хочешь ѣсть, Еѳраимъ?

Еѳраимъ. Да, да, да!

Волонтеръ. Такъ постарайсяжъ достать чего нибудь; а эшопъ кусокъ шеляпины —

Еѳраимъ. Хорошь, хорошь, давай сюда!

Волонтеръ. Я лучше, самъ его сѣмъ, онъ не очищенъ, Еѳраимъ — за него Авраамъ не примешъ тебя въ свое лоно, и мнѣ эшо будетъ жаль.

Еѳраимъ. Разбойникъ! Хоть я и Еврей —

Волонтеръ. Не совсѣмъ, не совсѣмъ! — шпои бѣлокурые волосы доказывають, что какой-шо Христіанинъ забрель въ посредничество между шво-

ей матери и отца — ну, Еёраимъ; вѣдь ты бывалъ на концертахъ у Мейшеля; и знаешь, что такое музыкальное интермеццо —

Еёраимъ. Песъ! хотя я и Еврей, но все гражданинъ и Берлинскій волонтеръ, не хуже тебя — вотъ тебѣ! (Даётъ волонтеру сильную оплеуху. Прусакъ хочетъ ему дать сдачи но въ тужъ минуту пушечное ядро отрываетъ голову Еёраиму).

Волонтеръ. (бросаясь въ сторону) Какъ страшно мстить за меня судьба! (оправясь) Однакожъ Еёраимъ былъ малой доброй!

Наконецъ битва при Ватерлоо. Тутъ событія такъ быстро слѣдуютъ одно за другимъ, что разговоръ состоить изъ однихъ почти восклицаній, и поэтъ превосходно поступилъ, не стараясь выказывать себя и блистать, какъ сдѣлалъ нѣкто, написавшій лѣтъ за десять предъ симъ трагедію: *Арнольдъ Винкельридъ*, герой коей, въ продолженіе битвы при Земпахъ, имѣетъ довольно времени, чтобы изложить всю Гегелеву систему въ длинныхъ ямбическихъ монологахъ и діалогахъ съ Герцогомъ Леопольдомъ. *Граббе* оканчиваетъ бурнымъ, быстроспекующимъ потокомъ словъ, какъ дѣйствительно кончилась самая битва.

Изъ предложенныхъ здѣсь отрывковъ, читатели могутъ составить себѣ понятіе о цѣломъ и увидятъ, что *Граббе* гениальною рукою низпровергъ неодолимая для другихъ препятствія.

(Р. В.).

VIII.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Въ Парижѣ теперъ самое благопріятное время для Театральныхъ Зрѣлищъ особаго рода. Ни что не оковываетъ буйнаго рвенія драматическихъ писателей. Они могутъ выводить на сцену все, что заблагоразсудится, лишь бы это веселило публику: могутъ даже избирать предметомъ сочиненій своихъ недоступную имъ до нынѣ политику. Вотъ почему на малѣйшихъ театрахъ является множество политическихъ пьесъ; самая даже извѣстная система правительства, *le juste milieu*, обращена въ названіе и служитъ предметомъ одного весьма колкаго водевиля. Замѣчательна также небольшая пьеса въ томъ же родѣ: *Путешествіе Свободы*, представляющая главныя возмущенія съ Іюля мѣсяца 1830 года и пошому раздѣленная на нѣсколько дѣйствій или картинъ. Въ первой изображена Французская революція; какъ первоначальное звено цѣпи народныхъ волненій въ Европѣ; вторая представляетъ Брюссельскій мятежъ; третья бунтъ Варшавскій; сюда присовокуплена еще четвертая картина, представляющая Парижъ въ Іюль мѣсяцъ 1831 года. Каждое отдѣленіе наполнено возмущительными пѣснями, которыя зрители заставляють иногда повторять по два и по три раза. При двадцати первыхъ представленіяхъ этой пьесы, дирекція раздавала безденежно множество билетовъ черни, особливо ремесленникамъ; и пошому не удивительно рукоплесканія, коими она оглушалась. Та-

кими-то средствами поддерживается и питается фанатизмъ Парижской черни. Теперь вновь, и съ нѣкоторымъ успѣхомъ, даютъ піэсу Скриба: *Прежде, Тогда и Теперь!* Полтора года назадъ, она показалаcя опасною для правительcтва, подѣ скипшромъ Бурбоновъ, и была запрещена. Сочинитель изобразилъ въ ней слишкомъ яркими красками бѣдствія дореволюціоннаго времени. Должно думать однако, что содержаніе сей піэсы изобрѣшено не самимъ Скрибомъ, а къмъ нибудь изъ его сотрудниковъ, имъ же шолько просмотрѣно и приправлено острошами: ибо политика не Скрибова дѣло; веселый умъ его любилъ носиться въ предѣлахъ, болѣе воздушныхъ, что доказываютъ два новыя его произведенія — небольшая опера: *Волшебный Напитокъ*, и балетъ: *Жирная Ночь*, которые даются въ Большой Оперѣ. Первая въ родѣ Руссова *Деревенскаго Ворожеи*, но написана съ большимъ остроуміемъ. Ее весьма забавнымъ образомъ пародировали на одномъ изъ малыхъ водевильныхъ псеатровъ: и шупъ шакже употребляется волшебный напитокъ, чтобы казаться милѣе въ глазахъ любовницы; но напитокъ эшотъ — простое шампанское вино, которое воспламеняетъ пьющаго и придаетъ ему любезности: соперникъ узнаетъ о шайной силѣ пшшья, и выпиваетъ вдвое больше, но опьянѣвъ, становится еще глупѣе и несноснѣе прежняго, такъ что побѣда остается на сторонѣ перваго. Эша фарса довольно занимательна. Въ балетѣ: *Жирная Ночь*, опять видно дарованіе Скриба, умѣющаго придавать самымъ соблазнительнымъ вещамъ привлека-

шельную и неоскорбительную форму; впрочемъ этаже мысль взята была для содержанія оперы *Леокадія*, написанной къмъ - то другимъ. Піеса сія доказываетъ, съ какой легкостью и искусствомъ умѣешь Скрибъ обрабатывать каждый предметъ для забавы и удовольствія зрителя. Его по справедливости можно назвать увеселителемъ и забавникомъ Парижа; ибо никто не заботится съ такимъ усердіемъ и шакъ успѣшно о дославленіи ему удовольствія.

Странное произшествіе случилось недавно съ одной изъ Скрибовыхъ піесъ. Уже болѣе года опдалъ онъ ее на Одеонъ, но существовавшая тогда надъ драматическими произведеніями цензура запретила представленіе оной. Теперь, когда театръ и литература сбросили съ себя уставы цензуры, Директоръ Одеона рѣшилъ дать ее; роли были выучены и день перваго представленія назначенъ. Но между тѣмъ Скрибъ и его сотрудникъ — (сочинявшіе общими силами) — опдали піесу свою на Французскій Театръ, и хотѣли чшобъ она тамъ была сыграна. Дабы опнять у Одеона право представлять ее, должно было немедленно прибѣгнуть къ власти Правительства. Уже афиши Одеона возвѣщали, что вечеромъ дастся первое представленіе *Базошскаго Писца (Clerc de la Basoche)*, какъ въ шотъ же день поушру тяжба между Одеономъ и Французскимъ театромъ была рѣшена приговоромъ судей. Скрибъ и его сотрудникъ утверждали, что запрещеніе прежней цензуры развязало ихъ съ Одеономъ, и что слѣдственно они, при перемѣнѣ обстоятельствъ, имѣють полное право

отдать піэсу свою на другой театр. Съ другой стороны, Директоръ Одеона утверждалъ, что онъ насильно принужденъ былъ отложить первое представленіе піэсы; но теперь, будучи свободенъ, непременно хочетъ дать ее на своемъ театрѣ. Въ самомъ же дѣлѣ, въ первый годъ сценической свободы, онъ вовсе ею не пользовался, и тогда только вздумалъ дать Скрибову піэсу, когда узналъ, что ее готовятся представить на Французскомъ Театрѣ, для того чтобы предупредить соперничество. Правительство ясно видѣло ходъ дѣла, и запретило Директору Одеона играть Скрибову піэсу, уполномочивъ полицію, въ случаѣ неповиновенія съ его стороны прервать представленіе. Но Директоръ до того не допустилъ, и на театрѣ его, вмѣсто *Базошскаго Писца*, дана была *la marechalle d'Ancre*, къ неудовольствію любопытныхъ зрителей, пригошовившихся видѣть новое произведеніе Скриба. Хотя перемѣна піэсы и объявлена была въ афишахъ у входа въ театръ, но большая часть посѣтителей, не обративъ на нихъ вниманія, узнали о ней тогда только, когда поднялся занавѣсъ.

Всѣ журналы говорятъ о новомъ актерѣ, Монье, вступившемъ на сцену по стеченію странныхъ обстоятельствъ. Онъ былъ прежде художникомъ, вылиптографировалъ множество народныхъ сценъ, изъ коихъ нѣкоторыя напоминаютъ Гогарша, и подобно Англійскому художнику, представилъ рядъ картинъ народнаго быта, съ начала до конца. При всемъ этомъ, Монье, какъ и всѣ люди, занимающіеся одинаковымъ съ нимъ

ремесломъ , былъ весельчакъ , и иногда также искусно представлялъ народныя сцены , какъ хорошо рисоваль ихъ . Наконецъ видя , что кисть и карандашъ стали приносить мало барыша , вздумалъ онъ актерствовать , но по своему , и для дебюта себѣ сочинилъ самъ пiэсу , которая даетъ ему возможность выказать , какъ вѣрно умѣетъ онъ обнимать и выражать разнообразныя характеры и физиогноміи , встрѣчавшіяся ему въ жизни . Почти уже два мѣсяца сряду , эта пiэса на водевильныхъ театрахъ ; и весь Парижъ спекается видѣть художника-актера въ собственномъ его произведеніи . Пiэса называется : *Импровизированная Семья (la famille improvisée)* , и довольно забавна . Вотъ ея содержаніе . Одна Парижская мѣщанская чета , имѣющая въ окрестностяхъ небольшое имѣніе , намѣревается праздновать свадьбу своей дочери съ молодымъ городскимъ жителемъ , который , какъ обыкновенно водится въ комедіяхъ , не видѣлъ еще своей невѣсты и влюбленъ въ другую . Дѣвушка съ своей стороны также влюблена . Женить пріѣзжаетъ и привозитъ съ собой пріятеля , молодого художника , котораго рекомендуетъ весельчакомъ и шукаремъ . Пріятель входитъ съ цѣлкомъ боязнию и замѣшательствомъ , и говоритъ , что не лзя не оробѣть , являясь впервые обществу незнакомому и многочисленному . Слова сіи такъ ясно намекаютъ на дебютирующаго актера , что зрители безъ труда понимаютъ смыслъ ихъ и громкимъ одобреніемъ поощряютъ художника . Мѣщанинъ , услышавъ названіе шукаря , протосердечно требуетъ , чтобы гость повесе-

лиль бесѣду фокус - покусами. Предложеніе это оскорбляетъ самолюбіе молодаго художника, и онъ, обидясь, уходитъ. Потомъ, желая отмстить глупому хозяину дома и вмѣстѣ вывѣсть друга своего изъ затруднительнаго положенія, рѣшается искуснымъ образомъ возстановить все семейство противу жениха, представляя родственниковъ его въ разныхъ лицахъ, какъ людей нестерпимыхъ и привязчивыхъ. Сначала является онъ въ видѣ женихова опца и проповѣдуетъ такую безнравственность, что изумленная хозяйка дома не знаетъ, какъ сбыть съ рукъ развратнаго старика. Потомъ приходитъ въ видѣ дяди, школьнаго учителя, болтливаго педанта, который, запушавшись въ безконечныхъ разсказахъ, самъ не знаетъ, о чемъ началъ говорить. Въ слѣдъ за этимъ вторымъ родственникомъ, является по одиночкѣ множество говорливыхъ, старыхъ родственниковъ жениха, и наконецъ крикливый, пьяный мужикъ, также родственникъ, и испытываетъ терпѣніе семейства нареченнаго зятя; ему и женѣ его такъ надоѣли женихъ и весь причетъ его родственниковъ, что они сами уже изъявляютъ желаніе взять назадъ данное ему слово. Потомъ открывается, что онъ влюбленъ въ другую ихъ дочь. Ихъ обручаютъ, и молодой художникъ признается, что онъ подурачилъ все семейство, представляя опца, школьнаго учителя, старую барыню и мужика. Эти четыре роли, изложенныя самымъ комическимъ образомъ, Монье играетъ превосходно. Впрочемъ еще не извѣстно, такъ ли же хорошо будетъ онъ играть въ другихъ пьесахъ, не своего

сочиненія, какъ въ эпихъ роляхъ, имъ самимъ написанныхъ и вѣроятно снятыхъ съ природы; а еще болѣе, можешь ли онъ выдержашъ цѣльную роль въ пьесѣ, съ такимъ же искусствомъ, какое показываетъ въ опдѣльныхъ сценахъ.

Викторъ Гюго, послѣ *Герани* не писавшій ничего для театра, подарилъ публику *Маріоной де л'Ормъ*, которую однакожь играли на эпошь разъ не на Большомъ Театрѣ, а на одномъ изъ водевильныхъ, именно у воротъ Св. Мартына. Пьеса эта, подобно *Базошскому Писцу* Скриба, при Бурбонахъ запрещена была театральною дирекціей, потому единственно, что въ ней слишкомъ рѣзкими чертами изображается деспотизмъ Кардинала Ришелье. Въ то время авторъ лично видѣлся съ Королемъ, желая доказать ему, что театральная цензура несправедливо поступаетъ, и что пьеса его вѣрно не произведетъ революціи; Карль X, по обыкновенію своему, улыбался, но не перемѣнилъ приговора цензуры: ибо еслибъ онъ согласился на доводы Виктора Гюго, то Кардиналъ де Лапиль, или кто нибудь другой изъ придворныхъ духовныхъ особъ, конечно возопилъ бы: „Государь! авторъ посягаетъ на наше достоинство; мы требуемъ удовлетворенія!“ И такъ запрещеніе продолжалось до революціи, случившейся въ Іюль мѣсяцъ. Теперь *Маріона дел'Ормъ* также смѣло является на сценѣ, какъ *Манона Эско* на оперномъ и *Госпожа Дюбарри* на водевильномъ театрахъ. Недавно Викторъ Гюго издалъ новый романъ: *Notre Dame de Paris*; такимъ образомъ эпошь неутомимый писатель вездѣ дѣйствуетъ,

между тѣмъ какъ Ламартинъ, много потерявшій отъ революціи, молчитъ, а Казимиръ де-ля-Винъ поправляетъ разстроенное здоровье. Впрочемъ кажется, Викторъ Гюго не имѣетъ драматическаго дара. Издавна упрекали Французскій театръ въ излишней рачительности объ обрисовкѣ характеровъ и въ невнимательности къ мѣстнымъ обстоятельствомъ и къ историческимъ отношеніямъ. Викторъ Гюго, почитаемый главою новѣйшихъ Французскихъ романиковъ, дѣйствуетъ совершенно прошивуположно. Историческія картины составляютъ главную, а очеркъ характеровъ вспомошательную принадлежность его сочиненій. *Маріона де л'Ормъ* выведена имъ на сцену для того, чтобы обрисовать властолюбиваго Кардинала Ришелье и слабаго Короля Людовика XIII. Авторъ хотѣлъ представить живую картину того времени; и потому въ піесѣ его замѣтна какая-то пестрота. Приключенія и сцены народной жизни непрерывно смѣняются одна другою и производятъ такой шумъ, такое движеніе, что зритель не успѣваетъ опомниться; для трехъ піесъ стало бы приключеній, вписанныхъ въ одну. Можно ожидать отъ поэта лучшаго драматическаго произведенія, когда нѣсколько успокоится пылкая его фантазія, но не прежде. Викторъ Гюго повсе не обращаетъ вниманія на вкусъ публики; онъ слѣдуетъ порывамъ своего воображенія, не заботясь, понравится ли это зрителямъ или нѣтъ. Во Франціи еще мало поэтовъ, имѣющихъ смѣлость руководствоваться собственнымъ своимъ гениемъ, какъ Викторъ Гюго; и потому-то часто оскор-

блещетъ онъ вкусомъ Парижской публики и производишь ропощъ. Хотя онъ богатъ друзьями и приверженцами, которые безусловно удивляются и аплодируютъ всему, что онъ ни напишетъ: но лучший другъ его, журналъ *le Globe*, перемѣнилъ направленіе и теперь не съ прежнимъ уже рвеніемъ занимаешь театральными произведеніями. И такъ Викторъ Гюго не имѣетъ въ немъ твердой опоры; да и кто нынѣ при разыгрываніи огромной, всемірной драмы станеть особенно занимать театральными зрѣлищами? По сей то причинѣ *Маріона де л'Ормъ* не могла возбудишь такого участія, какъ *Гернани*, первый сценическій опытъ Виктора Гюго. Правда, приверженцы его и нынѣ выходятъ изъ себя отъ красоты, проявляющихся въ этой піесѣ; но фанатизмъ ихъ не проспираетъ уже до того, чтобы угрожать смертию недовольнымъ зрителямъ, какъ случилось при представленіи *Гернани*. Также не подвергаешь опасности бышь раздавлену, входя въ театръ; теперь въ немъ все происходитъ покойно и безъ шума. Театральная дирекція, прекрасно обставя піесу, не жалѣла издержекъ: декорации, костюмы, все было превосходно и также близко къ исторической истинѣ, какъ самъ авторъ. Передъ *Маріоной де л'Ормъ* на шомъ же театрѣ вновь данъ былъ *Наполеонъ*, съ тѣми же декорациями и костюмами, съ которыми, за нѣсколько предъ симъ мѣсяцовъ, являлся на Лондонскомъ Театрѣ, къ удовольствію шамошней публики. Слѣдственно не справедливъ слухъ, что правительство не хотѣло долѣ терпѣть его на сценѣ, и тѣмъ невѣрояшнѣе, что

само оно приказало возстановить его шпагу. Пока политическія драмы согласны съ общимъ, господствующимъ образомъ мыслей, до шѣхъ поръ все идетъ хорошо; но недавно на одномъ изъ театровъ давали *Революціонный Комитетъ*, по естѣ, показывали революцію съ отвратительнѣйшей ея стороны. Это подало поводъ къ сильной оппозиціи и распрямъ. Партеръ раздѣлился на двѣ партіи; возникли споры и ссоры; и драма разыгрывается шеперь актерами и зрителями.

М. В. — А. Ш.

IX.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

— общество трезвости въ лондонѣ. — По примѣру Соединенныхъ Штатовъ, въ Лондонѣ недавно образовалось, подъ предѣдательствомъ Лондонскаго Епископа, *Общество Трезвости* (*Temperance-Society*), имѣющее цѣлю пропивудѣйствовать распространяющемуся между Англичанами пороку пьянства, какъ примѣромъ сочленовъ, кои обязуются не терпѣть въ домахъ у себя никакихъ спиртуозныхъ напитковъ, такъ и издаіемъ приличныхъ на сей предметъ сочиненій. Теперь въ Лондонѣ, если гдѣ, между непримѣшными кирпичными домишками, встрѣчаются красивые бѣлые домики съ колоннами и другими архитектурными украшеніями, то смѣло можно биться объ закладъ, что изъ десяти вѣрно девять шинковъ, гдѣ продается горячее вино (джинъ). И не уди-

вншнльно , что они могутъ даватьъ себѣ такую прекрасную наружность : съ ранняго утра до поздняго вечера они набиты несчастными , приносящими туда послѣдній пфенингъ ; даже въ нѣкошорыхъ , умѣвшихъ пріобрѣсть особенную репутацію , въ извѣстные часы дня , невозможно продраться въ толпѣ мужчинъ , женщинъ и даже — дѣшей , точно какъ на площади предъ балаганомъ , гдѣ играется комедія . Полагають , что въ шрехъ Королевствахъ ежегодно издерживается на горячіе напитки до 15 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (на наши деньги до 325 милліоновъ рублей) . И сколько бѣдствій покупается на такую непомерную сумму ! Замѣчается , что пристрастіе къ неумѣренному употребленію этого губительнаго яда не ограничивается одною чернью ; дороговизна винъ ввела его въ большую часть семействъ средняго класса ; и теперь нерѣдко случается видѣть женщинъ , даже дѣвушекъ , особенно послѣ ужина , напивающихся до пьяна . Конечно , подобныя катастрофы остаются семейными тайнами и рѣдко выходящъ наружу ; но онѣ шѣмъ не менѣе справедливы . Новое Лондонское общество имѣло свое первое засѣданіе прошлаго Іюля . Въ Шотландіи , въ началѣ прошлаго Іюня , считалось уже подобныхъ обществъ до 181 , въ коихъ находится 41,381 членъ . Ихъ дѣйствія награждаются счастливыми успѣхами : во многихъ округахъ пошребленіе горячихъ напитковъ уменьшилось до половины . Многіе хозяева превратили содержимые ими шинки въ шакъ называемые *трезвые кофейные дома* (*Temperance-Coffeehouses*) , изъ кошорыхъ из-

гианы всё горячіе панишки. Главнымъ образомъ дѣйствуетъ здѣсь духовенство, коему ревностно помогаютъ помѣщики, фабриканты и всё имѣющіе болѣе или менѣе вліянія граждане. Медицинскіе факультеты подають также съ своей стороны голосъ. Увидимъли мы когда-нибудь у насъ что либо подобное?

— РАЗГАРЪ ПОЛЕМИКИ ВО ФРАНЦІИ. — Доселѣ Французская литература слыда образцемъ въжливости, коей и дѣйствительно не измѣняла въ самымъ жаркихъ полемическихъ распряхъ. Но недавно происходила въ ней бипва, не уснуцающая въ ожесточеніи Нѣмецкимъ журнальнымъ дракамъ и даже приближающаяся отчасти къ кулачнымъ боямъ, кои періодически грѣють холодную кровь нашей словесности. Дабы объяснить настоящую ея причину, должно рассказать предшествовавшія ей обстоятельства.

Въ началѣ текущаго вѣка, когда любознательность устремилась вновь къ изученію древнихъ источниковъ, знаменитѣйшіе Германскіе писатели обратили вниманіе на поэшическіе памятники XII и XIII столѣтій, образовавшіеся изъ Целто-Франкской эпопеи. Гёрресь, Мюллеръ, Доценъ, Лахманъ, Бенке и другіе, оказали великую услугу словесности, изданіемъ Логенгринна; Парцевалля и прочихъ поэмъ того же времени. *Эдгаръ Кинне*, молодой Французскій писатель, извѣстный уже съ выгодной стороны ученому міру двумя первыми своими произведеніями: переводомъ Гердеровыхъ мыслей и книгою о Греціи, изучивъ основательно Германскую Кристику и обогатившись собственными

изысканіями, вознамѣрился извлечь Французскіе подлинники сихъ произведеній древности изъ праха, подъ коимъ они были погребены. И такъ онъ представилъ Министру ноту, отличающуюся изящесловомъ слога и исполненную благороднаго одушевленія, въ коей обращаетъ вниманіе соотчичей на важность литературныхъ сокровищъ, о коихъ они доселѣ небрегли и коихъ существованія даже не подозрѣвали, что и подало поводъ къ ложному разпространившемуся между Французскими учеными мнѣнію, будто Французская поэзія началась не прежде какъ съ XVI столѣтія, а до того, исключая трубадуровъ южной Франціи, господствовали единственно варварство и искаженная латынь. „Поэмы, предо мной лежащія“ — говоритъ онъ — „служатъ доказательствомъ противнаго, а именно, что гораздо прежде вѣка Лудвика XIV, еще въ половинѣ XII столѣтія, поэзія процвѣтала во Франціи, и что на сіи полу - Цельтичскіе и полу - Французскіе памятники долженъ нѣкогда опереться національный Французскій геній.“

Таковыя предположенія, совершенно противурѣчащія принятому мнѣнію, обратили на себя во Франціи общее вниманіе, даже въ то время, когда взоры всѣхъ казалось усмирены были исключительно на политическія событія. По несчастію писатель сей, одушевленный благороднымъ рвеніемъ къ познаніямъ и къ славѣ отечества, не помыслилъ о томъ, заслужитъ ли симъ благосклонность собраній своихъ, пресмыкающихся у подошвы Парнасса. Шиллеръ говоритъ о наукѣ:

Она для однихъ свѣтзарной небесной богиней:
 Другимъ же
 Толстой коровою кажешся, масломъ ихъ щедро
 снабжая.

Кинне дивясь эпопеямъ, остающимся доселѣ безвѣстными въ манускриптахъ Библиотеки (épopées restées inconnues dans les manuscrits de la Bibliothèque), забылъ, что шѣмъ доказывалъ невѣжество людей, которые по обязанности своей должны были знать эти эпопеи, и слѣдственно оспаривалъ у нихъ обладаніе предметомъ, имъ на сохраненіе порученнымъ. Одинъ изъ нихъ сильно огорчился, и вслѣдъ за появленіемъ ноты, когда *Кинне* находилъ сладкую награду за шруды въ одобреніи многочисленныхъ друзей своихъ и дѣятельномъ вспоможеніи правительства, появилось въ журналѣ *Temps* письмо, коимъ хошѣли доказать невѣжество сочинителя ноты и безразсудность его предпріятія. Достопримѣчательнень слогъ письма сего: въ немъ самыя злыя и колкія упреки прикрышы личиной любви и уваженія къ характеру *Кинне* и къ неопшѣемлой отъ него чистотѣ душевной. Даже извѣстный ироническій тонъ Аббата Гене надъ Вольтеромъ, о которомъ сей послѣдній сказалъ, что „онъ, показывая будто хочетъ обнять, кусаетъ до крови,“ ничего не значить въ сравненіи съ ядовитостью безыменнаго корреспондента *Temps*. По его мнѣнію, Цельтическія поэмы, и въ особенноти циклъ сказаній о Сенш-Грааль, суть бесполезныя, варварскія произведенія, большей частію переводы Латинскихъ ширадъ, выкраденныхъ изъ *Виргиліевой Энеиды*

и другихъ классическихъ твореній ; ни въ одномъ изъ нихъ число стиховъ не простирается свыше 15,000, тогда какъ *Кине* полагаетъ оное до 30,000 и даже до 77,000. Къ сему присоединились личные нападки на *Кине*, между коими намекалось, что сочинитель ноши не въ состояннн судить о Французскихъ Древностяхъ, ибо онъ донынѣ исключительно занимался Исторіей и Древностями Востока, неимѣющими ничего общаго съ первыми и п. п. *Кине* не трудно было доказать неосновательность сихъ обвиненій, что и сдѣлалъ онъ въ опвѣстѣ, могущемъ служить образцомъ для полемическихъ спашей ; не взирая на то, излишнимъ считаемъ повторять здѣсь приводимыя имъ доказательства ; ихъ безъ труда угадаетъ каждый, хотя мало знакомый съ новымъ способомъ подвизаться на севъ поприщѣ словесности.

Въ слѣдъ за сивъ опзввомъ послѣдовало вторичное нападеніе ; и противникъ *Кине*, снявъ съ себя личину, объявилъ, что онъ Полинъ Парисъ, служащій при Королевской Библиотекѣ. Тутъ разгадалась загадка: inde igne! Послѣ такого гласнаго признанія, онъ полагалъ, что можетъ уже дѣйствовать неограниченно ; и потому это другое письмо служитъ образцомъ неслыханной въ литерашурѣ дерзости и безшдыдства. Г. Парисъ, ослѣпленный гнѣвомъ, перепуталъ имена и числа, принялъ поэму Логенгринна за Гарина Ле-Логереня, XIII столѣтіе за XII, и называя отправление *Кине* въ Морею милоспью, выпрошенной имъ у низпровергнутаго правительсва, покушался

запятнать его доброе имя низкою клеветою. Съ той поры, вопросы, собственно до науки касающіеся, сдѣлались предметомъ поспорнымъ и нападенія на личность одержали верхъ. *Кинг* въ послѣдній разъ отвѣчалъ, какъ слѣдуетъ честному челоѣку, котораго презрѣнный паша хочетъ лишитъ драгоцѣннѣйшей его собственности, и какъ бы извиняется предъ публикой, что подымаетъ перчатку, брошенную такимъ противникомъ. Описание жизни его и частныхъ отношеній къ прежнему правительству, изложенное съ краснорѣчіемъ, вылившимся изъ сердца, заключаетъ онъ сими словами: „Чѣмъ же въ то время занимался шотъ, который теперь на меня нападаетъ? Онъ издавалъ — *Universel!*“

И такъ не у насъ только разоблаченное невѣжество, говоря словами поэта —

Разводишь опіумъ черниль
Слюною бѣшеной собаки!

НОВОСТИ

НАУКЪ И ИСКУССТВЪ.

— льдины въ южномъ океанѣ. — Донынѣ никогда еще мореплаватели не встрѣчали льдинъ около мыса Доброй Надежды и южныхъ береговъ Африки. Въ морскихъ запискахъ Ост-Индской Кампаніи за все прошлое столѣтіе, вовсе не упоминается о томъ, чтобы какое нибудь судно повстрѣчало ледъ въ эсихъ мѣстахъ, хопя многія

доходили до 40° — 42° южной широты. Но 7 Апрѣля 1828 года, Французское судно *Гармонія*, на пути отъ Калькутты во Францію подъ $35^{\circ} 50'$ южной широты и 16° восточной Гренвичской долготы, видѣло множество ледяныхъ массъ, изъ коихъ нѣкоторыя имѣли повидимому до ста футовъ въ вышину. Оно даже прошло между двухъ таковыхъ ледяныхъ горъ, въ копорыя съ яростью ударяли волны морскія. На этомъ пути *Гармонія* встрѣшила Испанское судно *Констанцію*, лоцманъ коего слѣдующимъ образомъ описываетъ пльвшія по океану льдины :

„7 Апрѣля 1828 года, въ 10-ть часовъ поупру данъ сигналъ, что открывается небольшой островъ, похожій на бѣлое облако; вслѣдъ за тѣмъ мы ясно могли уже различать тѣни, вѣрные признаки земли. Подошедъ ближе, мы увидѣли обширный, довольно высокій островъ, расходящійся къ верху на двѣ остроконечныя возвышенности. Вскорѣ потомъ примѣшили мы еще три небольшіе острова, въ близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи. Въ половинѣ двѣнадцатаго часу казались они совершенно бѣлыми, и лучи солнечные отражались отъ нихъ, какъ отъ зеркала. Никто изъ насъ не умѣлъ объяснить сего явленія, до самаго полдня: мы находились тогда подъ $35^{\circ} 56'$ южной широты и $16^{\circ} 59'$ Гренвичской восточной долготы. Канашъ въ 135 ф. длины не доставалъ до дна; и какъ сверхъ того море постоянно сохраняло свой темно-зеленый цвѣтъ, то и заключили мы, что это должны быть пловучія, зашедшія до 35° , льдины. Мы шли по направленію къ

Востоко-Юго-Востоку до двухъ часовъ пополудни, подавая сигналъ Французскому судну *Гармоніи*, возвращавшемуся изъ Калькушы. Въ половинѣ четвертаго часу показались на горизонтѣ еще два ледяные острова, мимо коихъ и прошли мы въ половинѣ пятаго. Южная масса имѣла отъ 25 до 30 сажень въ вышину, но не сходилась къ верху въ острую оконечность, какъ прежде нами видѣнная. Далѣе къ сѣверу на разстояніе трехъ миль, видѣли мы еще одну огромную ледяную гору.“

„28 Апрѣля 1828 года бригъ *Элиза*, на пуши изъ Антверпена въ Бапавію, встрѣшилъ пять плывущихъ ледяныхъ массъ, подъ $35^{\circ} 31'$ южной широты и $18^{\circ} 13'$ восточной Гренвичской долготы. Онѣ походили на башни отъ 250 до 300 футовъ въ вышину. Море съ такою силой дробилось о сіи ужасныя массы, какъ будто онѣ утверждены были на сокрытомъ, твердомъ основаніи; однакожъ мы не могли ни въ одномъ мѣстѣ допытаться дна.“

Сіи ледяныя горы, встрѣченныя *Элизой* при недѣли спустя послѣ открытія *Констанціей* первыхъ льдинъ, находились отъ нихъ въ разстояніи 32 миль къ югу. Нѣтъ сомнѣнія, что онѣ принадлежали къ той же самой грядѣ огромныхъ массъ, влекомыхъ напоромъ волнъ изъ отдаленныхъ странъ юга, къ южнымъ берегамъ Африки. Годъ спустя послѣ того, и именно 20 Апрѣля 1829 года, судно принадлежащее Американской компаніи, встрѣшилось съ большой, ледяной горою подъ $39^{\circ} 13'$ широты. Масса сія, имѣвшая

не болѣе двухъ миль въ окружности, возвышалась надъ поверхностью моря на 150 футовъ. Судя по удѣльной тяжести льда и по выдавшейся изъ воды громадѣ, вся льдина сія долженствовала имѣть болѣе тысячи футовъ вышины.

Кажется, что до Апрѣля 1828 и 1829 годовъ, ни разу не выдывали льдинъ на Южномъ Океанѣ, между 42° и 43° широты. Въ Англійской Энциклопедіи Риса, говорится что случалось иногда видашь въ обоихъ полушаріяхъ, льдины, заходящія отъ полюса до 40, даже до 41 и 42 градусовъ широты: но теперь очевидно, что ледъ можетъ оплыть, не распаявъ, на несравненно большее разстояніе отъ полюса.

И такъ, въ южномъ полушаріи, на моряхъ близкихъ къ экватору, въ Апрѣль мѣсяцъ являющіяся плывущія льдины. А какъ въ полушаріи сѣверномъ Октябрь соотвѣствуетъ Апрѣлю южнаго, то слѣдовало бы заключить, что тамъ, въ Октябрѣ, ледъ долженъ оплывать на самое дальное разстояніе отъ сѣвернаго полюса. Однакожъ, по видимому, и здѣсь, въ томъ же Апрѣль или въ Маѣ, ледъ наиболѣе опадается отъ широты, подъ копорою образовался; слѣдственно въ этомъ отношеніи существуетъ между обоими полушаріями достойное замѣчанія и удивленія пождество. Вотъ нѣсколько примѣровъ для доказательства справедливости этого пождества.

14 Апрѣля, между Нью-Йоркомъ и Ливерпулемъ, подъ 42° сѣверной широты и 47° во-

спочной долготы, *Минерва* встрѣтилась съ четырьмя большими ледяными горами. 3 Апрѣля 1823 года судно *Моунтстонъ* отправилось изъ Плимута въ Ньюфундландъ; и 7 Мая, при густомъ туманѣ, напкнулось на массу льда и въ шоже мгновеніе наполнилось водою. Подъ какимъ градусомъ широты случилось сіе, не извѣстно. 14 Мая 1814 года, флотъ, отправленный въ Квебекъ, встрѣтилъ подъ 44° сѣверной широты и 50° восточной долготы, болѣе двадцати огромныхъ, пловучихъ ледяныхъ горъ, изъ коихъ нѣкоторыя имѣли въ вышину болѣе 80 футовъ. Тогоже дня, пополудни, судно прошло мимо ледянаго острова, поверхность коего простиралась на 20 миль и 30 футовъ, въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ еще болѣе возвышалась надъ моремъ.

Изъ всего выше приведеннаго, слѣдуетъ:

1.) Въ Апрѣль мѣсяцъ или въ первыхъ числахъ Мая, огромныя массы льда встрѣчаются какъ въ южномъ, такъ и сѣверномъ полушаріи, подъ средними градусами широты, въ большемъ количествѣ, нежели въ прочее время года. Это странность, доннынѣ еще не объясненная; ибо, по принятымъ досихъ поръ мнѣніямъ, должно изнѣчь непременно шесть мѣсяцевъ, между тѣмъ временемъ, когда плывущія льдины южнаго полушарія приближаются къ экватору на самое близкое разстояніе, и тѣмъ, въ которое сѣверный полярный ледъ къ нему наиболѣе приближается.

2.) Для образованія и скопленія ледяныхъ громадъ, кажется, необходимо нужно значительное

пространство земли около южного полярного круга; и земля сия, по видимому, должна находиться между Лондонским меридианомъ и 20° восточной долготы, откуда соединенныя силы течения, вѣтра и волнь, могутъ нести сіи груды льда по направленію отъ Юго-Юго-Запада и Юго-Запада къ Сѣверу и Сѣверо-Сѣверо-Западу. Но Сандвичевы Острова, лежащія подъ 65° южной широты и 27° восточной долготы, слишкомъ отдалены на востокъ отъ обыкновеннаго направленія и теченій и вѣтровъ и волнь, такъ что трудно при нихъ образоваться громадамъ льда, показывающимся на высотѣ мѣса Доброй Надежды. Острова Буветъ и Томсонъ, подъ 54° южной широты и 5° восточной долготы, по незначительности своей, не могутъ служить пунктомъ скопленія столь огромныхъ ледяныхъ горъ; а Кергеленландъ, лежащій подъ 49° южной широты и 70° восточной долготы, слишкомъ отдаленъ на востокъ, и следовательно также не можетъ быть гнѣздомъ ихъ образованія.

3) Новое появленіе ледяныхъ горъ у южныхъ береговъ Африки, въ Апрѣлѣ 1828; и восточныхъ, въ Апрѣлѣ 1829 годовъ, должно происходить отъ причины неизвѣстной, на примѣръ, землетрясенія или сильнаго изверженія огнедышущихъ горъ, слѣдствіемъ коихъ былъ насильственный отрывъ эсихъ ледяныхъ громадъ, феноменъ, вѣроятно до сихъ поръ весьма рѣдкій въ полярныхъ странахъ. По крайней мѣрѣ во всемъ прошекшемъ столѣтіи нѣтъ примѣра, чтобы ле-

данныя массы такъ близко подплывали къ Африканскимъ берегамъ. (М. В.)

— новая трагедія Гаупхаха. — Неупомимый Нѣмецкій драматургъ обогатилъ опечественную сцену новою историческою трагедіею: *Король Филиппъ* (König Philipp), которая съ успѣхомъ дается на Берлинскомъ шеатрѣ. Кристики нашли въ ней одно изъ лучшихъ драматическихъ произведеній, которое яснымъ изложеніемъ быстро вводитъ вниманіе въ кругъ событій, и въ тоже время рѣзкими очерками обозначаетъ характеры главныхъ, дѣйствующихъ лицъ. Ходъ ея устроенъ такъ, что участіе ежеминутно возрастаетъ, и до самой катастрофы не развлекается ни чѣмъ постороннимъ и вставочнымъ. Сначала, Римско-Германскій Король является въ ней счастливымъ войномъ послѣ одержанной побѣды надъ Государемъ, ему враждебнымъ; потомъ домовинымъ, простодушнымъ хозяиномъ среди своего семейства; тамъ великодушный, даже съ врагами; здѣсь счастливый, боготворимый пѣжной супругой и прекрасными дочерьми, онъ вездѣ влечетъ къ себѣ сердца болѣе добродушіемъ, нежели могуществомъ. Онъ твердо вѣритъ власти Папы надъ другими Монархами, и въ тоже время презираетъ перуны его проклятій; побѣдоноснымъ оружіемъ защищаетъ свой престоль и избраніе, и потомъ отказывается отъ скиптра вопреки Папскимъ Легатамъ; наконецъ среди переговоровъ, падаетъ отъ предательской руки друга, разъяреннаго мнимой его измѣной, о которой тошъ узналъ изъ подложнаго письма. На престоль

его восходитъ иной Монархъ; и политика Рима, одержавъ побѣду, хочетъ навсегда испоргнуть Императорскій скипетръ изъ рукъ опаснаго рода Гогеншпауфеновъ.

Вотъ содержаніе всей пьесы. Въ отношеніи къ характерамъ, послѣ *Филиппа*, главнаго героя, является въ самомъ привлекательномъ видѣ супруга его *Ирена*, образецъ любви и вѣрности какъ въ злосчастную минуту приближающейся смерти, такъ и прежде, въ прелестной сценѣ домашняго быта, которая производитъ превосходный, въ полномъ значеніи слова, эффектъ лучшихъ картинъ въ семь родѣ. Виштельсбахеръ *Отто* вездѣ вспыльчивъ и дерзокъ, даже прошиву Королевскаго друга, съ кошорымъ, недовольный, враждуетъ, такъ что коварству не трудно воспламенить его дикой яростію и злобой, но только прошиву лица Короля, а не противъ политической партіи, ошъ коей не возможно его отвлечь и къ кошорой онъ привержень, какъ кажется, добровольно, по собственному, твердому убѣжденію. Его ярость, близкая къ бѣшенству, выказываетъ еще въ большемъ свѣтѣ кротость *Филиппа*, и поэтъ такъ искусно умѣлъ расположить ходъ пьесы, что *Отто* весьма мало или вовсе не занимателенъ для зрителя. Еслибъ мы приняли въ немъ участіе, то онъ, столь сильно дѣйствующій въ трагедіи, не былъ бы уже вспомогательнымъ лицомъ драматической картины; и въспо того чтобы служить, какъ шеперъ къ возвышенію героя, затмилъ бы его, сдѣлавши

самъ героемъ трагедіи. Вошь причина, почему онъ не долженъ, былъ возбудишь состраданія въ зрителихъ ни раскаяніемъ, ни даже смертью. *Людовикъ Баварскій* вѣрностію своей и гнѣвомъ на брата, запящавшаго себя убійствомъ, спасаетъ честь и достоинство рода *Виттельсбахеровъ*. Два брата *Андексы*, кои тайно отпадаютъ отъ *Филиппа* и которыхъ поэтъ заславляетъ пишетъ подложное письмо, являющія орудіями чужихъ замысловъ; одинъ изъ нихъ нѣсколько волнуемъ страстями, другой не имѣетъ ни какого характера, и оба горько оплакиваютъ непредвидѣнные послѣдствія обмана. *Беатрикса*, дочь *Филиппа*, милое, и по смѣлости своей совершенно новое дѣтское лице. Напрошивъ того *Беатрикса Бургундская*, племянница *Филиппа*, представлена любительницею чужеземнаго образа жизни; но, если это было уже необходимо, то она должнабъ явиться съ меньшей изыскательностію и припязанностію, и вмѣсто надушыхъ, философическихъ разсужденій о любви, говоритъ попроще. Этого тѣмъ болѣе можно было ожидать по тому, что разговорный языкъ въ пьесѣ, относительно къ прошлѣ, истинно превосходенъ, и весьма далекъ отъ неестественной напыщенности, которую мнимые знайоки величаютъ высокимъ слогомъ. Римскій *Легатъ*, облеченный попомъ саномъ Папы, обращаетъ на себя вниманіе зрителей, потому что посредствомъ тонкихъ пружинъ управляетъ всѣми дѣйствующими лицами, и еще болѣе попому, что не руководствуется, какъ въ тысячѣ другихъ трагедій, однимъ монашескимъ честолюбіемъ,

по дѣйствуетъ въ полной увѣренности, что благо цѣлаго міра можетъ происходить только отъ одной господствующей церкви. Изъ рѣчей его однако не лзя заключить, чисто ли это религіозная, или вмѣстѣ и политическая увѣренность; и поэтъ не воспользовался или не хотѣлъ воспользоваться симъ случаемъ, изобразить вліяніе церкви на государство и обратно, дабы показать необходимость прошиводѣйствія духовной власти праву сильнаго и представить въ ясной картинѣ аристократическое начало феодализма, и демократическое направленіе духовенства. Упоминая о Гвельфахъ и Джибеллинахъ, онъ, не объясняетъ также причинъ ихъ междуусобной вражды, и слегка только упоминаетъ о Генрихѣ Львѣ, оцѣ Короля Отто Брауншвейгскаго, оставляя въ невѣденіи о его свойствахъ и характерѣ. Такимъ образомъ простые, неученые люди ни чего не могутъ узнать обстоятельно; свѣдущій въ исторіи конечно будетъ счастливѣе: но никто не замѣтитъ основной мысли, коренной причины всѣхъ представляемыхъ въ трагедіи столкновеній, а только увидитъ кровавое происшествіе, богато обставленное и искусно обработанное.

Трагедія сія принадлежитъ къ ряду драматическихъ картинъ, въ коемъ *Раупахъ*, по примѣру Шекспира, намѣревается представить поэтическую хронику славнаго періода Гогенштауфеновъ. (М. В.)

XI.

ЗАМѢЧАНІЯ

НА ВЫХОДКИ СТВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ ПРОТИВЪ
ФИЛОСОФИЧЕСКАГО ВЗГЛЯДА НА ХОЛЕРУ

(Тел. N. 11).

Не знаю, по чему *Стверная Пчела* выдаетъ себя почти безпрестанно прошивницею учености. Издатели оной сами, кажется, люди умные и ученые. *Николай Ивановичъ Грегъ* считается первымъ Русскимъ граммашикомъ; и подтвердилъ недавно еще права свои на это важное плпшло новымъ важнымъ произведеніемъ грамматической фаншазіи, *Повѣдкой въ Германію*, гдѣ въ огромной и подробной картинѣ представлены масперскою рукою всѣ ошибочныя противъ Русскаго языка поговорки Пешербургскихъ Нѣмцевъ. *Фаддей Венедиктовичъ Булгаринъ* признаетъ себя ученикомъ *Николая Ивановича* въ грамахѣ; но яблоко отъ яблони не далеко падаетъ; и мы на дняхъ читали составленное имъ похвальное слово безграмотнымъ, въ коемъ о грамахѣ и грамашикѣ говорится соп атоге, съ энтузіазмомъ, дѣлающимъ честь ученику и учителю. Сверхъ того, кому не извѣстно, что *Ф. В. Булгаринъ* издалъ *Горація* съ филологическихкими примѣчаніями, кои хошя и чужія, но стѣмъ не менѣе доказываютъ, что грамматическія занятія ему по сердцу? И такъ издатели *Стверной Пчелы* имѣють неоспоримыя права на ученость! Для чегожъ они, сами будучи люди ученые, нападаютъ на другихъ,

обрабатывающихъ отрасли наукъ, отдѣльныхъ отъ грамматикъ, и съ особеннымъ ожесточеніемъ вооружаются на тѣхъ, кои занимаются современными вопросами философическими? Не всѣмъ же быть грамматиками; не всѣмъ благая природа даетъ таланты, способные погружаться въ глубокія таинства склоненій и спряженій? Безъ сомнѣнія, грамматика важная и полезная наука; но начтожь нападать на философію? И пусть бы эти нападки дѣлали сами *Н. Ивановицъ* и *Θ. Венедиктовицъ*; они, положимъ, первые Русскіе грамматикъ и филологи; но зачѣмъ еще приплелся къ нимъ какой-то *В. У.*? Онъ по какому праву подвизается съ ними на одномъ поприщѣ? Ни онъ грамматикъ, ни онъ филологъ. Все литературное его значеніе ограничивается тѣмъ, что ему дозволено гулять на крыльяхъ *Сѣверной Пчелы*; а онъ и радъ тому. Ему сказано: пиши изъ Москвы обо всемъ, что шамъ замѣшишь любопытнаго: а онъ и пошелъ махать своимъ кришическимъ песномъ во всѣ стороны, куда зря, въ кого ни попало, безъ всякаго пуши и разбора. Что ни вздумаешь, ни взгадаешь — рука не дрогнетъ. Дѣло однако доходишь уже недо шутокъ; *В. У.* началъ строить чудеса, не въ свою, какъ говоришься, голову. Хотя Издатели *Сѣверной Пчелы* и сами часто вооружаются всѣми возможными средствами противъ искашелей современнаго любомудрія; но при всемъ эшомъ ни какъ не лъзя было подумашъ, чтобъ они согласились помѣстить въ *Пчелѣ* шакія выходки, какія чипали мы въ *письмѣ* изъ

Москвы къ Булгарину (N 191). Сила вошь въ чемъ: *М. Г. Павловъ* напечаталъ въ *Телескопѣ* (N 11) свое сочиненіе о Холерѣ, подъ названіемъ: *Философическій Взглядъ на Холеру* а). Это сочиненіе написано истинно философически и показываетъ мыслителя, которымъ мы можемъ смѣло похвалиться. Всѣ знающіе дѣло съ удовольствіемъ читали и перечитывали *Философическій Взглядъ*. И между тѣмъ это болѣе только ожесточило на него *Съаерную Пгелу*. Управляющій припупленнымъ ея жаломъ *В. У* съ безстыднымъ кощунствомъ, почти поллиста исписалъ самыми непристойными ругательствами и грубостями. И кто это такой *В. У*? Одни толкуютъ эти двѣ таинственныя буквы такъ, другіе иначе. Мое мнѣніе кажешся воѣхъ справедливѣе; по крайней мѣрѣ оно подтверждается доказательствами. Я думаю, что эти двѣ буквы: *В. У.* означаютъ: *Востогный Улемъ*. Ибо прочтите все письмо, подъ которымъ стоятъ эти двѣ буквы, замѣтите, какія тамъ сужденія, какъ безосчетны издѣвочныя выраженія, съ какимъ фанатическимъ презрѣніемъ ругаются надъ просвѣщеніемъ: и вы согласишесь, что это письмо могло выдти только изъ хасотической головы какого нибудь *Востогнаго Улема*, присяжнаго, законнаго гонителя просвѣщенія, уполномоченнаго ошъ великаго Пророка истребляшь всѣ плоды ума Европей-

а) Сочиненіе сіе издано шеперь особюю брошюркою подъ шѣмъ же заглавіемъ. *Изд.*

скаго. В. У. совершенно не понимаетъ сочиненія Павлова; это вѣрно и раздражило особенно Азіятскую его желчь!

Ругательства В. У. начинающіяся клеветою, въ коей взводился на Павлова, будто онъ всѣхъ Рускихъ врагѣй называетъ невѣждами. Удивительно, до какой степени проспирается дерзость иныхъ людей, кои, говоря печатно оскорбительныя небылицы, не спрашаша нисколько улики. Сочиненіе Павлова передъ глазами публики. Гдѣжь шамъ Русскіе врачи называются невѣждами? Напротивъ Павловъ многихъ Рускихъ врачей называетъ просвѣщеннѣйшими врагами (с. 28).

Далѣе въ письмѣ В. У. слѣдуетъ и безопытная брань и вмѣстѣ ложь. „Согинитель Философическаго взгляда, пишешь В. У., доказаль, что холера есть не иное что какъ органическая зима, для прекращенія коей надобно сдѣлать органическую весну. Намъ все это кажется довольно похожимъ на гиль.“ Какъ учтиво и остроумно! Но Павловъ не пишеть, что холера есть не что иное, какъ органическая зима; онъ говоритъ, что холеру можно назвать органическою зимою; а что будто для прекращенія холеры надобно сдѣлать органическую весну, это придумалъ уже самъ В. У. И если объ этомъ - то послѣднемъ выраженіи говоритъ онъ, что ему оно кажется довольно похожимъ на гиль, то мы съ нимъ не поспоримъ: собственное признаніе лучше всего. Если бы онъ даже о всемъ письмѣ своемъ сказалъ поже, я думаю ни кто бы не спалъ ему возвращая и не почель бы этой откровенности

скромностью. Я виноватъ, что неполно выписалъ эту бранную фразу сочинителя письма; вполнѣ она спойтъ такъ: „намъ, людямъ темнымъ, все это кажется довольно похожимъ на гиль.“ Это прибавленіе: *людямъ темнымъ*, довольно извиняетъ грубость сочинителя; съ такимъ сознаниемъ собственной *темноты* безъ сомнѣнія всякой въ правѣ бранишь, сколько душа пожелаетъ, все, что ему угодно. Слепой въ самый ясный весенній день имѣетъ право сказать, что природа безобразна своею вѣчною темнотою и что онъ не замѣчаетъ въ ней ни какихъ особенныхъ предестей. Можешь быть кто вздумаешь и дозрѣвать сочинителя письма, ужъ не съ хитроси ли онъ вписалъ себя въ люди *темные*, чтобы другіе подумали, будто онъ въ шушку даетъ себѣ такое названіе, а въ самомъ-то дѣлѣ, оцъ, де, человекъ не темный. Нѣтъ! все письмо вопіетъ противъ несправедливости такого подозрѣнія; на каждой строкѣ самъ онъ не опровергаемо доказываетъ, что сочиненіе Павлова — темная вода для глазъ его. Ни гдѣ не входитъ онъ въ сущность того предмета, на который брошенъ *Философическій Взглядъ*; а только цѣпляется за выраженіе, которое какъ-то непривычнымъ звукомъ опоздалось его слуху. Выпишемъ вполнѣ это мѣсто, на которое В. У. выдиль полную чашу своего остроумія, называя его похожимъ на гиль. „*Холера, поражая растительную систему въ тѣлѣ животномъ, снагала ослабляетъ, — подь конецъ со всѣмъ унижожаетъ растительный процессъ слу-*

жащій основою животной жизни. Она въ тѣлѣ животномъ тоже производитъ, что зима въ растѣніи. Посему холеру можно назвать органическою зимою. Выраженіе странное, но справедливое. Вникнемъ!“ Весьма вѣроятно, что сочинитель письма потому и поднялъ такую брань прошиву этаго выраженія, что самъ Павловъ называетъ его *страннымъ*; а иначе какъ бы узнать ему, странное ли оно, или нѣтъ? Но всякому здравомыслящему выраженіе сіе одну не покажется страннымъ; это выраженіе, поэтическое, или, лучше сказать, параллельное. Павловъ прекрасно доказалъ, что холера въ тѣлѣ животномъ производитъ тоже, что зима въ растѣніи; и въ слѣдствіе того, далѣе дѣлаетъ болѣе точное, или болѣе матеріальное опредѣленіе холеры, копорымъ прежнее совершенно поясняетъ. „Холера есть быстрое разстройство растительнаго процесса въ тѣлѣ животномъ, состоящее въ разрушеніи всей системы питанія, а именно: дыханія, кровотоженія и пищеваренія.“ По мнѣнію самаго В. У. (неизвѣстно впрочемъ, какъ онъ попалъ на это мнѣніе), Павловъ доказалъ, что холеру можно назвать органическою зимою. Еслижъ это выраженіе доказано, то съ чего онъ взялъ называть его похожимъ на гиль? Мысль ясно и прекрасно доказанная ему кажется довольно похожею на гиль. Не Азіяшскій ли образъ сужденія?

Далѣе сочинитель письма еще болѣе обнаруживаетъ совершенное невѣжество въ дѣлѣ, копорое взялся обсуживать.;; Въ темъ же, пишешь онъ, состоятъ новыя Философическія средства? Увы!

на этотъ разъ философія стала въ тупикъ и предписываетъ бани, ванны, растиранья и всѣ другія простыя средства, коими наши враги спасали жизнь тысячамъ страдающихъ.“ Вотъ еще важное обвиненіе прѣотивъ философіи, что она предписываетъ такія средства, коими спасали жизнь тысячамъ страдающихъ! Впрочемъ главная сила обвиненія состоить, кажется, въ томъ, что Павловъ не придумалъ ни какихъ новыхъ средствъ для лѣченія болѣзни; и отсюда заключаются, что все сочиненіе его не можетъ принести ни какой пользы. Г. В. У. безъ сомнѣнія не написалъ бы этого обвиненія, если бы онъ понялъ хотя первую страницу *Философическаго Взгляда на Холеру*. Тамъ сказано: „*чтобы опредѣлить способъ лѣченія и назначить мѣры къ прекращенію холеры, необходимо опредѣлить ея натуру. Въ противномъ случаѣ какъ лѣченіе, такъ и мѣры предосторожности будутъ эмпирическія, при гемъ успѣхъ и неудача равно останутся безъ удовлетворительнаго объясненія, слѣдовательно безъ пользы для науки и безъ надежды дѣйствовать когда либо противъ сего зла основательно по плану.*“ Если сочинитель письма, какъ видно изъ всего, не понялъ этихъ и послѣдующихъ строкъ; то мы постараемся пояснить ему оныя по возможности. Холеру лѣчили различными средствами, перепробовали всѣ лѣкарства сколько нибудь относящіяся къ этой болѣзни; можно сказать, что каждый медикъ слѣдовалъ своему особенному способу и одни были счастливые, другіе менѣе успѣшны; случалось, что однѣ и тѣже средства

въ одномъ больномъ были удачны, въ другомъ нѣтъ. Теперь припадки болѣзни извѣстны всѣмъ; всѣмъ медикамъ извѣстно по нѣскольку средствъ, какъ лѣчить каждый припадокъ, какъ напр. остановить поносъ, рвоту, унять судороги: на все это есть много самыхъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ. Но отъ чегожъ не всѣ медики лѣчатъ съ одинаковымъ успѣхомъ? Отъ чего одинъ и тотъ же медикъ не во всѣхъ, по видимому, одинаковыхъ случаяхъ, бываешь одинаково счастливъ или неуспѣшенъ? Отъ того, что еще не согласились въ свойства болѣзни, гдѣ главное гнѣздо ея, и какъ она опшуда дѣйствуетъ на весь организмъ челоѣка: словомъ, нѣтъ еще полного систематическаго понятія о холерѣ. Фактовъ собрано множество; но они лежали какъ груда камней, изъ копорыхъ каждый можетъ прожектировать строеніе, болѣе или менѣе подходящее къ идеѣ совершенства. Припадки холеры всѣ извѣстны; лѣкарствъ для каждаго припадка множество; надобно только то и другое привести въ систематическій порядокъ. Главное пораженіе, или, какъ говорятъ медики, ближайшая причина болѣзни должна служить основою всего ученія такъ, чтобы изъ понятія о сей причинѣ можно было объяснить послѣдовательность всѣхъ припадковъ и въ соотвѣтственность этому составить такоеже систематическое ученіе о постепенности лѣкарствъ.

Не смѣю произнести рѣшительнаго сужденія въ столь важномъ дѣлѣ; но по моему мнѣнію *Павловъ* совершилъ великое дѣло: огромной массѣ собранныхъ матеріаловъ онъ далъ уче-

ную, систематическую форму. Опышныя и ученые врачи могутъ совершенно рѣшить, почнолиша ближайшая причина холеры, какую полагаешъ *Павловъ*; но и для всякаго, сколько нибудь знакомаго съ естественными науками, ученіе нашего мыслишеля представляешся такимъ гармоническимъ цѣлымъ, въ кошоромъ всѣ часпи совершенно соопвѣтствуютъ положенному началу и между собою взаимно не допускаютъ ни малѣйшаго прошиворѣчія; всѣ припадки удовлетворительно, безъ всякаго принужденія, объясняются изъ понятія о главномъ пораженіи; соопвѣтственно этому ученію, каждый медикъ безъ всякаго затрудненія можетъ при постелѣ больнаго назначить послѣдовательность лѣчебныхъ средствъ. Но для *В. У.* это непосшижимо. Ему, видно, хотѣлось, чтобы философія выдумала какой нибудь чудесный элексирь, чтобы одною каплею можно было влишь жизнь въ умирающее тѣло. Видно онъ думаетъ, что великіе люди, кошорыхъ можно назвашъ Колумбами медицинскихъ открышій, находили зелья и коренья, и тѣмъ заслужили безсмертную славу. Вообще люди неграмотные или, какъ они часпо называютъ самихъ себя, люди *темные* всегда почти пребуютъ опъ ученыхъ какихъ-то чудесъ свержъ-естественныхъ, между тѣмъ, какъ самое высшее познаніе природы въ помъ именно полагаетъ цѣль свою, чтобы всѣ явленія ея возводить къ простѣйшимъ понятіямъ.

„Забавнѣ всего, продолжаетъ *В. У.*, *это ученый согништель взгляда одержимыхъ холерою называетъ холериками.*“ Спрашно! пусть бы *В.*

У. не понималъ философическихъ идей и взглядовъ; это ему простиительно: но удивительно, что онъ не можетъ опличить забавнаго — ось простаго, обыкновеннаго выраженія. Нѣтъ! если онъ въ самомъ дѣлѣ не читывалъ ни чего забавнаго; по я укажу ему такія сшашьи, кошорыя можно счестъ пес plus ultra забавности. Пусть прочитаешь онъ сколько нибудь NN *Московскаго Телеграфа* за прошлые годы: тамъ есть сшашьи о театрѣ, длинныя предлинныя, писанныя также какимъ-то В. У. (не родней ли его, можетъ быть?). Любопышно наблюдашь тактику автора эшихъ сшашей: рѣшившись на пр. пустишься въ невѣдомый лабиринтъ изслѣдованій эстетическихъ, онъ не знаетъ, кажется, съ чего начашъ, долго спомъ въ недоумѣннй почти на одномъ мѣстѣ, сдѣлаешь шагъ впередъ, потомъ опять назадъ, потомъ начинаешь ходишь кругомъ своего предмета въ разныхъ направленіяхъ:

Туда идешь, онъ пѣснь заводишь,

Отшуда — скавку говоришь:

хочешь подойди къ своей цѣли по съ шой, по съ другой стороны; наконецъ собравшись съ оспальными силами, всѣмъ сущесшвомъ своимъ бросаешь впередъ, но какая-шо невидимая сила ошбрасываетъ его назадъ; упомившись, ослабѣвъ, онъ останавливается, обращается къ публикѣ, расскажешъ какой нибудь старинный анекдотъ, сдѣлаешь на право кругомъ, и маршь маршь — назадъ. Въ эшомъ случаѣ геній автора похожъ на упорнаго, крушоголоваго коня, кошорый пропивишься иди къ какой нибудь неприяшной для

него цѣли: напрасно всадникъ вонзаетъ въ его ребра острья шпоры, бьетъ его полсною плешью; онъ дѣлаетъ только прыжки, курбеты и лансады; наконецъ вдругъ поворотивъ крупо, во весь галопъ, пускается назадъ. Вотъ въ эпихъ стапяхъ есть чѣмъ позабавиться: совѣшаемъ В. У. полюбопытствовашь, прочиташь ихъ. Особенно забавнѣе всего шамъ опредѣленіе изящнаго — такое; кажется — не помню слово въ слово: „*изящное есть то, что вѣчно не измѣняется, вѣчно прекрасно, какъ солнечный свѣтъ !!!*“

Въ заключеніе, долгомъ считаю просить снисходительнаго извиненія, въ томъ, что я говорилъ, и долго, очень долго, о В. У. Можетъ быть всякой обвинитъ меня, и скажетъ: „стоило ли труда такъ долго толковать о письмѣ В. У. въ которомъ нѣтъ ни одного сколько нибудь дѣльнаго сужденія о *Философическомъ Взглядѣ*, — одна безсвязная брань и грубости.“ Все это совершенная правда; но признаюсь, письмо В. У. чрезвычайно меня удивило; а удивленіе и въ разговорѣ выражается очень длинно, въ произношеніи же даже на распѣвъ. Не умѣю піолько рѣшить, чему болѣе дивлюсь я: невѣжественной ли дерзости В. У. или непонятному ожесточенію *Сѣверной Пгелы*, которая не стыдится всенародно обнаруживашь своей — можетъ быть естественной, но тѣмъ не менѣе неприличной — неприязни къ учености, составляющей краеугольный камень просвѣщенія.

(с о о б щ е н о).

XII.

ВАЖНАЯ ОПЕЧАТКА.

Въ разборъ альманаха: *Утренняя Звезда*, помещенный въ N 15 *Телескопа*, вкралась неумышленно слѣдующая опечатка:

НА ПЕЧАТАНО:

Одному авпорешешу
Вадумалось удивить пла-
нешу.
И чтожъ, онъ сдѣлался
писателемъ,
Или попрошу бумагома-
рашелемъ.

Этого, кажешся, доволь-
но! Желательнѣе только
знать, на какой ав-
торитетъ мѣшать за-
шѣйливая остроша Г.
Сиева?

ЧИТАЙ:

Аполлонъ, счастливецъ
музы,
Когда-то сыграшь онъ вду-
малъ на Парнасъ шутку,
Для этого вошедь онъ въ
шѣсны узы:
Съ Юпитеромъ, Венерою и
наконецъ уже насронлъ
свою дудку (с. 101).

Этого, кажешся, довольно!
Желательно только знать,
не подъ эту ли дудку вы-
лилась зашѣйливая остро-
ша Г. *Сиева*?

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
Москва. Сеншября 29-го дня 1831 года.

Ценсоръ Сергей Аксаковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТОЙ ЧАСТИ.

МЗЯЩАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

	<i>Стран.</i>
Опрывокъ изъ Гернани, трагедіи (<i>В. Гуго</i>)	19
Жалобы Сальватора Розы. (<i>С. Е. Ранга</i>)	51
Надежда. (<i>И. Петрова</i>)	76
Сцена изъ трагедіи Шиллера: <i>Марія Стюартъ</i> . (<i>Пер. А. Шишкова 2-го</i>)	171
Очи. (<i>С. Шевырева</i>)	191
Разлука. (. . . й . . . нь)	215
На взятіе Варшавы. Чувствованія Русскаго при громѣ Кремлевскихъ пушекъ. (<i>А Шишкова 2го</i>)	419
Римъ. (<i>Трилуннаго</i>)	444
Левъ и Тигръ (<i>Якубовица</i>)	491

ПРОЗА

Десять дней безъ мужа, или родно, концершъ и увертюра. Повѣсть	28
Опрывокъ изъ новаго романа: <i>Гаральдъ и Елисавета</i> . (<i>В. А. Эртеля</i>)	180
Три Елены. Повѣсть (<i>Цшокке</i>)	290 и 448

НАУКИ

Христіанское Краснорѣчіе въ IV вѣкѣ. (<i>изъ Вильмена</i>) :	3
Замѣчанія о Дендерскомъ Зодіакѣ. (<i>И. А. Гульянова</i>)	145
Классификація живошнаго и растительнаго царства (<i>М. Максимовица</i>)	257

Стран.

Сравнительное представленіе всеобщей пирамиды языковъ (<i>Ф. Шлегеля</i>)	281
Женщины XIV вѣка	337
Нѣмецкая Историческая Школа Юри-спруденціи. (<i>Е. Лерминье</i>)	421

КРИТИКА

Рославлевъ, или Русскіе въ 1812 году. (<i>М. Н. Загоскина</i>)	77 и 216
Исторія Русскаго народа. Томъ третій	361

Библиографія

Русскія книги :

Указатель произведеній Опечесивенной Промышленности, находящихся на первой Московской Выставкѣ, 1831 года, и Дополненіе къ Указателю	93
Одесскій Альманахъ, на 1831 годъ изданный <i>П. Морозовымъ</i> и <i>М. Розбергомъ</i>	96
Мертвый Осель и Обезглавленная Женщина, перев. съ Французскаго	101
Крестная Маменька, ком. вод. въ 1 дѣйствіи, перев. <i>Д. Ленскаго</i>	104
Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета, Юля 3 дня 1831 года, съ приложеніемъ краткой годовой исторіи онаго	236
Избранный Нѣмецкій Театръ, часть I. перев. <i>Александра Шишкова</i> 2го	239
Повѣсти <i>Генриха Цшокке</i> , перев. съ Нѣмецкаго	245
Братья и Сестра, или любовь всему научись. Ком. вод. въ 1 дѣйствіи, соз. <i>П. Григорьева</i>	246

Братъ за брата, или нѣтъ правила безъ исключенія. Ком. вод. въ 1 дѣйстви, <i>соч. П. Грингорьева</i>	247
Пособія и Правила изученія Россійскихъ законовъ, или Маперіалы къ Энциклопедіи, Методологіи и Исторіи литературы Россійскаго права, <i>соч. П. Дегая</i>	380
Котъ Бурмосѣко, любимецъ Халифа Ал-Мамуна Военочная повѣсть, <i>изд. В. Ушаковымъ</i>	387
Утренняя Звѣзда, литературный альманахъ, составленный изъ сочиненій <i>Д. Сигова</i>	388
Направленіе ума и сердца къ истинѣ и добродѣтели, Ч. III	390
На взятіе Варшавы, при стихотворенія <i>В. Жуковскаго</i> и <i>А. Пушкина</i>	507
Послѣдній Новикъ, или завоеваніе Лифляндіи въ царствованіе Петра Великаго. Истор. Ром. <i>И. Лажеѣнникова</i>	509
Новый Выжигинъ на Макарьевской ярманкѣ, или не любо не слушай, другимъ не мѣшай, Нравоопис. Ром. <i>Ив. Гурьянова</i>	514
Исторія Шотландіи, <i>соч. Сиръ-Вальтера Скотта</i> , пер. съ Англійскаго	516
Иностранныя книги :	
<i>Schillers Leben, verfasst aus Erinnerungen der Familie, seinen eignen Briefen und den Nachrichten seines Freundes Körner. Erster Theil.</i>	105
<i>Antiquities of Mexico, by Augustine Aglio</i>	247
<i>Histoire de l'université de Paris, depuis son origine jusque à nos jours, par Eugene Dubarte.</i>	390

Стран.

Napoleon oder die Hundert Tage. Ein Drama in fünf Aufzügen, von Grabbe. . . 517

СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ

Польскіе Жидаы. 54
 Проектъ изданія купеческаго Адресс-Календаря. (М). 133
 Джемсъ Фениморъ Куперъ. 192
 Поэшичскій характеръ Клингера. . . . 394
 Воспоминанія о Южной Африкѣ. (Купера Роза). 492

Современная Хроника:

Гоненіе на Масоновъ въ Соединенныхъ Штатахъ. 400
 Общество Мира въ Женевѣ. 404
 Общество Трезвости въ Англіи. . . . 538
 Разгаръ полемики во Франціи. . . . 540

НОВОСТИ НАУКЪ И ИСКУССТВЪ

Понятія Китайцевъ о Холерѣ 122
 Успѣхи просвѣщенія въ Сѣверной Африкѣ 123
 Выставка изящныхъ художествъ въ Римѣ 125
 Сравнительная таблица доходовъ Духовенства во всѣхъ странахъ Христіанскихъ 128
 Людоюды острова Суматры 263
 Судьба новаго Лондонскаго Университета 266
 Парижская Выставка изящныхъ художествъ 269
 Открытіе печенія и устья рѣки Нигера 406
 Надгробные памятники Павлу и Виргиніи на островѣ Иль-де-Франсъ 407
 Явленіе льдинъ на Южномъ Океанѣ . . 548
 Новая Трагедія Раупаха 554

ПРАВЫ

Кто вы? Что вы? 109

СМѢСЬ.

Торжештво дружбы, или оправданный Александръ Анфимовичъ Орловъ . . .	136
Ошповѣдь одному Журналисту . . .	271
Ошъ Издаателя Сшашисдики времянь Пеш- ра Великаго	409
Нѣсколькo словъ о мизинцѣ Г. Булгари- на, и о прочемъ	412
Замѣчанія на выходки Сѣверной Пчелы противъ Философическаго Взгляда на холеру	558
Важная опечатка	569

Къ четвертой части приложены изображенія
Египетскихъ Героглифовъ.

